

УКРАИНА и УКРАИНЦЫ:

ОБРАЗЫ,

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ,

СТЕРЕОТИПЫ

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Украина и украинцы:
образы, представления,
стереотипы
Русские и украинцы
во взаимном общении
и восприятии

Москва
2008

Редакционная коллегия:

ответственный редактор
кандидат исторических наук *Е. Ю. Борисенок*,
технический редактор
кандидат исторических наук *С. С. Лукашова*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *М. А. Крисань*,
кандидат исторических наук *Ю. А. Борисенок*

Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. Сборник статей. — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 400 с.

Сборник посвящен ретроспективному анализу взаимного восприятия русских и украинцев, формирования и функционирования стереотипов и имиджей, пропагандистских клише и мифов в русско-украинских отношениях с включением как собственно исторической, так и историко-культурной, лингвистической, литературоведческой проблематики. В основу положены материалы российско-украинской научной конференции «Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV—XXI вв.» (21—22 марта 2007 г., Москва) и «круглого стола» «Украина и Россия: общность и особенности цивилизационных процессов в исторической перспективе» (7 ноября 2006 г., Москва), проведенного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 05-01-91103а/Ук).

От редактора

За годы после распада СССР в России и Украине появилось много концепций, интерпретирующих историю и современное состояние российско-украинских отношений. Довольно часто они диаметрально противоположны, что затрудняет адекватное научное объяснение и политическое толкование многих проблем. В связи с этим возникла острая необходимость в системном беспристрастном анализе того, как в исторической ретроспективе и на современном этапе строились и развивались эти отношения.

Настоящий сборник представляет собой первый этап в осуществлении программы по изучению образа России и русских в украинской культуре и образа украинцев и Украины в русской культуре, проводимой в рамках совместного проекта Института славяноведения РАН и Института этнонациональных и политических исследований им. И. Ф. Кураса НАНУ. В основе статей сборника лежат выступления российских и украинских участников конференции «Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV—XXI вв.» (21–22 марта 2007 г., Москва) и «круглого стола» «Украина и Россия: общность и особенности цивилизационных процессов в исторической перспективе» (7 ноября 2006 г., Москва).

Российско-украинский исследовательский проект имеет имагологическую направленность: в центре внимания его участников — формирование, развитие и функционирование стереотипных представлений о русских и украинцах в общественном сознании. Проблема рассматривается как в историческом, так и лингвистическом, культурологическом и литературоведческом аспектах, что помогает найти более точные оценки взаимного восприятия и взаимодействия русской и украинской культурных систем.

Статьи сборника охватывают большой временной отрезок — IX в. до начала XXI в. Основное внимание уделено реконструированию процесса формирования и развития различных систем идентичностей (славян-

ской, общерусской, национальной, региональной) и национальных проектов в рамках единого государственного пространства, выявлению характера влияния политики властей в области «украинского вопроса» на взаимное этнокультурное восприятие. Динамика осознания своей принадлежности к этносу, конфессии, государству рассматривается на фоне сложных политических, социальных, экономических процессов, проходивших на территории украинских земель.

Обращение к существовавшим в русской и украинской среде историко-философским концепциям, религиозной мысли, общественно-историческим мифам помогает лучше понять схемы взаимного восприятия и роль этнокультурных образов в отношениях между двумя народами. Материалы сборника демонстрируют различные точки зрения на поставленные вопросы, многие из них носят дискуссионный характер. Тем не менее, они свидетельствуют о необходимости всестороннего тщательного анализа избранной проблемы, выработки новых подходов для формирования и закрепления тенденции к взаимному объективному познанию и восприятию.

**Формирование этнических
и национальных представлений
и этнонациональной идентичности
в русских и украинских землях
в IX—XVIII вв.**

Н. И. Михальченко

Киевская Русь и посткиевские славянские государства: былое и настоящее

Киевская Русь как государство имеет свою историю. Оно (государство) возникло, достигло своего расцвета и распалось. Это государство имело свои этнические, политические, экономические и культурно-цивилизационные характеристики, которые мало в чем сохранились в посткиевских славянских государствах уже через две тысячи лет после распада Киевской Руси.

Сегодня мы все с трудом избавляемся от мифов о становлении и гибели Киевской Руси, необоснованно многие претендуют на наследство от такого государства, когда наследства давно уже нет. Даже этнические посткиевские государства очень далеки от этносов Киевской Руси. Что же говорить о политическом, экономическом и культурно-цивилизационном наследии? Но об этом ниже.

Сначала о становлении Киевской Руси. В этом вопросе много фальсификаций, иногда сделанных профессионально историками, иногда кустарно, непрофессионально. Распространенная в XVIII—XIX вв. трактовка варяжского призыва как момента образования государства Киевская Русь («норманская теория»), раскритикованная в свое время М. В. Ломоносовым, сегодня не рассматривается наукой как достоверная. Варяги во главе с Рюриком были приглашены Новгородом как военная дружины для ведения военных действий. Совершив военный переворот в Новгороде и захватив власть, они затем двинулись на Киев и заняли его, уничтожив киевских правителей Аскольда и Дира. Позднее они растворились в славянском этносе, хотя новые варяжские дружины и позднее занимались славянскими правителями.

Мы повторим общеизвестные факты, чтобы показать, что на момент прихода варягов и Новгород, и Киев были сформировавшимися государствами со своими политическими системами и формами правления. Древнекиевские и другие славянские легенды со всей очевидностью свидетельствуют об ошибочности как широко известной фразы Нестора-летописца о том, что славяне пригласили «русь» (т. е. варягов) княжить и владеть ими¹, так и талантливо выписанного, но неверного тезиса о стремлении славян к монархии, который обосновывал Н. М. Карамзин

в «Истории Государства Российского» по заказу императорского двора. Отрывочные данные, но в сумме вполне достаточные, свидетельствуют об огромной роли веч (народных собраний или народных представительств), дум в руководстве делами Новгорода, Киева, Пскова, которые часто изгоняли князей одних и приглашали других. Роль народных представительств, а все больше данных есть о том, что вече — это не толпа, а представители от улиц, слобод, предместий, цехов и т. д., была довольно значительной даже в централизованной Киевской Руси. Даже в Московии до Петра I Дума играла очень важную роль, особенно в том, дать или не дать деньги на войну, на строительство и даже на содержание великого князя и царя.

Кто же посткисянские государства: братья? соседи? конкуренты? Всего понемногу, но ничего однозначно.

Во-первых, тезис о «братьских славянских пародах» абсолютно пустой в политическом смысле. Братья-князья, притом родные, с садистским удовольствием резали, травили, ослепляли друг друга и во времена Кисянской Руси, и особенно после ее распада, который, к сожалению, инициировал Ярослав Мудрый (значит, не совсем мудрым был), разделив государство на части между своими наследниками. После смерти его завещание о подчинении старшему князю киевскому было отброшено и началась всесобщая резня между наследниками, которую мы прячем за термином «междоусобица». В междоусобицу было втянуто все население.

Самого Ярослава Мудрого изгнал из Киева в 1017 г. Святополк Первый, и Ярослав вернулся и отвоевал Киев только в 1019 г. А после его смерти кто только из наследников не приходил в Киев как захватчик. Трижды захватывал и дважды изгонялся, а в третий раз в 1157 г. был просто отравлен киевлянами Юрий Долгорукий, не имевший прав на великое княжение. Андрей Суздальский (который в России почему-то зовется «Боголюбским») в 1169 г. сжег Киев, уничтожил большинство киевлян и ограбил не только город, но и храмы, вывез церковную утварь и иконы. И правильно поступили владимиро-суздальцы в 1174 г., прикончив богохульника и грабителя. Вот вам яркий пример взаимоотношений «братьев славян». Такую же «братьскую» политику мы видим и в Центральной, и в Западной Европе, и особенно у арабов, когда взошедший на трон уничтожал всех дядьев и братьев как потенциальных претендентов на власть.

Не были никогда «братьскими» отношения между Украиной и Москвой в политическом значении. Союзные отношения Украины времен Б. Хмельницкого с Москвией (именно как союз двух государств, где вассалитет вовсе не означал поглощение Украины), к сожалению, для Украины привел к гибели государственности и расколу нации. Сначала Москвией

были отброшены все статьи договора о союзе двух государств, что привело к войне между Украиной и Московским царством. Война шла с переменным успехом. И хотя современная российская историческая наука это замалчивает, существует факт Конотопской битвы, когда в 1659 г. огромная армия Московского царства под командованием Шереметева была полностью разгромлена украинскими войсками под командованием И. Выговского (даже сам Шереметев был пленен). В конце концов, разобщенность проукраинских сил и политика Московии «разделяй и властвуй» сыграли свою роль в утрате независимости Украины. А при заключении Андрушовского перемирия 1667 г. с Польшей Москва спокойно отдала Правобережную Украину Польше. То есть, ни о каком «братстве» речь не шла. Только политическая выгода. А уничтожение всех жителей Батурина войсками Петра I в 1709 г. даже не подпадает под оценки политической выгоды. Просто азиатская жестокость. Своих православных славян Петр I вырезает, а со шведскими протестантскими генералами-врагами пиরует в честь победы над Полтавой.

Вся последующая история взаимоотношений Украины и России была сложной и ни в одном аспекте не подпадает под миф «братьских теплых взаимоотношений». Однозначная политика в плане «империя-колония» проводится жестоко и целеустремленно. Выкачивание ресурсов, кадров, интеллекта — обычное проявление имперской политики. И тут русский народ не причем. Он от этой колониальной политики ничего не получал, его самого использовали как «пушечное мясо», жестоко эксплуатировали и держали в рабском состоянии. Даже бояре и дворяне в обращении к царю писали «я раб твой». Это абсолютно азиатский, неевропейский подход.

Выводы же однозначны: 1) на одной этической и религиозной почве могут возникнуть разные государства, о чем свидетельствует весь мировой опыт арабских, романо-германских и славянских народов; 2) история Киевской Руси — это история раннефеодального государства, которое распалось; 3) на историю Киевской Руси не имеют право претендовать ни Россия, ни Украина, ни Белоруссия. Каждое из этих государств имеет свою историю. Украина начинает свою историю с Переяславского и Галицко-Волынского княжеств, которые стали консолидирующимиproto-украинский этнос центрами после почти полного уничтожения Киева Андреем Суздальским («Боголюбским»). Россия (а сначала Владимира-Суздальское княжество или Новгород) может начать свою историю, скорее всего, с Владимира-Суздальского княжества. У Белоруссии дела сложнее, потому что во время Ливонских войн она переходила из рук в руки, а в Великое княжество Литовское входило в него наряду с Украиной.

Возникает также вопрос: насколько украинцы, россияне и белорусы являются «братьями» в этническом отношении? Здесь проблема тоже очень сложная. Методологическим инструментом оценки этнических процессов на постдревневосточнославянском пространстве может послужить теория о внешней и внутренней Киевской Руси. Действительно, Киевская Русь имела некий «центр» (большая часть современной Украины и Новгород, который то входил в Киевскую Русь, то становился суперенным). Это была внутренняя Киевская Русь. А была еще и «внешняя» Киевская Русь, т. е. княжества, которые были в вассальной (или полуколониальной) зависимости от Киева.

На территории преимущественно внутренней Киевской Руси складывался украинский этнос, который «втягивал» в себя не только славян, но и частично кочевников-половцев, черных клобуков, скифов, печенегов и т. д. Русский этнос формировался тоже на славянской почве, но «втягивал» в себя иные составляющие — угро-финны, пермя, мордва, булгары, татаро-монголы и т. д. Обратим внимание на «двор» Ивана Грозного. Хотя сам он рожден женщиной из киевского рода Глинских, в его крови уже есть примеси угро-финской и татарской крови. А среди приближенных очень много татар, особенно казанских. Белорусы тоже являются результатом смешивания славян, литовцев, поляков.

Таким образом, украинцы, россияне, белорусы — это специфические народы, которые сформировались на специфической этнической почве. До начала XVIII в., пока Петр I не назвал Московское царство Россией, понятие «Русь» относилась только к территориям внутренней Киевской Руси. Все летописи свидетельствуют, что пойти, поехать на Русь — это значит на «коронные» киевские земли, где княжит великий князь Киевский. В «Слове о полку Игореве» ни разу слово «Русь» не употреблено по отношению к северо-восточной окраине. Да и Ключевский писал, что суздальский князь Андрей Боголюбский являлся, собственно, первым российским князем.

Почему «российским», а не русским. Потому что правильно называть граждан России — россиянами, недаром у вас в песнях поется: «россияне, россияне....».

У нас в Украине есть украинцы как этнос и украинцы как нация. Каждый, кто имеет гражданство Украины — это политический украинец. Так во всем мире — получил паспорт Франции, ты француз украинского или другого происхождения. У нас русский — это этническая характеристика, а россиянин — политическая, будь он русским, татафоном или евреем. То, что в Украине отсутствует национальность в паспорте, но есть

гражданство, это равенство всех этносов. Такова тенденция во всех цивилизованных странах.

Некорректен также лозунг о «дружбе народов». Это советский миф. Каждая страна имеет свои государственные и национальные интересы в политике, экономике, в духовной сфере. И жестко их отстаивает. Это мы видим в России. Это право Украины и Белоруссии. И дружба здесь не причем. Дружат личности, реже семьи. Не в каждой семье дружат члены семьи. Что уж говорить о народах? К 1991 г. «одружились» в СССР и социалистическом лагере до войн, погромов, резни, массовых депортаций и бегств. Мир суров и идеологические штампы не принимает, если они не соответствуют реалиям.

Так кто же мы сегодня, украинцы и россияне? Без сомнения — соседи. Никуда от этого не деться. Без сомнения — партнеры и конкуренты. Партнеры в экономике и политике. Конкуренты в экономике, потому что выпускаем много сходной продукции, а мировой рынок ограничен. Конкуренты в политике, потому что Россия хочет иметь Украину «ручной», «в кармане», а Украина — хочет быть нормальным, независимым государством. Поэтому, чем больше Россия говорит о дружбе и братстве, одновременно строя дамбу у косы Тузла и не желая разграничивать акваторию в Азовском море и Керченском проливе, тем больше Украина будет стремиться уйти под «зонтик» НАТО и ЕС. Еще одна «Тузла» — и Украина в НАТО. Только часть старшего поколения верит в мифы про славянскую дружбу и братство. Молодежь и в мыслях, и в поездках — в Европе. Поэтому необходимо строить равноправные, взаимовыгодные отношения в политике, экономике, науки, культуре.

Здесь есть и психологический момент. Украинскому народу — бизнесменам, интеллигенции, просто «среднему классу» — понравилось жить в независимой стране, да и в обычной семье выросли дети, хотят свой дом, свою семью. Это естественно. Если противится этому, ничего, кроме скандалов не будет.

В социологическом опросе, проведенном Всеукраинской социологической службой, в декабре 2006 года, четко отражены ориентации населения:

Украина — государство, которое рассчитывает только на собственные силы — 44,5%;

Объединилась с Россией и Беларусью — 24,3%;

Стала членом ЕС — 15,7%;

Создала с большинством бывших республик новый союз — 8,7%;

Затруднились с ответом — 6,8%.

Как видим, заявления российских политиков о том, что подавляющее большинство граждан Украины мечтают о союзе с Россией и Беларусью,

сплошной блеф. А сейчас, когда отношения России и Беларуси накалились, Украина еще больше качнется к ЕС и НАТО, это еще более очевидно. Хотя большинство граждан Украины (65,2%) выступает за улучшение равноправных отношений с Россией.

Об европейской ориентации населения свидетельствует следующая таблица, где представлены две ведущие этнические группы:

Как Вы относитесь к развитию европейского направления политики?

Национальность	Надо остановить европейскую интеграцию страны	Оставить так как есть	Необходимо ускорить европейскую интеграцию Украины	Затрудняется с ответом
украинец	15,9	30,4	32,8	19,8
русский	24,4	42,6	14,3	17,7
иная	17,4	17,4	56,5	8,7
Всего	17,8	32,6	29,2	19,3

Выборка — 2400 человек, по 8 показателям (пол, возраст, национальность, населенный пункт, образование, род занятий, вероисповедание, партийность).

Таким образом, можно сделать несколько общих выводов:

- История Киевской Руси и постдревневкиевского развития ничего не доказывает, кроме одного — славянский этнос ничем не отличается от других в политическом плане. На славянской почве сформировались разные государства со своими специфическими интересами.
- Украинцы, россияне, белорусы — специфические нации, которые не подпадают под идеологический штамп — братские.
- Украинцы и россияне — соседи, партнеры и конкуренты в отстаивании политических и экономических интересов. Укрепление же равноправных, взаимовыгодных отношений во всех сферах — стратегическая перспектива, если мы хотим остаться хорошими соседями и партнерами.
- Европейский, а не евразийский выбор Украины — свершившийся факт, который с каждым годом будет актуализироваться.

П р и м е ч а н и е

¹ Нигде в исторических источниках «варяги», «норманны», «шведы» не называются «русью». Наоборот, понятие «Русь» тесно связывается с народами, которые проживали в юго-западных районах по отношению даже к Киеву, по речке Рось и другим.

О. Б. Неменский

Восприятие Московского государства и его жителей на Западной Руси в конце XVI — первой половине XVII века (по материалам православно-униатской полемической литературы)

Настоящая статья посвящена вопросу о том, какое место Российское государство и его жители занимали в картине мира интеллектуальной элиты Западной Руси в первой половине XVII в. Элита эта после заключения в 1596 г. Брестской церковной унии была расколота на два лагеря — православных и униатов, между которыми шла активная борьба, выраженная, в том числе, и в полемической литературе богословского и исторического характера. Расцвет полемической деятельности ведущих интеллектуальных центров вызвал потребность всестороннего переосмыслиния и переоценки прошлого и настоящего Руси и всего христианского мира, равно как и места в нем народа «руси». Сразу должен оговориться, что Москва упоминается далеко не в каждом из полемических сочинений, да и в целом предметом дискуссий так и не стала. Однако то немногое, что мы можем найти о ней в полемической литературе тех лет, уже позволяет сделать определенные и довольно важные выводы. И в первую очередь — обозначить наметившиеся различия в отношении к Москве двух лагерей западнорусского общества.

В рамках небольшой статьи я остановлюсь лишь на некоторых авторах, в сочинениях которых можно найти очень важные моменты по этой теме.

Начну с православных. **Иоанн Вишенский**, известнейший православный полемист конца XVI — начала XVII вв., оставил целый ряд работ полемического свойства. Во всех его текстах подчеркивается двусоставность «России» — «России Великой» и «России Малой». Часто форма «Россия» заменяется формой «Русия». Вишенский, с одной стороны, подчеркивает эту двойственность России, с другой стороны, он нигде не употребляет слово «Россия» во множественном числе. Вишенскому свойственно то, что было уже крайне редким для полемистов более поздних — всегда указывать частичность «своей» России, частое наименование ее «Малой», что как бы отсылает каждый раз к существованию России Великой. Между тем, его идентичность очень четко отграничена Малой Русией. Имен-

но про нее он говорит «наша Россия», «наша Русь». Включает она всю русь «Лядской земли», «Лядской державы». Соответственно, в сочинениях, адресованных братчикам, он указывает: «Благочестивым и православным христианом Малое России, братству Львовскому и Виленскому». Он пишет именно о проблемах Малой России, ограничиваясь лишь упоминанием о Московской Руси. Тем не менее, имеющиеся упоминания носят весьма положительный характер, что естественно для православного полемиста именно раннего периода полемики. В первую очередь, Великая Россия представляется страной, народ которой соблюдает истинную веру православную, а потому может быть поучительным примером для неправославного оппонента. Вот, например, что он пишет в одном из текстов, обращенных к Петру Скарге, иезуиту и одному из основных идеологов унион: «Пойди, Скарго, в Великую Россию и прочитай историю житий оных святых мужей, чудотворцев великих... А навет, если не хочеш плодоносия спасительного языка словенского от Великой России доведоватися, доступи в Киеве в монастырь Печерский, а ту же у тебя дома, в державе короны Польской...»¹

Вишенскому свойственно употребление такого понятия как «языки». Привычное для нас по текстам древнерусской литературы, оно очень редко встречается в это время, поэтому употребление его Вишенским представляет определенный интерес. Тем более интересно то, что он дает в одном месте перечисление целого ряда христианских «языков», среди которых оказываются такие как «москва» и «наша русь». Перечень следующий: «...на полуночи каждый отменил своим голосом зовомый язык, а меновите греки, арапи, северани, серби, болгаре, словяне, арабанаши, мултяне, богданци, москва и наша русь»². Мы сталкиваемся с определению экзо-этническим восприятием жителей Московской Руси с употреблением для их этнонимного наименования «москва». Здесь, думаю, надо обратить внимание на это определение «и наша русь», которое оставляет возможность воспринимать «москву» как «их русь», другую русь. Такое предположение находит свое оправдание не только в многократном наименовании Московского государства «Русией», но и в ряде других утверждений автора. Например, Вишенскому свойственно рассуждать также о «роде», причем это слово употребляется весьма свободно и, возможно, является чем-то более общим, чем «язык». Например, он говорит о «латынском роде». Также мы можем встретить упоминания о «Русском роде, в Словенском роде, писме и языку живущему»³. Он пишет о принятии веры православной Русью, Россией, не разделяя ее на

две части. Вишенский говорит о «российском крае» без уточнения того, о какой именно его части идет речь.

Однако, несмотря на всю благосклонность автора к «Великой России» и стремлении подчеркнуть то, что «наша русь» — это только «Русия Малая», сочинения Вишенского вполне ясно показывают ранние формы экзо-этнического восприятия жителей Московской Руси.

Еще один православный полемист, о котором хотелось бы сказать в связи с нашей темой, это Захария Копыстенский. Архимандрит Киево-Печерской лавры, он оставил довольно мало авторских сочинений, однако его «Палинодия», написанная в конце 10-х — начале 20-х гг. XVII в., является одним из самых объемных полемических произведений той эпохи, как по собственно текстовому объему, так и по количеству тем и вопросов, которые в нем затронуты.

Наиболее привычным для него является полиглотоним «Россия»⁴ и соответствующий ему этноним «народ Российской», «род наш Российской»⁵. В этом народе Копыстенский выделяет две основные части: «Россов Великой России» и «другую часть Яфето-Росского поколенья, з Малой России выходящую»⁶. Необходимо отметить, что, несмотря на деление России на «Великую», или «Большую», и «Малую», обе эти части все же представляют для него целостность, что проявлено в употреблении слова «Россия» только в единственном числе (см., напр.: «наша Россия Великая и Малая»⁹). Относительно Великой России наравне с этим употребляется полиглотоним «Москва» как обозначение всего Великорусского государства¹⁰.

Однако помимо такого широкого употребления термина «Россия», Копыстенский использует его также и в более узком значении, подразумевая под «Россией» только русские земли, входящие в состав Речи Посполитой. В этом плане иногда встречается сознательный развод понятий «Россия» и «Москва». Например, патриарх Иеремия вернулся в Константинополь «з Москвы и из России»¹¹. Употребление полиглотонима «Москва» как отличных от России земель встречается также в других случаях, например: «в Москве и в России»¹². Во всех таких случаях термин «Россия» тождественен для Копыстенского термину «Малая Россия». Фактически, он обозначает Московское государство как «Великую/Большую Россию» только в случаях сопоставления ее с Россией «Малой». Например, Киевского митрополита Копыстенский называет митрополитом всей России¹³. Поездка апостола Андрея по русским землям представляется Копыстенскому «бытием его в России и в Новгороде»¹⁴. В соответствии с таким разделением он и народ Великой России иногда обозначает как «москва»¹⁵.

Здесь, очевидно, проявляется представление о русских землях Речи Посполитой как о «всей Руси», просматривающееся в западнорусских источниках уже со второй половины XV в.¹⁶

Однако частое игнорирование Копыстенским Московской Руси имеет серьезные основания во всей той исторической картине, которая представлена в его сочинении, и в приведенной Копыстенским системе обоснования прав русского народа.

Например, описывая деяния апостола Андрея, Копыстенский пишет, что «лосом (случайно. — О. И.) або разделом достались Андрееви части света по Иерусалиму переднейшии, то ест Греция и иныи той прилеглыи, где наймудрый люд находился»¹⁷. Очень важно подчеркнуть, что в числе этих «частей света по Иерусалиму переднейших» находится и Россия, тем более что Андрей является «апостолом Русским». Принадлежность России к епархии Константинопольского вселенского патриарха является для Копыстенского свидетельством особо высокого духовного уровня русского народа¹⁸ и высочайшего сакрального статуса русской земли. В связи с этим выглядит естественным игнорирование Копыстенским Московского патриархата (например, постоянные уточнения, что Киевскому митрополиту принадлежит «вся Россия»¹⁹). Слишком уж незаслуженно сильным понижением в статусе для русских считает он переход из Церкви — «головы и матки всех христиан» — в подчинение Москве, городу, где даже не ступала нога апостола и которого он не может упомянуть в списке мировых «столиц». К числу этих «столиц» (термин этот здесь носит, разумеется, не политический, а церковный смысл) он относит только Иерусалим, Антиохию, Александрию и Константинополь.

Одним из основных мотивов «Палинодии» является доказательство того, что Россия является законною территорией Константинопольской патриархии, на границы которой Рим не может посягать. Уния представляется нарушением канонических границ, определенных еще на вселенских соборах. В этом плане Копыстенский много внимания уделяет доказательству того, что «Россия не была и не ест епархию папежа и костела Римского але патриархи Константинопольского»²⁰. Он даже называет Россию патриаршим именем и отождествляет борьбу Рима с Константинополем за Западную Русь с дележом земли, указывая при этом на его неправомерность со стороны Рима. Тезис этой системы доказательств выглядит следующим образом: «Россия от Бога, от синоду вселенского, от царев, князей и кролей за властную дицезию и епархию ест подана Константинопольской столици и патриарсе вселенскому»²¹. «Бог, гды при-

шол час Россом креститися, оных Константинополской столици и патриарсе подал»²², «зачим юж тут первое право и Бозское, и апостолское, абы Россия подлегала церкви Константинополской и патриархом в ней будучим»²³. То, что Копытенский нигде не говорит при этом об ущемлении территории Константинопольской епархии со стороны Москвы (попросту игнорируя нового патриарха), само по себе весьма знаменательно. Московский патриарх не вписывается во всю эту систему доказательств принадлежности России Константинополю, но и выдвигать обвинения в адрес Москвы в выходе из-под его церковной власти он не хочет.

И все же упоминание о Московском патриархе есть. Оно содержится в главе «О патриархах», в которой каждому из четырех восточных патриархов посвящена отдельная подглавка, а в конце есть приписка: «Ест патриарх Великой России: «Филарет, милостию Божию святейший патриарх Великой и Малой России, и до последних Великого Окиану»²⁴. В связи с этим в историографии не раз высказывалась мысль о том, что Копытенский видит Московского патриарха заменой Римскому папе в системе пентархии и преемником Константинопольского патриарха в деле защиты русской веры²⁵, что вполне соответствовало московским настроениям того времени. У Копытенского действительно есть одно место, где об этом говорится напрямую: «А так же, паки в том своем отлученью отправовати чрез четырех патриархов, и досконале важный будет з влаща патого, иже патриарху на Великой России стало правоверного собе маочи, который на месце отпавшего староримского слушне и потребне есть приспособленный и вчиненый»²⁶. Однако, эта фраза входит в смысловое противоречие со всем содержанием «Палинодии», цель которой — обосновать принадлежность Русской церкви с ее территорией к Константинопольской патриархии. Думается, что появление в «Палинодии» приписки о Московском патриархе и приведенного выше отрывка является следствием поправок, внесенных в нее «ревизией», как ее называет Копытенский. Сам он в «Предмове» говорит, что его книга «през мудрых и в письме святом беглых, которым подавана была, читана, пробована и поправлена была»²⁷. Слишком уж не сочетается такая позиция со всем ходом мысли автора. Есть и места, по которым можно судить о реальном отношении Копытенского к поставлению в Москве нового патриарха: рассказывая о путешествии патриарха Иеремии по России Великой и Малой, он, в частности, замечает, что тот «в Москве час неякий замешкавши, патриарху им, перед тым небывалого, поднесши и посвятивши, прибыл до Вильни»²⁸. В этом отрывке вполне определенно можно усмот-

реть ту подозрительность и то непонимание, которое, очевидно, испытывал Копыстенский при известии об этом факте.

Интересно, что приписка о Московском патриархе в своей формулировке слово в слово соответствует той форме, в которой тогда еще перемышльский епископ Исаия Копинский в 1622 г. (то есть еще во время написания «Палинодии») обратился в послании к Московскому патриарху Филарету: «патриарх Великой и Малой России и до последних Великого океяну»²⁹. Можно предположить, что такое совпадение не случайно, и в «Палинодии» эта формула появилась именно с подачи И. Копинского: слишком уж не согласуется она со всей логикой рассуждений Копыстенского, а в композиционном построении главы является явно элементом чужеродным. Упоминание в титуле Московского патриарха Малой России просто абсурдно с точки зрения общей идейной направленности произведения — обоснование принадлежности Малой России к епархии другого — Константинопольского — патриарха.

Единственное, что не достает Восточной церкви, на взгляд Копыстенского, это православного царя: «Хто был в Константинополю и по иных местах в Греции на урочиты свята, обачил бы свободу и волность, и веселе, и строй, и беспеченство христиан таковое, же рекл бы кождый, иж тыи там христиане царствуют, и же в так великом их згромаженью, и в так светлой их оказалости tolко им цара не доставает»³⁰. Замечу, что опять мы сталкиваемся с игнорированием Копыстенским Великой России: о существовании в Москве православного царя (равно как и русского патриарха) он как будто бы не знает, или не хочет знать, так как это не укладывается в систему его взглядов о православном и — шире — христианском мире.

Для Копыстенского, впрочем, при всем его внимании к понятию «царства», свойственно явное невнимание к точности подобной терминологии. Объясняется это, возможно, тем, что он живет все же на исходе средневековой эпохи: понятия, имевшие сильную сакральную нагрузку ранее, становятся более профанными. Копыстенский почти не делает различий между терминами «царь» и «король», «царство» и «королевство». Это видно уже из его перечня когда-либо существовавших на Земле царств: «Еврейское в Иерусалиме, Израилское в Самарии, Ассирийское в Ниневии, Медское в Екватанах, Халдейское в Вавилоне, Перское в Сусис, Македонское или Греческое в Греции, а снат на всем свете, кгды Александр Македонский многии опановал был кролевства и панства, в Македонии и Греции своего панования фундамента мел и держал; Рим-

ское в Риме. Грецкое повторе или Греко-Римское христианское царство в Византии, то ест в Константинополю, на всходе и на заходе, преславное и премудрое, которое през лет 1150 и над то трвало. Великороссийское або Московское, Измаилское або Турецкое, и Татарское, Аламанское або Немецкое (которое он, впрочем, отождествляет с Римским³¹. — *O. H.*), Испанское, Французское, Ляцкое или Полское, Угорское, Ангелское, Ческое, Шведское, Дунское. Тыи, мовлю, были царства. Многии з ных и тепер еще суть³². Путаница в терминах просматривается и в обозначении св. Владимира то как «Росского царя»³³, то как «короля»³⁴. Венчание Ивана IV на царство для Копыстенского, посему, не является сколь-либо значительным и даже заметным эпизодом. Он еще Василия Дмитриевича называет «царем Московским»³⁵. Даже княгиня Ольга носит у него титул «царицы»³⁶. Вышеприведенный перечень царств во многом пересекается с перечнем королевств, отпавших от Рима в результате Реформации: «постали Гуссове, Лютерове, Звиглиевые, Калвинове и тым подобныи, которые оторвали от ней многии кролевства: Римское, то ест землю Немецкую з неличоными князствы, Угорское, Ческое, Наварское, Английское, Шкотское, Дунское, Нортвэзское, Шведское, и по многой части Полское и Французское, землю Швайцарскую и Нидерляндскую»³⁷.

Есть в Палинодии также место, в котором появляется такой народ как «москва». Копыстенский дает перечисление «спол-верных» народов, а это: греки, москва, волохи, болгары, сербы и македоняне³⁸. Таким образом, здесь жители Московской Руси снова оказываются как бы иным народом. Но опять же мы должны не забывать, что, во-первых, текст этого сочинения содержит много формулировок, согласно которым «москва» — это лишь часть Русского народа, и что даже определение «наша» Копыстенский применяет к России и Великой, и Малой. Русский народ делится на «Россов Великой России» и «другую часть Яфето-Росского поколеня, з Малой России выходящую»³⁹. Вот «москва» является таким обозначением одной из частей. Причем выделение этой части отсутствует в описаниях прошлого.

Помимо этого, он дает описание долгой истории «Россов», в том числе и до Крещения, в которой русский народ является цельным актором, без разделения на «Россов Великой и Малой России» и без упоминания народа «москва». Он говорит, что «мужным теж и валечным был той народ и славным рыцерскою делностию еще за часу войны Троянской»⁴⁰, что «Росский полки найпереднейшии были у Александра Великого», «валчили и з Митридатесом Евпатором, кролем оным валечным и мож-

ным Понтийским; валчили и з Римским цесарством, и Римлян побивали»⁴¹. Троекратное «уверение Россов» и последующее Владимиово «всей России соборное крещение» также дается как крещение одного народа. То, что во всех этих исторических описаниях отсутствует упоминание о «москве», тем более показательно, что, в принципе, древнее происхождение самого этого имени и рода московского было распространенной точкой зрения историографов того времени. Например, Копыстенский часто ссылается на Стрыйковского, который полагал родоначальником всего славянского рода Мосоха, или Москву, бывшего сыном Иафета. Однако, при всех словах о «Яфето-Росском поколении» о прародителе Москве и его колене Копыстенский не пишет ни разу.

Как одно из наиболее значимых событий русской истории после Крещения и до Брестской унии, он выделяет «разделене митрополии Руской на-двое» в XV в.⁴², происшедшее, как он считает, по инициативе князя Витовта и по причине того, что митрополит Московский «немалую сумму пенязей з Литвы до Москвы вывозил»⁴³. Касаясь этого события, Копыстенский подчеркивает, что, несмотря на разделение, «Москва з Росью нашею, на Москву приезжаючи, як и послове Московскии, в Литве и в Короне бываючи, сполечность церковную з собою мевали»⁴⁴. Здесь Копыстенский дает в целом не свойственное ему чисто профанное описание этого события — то есть сознательно не наделяет его каким-то сакральным смыслом и значением.

Это желание воспринимать «Россов» как единый народ проявляется и в описании Копыстенским будущего. Вначале — восстановление земного царства в Константинополе⁴⁵, а после второго пришествия апостол Андрей вместе «з Константином и з Володимером и зо всею Грецею и Россиею царство небесное приймет»⁴⁶.

Таким образом, Копыстенский, с одной стороны, часто подчеркивает наличие помимо «Малой России» еще и «Великой России». С другой стороны, он фактически пренебрегает ее ролью во многих принципиально значимых исторических событиях. Московскому царю он не придает сакрального значения царя православного царства, рассматривая его просто как одного из многих светских монархов. Фактически, он почти игнорирует существование Московского патриарха, что связано, очевидно, с тем, что, на взгляд Копыстенского, этот патриарх не имеет никаких прав на русские земли, принадлежащие Константинополю. Явно, что Копыстенскому непонятно и неприемлемо в контексте его картины мира многое из того, что происходило и происходит в Великой России, но он

предпочитает просто обходить эти вопросы молчанием, высказывая вместе с тем свое в целом положительное отношение к Московскому государству, его роли и его жителям.

Тем не менее, восприятие «москвы» как отдельного от руси народа довольно явственно проступает из некоторых других православных сочинений. Еще один крупный богослов и полемист того времени, Мелетий Смотрицкий, будучи еще на православной стороне, в своих сочинениях несколько раз упоминает народ «москву» наравне с «русскими». Например, в «*Obronie Verificaciey*» он перечисляет народы, которые, на его взгляд, подпадают под определение «Барбария», которая является землей Константинопольского патриархата по 28 канону IV Вселенского собора: «wszystkie barbarische narody, iako Bułgarskie, Sławackie, Serbskie, Rackie, Bośnienskie, Karwtskie, Dalmatskie, Illirickie, Mulianskie, Wołoskie, Węgierskie, Czeskie, Polskie, Ruskie, Moskiewskie, y insze tego barbariey nazwiska»⁴⁷. Я особенно подчеркну, что существование двух разделенных народов — русского и московского — признается уже для времени вселенских соборов, то есть задолго до их христианизации. Разделенность эту Смотрицкий сохраняет и при перечислении современных православных народов, послушных Константинополю: «Bułgarski, Serbski, Słowacki, Ruski, Moskiewski, y insze»⁴⁸ (хотя Москва в это время и имела уже своего патриарха). Кстати, в другом месте Смотрицкий говорит о том, что Константинопольский патриарх «им (то есть «москве». — O. H.) своего патриарха иметь позволил»⁴⁹. Но надо учесть, что главной задачей Смотрицкого являлось доказательство и обоснование легального статуса русского народа в Речи Посполитой, для чего он все время доказывает его лояльность королю. При таких обстоятельствах естественно вполне чураться тождества с враждебной Москвой.

А вот еще одно православное сочинение, только уже 30-х гг. XVII в., *«Supplementum Synopsys»*. В нем со ссылкой на Цезария Барония читателю указывается, что «Русь от патриарха Константинопольского Крещение приняла, и что Москва также, как и Русь всегда была под послушением патриарха Константинопольского, а теперь по сго согласию имеет свосго»⁵⁰.

Таким образом, по этим, а также ряду других сочинений того времени мы видим, как от преобладания в текстах конца XVI в. представлений о единстве русского народа в двух его частях православные авторы все более склонялись к тому, чтобы говорить о русском народе как целостности внутри Речи Посполитой, обозначая наравне с ним «Москву» как народ соседний.

Еще более определенную позицию в этом вопросе мы можем обнаружить в сочинениях униатских полемистов. **Лев Кревза**, на сочинение которого отвечал своей «Палинодией» Копыстенский, также причисляет себя к «руси»: «nasza Ruś»⁵¹, «Ruski narod»⁵², в единственном числе — «Rusin»⁵³, соответственно — «nasze kraie Ruskie»⁵⁴, «państwa Ruskie»⁵⁵, «cerkwi Ruskie»⁵⁶. Однажды встречается и такое обозначение своего народа: «starożytny Rosyiski narod»⁵⁷, то есть осознание своей страны как «России» Кревзе также свойственно. Но Кревза часто говорит о «wszystkie Rusi» относительно только Киевской митрополии⁵⁸. Хотя здесь может проявляться не столько осознание обособленности Западной Руси от Московской, сколько непризнание власти Московских митрополитов (и патриархов) легитимной на Руси: например, про Григория он говорит, что именно он является «prawdziwym metropolitą wszystkie Rusi», а не «tę, ktorego Moskwa sobie postanowiła, Iona»⁵⁹.

Однако, все же противопоставление по линии «Rusin» — «Moskwicin» у Кревзы уже очень значимо⁶⁰. В целом, его восприятие Москвы имеет одну очень характерную черту. Московское государство для него, и — что очень важно — сами «москвичины», предстают в образе «конченых» схизматиков, рассадников схизмы и ереси. Он много пишет о том, как в Москве хотели «спалить» митрополита Исидора, подпиавшего Флорентийскую унию. Митрополита Макария, правление которого Кревза датирует 1538—1556 гг., он описывает как убежденного схизматика, поясняя: «w schizmie trwający, bo snadź z Moskwy był rodem»⁶¹. Возобновление же схизмы в Киеве после того, как митрополит Григорий Цамблак вернулся Русь Риму, он объясняет только влиянием московского духовенства: «схизма наступать начала по приезду королевны Елены, москвеки, которая и духовных с собой из Москвы привезши, помогла им...»⁶²

К такой характеристике прибавляется еще и убежденность Кревзы в том, что схизма связана с «простотою», необразованностью. Подчинение большинства русских митрополитов патриарху-схематику объясняется у него их «простотой»: Николай «był w posłuszeństwie patriarchom» и «był prostaczek»⁶³; «Michał...był nabożny, ale nieuczony»⁶⁴; Петр «żył w prostości swoicy»⁶⁵; Фотий был «człowiek bardzo prosty i łakomy» (алчный)⁶⁶; Иона, «вернувший» Русь в схизму, — «człowiek nabożny, ale prosty»⁶⁷, «простым» был и его последователь Иосиф⁶⁸, а Сильвестр Белькевич («Wielkiewicz») «ledwo co czytać umiał»⁶⁹; и т. д. Простота как необразованность становится и характеристикой закоренелых в схизме «москвичинов».

Впрочем, стоит подчеркнуть еще один момент, в определенной степени мешающий восприятию «москвичинов» как представителей другого народа. Для Кревзы этническая принадлежность уже не имеет столь определенной привязки к церковно-конфессиональным организациям, как для Копыстенского. Он довольно четко формулирует свое представление о том, что схизматики — это тоже русские. Одну из главок он начинает с такого обращения к противникам-схизматикам: «К вам, милый брат мой, того же древнего российского народа, только мыслю со мною рожнявшимся, речь свою обращаю»⁷⁰. Таким образом, этничность у Кревзы лишена своего сакрально-духовного значения, представляется явлением иезерковного характера, а значит и состоит, очевидно, из светских характеристик. И осознание Москвы как части Руси у него все же проскальзывает. Вот он говорит про Григория, что именно он является «prawdziwym metropolitą wszytkiej Rusi», а не «tę, ktorego Moskwa sobie postanowiła, Iona»⁷¹. Стоит подчеркнуть, что при описании дел в Москве Кревза всегда пишет только о митрополите (не о патриархе), и о великом князе (не о царе). Московских царя и патриарха он, соответственно, таковыми не признает.

Разделение московского и русского не только в современности, но и в истории, ясно читается и у другого униатского деятеля, Анастасия Селявы, в сочинении «Sowita wina» («Двойная вина»). Кстати, там он особо обращает внимание читателя на появление на территории Константинопольской патриархии других патриархий: «Москва не подчиняется греческому патриарху, но своему, также у Сербов и Болгар есть свой, и греческого они не слушаются»⁷².

Есть у Селявы и одно утверждение, скорее оговорка, которую я бы счел возможным считать знаковой для всего хода униатской мысли относительно Московской Руси. Фраза звучит так: «Все это мы готовимся вам доказать не только русскими хрониками, но и московскими, откуда легко будет увидеть правду, что писатели двух наций, друг с другом не согласных и издавна в неприязни бывших, согласны друг с другом»⁷³. Таким образом, русские и москва оказываются уже не просто разными народами, но и издавна враждовавшими друг с другом.

Особенно интересно делит православные народы на три категории М. Смотрицкий в свой уже униатский период полемики⁷⁴. Православные народы делятся на три категории-станы: 1) несвободные, 2) свободные, но неученые (москва), 3) свободные и ученые (русь)⁷⁵. Следовательно, у Руси есть великое предназначение на уровне всего христианского мира: через унию воссоединить Восток с Западом, и сделать это может

только она. Здесь «москва» и «русь» разведены уже не только как разные народы, но и как народы, имеющие различное предназначение в священной истории.

А в одном униатском сочинении уже 1640-х гг. (*«Rozmowa albo rellatia rozmowy dwóch Rusinów, schysmatyka z unitem»*) появляется уже такое выражение, как «wiara moskiewska»⁷⁶. Если учесть традиционную для православной культуры этих земель тесную увязку вероисповедания и народности, это означает еще один шаг в разделении руси и москвы на два совершенно различных народа.

Подводя итог, хочу подчеркнуть, что для рассматриваемой эпохи трудно выявить какие-то общие структуры мысли относительно Москвы, так как мы имеем дело с эпохой кризиса идентичности, наступившей для православного и униатского населения Речи Посполитой после заключения Брестской унии. Изменения в отношениях к Москве были стороной общего процесса поиска новых форм и границ идентичности, по-разному выражаемого каждым из авторов-полемистов. Необходимо особо подчеркнуть, что вопрос восприятия Москвы был для западнорусской культурной элиты того времени не просто проблемой отношения к соседнему государству и его жителям, а проблемой выработки форм собственной идентичности. Восприятие Москвы формировало одну из границ этой идентичности, и потому было делом скорее самоосознания, чем осознания собственно Москвы и ее реалий.

П р и м е ч а н и я

¹ Вишенский И. Сочинения. М.-Л., 1955. С. 192.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 171.

⁴ Копытенский З. Палинодия, или книга обороны кафолической // Русская историческая библиотека. Т. IV. СПб., 1878. Ст. 913.

⁵ Там же. Ст. 848.

⁶ Там же. Ст. 1110.

⁷ Там же. С. 979.

⁸ Там же. Ст. 811, 883, 906 и др.

⁹ Там же. Ст. 847.

¹⁰ Там же. Ст. 979, 1032.

¹¹ Там же. Ст. 1046.

¹² Там же. Ст. 914, 1032.

¹³ Там же. Ст. 1038.

¹⁴ Там же. Ст. 1070.

¹⁵ Там же. Ст. 1142.

¹⁶ См.: Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 31.

¹⁷ Копыстенский З. Указ. соч. Ст. 958.

¹⁸ Этпоним «русский» в настоящей работе используется без ассоциаций с современным (пост)советским его употреблением.

¹⁹ Там же. Ст. 1036, 1038.

²⁰ Там же. Ст. 1084.

²¹ Там же. Ст. 1082.

²² Там же. Ст. 1074.

²³ Там же. Ст. 1071.

²⁴ Там же. Ст. 1158.

²⁵ См.: Флоренсов М. Учение о церкви в Палинодии Захария Копыстенского // Киевские епархиальные ведомости. 1874. № 11, 12. С. 300; Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 22.

²⁶ Копыстенский З. Указ. соч. Ст. 569—570.

²⁷ Там же. Ст. 322.

²⁸ Там же. Ст. 1058.

²⁹ См.: Воссоединение Украины с Россией. Т. 1. М., 1954. Док. № 15. С. 27—28.

³⁰ Копыстенский З. Указ. соч. Ст. 929.

³¹ Там же. Ст. 972.

³² Там же. Ст. 862—863.

³³ Там же. Ст. 883.

³⁴ Там же. Ст. 974, 981.

³⁵ Там же. Ст. 885.

³⁶ Там же. Ст. 972.

³⁷ Там же. Ст. 872.

³⁸ Там же. Ст. 1139.

³⁹ Там же. Ст. 1110.

⁴⁰ Там же. Ст. 1103.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Ст. 1032.

⁴³ Там же. Ст. 1033.

⁴⁴ Там же. Ст. 1032.

⁴⁵ Там же. Ст. 867–868.

⁴⁶ Там же. Ст. 969.

⁴⁷ Obrona Verificaciey // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Т. 7. Ч. 1. С. 411.

⁴⁸ Там же. С. 412.

⁴⁹ Там же. С. 441.

⁵⁰ Supplementum Synopsis // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Т. 7. Ч. 1. С. 638.

⁵¹ Kreuza L. Obrona iedności cerkiewney // Русская историческая библиотека. Спб., 1878. Т. IV. Ст. 217, 172, 225.

⁵² Там же. Ст. 219, 245.

⁵³ Там же. Ст. 230, 281.

⁵⁴ Там же. Ст. 241, 287.

⁵⁵ Там же. Ст. 246.

⁵⁶ Там же. Ст. 172.

⁵⁷ Там же. Ст. 289.

⁵⁸ Там же. Ст. 235.

⁵⁹ Там же. Ст. 270.

⁶⁰ Там же. Ст. 231.

⁶¹ Там же. Ст. 238.

⁶² В оригинале: «schizma nastepować poczęła za przyiachaniem krolowey Heleny, Moskiewki, ktora, duchownych z sobą z Moskwy przywiódzsy, pomogła im...» // Там же. С. 266.

⁶³ Там же. Ст. 228.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Ст. 230.

⁶⁶ Там же. Ст. 231.

⁶⁷ Там же. Ст. 237.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Ст. 238.

⁷⁰ В оригинале: «Iuż teraz do was, namlisz bracia moi, tegoż starożytnego Rosyjskiego narodu, ze mną chociaż umysłem rozróżnieni, rzecz swoię obracam» // Там же. Ст. 289.

⁷¹ Там же. Ст. 270.

⁷² Sielawa A. Sowita wina // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Т. 7. Ч. 1. С. 493.

⁷³ В оригинале: «Czego wszytkiego gotowismy dowiesc nie tylko kronikami Ruskiemi, ale i Moskiewskimi, zkad sie ukaze lacno prawda, ze pisaze dwoch nacyi, z so- ba wiec niezgodnych i zdawna w nieprzyiazni bedacych, zgadzaia sie na jedno». // Там же. С. 451.

⁷⁴ Smotrzyski M. Apologia peregrinathey do Kraiow Wschodnich. Dermań, 1628.

⁷⁵ «Widzi abowiem W.X.M. Religiey Graeckiey narody Boskimi niepojętymi sądami, na trzy stany bydż rozdzielone. Na niewolniczy; na stan wolny, a nieuki; na stan wolny y uc- zony... W ktorym Trzecim postanowieniu W.X.M. Narod nasz Ruski za łaską Bożą bydż sądzi» (s. 2 из посвящения Александру Заславскому).

⁷⁶ Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch Rusinow, schysmatyka z unitem // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 726.

В. В. Кривошея

Взгляды казацкой старшины на «московитов»: дифференциация, эволюция

В 1654 г., приехав в Переяслав, боярин Василий Васильевич Бутурлин посетил Соборную Успенскую церковь и, помолившись, после встречи с местным протопопом Григорием Бутовичем, естественно, сделал поминальную запись своего рода. В ней он поминал Матвея, Анастасию, Василия, Фирса, Федора, Василия, Анну, Елену, Тимофея, Романа, Федора, Григория, Марию, Елену, Петра, Ивана, Фотинию, Ивана, Петра, Никиту, Логвина, Александра, Фотинию, Ирину, Силу, Анну, Федора и Марию¹. Всего в субботник было записано 19 мужских имен. Это означало, что поминались где-то три — четыре поколения.

Уже это упоминание вызвало разнообразные оценки в среде местной казацкой старшины. Уровень представительства российского посла оценивался украинской казацкой старшиной в соответствии с их взглядами на родовитость и древность рода. Этот вопрос имел далеко не второстепенное значение: кто представлял Речь Посполитую, или, как в данном случае, Московское царство, на переговорах с руководством казаков.

Каждый из казацких старшин представлял соответствующий, в основном шляхетский род. Его древность, а так же историческую память о нем на момент русско-украинских переговоров можно проследить по синодикам монастырей Украины. Так, в поминании наказного полковника киевского Василия Дворецкого упоминались 26 мужских имен, в роде черниговского полковника Иоанкия Силыча — 25, старшинского рода из Канева Мелешек — 50², Леонтовичей — 51³, Мужиловских — 26. Если принять за временной промежуток активной деятельности одного поколения 30 лет и отнести к нему 6 мужских имен, то историческая память казацких старшин держалась на 4—8 поколениях. Скорее исключением, чем нормой можно назвать поминание рода Трипольских-Дедовичей, которое содержало 270 мужских имен⁴. Но и представителя с такой родословной видим в рядах Черкасского полка. Это бывший гетман Войска Запорожского Андрей Дедович⁵. Насколько типичными для казачества были такие родословные, свидетельствует следующая таблица о количестве и процентном отношении украинской православной шляхты в рядах казачества:

Полки	Численность казаков	Численность шляхты	Процент шляхты
Белоцерковский	2990	544	18,2
Брацлавский	2655	457	17,2
Кальницкий	2050	291	14,2
Каневский	3167	397	12,5
Киевский	2010	314	15,6
Корсунский	3472	501	14,4
Кропивненский	1992	228	11,4
Миргородский	2982	200	6,7
Полтавский	2970	139	4,7
Переяславский	2982	451	15,1
Прилуцкий	1996	199	10
Уманский	2976	445	15,0
Черкасский	2996	364	12,1
Черниговский	997	135	13,5
Чигиринский	3222	435	13,5
Всего:	40475	5100	12,6

Как видим, православная шляхта среди реестрового казачества составляла не менее 12,6%, в руководящем же звене она имела подавляющее большинство.

Не выдерживает никакой критики тезис о значительной прослойке в старшинской среде выходцев из «посполитых». Таких были единицы и влияние на старшинский корпус, благодаря, в первую очередь, своему кратковременному нахождению на старшинских должностях, не имели.

В мировоззрении же показанного шляхтича основными ценностными ориентирами были свобода и независимость, подкрепленные материальными условиями (созданными своими руками для показанных шляхтичей эпохи предреволюционных изменений и созданные трудом посполитых, но переданные в собственность старшины для показанных шляхтичей времен национально-освободительной войны). Поэтому показанный шляхтич в Полтавском полку и такой же в Киевском — это

представители разных мировоззрений, а соответственно, и различных групп старшины. В связи с этим, обратим внимание на различные политические группировки украинской казацкой старшины в 1654 году.

В Гетманщине четко прослеживается несколько региональных казацких групп, разница между которыми базируется на историко-культурной несовместимости экономических систем ведения хозяйствования и, как результат этого — разного социального состава, а, соответственно — и разного политического уровня развития регионов. Таких основных групп насчитывается четыре:

- коренные (базовые) казацкие полки, возникшие в 1625 г.,
- вновь созданные полки сечевой ориентации и влияния юго-восточной части Киевского воеводства,
- вновь созданные шляхетско-казацкие полки Брацлавского воеводства,
- вновь созданные казацко-шляхетские полки на территории Черниговского воеводства.

В основе формирования этих региональных групп лежали социально-экономические, политические, исторические и духовно-идеологические факторы. Отметим, что региональные отличия переплетались с социальными, и сложившиеся под влиянием этого старшинские группировки вели борьбу за влияние на гетмана, а после смерти последнего — и за гетманскую булаву.

Аристократическая сарматская теория представляла собой элитарную культуру как духовенства, так и старшины.

Гетманство, как институт, всегда стояло в центре политической борьбы и являлось ее главной целью. В Московском государстве видим совершенно другую картину: «самодержавие, т. е. формирование сильного центра, стоящего вне политической борьбы и считающегося неприкосновенным, является главной характерной особенностью политической культуры Московского государства, возникшего в конце средних веков»⁶.

«Синопсис» определял идеологию той группировки, которая вместе с духовенством дрейфовала в сторону Московского государства: «Откуду под тѣм сармацким именем всѣ прародителѣ наши славенороссійскіи — москва, россы, поляки, литва, поморяне, волынцы и прочіи заключаются, понеже и сарматов такожде, яко и россов, от мѣста на мѣсто преносящимися и роспрощенными и росс'янными гречестіи древній лѣтописцы с россійскими и съ прочіими согласно нарицают», «Москва-народ — от Могоха, праотца своего и всѣх славенороссов, сына Афетова, а царствующій град Москва — от рѣки Москвы, и прочая, сим подобная», «великій князь Владимир Свѧtoslavich... объемиши их княженія и всю Россію Полнощную, Восточную, Полуденнуу, Бѣлую и Чорную къ своей влас-

ти приведши, нача писатися царем и великим князем и самодержцем российским».

Идеологию шляхтичей, попавших в казацкую среду в ходе национально-освободительной войны, наилучшим образом демонстрирует Львовская летопись, автор которой, Михаил Гунашевский, вышел из среды показаных шляхтичей, близких к генеральному писарю, а затем гетману Ивану Выговскому. После работы в Генеральной войсковой канцелярии военным подписком он принял священнический сан и был протопопом в Киеве и Переяславле.

Юрий Немирич написал «Раздумия о войне с московитами», изданные на латинском языке (*De bello Moscovitico*) в Париже в 1634 г. В книге изложены основные положения, которые сформировались в шляхетской среде в украинских землях:

- рабский характер, жестокий и подлый («формований за умов рабства характер кожного стрічного мосха виявляє схильність до пишноти і тілесної розпусти, жорстокий і підступний»);
- считали московитов варварами («Будь-яка нерішучість у цих варварів розщинюється як вияв нищості, а нагальний успіх, досягнутий силою, вважається ознакою величі»);
- абсолютистская и деспотическая система управления Московии («Такого роду характер свідчить проти їхньої системи державного управління, подібної до турецької, абсолютистської і деспотичної, за якої навряд чи можлива загроза повстання»);
- Московское государство не управляет законами, а отсутствие свободы считают божественным законом («Некерованій законами священний характер цієї країни так зміцнює владу, що сповнені забобонної шаноби мешканці ні свободи не прагнуть, ні неволі (даної, на їхню думку, Богом і царем) не відчувають і не уникають»);
- молодежь не стремится к образованию, а только пресмыкается перед царем («Що стосується молоді, то вона не прагне до вільних студій, навчена одного лише славослів'я та плавування перед царями, протягом всього життя призвичається до рабства»);
- победа достигается не качеством, а количеством («Надзвичайна сила ворожих військ радше у людях, ніж у воїнах, ґрунтуеться вона більше на кількості, ніж на якості»);
- рабская душа («До цих додай і зовсім неосвічених [войків], які ніколи не бачили ворога і мають полохливу, рабську душу»).

В этой связи следует отметить отношение в Украине среди казачества к царской (монархической власти) и князьям. Общие тенденции в решении этого вопроса помогает проследить помянник Киево-Михайловско-

го Златоглавого монастыря. В нем поминались князь Владимир-Василий с его матерью Ольгой-Еленой и его жена Анна. Не забывали в Киеве Бориса-Романа и Глеба-Давида. Среди киевских князей поминали только создателей церквей: Ярослав-Георгий с женой Анной, основавшие церковь св. Софии, Изяслав — создатель церкви Печерской, Всеволод — церкви Выдубицкой. Кроме того, семейство ктитора князя Михаила (Святополка), причем особо выделялись его дочери Збеслава — королева польская и Предислава — королева венгерская. Отдельной группой поминались Владимир Мономах, Георгий, Андрей Боголюбский, Дмитрий, великий князь Черниговский Михаил и боярин его Федор, Мстислав Владимирович Мономах Храбрый — создатель церкви великомученика Феодора. Из ближайшей российской истории помянник сохранил имена царя и великого князя Ивана Васильевича (в иночестве Ионы) и сына его князя Ивана, царя Федора, царя Василия, Михаила, царицы и великой княгини Евдокии, царевича Ивана, царевича Василия, царевича Дмитрия⁷.

Как видим, даже в церковной среде московская династия воспринималась без особых знаков почтения. В этой связи интересен факт жалобы гетману от царского посла Матвеева том, что в Украине — как он видел по дороге — в церквях не упоминалась царская фамилия, а священники отговаривались, что относительно этого вопроса нет распоряжений митрополита. Матвеев просил гетмана «выговорить митрополита, чтобы тот исправил положение»⁸.

Тенденция падения авторитета князей в украинском обществе прослеживается пропорционально их отходу от православия и обостряется в связи с ростом количества противоречий и имущественных споров между самими князьями, а также их окружением со среды шляхтичей, мещан и казаков. Тот же поминальник Златоверхого монастыря, субботники других монастырей поминают ветви княжих родов, которые оставались верными православию, но имен которых мы не находим в польских родословных княжеских росписях. Это относится к родам Острожских, Вишневецких, Пронских, Полубенских, Друцких, Масальских, Гольшанских, Слуцких, Сангушек, Одинцевичей, Соколинских, Дубровицких, Лыко⁹. К князьям из Московского государства отношение было лучше, это видно и на примере синодика князя Федора Федоровича Волконского, записи поминальных рядов рода которого есть во многих киевских монастырях.

Но в Гетманщине уже возникла новая элита, которая заняла место, ранее принадлежавшее княжеским родам. Это были представители казацкой старшины. Украинские историки насчитывают 80 предшествен-

ников Богдана Хмельницкого на должности гетмана¹⁰. Среди казачества были их дети, внуки, родственники. За 28 лет существования реестровых полков в них произошла смена многих полковников, которые также имели свои более или менее сильные местные группировки.

Чигиринский, Корсунский, Каневский, Черкасский, Переяславский, Кропивненский, Белоцерковский полки составляли особую группу старинных казаков, которые были главной движущей силой национально-освободительной войны и возглавлялись лично Богданом Хмельницким и его родовым «кланом»¹¹. Количество старшины в этих полках было следующим: полковников 7, полковых есаулов 14, сотников около 130, всего 150 старшин.

Первой женой Богдана стала Гафия Сомко. Её отец Семен Сом был казацким послом в Москву в 20-е годы XVII в. Еще раньше представитель этого рода казачий сотник Федько Сом попал в сентябре 1619 г. в русский плен¹². Тетка Гафии Сомко была замужем за Калеником Кулагой, брат Яким Семенович Сомко стал сотником, полковником переяславским, а затем и наказным гетманом. Род Сомко имел значительную родню в Переяславе, которая входила в «клан» Хмельницких.

Третьей женой гетмана стала Анна из рода Золотаренков. Первым ее мужем был Яким Тарасенко, вторым Мартын Пилипенко, оба достаточно влиятельные деятели в казацкой среде. Тарасенки и Пилипенки, став связчиками Богдана, еще более укрепили его позиции в Чигирине, Корсуне и Переяславе.

Среди ближайших советников гетмана были его родственники и своячники, руководящее место среди которых, кроме Сомков, Нечаев, Золотаренков, принадлежало Яненкам-Хмельницким, еще перед национально-освободительной войной встречавшимся в источниках как шляхта любецкая¹³. Сестра Павла Яненко Елена была женой Григория Дорошенко, родного брата будущего гетмана Петра Дорошенка, который, в свою очередь, в одном из неопубликованных работ В. Модзалевского назван троюродным братом Богдана Хмельницкого. В поминальнике гетманского внука Петра Дорошенко 20 мужских имен¹⁴.

Среди племянников гетмана Хмельницкого известен Прокоп Бережецкий — шляхтич из старинного каневского рода Некрашевичей-Бережецких, который был наказным полковником чигиринским. Поминальник его рода в Межигорском монастыре насчитывает 11 мужских имен¹⁵. Племянники Хмельницкого Проксуры были влиятельным родом в Бакалиской сотне Чигиринского полка¹⁶ и, возможно, принадлежали к известному роду Прокур-Сущанских.

Богдан Хмельницкий имел 3—4 сына, 6—8 дочек, итого 9—12 детей, что было обычным явлением для семей в те времена¹⁷. Он породнился с родами Мовчанов (видим их в организации казачества Стародубщины), полковничим брашлавским родом Нечаев, чигиринским старшинским Бештанок¹⁸, корсунским старшинским Блысок, каневским гетманско-старшинским и войтовским родом Стороженков.

Род шляхтичей Нечаев известен как в Мстиславском воеводстве, так и в Барском старостве в Подолии. Считается, что отец известных казачих полковников, шляхтич мстиславский, вышел в Киевское воеводство, где Нечай владели селом Невмиринцами (1629 г.). Братья Данило, Иван, Матвей, Юрий Нечай составляли достаточно влиятельную группу среди казачества. Они осуществляли полный контроль над Брашлавщиной. Таким образом, род Богдана Хмельницкого, родственники и своячники составляли основу руководства группировками коренных полков.

Теперь рассмотрим войсковую, то есть генеральную старшину, которая составляла ближайшее формальное окружение гетмана. Генеральными писарями были представители двух старинных шляхетских родов Креховецких и Выговских. При этом Иван Томашевич Креховецкий с Демкова, очевидно, попал в среду казачества еще перед 1648 г.

При Б. Хмельницком четыре старшины были генеральными обозными. Чарнота Иван происходил из покозаченой брашлавской шляхты. Волевач Иван и Коробка Федор также были шляхтичами, но покозачились не они, а их деды и отцы, проводя свою жизнь на пограничной Чигиринщине. Тимофей Носач был представителем шляхетско-мещанского рода, который имел промыслы и вел широкую торговлю по всей территории Украины от Львова до Прилук. Генеральный обозный Иван Тихонович Волевач заменил обозного Ивана Чарноту в 1650 г. Среди его родственников был род Коробок (дочь Волевача Мария стала женой Гаврилы Коробки), который в Чигиринском полку был очень представительным и влиятельным¹⁹.

Десять родов имели своих представителей на посту генерального судьи. В своем большинстве это были выходцы из коренных полков со значительным опытом: Бреус (Семен?) из Черкасского полка, Онацкий Матияш и Зарудный-Богданович Самойло — из Корсунского. Полковниками были перед избранием судьями Лобода Федор (Переяславский полк), Клыша Яков (Белоцерковский полк), Мужиловский Силуян (возможно, гетманский полковник), Жданович Антон (Киевский полк).

Генеральными есаулами источники называют одинадцать старшин. Старинные казацкие роды шляхетского происхождения были представлены на есаульстве Лисовцем из Яготина, Джелалией Фilonом, Гладким Семеном, Лисовским Гавриилом, Томиленком Василием, Дубиной

Мыськом, Маковецким Гавриилом, Ковалевским Иваном. Томиленко происходил из одного с предыдущих гетманских родов, Ковалевский был своячником Богдана Хмельницкого.

Таким был центральный штаб гетмана Хмельницкого. Ему удалось направить во все выше перечисленные группы своих представителей, которые контролировали ситуацию и проводили в жизнь решения гетмана.

Вторую по силе группировку представляла старшина полков, ориентировавшихся на Сечь. К ним следует отнести Полтавский, Миргородский, частично (южные сотни) Уманский и Чигиринский полки. Они в старшинской среде представлены 2 полковниками, 4 полковыми есаулами, 35 сотниками, всего 41 старшиной. Их идеология была близка сечевой. Запорожское казачество, которое, в свою очередь, имело две крупнейших группировки — шляхетскую и простонародную — во взглядах также расходились, ориентируясь на три стороны: Речь Посполитая, Московское государство, Крымское ханство. В зависимости от контактов с представителями этих стран у запорожцев вырабатывались соответствующие оценки, причем существовали пропольская, протатарская и продонская (пророссийская) «партии». Среди представителей последней фиксируются и некоторые дети боярские с Новгород-Северщины.

На территории бывшего Брацлавского воеводства возникли Брацлавский, Кальницкий и Уманский полки, к которым по своему составу тяготели Белоцерковский, Павлоцкий и Киевский полки с Киевского воеводства. В этих полках процент шляхтичей был наиболее высоким. 4 полковника, 8 полковых есаулов, 72 сотника, всего 84 представителя старшины этих полков в основном были близки к выше приведенному мировоззрению Юрия Немирича.

На территории бывшего Черниговского воеводства возникли Нежинский, Прилуцкий, Черниговский и впоследствии Стародубский полки. Их территориальное расположение, преобладающее влияние и нахождение на руководящих должностях любецкой, а так же остатков черниговской и стародубской шляхты, приоритет торгово-хозяйственных связей с «Москвой» обуславливали тяготение этого региона к Московскому государству. В численном отношении старшина этих полков уступала коренным и «брацлавским» полкам. В Прилуцком, Нежинском и Черниговском полках по штату 1649 г. было 3 полковника, 6 полковых есаулов, до 40 сотников, всего 49 старшин, которые были наиболее положительно настроены в отношении «Москвы».

В соответствии с социальным составом старшины отметим, что показанная старшина, воспитанная на аристократической сарматской теории, относилась к «московитам» насторожено, считая, что огромные человеческие ресурсы следует использовать для достижения своих целей.

Этимолого-филологическая хазарская («козарская») теория стала преобладающей в светской идеологии после неудачного выступления гетмана Ивана Мазепы, когда в ходе эволюции взглядов старшина переходит от прямого неприятия к почитанию творцов Российской империи.

П р и м е ч а н и я

¹ Синодик Межигорского монастыря // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины (далее — ИР НБУ). Ф. Петров. № 375/374 С. Л. 198.

² Поминальник церкви Преображения г. Канева. 1674 г // ИР НБУ. Ф. 28. № 762. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Яковенко І. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). К., 1993. С. 153.

⁵ Реєстр Війська Запорізького 1649 року. К., 1995. С. 63.

⁶ Симон Г. Мёртвый хватает живого. Основы политической культуры России // Цивилизации. 1991. № 4. С. 117.

⁷ Синодик Киево-Михайловского монастыря // ИР НБУ. Ф. Петров. № 538/1744. Л. 9—9 об.

⁸ Копия столбцов Сибирского приказа // Там же. Ф. II. № 15557—15561. Л. 30.

⁹ Сравни: *Wolf J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. Warszawa, 1895; Синодик Киево-Михайловского Златоверхого монастыря // ИР НБУ. Ф. Петров. № 538/1744. Л. 11—14.

¹⁰ Мицик Ю. А. Козацький край: Нариси з історії Дніпропетровщини XV—XVIII ст. Дніпропетровськ, 1997. С. 106—108.

¹¹ Дашкевич Я. Родинний клан Хмельницьких // Київська старовина. 1995. № 4. С. 95—101.

¹² Документи російських архівів з історії України. Львів, 1998. Т. 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613—1620 pp. С. 312.

¹³ ИР НБУ. Ф. X. № 8468. Арк. 1.

¹⁴ Синодик Межигорского монастыря // Там же. Ф. Лебедев. № 565. Л. 326.

¹⁵ Синодик Межигорского монастыря // Там же. Л. 221 об.

¹⁶ Реєстр Війська Запорізького... С. 44.

¹⁷ Смотри: Кривошея В. В. Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків. К., 2002. С. 148.

¹⁸ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3-х т. М., 1954. Т. II. С. 281.

¹⁹ Мыцык Ю. А. Анализ архивных источников по истории Отечественной войны украинского народа 1648—1654 годов. Днепропетровск, 1988. С. 58—59.

С. С. Лукашова

Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII века*

XVII в. является одним из наиболее сложных периодов в российско-украинских взаимоотношениях, особенно первая четверть века. В правление Петра I происходил болезненный процесс сближения политических организмов, к тому же осложненный взрывным и не терпящим возражений характером царя. Оценка поступков и результатов деятельности Петра I в российской и современной украинской историографии принципиально различается. Непременным атрибутом украинских исследований о событиях петровского времени является сюжет о канальных работах, в первую очередь, о Ладожском канале. Существует ряд исследований, посвященных истории каналов петровского времени¹, однако архивные фонды² до сих пор практически не обработаны.

Данная статья ставит своей целью не всестороннее и детальное изучение истории строительства, а характеристику уже введенной в научный оборот и общедоступной, в том числе и в сети Интернет, информации. В поле зрения автора попали доминирующие оценки канальных работ, представленные как в обобщающих научных изданиях (обзорных монографиях, справочниках), так и в публикациях, представляющих широкое общественное мнение (публицистические статьи, исторические и паралисторические интернет-сайты, пользующиеся популярностью у неспециалистов)³.

Спецификой виртуального пространства является то, что при публикации на интернет-сайтах сглаживается разница между сугубо научными исследованиями, популярными переложениями и полемическими статьями, а также между произведениями вековой давности и написанными в последние годы. Востребованное широкой аудиторией произведение может быть доступным на десятках и сотнях интернет-страниц. Например, на момент написания данной статьи, труд М. С. Грушевского «Иллюстрированная история Украины-Руси» был доступен на 6 сайтах,

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-91104a/U.

а отрывки из него, равно как и интернет-ссылки, предполагающие возможность упрощенного поиска полнотекстовой версии, вообще не поддаются учету. Компьютерные технологии и низкие требования администраторов сайтов к справочному аппарату предельно упростили копирование и тиражирование отдельных высказываний признанных научных авторитетов, а также прямой плагиат. Таким образом, полученные в данной статье выводы относятся не только к точно указанным интернет-страницам, но и могут быть распространены на все виртуальное пространство.

Подготовительные работы в Приладожье, в частности, геодезическая съемка, были проведены еще в 1710–1711 гг. английским инженером Д. Перри под личным контролем Петра I, однако, из-за Северной войны в казне не было свободных денег. С окончанием военных действий на сущее, царь решил привлечь армию, в первую очередь, казачество, к строительству каналов и 8 февраля 1717 г. издал указ: «Войска наши, кои от Киева были, все пошли вон из Польши, чего для ныне им дела никакого нет, а жалование берут даром, того для потребно рассуждаю, по половине их брать на работу, к рытью канала, который будет от Тосны вверх»⁴. Царь предполагал начать работы весной 1718 г., однако, выяснились два обстоятельства. Во-первых, ни половину, ни треть войска (компромиссный вариант, который допускал Петр) на 7 месяцев, т. е. на полевой сезон в условиях Ладоги, командировать было невозможно по соображениям государственной безопасности. Во-вторых, строительство потребовало создания самостоятельной инфраструктуры, прежде всего, для обеспечения огромной массы работников провиантом. В результате полтора года ушло на согласование планов, и осенью 1718 г. была издана целая серия указов, подготавливающая сезон работ следующего года.

Часть указов касалась рекрутации землекопов. 19 сентября было официально объявлено о начале строительства Ладожского канала и о «собрании для оной работников со всего Государства»⁵. 7 ноября Сенат детализировал это распоряжение⁶. Так, землекопов должны были предоставить из великорусских губерний: все крестьяне, вне зависимости от формы собственности на них, по одному от 20 дворов, а также армия (драгуны, солдаты, городовые полки и пр.) в той же пропорции. Сенат рассчитывал собрать работников с 815 300 дворов, т. е. 40 765 человек. Воронежские (слободские) и малороссийские казаки обязаны были выделить одного человека с каждого из 7 дворов, т. е. 5 925 человек. С одной стороны, казачество было поставлено в худшие условия по сравнению

с великороссами, но, с другой, последние не получали жалования и не имели других льгот. Таким образом, Малороссия рассматривалась как составная часть империи, и ее население должно было подчиняться единым правилам.

Царь требовал построить весь канал в течение всего лишь двух сезонов или 14 месяцев. Сенат на это открыто не возражал, но действовал более реалистично. Чтобы не допустить обнищания податного населения, он сократил число рекрутов, в частности, в Малороссии теперь набирали одного работника от восьми дворов⁷, также был заметно снижен специальный канальный налог (вместо 1 руб. 40 коп. с двора брали по 70 коп.⁸). Кроме того, по царскому указу предполагалось, что землекопы сами должны обеспечить себя продовольствием, что было невозможно для такой массы людей даже в течение двух сезонов. Сенат, «дабы в сборе работников и на них в приготовлении провианта и всяких припасов, уездные люди и купечество излишние тягости и убытков не понесли», три указа посвятил организации продовольственного снабжения⁹, которое должно было осуществляться подрядом, т. е. на рыночных условиях, хотя и при контроле со стороны государства. Это была обычная практика, достаточно эффективная для своего времени, хотя временами подрядчики допускали перебои в поставках.

Таким образом, за полгода до начала производства работ можно констатировать наличие полного комплекта законов, включая общий директивный монарший указ и семь постановлений Сената, его дополняющие и конкретизирующие. То, что законодательная подготовка строительства была достаточной, подтверждает отсутствие дополнительных распоряжений в последующие годы¹⁰. В документах отсутствовали какие-либо положения, свидетельствовавшие о желании наказать Малороссию за поддержку Швеции в Северной войне, или вообще о намерении переложить тяжесть канальных работ на какую-то определенную часть населения империи. Напротив, постановления обосновывались объективной экономической целесообразностью и укладывались в рамки управлеченческих решений того времени.

Работы были торжественно начаты 22 мая 1719 г. при личном участии самого Петра I и еще более торжественно окончены в мае 1731 г. императрицей Анной Иоанновной, которая в Шлиссельбурге открыла навигацию по каналу. Канал имел в длину 100 км, ширину 20 м и глубину, включая насыпные валы, около 2 м. Канал представлял собой крупнейшее гидро-

техническое сооружение Европы того времени. Рекруты из казаков приняли участие в строительстве начиная с 1721 г.

В первые годы строительство канала шло с большим трудом, в числе причин можно назвать и ошибки в расчетах (гидрографическая съемка была сделана в год небывало высокого стояния воды), и слабая организация, и недостаток финансирования. В сезон 1721 г. на стройке случилось «моровое поветрие», что неудивительно при антисанитарных бытовых условиях. Точные цифры об умерших отсутствуют, но они исчислялись тысячами¹¹. В другие годы смертность также была относительно высокой из-за недостаточного питания, и, как следствие — цынги.

Конечно, «канальные» налоги собирались с большим трудом, недочимки тянулись по пять и более лет, но это не сказывалось на выплате заработной платы работникам¹². Известно только об одном крупном срыве поставок товаров для землекопов — табака осенью 1719 г.¹³ Практически единственной причиной недоедания и преждевременной смерти был повальный алкоголизм: вдоль канала были построены кабаки. Откупщики таким способом смогли увеличить свою прибыль, а казна — получить средства для своевременной выдачи зарплаты землекопам, хотя объективно из-за пьянства снижалась производительность труда. Именно на государство и была возложена моральная ответственность за тяжелые условия труда и высокую смертность во время канальных работ¹⁴.

По всей видимости, царя не полностью оповещали о возникших на Ладоге трудностях: еще в октябре 1721 г. Петр рассчитывал, что канал будет введен в строй ближайшей весной¹⁵. Скорее всего, ответственные лица объяснили задержку со строительством исключительно эпидемий и недостатком рабочей силы. Зимой-весной 1721/22 г. царь написал серию писем к гетману И. И. Скоропадскому, касающихся казачьего контингента, обязанного прибыть в Ладогу к следующему сезону¹⁶. Однако усилия Петра результатов не имели, и к 1 апреля 1722 г. казаки, как им было приказано, не явились. Они пришли к Ладоге лишь через два месяца после назначенного срока, но монаршего гнева не последовало: император посчитал причину задержки обоснованной.

В 1722—1723 гг. в связи со смертью И. И. Скоропадского на имя императора казацкая старшина неоднократно писались прошения с просьбами о восстановлении самостоятельного избрания гетмана. Среди прочего в этих обращениях старшина просила освободить казаков от канальных работ. На 1723 г. из Малороссии было затребовано 5000 рекрутов, но в последний момент это распоряжение было отменено. Монарх вернулся из

Персидского похода и был извещен, что сама организация строительства на Ладоге обстоит неблагополучно. Петр I лично приехал для ревизии и обнаружил, что прорыто только 12 км, но и там из-за инженерных ошибок уровень воды недостаточен для прохода даже небольшого судна. Неудивительно, что император, придававший большое значение Ладожскому каналу и не терпевший проволочек, пришел в гнев. В мае 1724 г. новый подрядчик Б. Х. Миних продемонстрировал Петру действующий участок канала продолжительностью в 4 км. И в этот год казаков на стройке не было.

После смерти Петра рекрутов из Украины вообще перестали использовать. Резко сократилось финансирование строительства, однако Миних сумел довести дело до конца, доказав, что проблема действительно решалась «не числом, а умением», что было редким исключением в практике того времени¹⁷.

Такова вкратце история строительства Ладожского канала при Петре I. Теперь обратимся к тем источникам, которые используются современными профессионалами и любителями истории для описания участия казаков на канальных работах.

Первая проблема касается сроков строительства канала и участия рекрутов из Украины. Лизогубовская летопись является наиболее часто цитируемым источником по данному вопросу¹⁸. По ее записям, «1715 года Сулима, хорунжий енеральний с 10 000 войска козачаго посылан робыть каналы до озера Ладоги и на пути умре. Ладога озеро близко великого Новогорода, геть за Петербург; з него Нева река вытекает; озеро очень великое длинаю и шириною да и страшное, понеже редко когда тихо стоит и в суднах на оное со страхом смертным разве пускаются и почитай в отчаяні». Дата является явно ошибочной — генеральный хорунжий И. Ф. Сулима умер в 1721 г.¹⁹ Кроме этой записи, Лизогубовская летопись сообщает: «Въ томъ же году (т. е. в действительности в 1721. — С. Л.) заранее Павел Полуботок чернеговский, да Андрей Маркович лубенский полковник з 10 000 войска ходили до Ладоги озера — робыть каналы, где премного козаков вымерло и почитай половина заледво вышла оттудова... [1722 г.]...Того ж года на канальную работу ходил полковник полтавский Черняк с 10 000 козаков». Летописец упоминает и иные принудительные работы, в которых были задействованы казаки, но не все, а только те, которые сопровождались значительными людскими потерями. Другим источником сведений о хронике строительства является «История Русов», приписываемая архиепископу Г. Конисскому²⁰. Сведения

о Ладожском канале там точно не датированы, но помещены среди событий 1712—1718 гг. Пристрастность, неточность и неполнота изложения материала обоими источниками очевидна, однако, их сведения никогда не подвергались критическому анализу в исследованиях о канальных работах, и это не помешало ряду современных исследователей, включая Н. Н. Яковенко, начать считать жертвы украинской стороны с 1715 г.²¹ Среди других дат начала строительства, упоминаемых авторами публикаций, называется 1716, 1720, 1721 г. Время прекращения казацких экспедиций на Ладогу также указывается по-разному: 1723, 1724, 1725 (год смерти Петра), но в большинстве случаев авторы стараются не акцентировать внимание на точных датах.

Следующая проблема касается определения численности казацких рекрутов на Ладоге. Лизогубовская летопись упоминает о 10 тысячах ежегодно, «Краткое описание Малороссии» — о 12 тысячах, Н. И. Костомаров (а вслед за ним Е. Апанович²²) утверждает, что на 1720 г. было затребовано 12 тысяч, на 1723 г. — 15 тысяч; максимальное число рекрутов даётся у В. Антоновича (и, без ссылки на последнего у М. Аркаса):²³ «От 20 000 до 30 000 казаков ежегодно требовал Петр на службу на север, на Ладожское озеро, где в это время он строил большие каналы. Все эти каналы должны были копать казаки». Большинство исследователей либо повторяют чужие сведения, либо упоминают, что в строительстве участвовало «несколько десятков тысяч»²⁴.

Мы сознательно оставляем нерешенным вопрос о числе собственно землекопов из Малороссии, но величина в 5—6 тысяч ежегодно затребованных Сенатом казаков коррелирует со сведениями о численности всех ладожских рабочих в 1724 г. — 16 тыс. чел.²⁵ Разгадка, возможно, кроется в замечании автора «Истории Русов», не современника событий, но человека, безусловно, осведомленного: «...посылкою многочисленных войск их при таком же числе чиновников...»²⁶ Что это были за чиновники, за казенный счет сопровождавшие рекрутов через всю страну, и присутствовали ли они на канале вообще, сказать сложно. Но, если сложить официально затребованный контингент землекопов, неизбежный обоз и этих последних чиновников, возможно и получится постоянно мерцающая в разных исследованиях величина в 10—12 тысяч.

Число погибших на канальных работах также в основном измеряется «многими тысячами». Еще по дороге настройку казаки оказались в стесненных обстоятельствах — без провианта, корма для коней и без квартир для постоя. Рекрутам были вынуждены задарма продавать свои вещи, что-

бы купить немного еды, в результате часть из них заболела, еще не приля на Ладогу²⁷. Наиболее популярным источником сведений о жертвах канала является доклад главы малороссийских рекрутов полтавского полковника И. Черняка (вариант — Черныша) в Сенат в 1722 г.: «При Ладоге на канальной работе многое число казаков больных и умирающих находится, и с каждым разом все более умножаются болезни тяжкие — всего более укоренилась горячка и опухоль ног, и мрут из-за этого, однако приставленные офицеры, невзирая на такую нужду бедных казаков, по повелению господина бригадира Леонтьева без всякой жалости немилосердно бьют при работе палками — хоть и так они ее не только днем и ночью, а даже и в дни воскресные и праздничные исполняют. Боюсь я, вследствие сего, чтобы казаков тут не погубить, как в прошлом году — а их разве что третья часть в году прошлом домой вернулась...»²⁸

По поводу этого документа, также не подвергавшегося исследователями критическому анализу, необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, жанр послания — оправдание перед вышестоящими инстанциями и донос на свое непосредственное начальство, что изначально допускает повышенную эмоциональность и некоторое искажение фактов и оценок. Во-вторых, сам полковник — личность довольно известная, но не своей борьбой в защиту казачества. С. М. Соловьев приводит слова стольника Протасьева, представлявшего интересы центрального правительства в Малороссии, что «пoltавскому полковнику Черняку нельзя долее оставаться на своем месте, потому что “кроме всякого своего непостоянства и легкомыслия” он непросыпный пьяница»²⁹. Возможно, именно последним обстоятельством и объясняется, что вскоре после написания письма полковник на Ладоге умер³⁰. Кроме того, следует помнить, что в 1721 г. произошла эпидемия, и сведения о жертвах за этот сезон нельзя считать среднестатистическими. Повторимся, точные цифры за два года отсутствуют.

Несмотря на это обстоятельство, авторы не только публицистических, но и собственно научных статей с легкостью оценивают общее число смертей: «погибло 13 тысяч человек»³¹, «погибли больше половины казаков, ходивших туда»³², «домой возвращалось временами не больше 40%» казаков³³, «с Ладоги возвратилась едва ли треть (к тому же среди них было много покалеченных) из этих 10 тысяч казаков, которые работали на Севере. Может быть, с этого времени дошли до нас горькие слова, что “Петербург строился на казацких костях”. Правда, еще не подсчитано, сколько же всего полегло казацких голов на тех болотах, на которых была

построена новая столица Российской империи»³⁴, «казаки работали бесплатно (так! — С. Л.) и от тяжелых условий работы массово гибли или становились калеками»³⁵, «канальные работы погубили не меньше слобожан, чем нападения татар»³⁶. Таким образом, последствия участия в строительстве Ладожского канала для казаков характеризуется почти как кровавая бойня.

Важнейшим вопросом является объяснение причин таких высоких потерь. Непосредственные современники событий не оставили своей оценки причин происходившего, по понятным причинам, стараясь быть лаконичными. Позже, в 1734 г. украинский гетман в изгнании Филипп Орлик заявил, что «Москва» умышленно хотела погубить все казацкое войско, и канальные работы были специально спланированы так, чтобы малороссы гибли от тяжелой и непривычной работы, голода и гнилого провианта³⁷. Степень информированности и предвзятости данного источника является очевидной.

Немногим лучше является версия автора «Истории Русов», неоднократно замеченного в тенденциозности и антироссийской направленности: «Всеобщее мщение произведено Малоросиянам от Меньшикова на выдуманные им каналы и линии около Ладоги, Сулака и Астрахани, где от тяжелых работ каторжных, а паче от жестокости климатов тамошних и крайне худаго содержания, великия тысячи их согнили и перемерли»³⁸. Ненависть малороссийской старшины к А. Д. Меншикову общеизвестна, в случае с Ладожским каналом она подпитывалась определенными обстоятельствами: князь был главой Санкт-Петербургской губернии и формально возглавлял строительство; подрядчик канала в 1719—1723 гг. Г. Скорняков-Писарев также был его креатурой. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что инициатива всего предприятия принадлежала лично монарху, и численность малороссийских рекрутов не превышала четверти от общего числа землекопов.

В «Истории Русов» впервые появляется мотив гибельного ладожского климата, смертельно опасного для южан. Это утверждение становится практически общим местом в работах, посвященных строительству канала, причем не только в украинских, но и в отечественных³⁹. Неприязнь к непривычному труду вынудила историков напрочь забыть о том, что когда-то киевские великие князья посыпали в соседний не менее болотистый Великий Новгород на княжение своих старших сыновей, видимо, не особенно страшась северного климата.

Н. И. Костомаров (и цитирующие его современные исследователи и администраторы интернет-сайтов), кроме климатических причин указывал на неизбежную жестокость царизма, приносившего целые народы в жертву имперским интересам⁴⁰. Н. Н. Яковенко также считает абсолютизм и нарастающую централизацию основными причинами гибели украинских землекопов⁴¹. Однако объективные закономерности исторического процесса, с точки зрения большинства украинских авторов, не являются достаточным объяснением произошедшего. Унификация и ликвидация различий между частями империи дополняются субъективными факторами.

Личная ответственность царя считается практически доказанной: «Принуждая к таким жертвам российское общество, Петр не мог обойти и Украину... Особенno тяжким бременем лег этот период на украинских казаков. Петр не умел уважать казацкие права и вольности, он смотрел на казаков, просто как на силу, годную для реализации государственных целей и “интересов”»⁴², император «все крепче и крепче стискивал в своей тяжелой руке вольности народа украинского»⁴³, «монарх людей не жалел. По всей империи стоял плач и стоны, жалобы казачества и всего народа»⁴⁴.

Только М. С. Грушевский сомневался, «умышленно или неумышленно» центральные власти обрекли на смерть «несколько десятков тысяч» казаков⁴⁵. В значительном числе публикаций фактически говорится о хорошо спланированном геноциде: «политика царской власти вела к постепенному вымиранию украинского народа, поскольку производилось физическое уничтожение десятков тысяч людей»⁴⁶, целеустремленно «уничтожая и разлагая... верхи украинского общества, царь Петр не забыл и про рядовое казачество... Тяжкая работа, голод, невыносимые условия чужого климата, в сочетании с жестокостью московских (так! — С. Л.) наставников, уничтожили тогда самый цвет украинского народа»⁴⁷.

Следует отметить, что эти публицистически заостренные, но голословные обвинения, воспроизводятся не только в националистически окрашенных статьях, но и в неукраинских публикациях, естественно, в более мягком тоне: «Нехорошо было и с Украиной, с которой Империя повела себя по принципу «пустили козла в огород» и грамотный, удивительно талантливый народ которой стали использовать как человеческий материал. Санкт-Петербург, вторая столица Российской империи, построен не просто старшими братьями украинцами, но и на украинских братских костях. Вот описание работ на Ладожском канале..., сделанное в донесении российскому сенату полковником Черняком...»⁴⁸; «В том же

году произошло новое событие, свидетельствующее о намерениях царя окончательно считать Малороссию как неотъемлемую часть России. Царь приказал послать 12 тысяч казаков на строительство Ладожского канала. Скоропадский выполнил и это указание, за время этого строительства (1721—1724 гг.) на канальных работах ... погибли тысячи казаков⁴⁹.

Наконец, последним является вопрос о выводах, к которым приходят современные профессионалы и любители, занимающиеся историей строительства Ладожского канала. Выводы можно разделить на три группы. Первая оценивает результаты вхождения Украины в состав Российской империи. Наибольшей популярностью пользуются цитировавшиеся выше заявления о фактическом геноциде и целенаправленном разорении казачества, которые производились именно центральной властью, в том числе, посредством организации крупных строек и других общероссийских проектов.

Вторая группа выводов посвящена самой России. Последняя представлена исключительно как «бюрократически-абсолютистская», тоталитарная империя, неизменно попирающая интересы отдельных личностей и целых народов, но ничего не дающая им взамен. Вектор ее исторического развития противоположен принципам, на которых было основано молодое украинское государство: демократия и уважение к правам человека. В обобщенном виде эту точку зрения высказал И. Сюндюков: «Петр использовал экономические, военные и духовные ресурсы Украины для реализации чуждых ей целей. Трагичным является не только то, что “град Петров” в немалой степени строили на костях украинцев. Трагичным является то, что наши соотечественники идеально служили верой и правдой петровской державе»⁵⁰. Естественно, вопрос о возможности и перспективах политического союза или простого существования Украины с таким монстром решается крайне негативно.

Наконец, третья группа выводов затрагивает тему собственно исторических исследований, и, как это ни парадоксально, предполагается отказаться от изучения этого и аналогичных сюжетов: «Так что лучше бы не ворошить этих историй и не выяснять, кто кем пользовался и кто кому и за что должен — ничего хорошего из этого не получится»⁵¹. И для украинских, и для отечественных публицистов подобные пожелания являются своеобразным признанием доказанности «вины» российской стороны и обоснованности претензий современной украинской политической элиты, хотя это зачастую противоречит приводимым в работах фактам:

«Парадоксально, но гнет Империи не вызывал у украинцев и белорусов ненависти к русским»⁵².

В результате проведенного анализа мы можем констатировать неудовлетворительное состояние научного освещения событий российско-украинской истории начала XVIII в. Это выражается в недостаточной изученности данной тематики в историографии и отсутствии современных собственно научных работ. С другой стороны, появилось большое число «обобщающих» и «популяризирующих» статей и монографий с высокой степенью публицистической заостренности и политической ангажированности, что предопределяет низкую информативность и научную ценность представленных в них выводов и оценок.

В виртуальном пространстве Интернета преимущественно представлены и доминируют взгляды шовинистически настроенных украинских публицистов, использующих наработки профессиональных историков для демонстрации и обоснования своего негативного отношения к современной России. Кроме того, следует отметить недостаточность отечественных интернет-ресурсов, представляющих работы современных учёных по истории Нового времени.

Примечания

¹ Радакова Е. Українські казаки на Ладозькім каналі // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1896. Т. XII (статья заявлена как реферат, т. е. обзор известных сведений); Казанков В. Исторический очерк Ладожских каналов. Старого и Нового. СПб., 1873; Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875. Ч. 1–2; Плечко Л. А. Старинные водные пути. М., 1985. Текст доступен на сайте: <http://www.skitalets.ru/books/star-puti/index.ru>; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851; Лермонтова М. А. Староладожский канал. Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1998; Водные пути и гидротехнические сооружения Волго-Балта. СПб., 1998; Ильяев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889 (переиздана в 1996, 2002, 2006 гг.). Последний автор дословно воспроизводит информацию А. П. Андреева.

² Часть документов содержится в Российском государственном архиве военно-морского флота. Ф. 212. Адмиралтейств-коллегия. Оп. 5, 11. Ф. 233. Канцелярия генерал-губернатора Ф. М. Апраксина, 1695–1728. Оп. 1.

³ В настоящей статье используется максимально полный набор текстов, выявляемых при использовании специализированных поисковых систем Яндекс, Google и Yahoo при введении ключевых слов «канальные работы», «Ладожский канал», «Старо-Ладожский канал» на русском и украинском языках.

⁴ ПСЗ. № 3066.

⁵ Там же. № 3228.

⁶ Там же. № 3235. В итоге крестьян Новгородской и Петербургской губерний, как пострадавших от войны, освободили от этой повинности.

⁷ Кроме того, на строительство канала настойчиво приглашались вольнонаемные, которым на высшем уровне гарантировалось отсутствие принуждения (см. ниже ссылку 9). Это обстоятельство позволило некоторым современным публицистам утверждать, что Ладожский канал был первым удачным опытом капиталистического найма в петровской России. Учитывая незначительное количество лично свободного населения в то время, подобное мнение следует считать чрезесчур оптимистичным.

⁸ ПСЗ. № 3243. Купечество также платило определенную сумму.

⁹ Там же. № 3243, 3247, 3257.

¹⁰ За исключением непрекращающихся требований собрать недоимки по канальному налогу (он ежегодно сокращался) и беспрепятственно пропускать вольнонаемных землекопов к администрации канала.

¹¹ Бантыш-Каменский подсчитал, что в восьми из десяти малороссийских полков погибло 2461 чел. (Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. К., 1993. С. 582). Эти сведения воспроизводят: Радакова Е. Указ. соч. С. 7; Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. I. Нью-Йорк, 1960. С. 320. Текст доступен на сайте: <http://www.ukrstor.com/dikij/dikij1-3d.html>

¹² В северном фольклоре рытье каналов запомнилось как весьма прибыльное занятие, чуть ли не вольница. Скорее всего, такие воспоминания оставили старообрядцы и другие крестьяне, соблюдавшие «сухой закон»: «Покуда Ладожскую канаву колали, пашпорты ни с кого не спрашивали: всякое звание приходи и копай. Многие разжились и разбогатели» (См.: Криничная Н.А. Предания русского Севера. СПб, 1991. № 389, 390. Текст доступен на сайте: <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/9.htm>)

¹³ ПСЗ. Т. V. № 3430.

¹⁴ «Приезжает однажды Петр Первый на канаву и видит: народ копает в большом убore, в наряде и красе-басе.

— Аи да, — говорит, — молодцы: знают денежек нажить.

А тут капиталов стало мало хватать на канаву и взять негде. Тогда Петр Первый умысли на каждой версте сделать кабак. Чрез несколько времени опять присажает он на канаву и видит этих же самых копальщиков в самых худых одежах, другие даже в кульях рогожанных ходят и работают. Рассмеялся Петр Первый, сплеснул руками и говорит: — Аи да молодцы! Знают денежек нажить, да умеют и прожити

И об этом поется песня до настоящего времени:

Мы канавушку колали, Все ю проклинали:
На канавушку на конях, А с канавушки-то пеша».

«Софронов, во время устройства Ладожского (Петровского) канала, вел поблизости питейную торговлю. Петр Великий, находясь при работах, нередко посещал Софроныча, как обыкновенно называл его. Раз государь пришел скучный, не в духе. Софроныч спросил царя о причине грусти, и когда узнал, что это происходит от недостатка денег на постройку канала, то осмелился дать такой совет: завести на канале продажу вина от казны и, производя расчет рабочих еженедельно по субботам, выручку в питейных заведениях отбирать по понедельникам. Петр, сказывают, этот совет принял, и одни и те же деньги обращались в казну и из казны в течение каждой недели» (См.: Криничная Н. А. Указ. соч.).

¹⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — АСПИИ). Ф. 270. Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого. Оп. 1. Д. 98. Л. 224.

¹⁶ АСПИИ. Колл. 150. Акты Черниговского губернского правления. Оп. 1. Д. 284. Л. 1. Письма Петра И.И. Скоропадскому от 6.12.1721, 8.02.1722; Д. 296. Л. 1. То же от 18.04.1722. В последнем письме император писал о необходимости улучшения условий жизни казаков во время их следования на строительство.

¹⁷ Сведения справочника по истории Украины, о том, что будущий генерал-фельдмаршал «руководил строительством Ладожского и Обводного канала, во время работ на которых погибло от непосильной работы, болезней и голода десятки тысяч украинских казаков» не вполне точны (Довідник з історії України. За ред. І. В. Підкови, Р. М. Шуста. Вид. в 3 томах. Т. 2. Київ, 1995. Текст доступен на сайті <http://history.franko.lviv.ua/IIm.htm>). При Минихе казацкий контингент уже не работал.

¹⁸ [Лизогубовська летопись]. Летописець или описанис краткое знатнейшихъ действь и случаевъ, что въ которомъ году деялося въ Украини малороссийской обеихъ сторонъ Днепра и кто именно когда гетманомъ быль козацкимъ // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданныхъ комиссию для разбора древнихъ актов при Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генерал-губернаторе. Киевъ, 1888. Текст летописи доступен на сайте: <http://litopys.org.ua/sborlet/sborlet02.htm>. Кроме Лизогубовской летописи, сведения о канальныхъ работахъ содержатся в «Краткомъ летоизобразителномъ описании» (Краткое летоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ действ и случаев описание, что въ какомъ годѣ въ Украинѣ малороссийской деялось, наипаче, кто именно когда былъ козацкимъ гетманомъ, и о протихъ приключенияхъ отъ России, кратко // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерскимъ. Т. 1. Киевъ, 1856. С. 5—106. Текст доступен на сайте <http://litopys.org.ua/bilozet/bilz02.htm>) в «Краткомъ описании Малороссии» (Краткое описание Малороссии // Летопись Самовидца по новооткрытымъ спискам / Под ред. О. И. Левицкого. Киевъ, 1878. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте <http://litopys.org.ua/samovyd/sam10.htm>), но они авторами публикаций не используются.

¹⁹ Ср.: «В том же 1721 году ранее, по указу, посыпаны были не одним трактом Полуботок, полковник чернеговский, в командах, да Маркович, полковник

лубенский, да Иван Сулима, хоружий генералный, с 12 000 войска козацкого, до Ладоги на работу канала для обходу суднами озера Ладожского канатами к Петербургу, где не доходя, на пути Сулима умер, которого тело привезено до Переяславля в Сулиловку. (Краткое описание Малороссии...)

²⁰ Кониский Г. История Русов, или Малой России. М., 1846. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: http://litopys.org.ua/istrus/istrus_.htm

²¹ Формальным основанием для этого является участие казаков в строительстве канала Волга—Дон, начавшегося в 1715 г., но не сопровождавшегося значительными людскими потерями.

²² Ананович О. Гетьмані України і кошові отамани Запорозької Січі. Київ, 1993. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: <http://www.exlibris.org.ua/apanowicz/mazepa.html>

²³ Антонович В. Про козацькі часи на Україні. Київ, 1991. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: <http://strilci.narod.ru/page/hpage12-9.html>; Аркас М. Історія України-Русі. Київ, 1993. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: <http://www.ukrcenter.com/library/read.asp?id=3940&page=3>.

²⁴ Голубець М. Велика історія України. Львів, 1935. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: <http://exlibris.org.ua/greathistory/r27.html>; Грушевський М. С. Ілюстрована Історія України. Київ, 1992. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: www.unitest.com/uahist/grushevs/p08.phtml.

²⁵ Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2006. Ссылка дана по тексту, доступному на сайте: <http://www.spisl.nsc.ru/history/kostom/kostom51.htm>.

²⁶ Кониский Г. Указ. соч.

²⁷ Ведомость сотне Кременчугской, коликое число ходило козаков до Ладоги на каналную работу и як много их от нужды померло (Радакова Е. Указ. соч. Приложение.) Текст «Ведомости» не пользуется популярностью среди современных исследователей, так как из него ясно следует: организацией похода занималась казацкая старшина, и после того, как казаков стали сопровождать российские драгуны, все неприятности закончились. Неслучайно на следующий год Петр I особо указывал гетману на необходимость навести порядок и улучшить условия жизни рекрутов.

²⁸ Объяснения полковника И. Черняка о работах козаков на Ладожском канале // Киевская Старина. 1884. Т. VIII, май. С 117—122. Фрагмент широко цитируется, например, см.: Грушевський М. С. Указ. соч.

²⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 16. Кн. VIII. М., 1962. Текст доступен на сайте: www.history-nisl.narod.ru/soloviev80.html. О полковнике также сообщается, что он «почти целую сотню Нехворощенскую поневолил, а другими козаками поменялся на мужиков с чернецами Нехворощенского монастыря» (Там же).

³⁰ Лазаревский А. М. Отрывки из дневника гетманской канцелярии за 1722—1723 годы // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 12. Отд. 3. Киев, 1898. С. 90—145. Текст доступен на сайте www.litopys.org.ua/khanenko/khan25.htm.

³¹ Сюндюков И. Серце «регулярної держави». Петровський Петербург та Українці // День. № 92. 2003, 30 травня. См. также: Две Руси / Под ред. Л. Ившиной. К., 2004. С. 93—97. Текст доступен на сайте: <http://www.day.kiev.ua/19680/>.

³² Аркас М. Історія України-Русі. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте <http://www.ukrcenter.com/library/read.asp?id=3940&page=3>.

³³ Антонович В. Указ. соч.

³⁴ Апанович О. Указ. соч.

³⁵ Чи потрібна Україні ще одна державна мова // Анонимное высказывание на интернет-форуме <http://www.forum.domivka.net/showthread.php?s=661f93d856673417042d0b656b23e3b8&t=5446&page=145>. Автор высказывания явно спутал петровских землекопов и заключенных ГУЛАГа.

³⁶ Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Харьків, 1918. Текст доступен на сайте: http://dalizovut.narod.ru/bagaley/bagal_so.htm. Те же сведения, без указания авторства см. в книге: Саенко І. Минуле українського козацтва на Луганщині. Луганськ, 2000. Текст доступен на сайте: http://www.nru-s.com.ua/lug_koz.html. Интересно, что Багалій через пару абзацев после своего категорического утверждения, уточняет: «Умерло людей на этих проклятых канальных работах много: в одном только 1721 г. умерло 260 казаков». Последняя цифра, из-за своей незначительности, в публикациях других историков не воспроизводится.

³⁷ Цит. по: Грушевський М. С. Указ. соч.

³⁸ Кониский Г. Указ. соч.

³⁹ «На канальных работах в условиях чужого и гибельного для украинцев климата погибли тысячи казаков» (Иванов С. Россия—Украина. Дороги истории. М., 2001. Ссылки даны по тексту, доступному на сайте: http://www.newlibrary.ru/read/ivanov_sergei/page100/rossija-ukraina_dorogi_istorii.html).

⁴⁰ «В течение последующих лет гетманства Скоропадского мы видим ряд мер, явно клонившихся к наложению на Малороссию одинаковой тягости, какую терпела под железною рукой Петра вся Русская держава... Царь показал Малороссию, что ей готовится не льгота и не обособление от прочих частей государства, а, напротив, теснейшее соединение на основании равного с другими частями государства принятия на себя неизвестных ей до того времени тягостей» (Костомаров Н. И. Павел Полуботок. Ссылка дана по тексту, доступному на сайте: http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/K/KostomarovNI/biograf/kostomarov_2_23.htm)

⁴¹ Яковенко Н. М. Нариси Історії України: З найдавніших часів до кінця XVIII ст. параграф 6.2. Ссылка дана по тексту, доступному на сайте: http://history.franko.lviv.ua/yak_r6-2.htm.

⁴² Радакова Е. Указ. соч. С. 3.

⁴³ *Аркас М.* Указ. соч.

⁴⁴ *Сюнджуков І.* Серце «регулярної держави». Петровський Петербург та украйнці. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: <http://www.day.kiev.ua/19680/>.

⁴⁵ *Грушевський М. С.* Указ. соч.

⁴⁶ *Власов В.* Історія України: 8 клас. /За ред. Ю.А. Мицика: Навч. посібник. Київ, 2000. С. 203.

⁴⁷ *Голубець М.* Велика історія України. Ссылка дана по тексту, доступному на сайте: <http://exlibris.org.ua/greathistory/r27.html>.

⁴⁸ Октябрь forever. Зачем России «колонии» или еще раз о вялых агрессорах // Запрещенные новости. Выпуск 319. Ссылки даются по тексту, доступному на сайте: <http://www.rasmas.info/archive.phtml?did=1202&y=2006&m=11&d=11>.

Автор статьи, скорее всего, житель Белоруссии, взял себе псевдоним Товарищ У.

⁴⁹ *Иванов С.* Россия—Украина. Дороги истории...

⁵⁰ *Сюнджуков І.* Указ. соч.

⁵¹ Октябрь forever. Зачем России «колонии» или еще раз о вялых агрессорах...

⁵² Там же.

Русско-украинские отношения в XIX — начале XX века

В. Д. Яремчук

Украинский вопрос в контексте исторической судьбы Российской империи (взгляд с украинской стороны)

Существенной составляющей темы взаимного общения и восприятия России и Украины в исторической ретроспективе является фактор существования украинского вопроса в империи Романовых во второй половине XIX — начале XX в. Как известно, эта проблема касается процесса само-реализации украинской нации, как впрочем, и других, в ходе борьбы народов империи за свое социальное и национальное освобождение. Исходя из довольно большой смысловой нагрузки, названная проблема традиционно является довольно острой, нередко, под воздействием официальных факторов, выходя за рамки научных дискуссий в политическую сферу, что приводит к искажению взглядов русского и украинского народов друг на друга.

Не является секретом, что тяготение Московского государства к Украине существовало с момента ее создания. Присоединение Киева, в прошлом великой славянской столицы, центра восточного православия означало для Москвы значительный цивилизационный скачок вперед, к имперскому величию и европейской мощи¹. Это позволяло московским повелителям подтвердить свою преемственность от Киевской Руси, что и было закреплено Петром I в официальном названии государства — Российской империи. В основе этих действий лежали geopolитические мотивы, послужившие алгоритмом для последующих событий в регионе.

Вхождение украинских земель в состав империи Романовых нашло официальное обоснование как исторически обусловленный процесс естественного возвращения “исконно русских” земель, отторгнутых от России в силу исторических случайностей, что для украинского этноса в будущем имело крайне негативные последствия. С этих пор Украина трактовалась как органическая часть империи, что ускорило введение здесь унифицированных общероссийских норм, которые касались и коренного населения — «малороссов», которые должны были утратить свои характерные черты и превратиться в «настоящих русских»². Вследствие этого, автономному казацкому государству была уготована участь пре-

вратиться в конце XVIII в. в обычную провинцию, состоящую, главным образом, из 9 губерний. Само же название — «Украина», было изъято из политического обихода и заменено на Малую Россию, Малороссию, Юго-Западный край.

При этом, как отмечается в украинской историографии, правящие круги России не проявляли ни желания изыскать какую-либо форму компромисса с Украиной³, ни желания разобраться в существующих историко-политических, этнографических и культурных отличиях Малой Руси от Великой. С одной стороны, эти различия признавались ничтожными, несущественными, с другой же, стремясь достичь полной идентичности великорусского и украинского народов, использовалась идея «единой Руси» и «общерусской культуры», направленная, в конечном счете, на окончательное поглощение украинской территории и ее населения.

С возрастанием во внутренней общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни страны роли Надднепрянской Украины, которая существенно выделялась среди других «национальных районов» выгодным стратегическим расположением, самодержавие значительно усиливает внимание к региону. В системе имперских отношений не менее значимую нагрузку выполняло и коренное население — украинцы*, которое было «приписано» как ветвь к великорусскому народу. Благодаря этому, первостепенной важности мероприятию, достигалось желаемое численное превосходство русских — народов, произошедших «из одного корня» (великороссы, малороссы, белорусы) среди подданных империи. Согласно данным I Всероссийской переписи 1897 г., этот этнический конгломерат составил 66,8% ее населения, что приближало Россию к желаемому качеству — «национальному государству» при главенствующих позициях великороссов.

Это явление в области внутренней политики (объединение восточных славян под эгидой великороссов) совпадало и с внешней, связанной с продуцированием идеи «объединения славянского мира» вокруг монархии Романовых. Разумеется, в озвученной современной трактовке «рус-

* В начале XX в. на этнических украинских землях (Надднепрянская Украина в составе России, Западная Украина в составе Австро-Венгрии) насчитывалось около 36 млн. населения, среди которых украинцы составляли около 3/4. По подсчетам проф. С. Рудницкого, в 1912 г. на собственных этнических землях проживало 33 млн. украинцев, из них в России свыше 28 млн. чел. (См.: Украинский народ в его прошлом и настоящем / под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского, М. М. Ковалевского, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымского, М. И. Туган-Барановского, А. А. Шахматова. Т. И. Петроград, 1916. С. 371).

ской идеи» роль украинского, внутреннего фактора не должна была получить дестабилизирующего звучания, что ускорило процесс перехода украинского народа в разряд «неисторических», «плебейских» (М. Драгоманов). Эта проблема актуализировалась для царизма тем, что потеря украинских территорий могла привести к дестабилизации всей общественно-политической жизни империи, падению ее величия⁴. По причине этой реально существующей угрозы российская сторона стремилась вообще не касаться проблемы самоопределения украинцев, сведя ее, в крайнем случае, к историко-филологическим дискуссиям.

Исходя из этого, украинский вопрос в России с конца XVIII в., момента ликвидации остатков гетманской автономии, и до раз渲ала империи в 1917 г., был полностью нелегитимным. Согласно официальной доктрине, этот вопрос был решен путем воссоединения Малороссии с Москвой в 1654 г. Дальнейшие действия монархии были продемонстрированы Валуевским циркуляром (1863 г.), Эмским указом (1876 г.) и многими другими, когда украинское национальное движение заведомо рассматривалось как инспирация внешних факторов (польская, австро-германская интриги), авантюрные действия отдельных личностей, проявление политической неблагонадежности, угроза «единой и неделимой России».

Ситуация была усложнена и тем, что преградой для украинского национально-освободительного движения была не только империя, но и русское общество, которое давно утратило представление об Украине как национальном организме⁵. Несмотря на видимые отличия в народной культуре и быте, на то, что «хохол» и «кацап» никогда не считали, что принадлежат к одному народу, просвещенное общество продолжало придерживаться официальной доктрины о единой русской народности, из чего выплывала целесообразность окончательного слияния украинского и великорусского народов на базе последнего. В свое время алгоритм этой схемы показывал академик Ф. Корш, подчеркивавший, что ее главными составляющими была эксплуатация фактора этнической близости, сведение проблемы к эмоциям: «...он (украинец. — В. Я.) — русский. Мы — тоже русские. Стало быть он ничем не отличается от нас и не имеет требовать ничего особого»⁶.

Против украинцев была направлена и официальная историческая наука. В частности, широкое распространение получила теория профессора М. Погодина, согласно которой украинцы не были автохтонами в Надднепрянской Украине, Киеве, где будто бы до начала XIV в. проживали великороссы. Несмотря на то, что преимущественно украинскими учеными на основании исторических и этнографических данных была дока-

зана несостоительность этой теории, в российской общественной мысли оставались главенствующими прежние убеждения наподобие того, что Украина является «исконной отцовской вотчиной», а украинцы-малороссы, в лучшем случае, — косвенное ответвление русских, их язык — русский диалект. Естественно, что такие убеждения открывали перспективу для окончательной денационализации и насилиственного слияния с великороссами. Этому способствовали и многочисленные «научные» издания, которые стремились доказать полную тождественность малороссов и великороссов.

На рубеже XIX—XX вв. в российской научной и интеллигентской среде продолжали иметь место довольно противоречивые оценки по украинской проблеме. Об этом свидетельствует и такое фундаментальное издание, как Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефона, где при анализе Украины, украинского населения (статьи: «Россия», «Малороссы», «Украина» и др.) авторы основывались, главным образом, на обанкротившейся теории упомянутого Погодина.

Как прямое следствие антиукраинских действий со стороны самодержавия, отношения российского общества, его интеллигентской верхушки к украинскому вопросу традиционно было двойным, главным образом, колеблясь в амплитуде от безразличия до открытой враждебности. Не говоря об откровенных украинофобах, представители либерально-демократического лагеря, среди них и В. Белинский, не желали признать отдельности украинского народа, его права на самостоятельное развитие. «Не замечал» украинцев и один из авторитетнейших творцов славяно-фильской доктрины И. Аксаков, который, анализируя политическую ситуацию в Юго-Западном крае (Малороссии) сводил ее к цивилизационному противостоянию между православной Россией и католической Польшей. Парадокс, но им виделись в этом регионе «польский вопрос», «еврейский вопрос», но ни в коем случае не украинский⁷, который касался коренного населения Надднепрянщины: «Малороссийского вопроса не существует... потому, что этот вопрос общерусский, земский, народный, вопрос всей Русской земли... Заднепровская Украина и Белоруссия — не завоеванный край, о котором можно спорить, а часть живого тела России: здесь нет места ни вопросу, ни спору»⁸.

Анализируя настроения в российском обществе в начале XX в., известный участник национального движения А. Лотоцкий, по долгу службы длительное время находившийся в Петербурге, отмечал, что его представители, не испытав на себе национального порабощения, были не в состоянии понять хотя бы в общих чертах суть украинских стремлений,

освободиться от стереотипов и мифологем по отношению к украинцам. В связи с этим состояние русско-украинских отношений им виделось как фатальное⁹. По утверждению В. Левинского, 9/10 великорусского общества не понимали сути украинского вопроса и украинских стремлений, проявляли элементарное незнание (как, впрочем, и по другим национальным вопросам в Европе) и относились к нему откровенно враждебно. По его мнению, среди большинства великорусского общества, его правых элементов, борьба с украинством стала политической программой, особенно после событий 1709 г., когда любое движение в среде украинцев преимущественно расценивалось как «мазепинство», что в конце концов обрекало последних на угасание и смерть¹⁰.

В то же время, касаясь направленности украинского национального движения середины XIX — начала XX вв., начиная от Кирилло-Мефодиевского братства (1846—1847 гг.), «громадовского движения» (1870—1890-е гг.), Братства тарасовцев (1890-е гг.), следует отметить, что оно не носило сепаратистской направленности, желая достижения самореализации украинского народа в рамках обновленной России (культурно-национальная автономия, политическая автономия, федерация). Эти стремления, типичные и для других народов империи, находили понимание и поддержку среди украинской элиты, народных масс.

Автономистическое направление было основным и среди формирующихся украинских политических партий Надднепрянской Украины в начале XX в., начиная с Революционной украинской партии, УСДРП, украинских эсеров, Украинской демократической партии, что нашло наиболее целостное оформление в проекте конституционного преобразования России, предложенного М. Грушевским весной 1905 г. — достижение Украиной широкой политической автономии при общем федеративном устройстве России¹¹. Лишь незначительное радикальное крыло, в частности, сторонники Н. Михновского (Украинская народная партия, Украинская радикальная партия) находились на позициях политического сепаратизма, т. е. восстановления украинской государственности при обязательном отделении от Российской империи.

Несмотря на это, отношение к украинскому вопросу, национальному общественно-политическому движению со стороны российского общества, создающихся в начале XX в. политических партий, практически не изменилось. Проблема по-прежнему состояла в том, что российские политические силы не смогли приблизиться к пониманию того, что национальные движения империи были объективным отражением и потребностью каждой нации. Весь спектр политических партий, который

традиционно складывался из основных трех направлений — социалистического, либерального и консервативного, — по разным причинам стремился, главным образом, лишить украинское движение национального содержания и ввести его в русло общероссийского политического движения, или же вообще ликвидировать.

Так, всероссийские политические партии социалистического направления (РСДРП, ПСР), традиционно оттягивая на себя значительную часть активных членов украинского общества, своей идеологической позицией и практической деятельностью, враждебным отношением к проявлениям «буржуазного национализма», стремились поглотить близкие им по идеиной платформе украинские партии, или же отодвинуть их на обочину политической жизни. Несмотря на то, что основные требования программ этих партий по национальному вопросу включали право наций на политическое самоопределение (вплоть до отделения), национально-территориальную автономию, федеративное устройство государства, на практике их действия сводились к воссозданию России как унитарной социалистической республики. Тем более, что эти партии, не выходя за рамки либеральной мысли России второй половины XIX в., признавали созданием Польши и Финляндии, что правом на самоопределение (отделение) могли воспользоваться только две наиболее культурные и готовые нации. Игнорирование национальной проблематики и навязывание украинским социалистическим партиям общероссийских канонов привело к тому, что накануне Первой мировой войны взаимоотношения между ними были чрезвычайно обострены.

Украинский вопрос стал определенным индикатором зрелости и одновременно «ахиллесовой пятой» для российского либерализма, направления, которое, теоретически признавая за нерусскими народами права на сохранение национальной самобытности, неоднократно высказывало симпатии и к украинцам. Однако, выдвигая демократические лозунги в сфере гражданских прав, в области национальных отношений либералы придерживались господствующих в российском обществе имперских позиций. Так, ведущая партия этого направления, конституционно-демократическая (кадеты), с момента образования видела гармонизацию национальных отношений в России в копировании опыта и соответствующих моделей разрешения национальной проблемы «цивилизованным» путем в Англии или США¹². Однако под влиянием правых сил кадеты были вынуждены отказаться от лозунгов права наций на самоопределение, федеративного устройства, национально-территориальной автономии. Их национальная программа, основой которой был постулат

«единой и неделимой России», большей частью сводилась к намерению гармонизировать национальные отношения путем введения местной автономии, по сути — развитого местного самоуправления, исключением могла стать только Польша, для которой предусматривалось предоставить ограниченную политическую автономию. Другие народы, в том числе и украинский, должны были довольствоваться правом культурно-национального самоопределения. При этом кадеты подчеркивали, что вопрос автономии для России преждевременен, и должен осуществляться только после «политического освобождения»¹³.

Правое крыло кадетов откровенно демонстрировало великороссийский национализм, считая, что Россия является национальным российским государством. Левые кадеты во главе с П. Милковым осуждали эту крайнюю великодержавную позицию, настаивая на необходимости «мирного» сосуществования национальностей в рамках единого государства. Намерения кадетов относительно осуществления радикальной политической и социальной реформ, обращение, хотя и в урезанном виде, внимания на национальный вопрос, формировало почву для русско-украинского диалога, которое осуществлялось через Товарищество украинских прогрессистов, в Государственных думах, хотя перспективы такого сотрудничества оставались неопределенными.

Широкое распространение в Надднепрянской Украине в начале XX в. получили общероссийские консервативно-монархические и правые политические организации, главной задачей которых было стоять на страже незыблемости политической системы государства и защищать русские национально-политические ценности. В значительной степени они создавались с целью нейтрализации украинского национального движения¹⁴. Во многих городах Украины открылись филиалы русских черносотенских организаций. Активизация деятельности правых политических сил было ответом монархии на попытки трансформации империи, что вело к эскалации межнациональной вражды, в т. ч. и по отношению к украинскому движению. Традиционно рупорами украинофобии в Украине выступали средства массовой информации, в частности, такие одиозные газеты, как «Киевские ведомости», «Южный край» (Харьков).

Зримых успехов украинское национальное движение достигло только благодаря первой русской революции 1905—1907 гг. В 1905 г. правительственный комиссией был вынесен вердикт о самостоятельности украинского языка и о том, что малороссийское население имеет право, как и великорусское, использовать родной язык в публичной жизни и печати¹⁵. Это событие позволило ликвидировать старый стереотип относительно

украинцев-малороссов и добиться признания существования украинской нации как самодостаточного явления, что, впрочем, мало изменило статус украинцев в системе политических и межнациональных отношений империи.

Непродолжительный период либерализации политического режима дал ощутимый импульс к активизации украинского общественно-политического движения, насыщения его различными формами (создание культурнических организаций, сети политических партий, национальной прессы, попытками введения украинского языка в образовательный процесс и т. п.). Однако, начиная с 1907 г., когда в официальной политической доктрине произошел поворот к воинствующему панславизму, этот процесс был остановлен¹⁶. Задействование государственной карательной машины привело к тому, что к началу второго десятилетия XX в. произошло почти полное замирание украинского общественно-политического движения.

При этом по отношению к украинскому населению царизм произвольно использовал государственную политическую доктрину. Так, согласно циркуляру министра внутренних дел и главы правительства П. Столыпина (январь 1910 г.), украинцы впервые были приравнены к инородцам. Благодаря этому правительство «развязывало» руки в борьбе против легально действующих украинских институций (прессы, издательств, клубов, «Просвіт»). Добившись желаемого с помощью фактора «инородчества», в 1911 г. вышепомянутым П. Столыпиным был освящен переход к традиционной трактовке украинцев-малороссов как составной части триединой русской народности. Украинское национальное движение рассматривалось как опасное явление сепаратизма, которое, якобы, давно утратило свою основу и исторические права, уступив место природному процессу объединения (слияния) родственных между собой славянских народов. Последняя активизация украинского движения, по убеждению представителя высшей царской бюрократии, была связана с внешними «непримиримыми сепаратистами» (австрийский след)¹⁷.

Таким образом, в условиях политический реакции и восстановления России в качестве мощной империи, украинское национальное движение, как и национальный вопрос, были обречены на полное непризнание, манипулирование и удушение любыми средствами. Правительственные меры практически вели к возвращению времен антиукраинских указов 1863 и 1876 гг., что создавало почву для создания лишенных основания инсинуаций и доносов со стороны националистически настроенной части российского общества, разжигало национальную вражду.

О существовании украинского вопроса в Российской империи в последующее время напоминали лишь отдельные проявления в общественной жизни, связанные, главным образом, с ознаменованием 50-летия со дня смерти Т. Шевченко (1911 г.), или же с запрещением властями празднования в Надднепрянской Украине 100-летия со дня рождения народного поэта (1914 г.) и вызванные этими событиями русско-украинская дискуссия интеллектуалов, прения в Государственной думе.

Так, «украинские напоминания», которые высказывались в украинской публицистике в 1910—1911 гг., актуализировали проблему права наций в культурной и политических сферах, дали толчок к русско-украинской дискуссии. Теоретик кадетов П. Струве посвятил этому целую серию статей в журнале «Русская мысль», которые были направлены на поиск путей гармонизации национальных отношений империи. В них рассматривались вопросы, в частности, считать ли малороссов и белорусов отдельными нациями, быть России «национальным государством» или «государством национальностей»¹⁸ и др. Однако, за теоретическими выкладками Струве проглядывалась централистская позиция, в которой игнорировалось право украинского народа на самоуправление, исходя из того, что Украина — это древнейшая часть России, а Киев — мать городов русских. В целом, обсуждение проблемы, в которой приняли участие Б. Кистяковский, С. Ефремов, С. Петлюра, Н. Порш, Ф. Корш, В. Жаботинский и другие, свидетельствовала о том, что российская либерально-демократическая мысль не смогла адекватно оценить как само движение украинцев, так и их требования¹⁹. Как показали последующие события, ни довольно горячая дискуссия в прессе на протяжении 1911—1912 гг., ни скандальные дебаты в Государственной думе в начале 1914 г. по поводу украинской проблемы, не оказали реального влияния ни на российское общество, ни на правительенную политику.

Антиукраинские действия правительства в начале второго десятилетия XX в., вызванные в значительной степени эскалацией международной обстановки, и в связи с этим попыткой очередного выявления и обезвреживания «мазепинского» и украинофильского движения, не случайно совпали с волной великодержавного шовинизма. Как заявлял один из лидеров киевского «Клуба российских националистов», «...мы проспали украинофильское движение... Теперь украинофильство выросло так, что с ним уже необходимо считаться и бороться»²⁰.

Все более откровенно призывали к крестовому походу против «мазепинства» средства массовой информации, политическая публицистика, что формировало соответствующую точку зрения в обществе. Среди мно-

гих авторов, которые не останавливались перед откровенной фальсификацией и дискредитацией украинского национального движения, назовем С. Щеголева, который на протяжении 1912—1914 гг. издал массовым тиражом две книги, в которых основная оценка украинского движения сводилась к «взлелянной мятежными гетманами идеи государственной измены»²¹. Нападкам подвергались и идейные принципы украинского движения, в частности, федерации и автономии²². Как известно, такие действия создавали благоприятную почву для распространения украинофобских взглядов.

С целью определения отношения к украинскому вопросу со стороны российского демократического общества в 1912 г., в журнале «Украинская жизнь», который выходил в Москве, была помещена обширная анкета*. Хотя редакция получила довольно много ответов с позитивными откликами, в частности академика Ф. Корша, М. Горького, В. Обнинского, ряд которых было опубликованы²³, они подтверждали, что в обществе в целом украинский вопрос и его составляющие остаются неизвестными и искаженными.

Общее обострение политической ситуации в империи накануне и в ходе Первой мировой войны не позволяло надеяться на позитивные изменения в отношении к украинском народу. К таким неутешительным выводам склонялись и лидеры украинства. В частности, редактор журна-

* Созвучно с этими идеями зарубежное издание Н. И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма», переизданное в Москве в 1996 г. В предисловии книги подчеркивается: это «единственный научный труд во всей мировой историографии, специально посвященный этой проблеме», что делает его «оглушительно современным»(?!). На самом деле современность книги состояла в непочтительном освещении украинской истории, национального движения, который безосновательно сводился лишь к сепаратизму отдельных личностей. Чего стоит и первая страница произведения: «За все 300 лет пребывания в составе Российского государства, Малороссия-Украина не была ни колонией, ни порабощенной народностью». Относительно самого украинского народа, делался вывод, что после 1654 г. он «ни о чем так не мечтал, как об усилении этого подданства» (См.: Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. V, 1, 3, 60).

** Среди вопросов анкеты были следующие: признаете ли вы отличие украинцев от других славянских народов, в т. ч. от великороссов; отношение к вопросу об ассимиляции украинского народа или его полному исчезновению как этноса; отношение к украинской школе и культуре, использованию украинского языка в государственных и общественных учреждениях; нынешние русско-украинские взаимоотношения и перспективы отношения к Украине со стороны государства и русского общества и т. д.

ла «Украинская жизнь» С. Петлюра писал, что в атмосфере полного равнодушия и игнорирования со стороны русских марксистов и либералов, украинцев ждали только «предупредительные» мероприятия власти и нелепые инсинуации националистически настроенного русского общества²⁴. По причине несовместимых «весовых категорий» украинцы и далее были обречены на отсутствие взаимопонимания со стороны титульной русской нации. Как следствие этого, в период обновления России, которое началось с февральской революции 1917 г., российская демократия оказалась неготовой к решению общего национального вопроса в масштабах страны, в том числе и украинского, что повлекло за собой новую волну напряженности между русским и украинским народами и их лидерами.

Примечания

¹См.: Клейнер І. Національні проблеми останньої імперії. Париж, 1978. С. 163–164.

²См.: Субтельний О. Україна: історія. К., 1991. С. 185.

³См.: Демкович-Добрянський М. Україна і Росія. Історичні нариси на теми російського імперіалізму. Львів–Краків–Париж, 1993. С. 76, 78.

⁴См.: Драгоманов М. П. Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос. Казань, 1906. С. 119.

⁵Наши задачи // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 7.

⁶Цит. по: Чигирин А. Украинский вопрос. Париж, 1937. С. 4–5.

⁷См.: Аксаков И. С. По поводу письма Ригера о польском вопросе // Аксаков И. С. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 3. СПб., 1900. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. С. 90.

⁸Там же.

⁹См.: Лотоцький О. Сторінки минулого. Ч. 2. Варшава, 1933. С. 401–404.

¹⁰См.: Левинский В. Царская Россия и украинский вопрос. Женева, 1917. С. 45–53.

¹¹См.: Грушевський М. Конституційне питання і українство в Росії // Літературно-науковий вісник. Т. 30. Львів, 1905. С. 245–258.

¹²См.: Щербак Н. Дискусії про шляхи вирішення національного питання в Російській імперії на початку ХХ ст. // Наукові записки / Збірник. Вип. 18. К., 2002. С. 71.

¹³См. шире: Самолов Ф. Національна програма російських конституційних демократів на початку ХХ ст.: українське та польське питання // Україна і Польща в ХХ столітті: проблеми і перспективи взаємовідносин. Збірник наукових праць / За ред. П.М. Чернеги. Київ–Краків, 2002. С. 24–25; Щербак Н. Указ. соч. С. 71–76.

¹⁴ См.: «Українське питання» в Російській імперії (кінець XIX — початок ХХ ст.). Колективна наукова монографія в трьох частинах. Ч. 3. К., 1999. С. 55.

¹⁵ См.: Императорская Академия Наук. Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1905. С. 5—9, 15.

¹⁶ См.: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 2000. С. 256.

¹⁷ См.: Левинский В. Указ. соч. С. 13—14.

¹⁸ См.: Струве П. Письма национальностям и регионам // Русская мысль. 1911. Кн. I. Январь. С. 184—187.

¹⁹ См.: Українець [Кистяковский Б.]. К вопросу о самостоятельной украинской культуре // Русская мысль. 1911. Май (№ 32). С. 141.

²⁰ Цит. по: Політична історія України: Посібник / За ред. В.І. Танцюри. К., 2001. С. 196.

²¹ Щеголев С. Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи. К., 1914. С. 4.

²² См.: Щеголев С. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. К., 1912. С. 526, 537.

²³ См.: Об украинском национальном возрождении (Ответ на анкету «Украинской жизни») проф. Ф. Е. Корша // Украинская жизнь. 1913. № 1. С. 14—24.

²⁴ См.: Петлюра С. В. О переоценке // Украинская жизнь. 1913. № 1 . С. 5—6.

М. В. Лескинен

Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX века. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа*

Термин «нрав народа» и формирование предметного поля российской этнографии

Этнография как самостоятельная дисциплина складывалась в России на протяжении XIX столетия. Начало ее институализации как отдельной науки связано с созданием в 1845 г. Русского географического общества (РГО), одним из подразделений которого стало Отделение этнографии. Этнографическая работа имела в первую очередь прикладное значение и рассматривалась, как и в немецкой науке, в качестве части программы описания Отечества с географической и статистической точки зрения. Это было продиктовано целями создания Общества и пониманием географии. Общая география (землеведение — в терминах эпохи) мыслилась как естественная группа наук: «математическая география, физическая география, этнография и статистика», а «география в тесном смысле» подразумевала описательную географию (т. е. страноведение)¹. Бытовой и общественный уклад различных народов ставился в прямую зависимость от своеобразия климата, почв и природных ресурсов, достаточных или недостаточных для выживания и развития этносов. Включение этнографии в предметное поле географической науки имело далеко не только формальные и практические последствия. Оно определило термины и понятия, круг задач и теоретические построения этой — еще скла-дывающейся — дисциплины. В 1846 г. глава Отделения этнографии и со-учредитель Общества К. М. Бэр так сформулировал объект ее изучения в качестве отрасли географических знаний: «физические свойства на-рода, умственные способности его, религию, предрассудки, нравы, спо-собы к жизни, жилище, посуду, оружие, язык, поверья, сказки, песни, музыку и проч.»² Он рассматривал этнографию прежде всего в приклад-ной плоскости, предлагая акцентировать внимание на изучении нерус-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №07-01-00155а.

ских народов империи, иначе говоря, исходил из задач этнографии как «Völkerkunde»³. В перечне предмета этнографического описания обращают на себя внимание следующие: «умственные способности» и «нравы» и «способы к жизни» — иными словами, нрав и ум выражают разные проявления характера народа (этноса), а под расплывчатой формулировкой «способы жизни», вероятно, скрывается то, что называлось тогда «бытом».

Этнография, таким образом, находилась под воздействием идеи географического детерминизма, согласно которой образ жизни, этническое своеобразие и история народа обусловлены в первую очередь природными факторами. Новый этап в деятельности Отделения этнографии связан с преемником Бэра — Н. И. Надеждиным, ориентировавшимся, в отличие от своего предшественника, на изучение «народности русской», под которой тогда понималась восточные славяне, — т. е. этнического своеобразия материальной и духовной культуры государствообразующего этноса.

В программной работе «Об этнографическом изучении народности русской»⁴ (1847 г.) Надеждин впервые сформулировал предметное поле и методы этнографии как самостоятельной дисциплины. При этом он вывел термин «народность» за рамки философско-эстетической парадигмы, сложившейся в российском обществе, и определил его в качестве нормативного для этнографии. Хотя задачи этнографической науки, как и прежде, связывались с *описанием* народов — их физического облика, материальной культуры, быта, Надеждин вкладывал в понимание «народности» «совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых слагается физиономия... человека, отличающая его от всех прочих людей»⁵: «Народность» — «живописание отечественных обычаяев и нравов», «народного характера»⁶. То же значение отмечено в словаре Даля: «совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого»⁷.

Народность у Надеждина являлась качественной характеристикой, а не структурной единицей классификации этносов (племя — народность — нация) и не синонимом терминов «народ» (в значении «национальность»). Она ближе всего по значению к современному понятию «этничности»⁸, а термины «народ» и «народность» можно (с некоторыми оговорками) рассматривать как соответствующие понятиям этнос/этничность с тем существенным отличием, что этнография XIX в. не принимала в расчет самоопределения и самосознания народа, а концентрировалась исключительно на объективных — поддающихся внешнему наблюдению и категоризации — данных.

Главные задачи этнографии в России связывались Надеждиным с описанием русского и других народов с акцентом на те группы населения, «в коих народные особенности сохраняются наиболее», т. е. на «так называемый простой сельский народ»⁹. «Для ознакомления же с отличительными чертами той или иной народности необходимо обращаться к крестьянству, сельской массе, которая лучше сохраняет своей народный характер, свои природные черты», — писал один из авторов десятитомного издания «Русская земля (Сборник для народного чтения)»¹⁰.

Отождествление крестьянства с народом было вполне в духе времени и длительное время не подвергалось сомнению. Представление о том, что именно крестьянство воплощает и сохраняет в себе традиционный народный уклад и нормы жизни, приводило к теоретической посылке, что в быте и нравах одного этого сословия запечатлены отличительные, своеобразные качества всякого этноса. Поэтому именно крестьянское сословие стало главным объектом этнографического изучения.

В основе методики исследования Надеждина лежало сравнение быта и нравов различных «отраслей» или «племен» одного народа. Его классификация направлений этнографии дает возможность реконструировать признаки этноса: язык, физический облик (антропологический тип) и психика. Изучение последней подразумевало «обозрение и исследование всех тех особенностей, коими в народах более или менее знаменуются проявления «духовной» стороны природы человека, т. е. умственные способности, сила воли и характера, чувство человеческого достоинства»¹¹. Иногда психика выступала как синоним понятия «нрав народа»¹², включая в себя его отдельные элементы и свойства, касающиеся ума, характера, нравственности и темперамента¹³. В. И. Даль трактовал «нрав» как «свойства целого народа... не столько зависящие от личности каждого, сколько от условно принятых, житейских правил, привычек, 'обычаев'»¹⁴. Если под «умственными способностями» подразумевались объективные, выработанные свойства, то под «нравственными» — такие особенности проявления темперамента и выражения чувств, которые обусловлены происхождением и психическими особенностями, передающимися по наследству или зависящими от природных факторов. Именно «врожденность» нрава и передача «по крови» оправдывали его характеристику как научно-объективную.

Народная психология или «нрав» народа включены в качестве отдельного раздела в первую российскую Программу сбора сведений по этнографии, созданную под руководством Надеждина в 1848 году; ее реализация и интерпретация легли в основу работы Отделения этнографии в по-

следующие десятилетия его деятельности. Из шести частей описания этот пункт занимал пятое место после описания наружности, языка, домашнего и общественного быта и формулировался как «умственные и нравственные особенности и образование»¹⁵. В течении 30 лет программа Надеждина оставалась главным методическим руководством для сбора сведений по этнографии России. Даже в 1914 г. Д. К. Зеленин писал, что программа эта остается вполне удовлетворительной и с точки зрения современной научной этнографии¹⁶.

Представление о «психическом складе» народа содержало в себе описание того, что выражает его «умственные способности, силу воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и... стремление к беспрерывному самосовершенствованию». В пояснении к программе подробно указывалось, что именно необходимо определить в этом разделе: «сведения о понятливости, сметливости жителей, о распространении грамотности и характере обучения, об отношении между собой различных групп, о некоторых народных обычаях»¹⁷. Психический склад в буквальном смысле слова «составлялся» из умственных способностей, нравственных норм и отступлений от них, выражался в характере и темпераменте. Особенно значимы следующие особенности способа фиксации качеств, включенных в данную категорию этнографического описания: они должны были выявляться информатором так же, как, например, «наружность», т. с. средствами внешнего наблюдения, а не методом реконструирования на основании изучения определенного материала. Выводы надлежало делать позже — тем ученым, в обязанности которых вменялся анализ собранных материалов.

В одной из своих публицистических работ 1837 г. Надеждин расшифровывал термин «народная физиономия», значение которого близко по значению к понятию «национальный характер»: «Народы отличаются между собой и особым образом телом, преимущественно лицом, и особыми отливами животного темперамента, и, наконец, особым сложением духовного организма, производящим более или менее резкие особенности в приемах ума, в движениях воли»¹⁸. Темпераментом он объясняет склонность к тем или иным видам творческой деятельности; отождествляет волю и характер: «иные суровы, жестокосердны, строптивы, буйны; другие, напротив, мягки, добродушны, кротки и покорны»¹⁹. Различие темпераментов, по его мнению, «происходит от двух главных причин: во-первых, от географических особенностей местопребывания; во-вторых, от генеалогических особенностей происхождения каждого народа. Условия местопребывания и по времени и по важности своей суть глав-

ные причины, придающие особую физиономию народу»²⁰. Убежденность в том, что категория «умственных и нравственных качеств» народа-этноса может быть описана как объективно-научная, проистекала именно из идеи природной обусловленности этих и других этнических черт.

И Надеждин, и его последователи видели задачу этнографической науки в описании. Хотя этнографы 1850—1870-х гг. занимались сбором сведений по программе Надеждина, требующей первичного анализа даже простой визуальной информации, сам способ описания консервировал метод внешнего, причем непрофессионального наблюдения. Основной контингент интервьюеров состоял из добровольных помощников, как правило, военных и представителей провинциальной интеллигенции, что искусственно ограничивало обзор, широту видения, а также обесценивало потенциальную возможность полной интерпретации получаемых сведений.

Стройной и обоснованной концепции этноса к середине века еще не сложилось. Но, как известно, сам акт описания «проявляет» существующие в сознании человека категории и способы интерпретации. Всякое описание позволяет, таким образом, реконструировать представление об объекте описания (т. е. о народе), поскольку оно требует от наблюдателя более или менее определенной, по словам современного этнографа П. С. Куприянова, «не научной, но обыденной концепции этноса»²¹. Любое описание содержит в себе систему категорий, принципы отбора и взаимодействия между отдельными элементами. Ненаучные этнографические описания — путешествия, путевые дневники и др. аналогичные виды текстов — вплоть до конца XX в. воспринимались российской этнографией как вполне приемлемые в качестве источников, поскольку происходило отождествление представлений наблюдателя с объектом его наблюдения²². При этом российские исследователи народов Российской империи второй половины XIX в. почти полностью игнорировали (исключением можно считать юридическую этнографию) традиционную народную картину мира с ее базовыми оппозициями «мы/они», «свой/чужой», предоставив изучение данной области этнического сознания исследователям словесности и фольклора. Это не могло не привести в тому, что всякие характеристики народного «характера», содержащиеся в этнографических описаниях — каковыми выступали в равной степени, как черты ума, темперамента, так и отношение к нормам религиозной морали и поведенческие и речевые стереотипы и т. п. — могли быть интерпретированы в качестве объективно существующих. Проблема интерпретации довольно остро всталась в 1870—1880-х гг., но и тогда критерии

объективности в отношении подобных описаний формулировались очень размыто. Это не могло не привести к явной избыточности и маркированности понятия «нрав» в складывающейся теории этноса, что повлекло за собой включение элементов, которые сегодня принято относить к области этнокультурных стереотипов, в научные этнографические тексты второй половины века под рубрикой «нрав».

Не вдаваясь в детальный разбор эволюции понятия «нрав народа» в русской этнографии второй половины века, отметим только основные тенденции. В целом этнография 1850—1880-х гг. оказалась «в плену» географического — естественнонаучного и антропогеографического — взгляда на предмет и методы «народоведения». Идею объективно-научного обоснования «нрава» как одного из этнических признаков разделяли в то время преемники Надеждина, историки, антропологи и многие другие. Среди них был К. Д. Кавелин, сменивший Надеждина на посту руководителя Отделения этнографии РГО в 1856 г. Кавелин полагал возможным реконструировать народное самосознание по текстам традиционной устной культуры²³ и ратовал, хотя и безуспешно, за расширение области психологических исследований, обосновывая необходимость изучения коллективной (в частности, этнической) психологии. Он стремился избегать распространенного отождествления современного наблюдателю состояния с историческим укладом этноса. Однако его призывы не были услышаны, и потому в этнографических исследованиях по-прежнему преобладал взгляд на народный быт как на нечто архаическое, традиционное, консервированное.

Не отрицая саму возможность определения и объективно-научного познания «народного духа», народности, Кавелин считал, что ее можно выразить не общими словами, а на основании выявления происхождения и исторического развития своеобразных свойств народа-этноса: «Когда народ начинает жизнь более духовной жизнью, и слово «народность» одухотворяется в его устах, он перестает разуметь под ним одни внешние формы, но выражает им особенность народной физиономии, — это нечто неуловимое, непередаваемое, на что нельзя указать пальцем, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чем один народ отличается от другого, несмотря на видимое сходство и безразличие.... Национальность становится выражением особенности нравственного, а не внешнего, физического существования народа»²⁴.

Убежденность в существовании отличительных свойств этнического характера разделяли и российские историки. Так, С. М. Соловьев утверждал, что ход событий в России «постоянно подчиняется природным усло-

виям»²⁵. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» использовал термин «национальный» или «племенной характер», над которым «природа страны много поработала»²⁶. Рассматривая характер «великоросса», историк отмечал такие его качества, как осмотрительность, изворотливость, «привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями»²⁷, выносливость, наблюдательность. Причем истоки своеобразия психического облика связывались им с природными, а не социально-историческими условиями формирования народа.

Соотношение географического и исторического факторов в формировании этносов стало предметом исследований А. П. Щапова²⁸. В значительной части своих работ, он пытался перенести законы естествознания на историческую жизнь²⁹. В частности, главнейшими особенностями складывания русского народа Щапов считал свойства его нервной организации — умеренность и медленность нервной восприимчивости как следствие холодного климата и предшествующей политической истории, а также предрасположенность к восприятию напряженных и сильных новых внезапных впечатлений. Холодный климат представляется причиной склонности к «апатичному покою», нечувствительности нервной системы, и впоследствии приводит к склонности людей к коллективной деятельности³⁰.

В целом идея существования «права народа» (само понятие в период 1860—1870-х гг. часто заменялось термином «народный характер» или «народная психология») не подвергалась сомнению, оспаривались лишь отдельные элементы надеждинской концепции. В большей степени, чем ранее, акцентировалась актуальность и важность исследований народности для современных общественных и политических нужд. А. Н. Пыпин в предисловии к известному труду по истории русской этнографии определял ее предмет как «изучения национальные, именно изучения народа и народности, с целью научным образом постичь характер и жизнь народа, как основу национальности и государства, и указать истекающие из них начала, особенности и современные потребности общественного развития»³¹. Рассуждения о характере народа в духе «психической этнографии» включал в свои сочинения Н. И. Костомаров, который, как известно, в начале творческого пути целиком разделял взгляды немецких романтиков об истоках складывания национальной самобытности. В его работах по истории Украины большое место отведено вопросу о формировании украинской народности и обоснованию тезиса о демократичности украинцев как отличительной особенности народного психического склада³²: с точки зрения историка, начала дисциплины и самодержавия

были более присущи русской народности (в надеждинском значении термина). В то же время Костомаров одним из первых подверг сомнению идею о том, что именно крестьянство является хранителем и воплощением «духа» народности и поддержал кавелинское требование исторического подхода к рассмотрению быта и нравов народа в их изменении и развитии³³.

Деятели русской антропологии (в 1880—1890-е гг. она становится самостоятельной отраслью естественных наук), в той или иной мере также разделяли — в духе европейской антропогеографии — представления о возможности описания черт типичной для этноса умственной и психической деятельности. Об этом свидетельствуют, в частности, работы М. И. Кулишера и Д. Н. Анучина. Кулишер в 1887 г. отмечал: «Разница климатов, почвы, естественных условий, которые окружают народы, несомненно, оказывают... на них влияние, несомненно отражаются на их образе жизни, на их нравах, обычаях, умственном и нравственном развитии...»³⁴ Логика автора проясняет последствия применения теории эволюционизма и идеи прогресса к этнографии: отличия между народностями связаны с возможностями человека в заданных природных условиях. Д. Н. Анучин, как и другие русские антропологи, вполне принимает представление об особенностях психического склада и характера народов, что нашло отражение в его трудах и в программах антропологических и этнографических исследований 1880—1890-х гг.³⁵ В пояснении к следующей (после надеждинской) «Программе РГО для собирания сведений по этнографии» (1890 г.) говорится: «...необходимо обращать внимание на те только свойства и наклонности ума и характера, которыми резко отличаются жители известной местности от их соседей, а не помещать того, что составляет общую принадлежность целого племени или народа. Прежде всего нужно определить важнейшую черту характера, живость или вялость его»³⁶. В сущности, перед нами усовершенствованная и детализированная надеждинская программа, основанная на концепции «нрав» народа, с кавелинскими уточнениями: «Необходимо указывать на те обстоятельства, под влиянием которых принято то или другое направление наклонности народа, и вообще сложился весь его характер,... подобные объяснения должны основываться на фактах, а не на одних умозаключениях»³⁷.

Таким образом, стереотипные и даже автостереотипные этнические черты, взаимные взгляды народов-соседей друг на друга не только не рассматривались как таковые, но и никак не интерпретировались в научной этнографической литературе XIX в. Более того, они явно не вписывались

в существовавшую концепцию этноса, ведь самосознание этнической группы, образы «чужих» и представления о себе собственно этнографию этого времени еще не интересовали, она как бы не различала их, хотя и фиксировала отдельные элементы. Для наблюдателя критерием «научности» становился его собственный взгляд — взгляд извне; именно внешнее и дистанцированное наблюдение представлялось единственно возможным. Это происходило потому, что описание являлось для наблюдателя (этнографа) объективно-научным актом, а каждый фиксируемый факт приобретал этот статус без соотнесения с позицией наблюдалемого (в лучшем случае учитывались сведения ученых предшественников или информация, содержавшаяся в записках или путевых дневниках). В этом случае понятие «нрав народа» оказывалось оптимальной категорией как для определения этнически-своебразных черт, так и для их объяснения природными, реже — социальными условиями.

Популяризация этнографических знаний

Таким образом, задачи этнографии как части географии на начальной стадии становления и позже — в качестве самостоятельной дисциплины, стоящей на границе между естественными и социальными науками, — связывались с описанием и каталогизацией народов империи. Этнографические очерки включались в географические и статистические издания энциклопедического, справочного и учебного характера. В учебниках географии им также было определено особое место.

В этих текстах отразились в полной мере концепции этноса и этничности, а также политические и просветительские задачи этнографии. В 1850—1860-х гг. в начальной и средней школе был введен предмет отечествоведения — общий курс географии Российской империи³⁸, частью которого было также родино- или отчиноведение³⁹. В 1887 г. Совет Русского географического общества счел необходимым выделить «отечествоведение» в особый курс университетского образования. В обосновании указывалось на необходимость дать «особое специальное развитие характеристике и сравнительному и самому разностороннему описанию отдельных естественных и культурных областей, на которые распадается наше обширное отчество»⁴⁰.

Характеристика уровня развития, образа и особенностей жизни народов из этнографических исследований переходила в учебные и научно-популярные тексты. Учебники и хрестоматии по отечествоведению для средней школы (наиболее известной и часто переиздаваемой была хрестоматия выдающегося педагога Д. Д. Семенова «Отечествоведение. Рос-

сия по рассказам путешественников и ученым исследованиям⁴¹) представляли собой сборники разнородных свидетельств и рассказов, целью которых было показать детям, «как люди в России живут»⁴². Когда географ и председатель РГО П. П. Семенов-Тян-Шанский предпринял попытку сугубо научного полного географо-статистического описания Отечества, издав двенадцатитомную «Живописную Россию»⁴³, то и в ней основной формой изложения материала стало словесное и визуальное *иллюстрирование*. Построенный как описание через сравнение для выявления особенностей различных регионов, данный обзор Российской империи опирался на принцип географического и экономического районирования.

В 1870—1900-х гг. параллельно с ростом значения народоведческой проблематики в научных исследованиях стала осознаваться необходимость их популяризации. Этому служили различные журналы и серийные издания, как научные («Живая старина», отчеты и публикации Русского географического и исторического обществ), так и научно-популярные и энциклопедические («Народы земли», «Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения», «Природа и люди», «Естествознание и география» и др.). Авторами и редакторами этих публикаций были видные ученые, педагоги, деятели просвещения⁴⁴.

Эти издания выходили большими тиражами, переиздавались, некоторые были хорошо иллюстрированы и пользовались заметным спросом⁴⁵. Популярные этнографические очерки, как правило, не претендовали на научное обоснование и объяснение происхождения антропологических типов, классификаций языка, материальной и духовной культуры. Их главной задачей было доступное и обобщенное изложение. Весь довольно многочисленный круг таких текстов можно разделить условно на две части. Авторы одной — ученые, которые в той или иной степени стремились обосновать и объяснить описываемое этническое своеобразие, вторая группа очерков представляет собой обработанные путевые заметки или компиляцию ранее изданных научных работ, воспоминаний и путеводителей. Причем ряд сведений или текстовых фрагментов заимствовалась, часто в абсолютно неизменном виде «перекочевывая» из одних очерков в другие. Если в изданиях первого типа акцент сделан на научном объективизме (впрочем, понимаемом достаточно разноречиво), на изложении конкретных фактов географии, истории и культуры, то для второго характерны такие черты как непосредственность, живость и акцентированный субъективизм авторского восприятия; несознанная замена конкретных сведений и наблюдений собственными суждениями

и оценками, выдаваемыми за обобщенные. Именно такие издания «для народа»⁴⁶, демонстрируют этнокультурные стереотипы авторов и их социального круга, но именно они, как можно предполагать, были более понятны и близки той специфической читательской аудитории, на которую рассчитывались⁴⁷.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что популярная литература для широких народных масс, будучи явлением одновременно и научно-популярной, и массовой культуры, отражала двойной стереотип: во-первых, в определенном смысле тиражировала общепринятые в среде специалистов представления о предмете этнографического изучения, набор основных сведений о различных народах и их интерпретацию, что дает возможность реконструировать научный уровень эпохи. Во-вторых, поскольку выбранные нами для анализа книги издавались большими тиражами и поступали в народные, гимназические и приходские библиотеки, можно утверждать, что их вторичной целью являлось формирование определенного («политически корректного») образа «своего/чужого» не только в представлениях русских, но и других многочисленных этносов, населявших Российскую империю.

«Малороссия» и «малоросс» в этнографических описаниях

Мы проанализируем три источника, наиболее типичных для литературы этнографического описания: научно-популярное многотомное географо-статистическое описание Российской империи «Живописная Россия», издаваемое под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского; пособие по отечествоведению педагога-географа Д. Д. Семенова; учебник географии А. Редрова по курсу, прочитанному в Киевской военной гимназии М. Владимирским-Будановым.

Все три текста нельзя, строго говоря, отнести к оригинальным сочинениям. Как уже указывалось, информация, рассчитанная на широкую читательскую аудиторию, в той или иной мере представляла собой компиляцию, «набирая» довольно значительные фрагменты из литературы путешествий, путевых журнальных очерков, статей, художественной литературы и научных сочинений. В данном случае мы располагаем указанием на источники⁴⁸. В качестве равноценных использовались исторические (Н. Костомаров) и этнографические исследования (П. Чубинский), произведения Гоголя и Шевченко, народные песни и поверья, записки путешественников. Однако все авторы находились в той или иной степени под влиянием идей и источников Н. И. Костомарова, изложенных им в сочинении «Две русские народности» (1861 г.).

Поскольку этнографические очерки являлись частью географического обзора империи, то и описание малороссийского народа было помещено в соответствующие разделы — по регионам. В издании «Живописная Россия» «Характеристика малороссийского племени» была включена в том «Малороссия, Подolia и Волынь (Полтавская, Черниговская, Волынская, Харьковская, Киевская губернии)»⁴⁹. В «Отечествоведении» Д. Д. Семенова глава «Характер малоросса» была помещена в томе «Южный край (Малороссия, Новороссия, Крым и земли Донского и Черноморского войска)»⁵⁰. В «Руководстве к изучению Русской земли»⁵¹ для восиной гимназии его описание являлось частью второго отдела «Русь Западная» (первый отдел под заголовком «Русь Новгородская») в главах «Малороссия», «Левый берег Днепра».

Последовательность изложения сведений соответствовала представлениям о природе этноса и его своеобразии: воплощением этнических черт и особенностей культуры является народ, т. е. крестьянство. Именно его антропологические черты, бытовая и материальная, а также духовная культура считались выражением главных черт народа (или отдельной его «отрасли»). Во всех текстах в качестве априорной (и потому не требующей обстоятельных объяснений) выступала идея о едином — русском — народе, три отрасли которого имеют общее происхождение. Так, в учебнике по отечествоведению А. Редрова, в обширном введении к основному тексту пояснялись важнейшие особенности географии Российской империи, среди которых указывался в качестве главной и позитивной черты многоплеменной состав (т. е. полизнченость) государства. В этом же введении автор утверждал, что в недалеком будущем модернизация России⁵² приведет, в том числе, и к сплочению («дружбе») населяющих ее народов. Этому будет способствовать обучение русскому языку как средству понимания и общения («будут понимать друг друга, а понимая, полюбят...»): «А жить в одном государстве и не понимать друг друга — это же ни на что не похоже! А какой язык должен быть для всех общим? Конечно, язык главного племени» — «многочисленного племени русского царства»⁵³. Еще одной особенностью России Редров считал преобладание славян, причем как «великороссиян», «малороссиян» и «белороссов», так и поляков, подчеркивая их кровное родство. Он указывал на «силу племенного, природного характера» как на отличительную особенность славян, на «неизменную верность самому себе», ибо славянский народ «всегда будет жить своим умом и своим чувством, сохранит свои *правы* и свое *устройство в домашнем и общественном быту*»⁵⁴ (выделено мной. — М. Л.). Подчеркнутые мной категории — факторы сохранения

этнической самобытности — представляют собой, как оказывается, перечень признаков этноса с доминированием качеств, описываемых термином «нрав народа». Таким образом, именно «прав народа» признавался наиболее консервативным и существенным признаком этноса, а сохранение этих качеств понималось как средство выживания и сохранения самобытности народа в целом.

Одним из критерииев отнесения к единому племени служило славянское языковое и культурное единство. При этом вовсе не отрицались и процессы иноплеменного воздействия (в частности, финно-угорское и татарское), хорошо заметные даже в антропологическом отношении⁵⁵. Антропологическая характеристика наиболее полно была представлена в очерке Д. Л. Мордовцева (по П. Чубинскому⁵⁶) в «Живописной России».

Малороссы, белорусы и великороссы — это «отрасли» или «типы» русского славянского племени, объединенные не только этническим родством, но и общей конфессиональной принадлежностью. Такое понимание русского народа стало определяющим при описании каждого из трех этносов: доминируя, сравнительный подход, хотя и не всегда определял структуру изложения, но непременно присутствовал в очерках, посвященных «нраву».

В рассматриваемых нами текстах не наблюдается, однако, единогласия в трактовке географических понятий «Украина» и «Малороссия». Как отмечается современным российским исследователем, эти «два понятийных ряда долго сосуществовали», что нашло «преломление в этногеографической номенклатуре»⁵⁷, т. е. в употреблении производных «малоросс» и «украинец». И в «Живописной России», и в пособии Д. Д. Семенова, и в учебнике А. Редрова это вполне отчетливо прослеживается. Однако в большей степени это касается все же географических, а не этнических наименований. Автор очерка «Малороссийское племя», которым, кстати, открывается том «Живописной России»⁵⁸ — Д. Л. Мордовцев — сетовал на «неуловимость» понятия «Малороссия», так как «в государственном смысле», писал он, «оно выражает собою нечто неполное, неопределенное, а в смысле этнографическом оно осложняется тем, что малороссами себя признают и те этнографические разветвления малорусского племени, которые территориально с ней не связаны»⁵⁹. При этом, поскольку «под именем Малороссия» «понимается известная группа южнорусских губерний», то народы, населяющие данный регион, согласно логике этого автора, вполне могли именоваться «южнорусской великой семьей», и потому термин «южноруссы» неоднократно использовался как синоним слова «малороссы» (в тех случаях, когда речь идет о компактно про-

живающих и однородных в этническом отношении районах). А. Редров также указывал, что «слова «Малороссия», «Украина» и «малоросс», «украинец» вообще употребляются у нас в очень неопределенном значении. Собственно Малороссию составляют губернии: Киевская, Черниговская, Полтавская и Харьковская, а население занимает обширную страну, простирающуюся от Днестра и Южного Буга до Дона и Крыма»⁶⁰. При этом несколько ранее он более точно устанавливал границы Малороссии, включая в нее также южную часть Волынской и Подольской губерний⁶¹. Здесь важно обратить внимание на то, что этноним определялся регионом заселения, и номинацию осуществлял сам наблюдатель-исследователь, не апеллируя к самоидентификации народа. В его учебнике использовались наименования «малоросс» и «малороссиянин», но не встречался термин «украинец». Однако в части, помещенной под заглавием «Левый берег Днепра», Редров прибегнул к неожиданному наименованию «червоноруссы или западные малороссы» для определения населения Галиции и Подолии⁶², что подтверждает нашу гипотезу о принципе именования этноса.

Д. Д. Семенов описывал малороссов в томе о Южном крае (включающем Малороссию, Новороссию, Крым, земли Донского и Черноморского войск). В целом авторы чрезвычайно редко употребляли термин «украинец» как синоним «малоросса»; только в очерке Д. Л. Мордовцева они использовались как равнозначные, особенно при описании малороссийских женщин.

Однородность малороссийского племени не обозначалась, хотя в этом вопросе четкости, пожалуй, нет. Только автор «Живописной России», опираясь на исследование П. Чубинского, выделил три этнографических типа малоросса: украинский (украинец), полешский (полешук) и подольско-галицкий (подолянин)⁶³. Украинец назван «афинянином» южнорусской земли: «его ум — глубже, речь его — не без аттической соли»⁶⁴. В данном случае этноним «украинец» выступал не как синоним «малоросса», а как один из субэтносов, критерием выделения становится регион проживания.

Важно отметить, что казачество Южной Руси (Малороссии) характеризовалось не через сословные, а через этнические признаки. В частности, Д. Д. Семенов в главе «Черноморские казаки» (так именовали тогда кубанских казаков) хотя и подчеркивал их преданность обычаям Запорожской Сечи, но называл их «малороссами», указывая на сохранение в них «нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном» «черт малорусской народности»⁶⁵. Д. Л. Мордовцев упоминал казачество во фраг-

менте, в котором описана развитость личностного начала в малороссах, создавшая «любовь к свободе, что и выразилось в казачестве, в этом демократическом рыцарстве, которое тем и выше было западного рыцарства, что опиралось на принцип общинности. Но общинность эта не шла дальше сферы казачества»⁶⁶. В этом случае «общинность» трактовалась позитивно, хотя в других случаях развитость личностного начала в малороссах явно подчеркивалась как признак более высокого уровня общественного развития. В свою очередь, А. Редров отмечал, что «малороссийское казачество не имеет такого особого назначения и устройства как казаки донские или уральские»⁶⁷. Рассмотренные особенности, на наш взгляд, вполне объяснимы: она являлась реализацией рассмотренной выше идеи о том, что именно крестьянство, а никакое иное сословие, воплощает в себе типичные качества этноса.

Описание внешности и собственно «малороссийского нрава» построено, как уже указывалось, на сравнении с великороссом. А. Редров выстроил характеристику малороссийского этноса по всем главным признакам — язык, хозяйственная деятельность, «нрав народа», материальная и духовная культура: «отличия малороссов от великороссов заключаются в языке, образе занятий, характере народа и образе жизни»⁶⁸. Но реконструировать отдельные категории общей для трех авторов картины довольно трудно. В первую очередь это вызвано тем, что они использовали различную, трудно поддающуюся строгой классификации, терминологию для определения одних и тех же качеств или свойств. Так, «характер» часто понимался как «нравы», «темперамент» отождествлялся с «нравом» или «поведением», «характер» противопоставлялся «мировоззрению», например: «Характер южнорусса обнаруживает типически однообразные черты, как и его мировоззрение, черты эти поражают... и в Буковине,... более всего выражены в наклонности южнорусса к задумчивой созерцательности и задушевному лиризму»⁶⁹. Однако стоит подчеркнуть, что авторы не прибегали к понятию «психология» для описания нрава.

Единодущие заметно, однако, в описании внешности, при этом детальному рассмотрению подвергается прежде всего «физиономия», т. е. облик, выражение лица (а не физические его особенности), который трактовался как типичный, часто встречающийся. А. Редров построил все описание как сравнение физиономий работников трех народов. Малоросс, в отличие от веселого и бойкого на слово сметливого великоросса, «угрюм, неразговорчив, самоуверен»⁷⁰. Различие это он трактовал как отражение «благосостояния каждого племени»⁷¹.

А. Редров выделил такие отличные (от великороссов) стороны «характера малороссийского племени» как «патриархальная честность и сердечность», которые не могут сочетаться с такими свойствами как практичность и оборотистость (присущие великому русскому) ⁷². «Характер и внешность» малороссиянина «отличается... красотою, живостью и веселостью», хотя «характера... (он. — М. Л.) твердого до упорства, до фанатизма, ...если что затеет, к тому идет неуклонно и с ожесточением бьется против всех препятствий» ⁷³.

Умственные и нравственные качества поддаются более четкой «категоризации» признаков в тексте «Живописной России», видимо, оттого, что в основе лежит исследование ученого-этнографа. Д. Л. Мордовцев относил к качествам ума малоросса «медленное восприятие», но «прочное усвоение воспринятого» и развитие «его серьезно и даже глубоко, оттого малоросса считают положительно глубокомысленным» ⁷⁴ (вспомним вопрос программы РГО о «живости или вялости ума» ⁷⁵). Малоросс способен к «умозрительной деятельности» (видимо, подразумевается способность к абстрактному мышлению), которой способствует его медлительность. Воображение также отнесено к умственным способностям; оно может быть стимулятором творчества и реализовываться в «народной поэзии» (фольклоре) и выражаться в склонности к символике, образам, к чудесному ⁷⁶. А. Редров характеризовал ум малороссиянина как «наблюдательный, строгий, способный к продолжительному и упорному труду» ⁷⁷. К умственным качествам отнесены восприятие и усвоение: «если не быстро, то отчетливо и основательно понимает он вещи» ⁷⁸.

К свойствам темперамента причислили авторы быструю возбудимость — «чувствительность» украинца ⁷⁹, порождающую плаксивость и грустное настроение. Вместе с тем малороссу присущи «внутренний аристократизм духа», любовь к природе и набожность с «примесью какого-то лиризма». Но последнее расценивалось как негативное качество, поскольку развило в малороссе скептицизм, излишний критицизм и нерешительность ⁸⁰. Вводилось понятие «силы воли», которую усматривали в упрямстве малоруса («отсюда мнение о нем как «упартом»), его нетерпимости к чужому мнению. В этом Д. Л. Мордовцев видел и положительные черты, способствовавшие сохранению собственной веры в иноконфессиональном и агрессивном соседстве, «своей народности (в надеждинском смысле слова! — М. Л.) и своей речи» ⁸¹.

Сравнение с великим русским осуществляется в описании поведения и манеры речи. Отмечалось, в частности, размеренность и обдуманность

малоросса в работе, его молчаливость и основательность, в отличие от скорого на работу и говорливого великоросса. В этом состояла разница флегматического темперамента малоросса от сангвинического великорусского типа. Особенности последнего — уклончивость, гибкость, способность применяться к обстоятельствам⁸² — отсутствовали у его южного соплеменника. К негативным чертам, порожденным темпераментом, отнесены скрытность и недоверчивость малоросса. Несколько особняком стояли такие определения как «простодушие», «наивность и простота» малоросса — скорее всего, это дань романтическому стереотипу украинца более раннего периода.

Нравственные качества малоросса в целом можно оценить как положительные. Они являлись следствием в первую очередь природно обусловленного темперамента, и только потом — истории народа. «В нравах малоросса вообще больше хорошего, чем дурного», — резюмирует А. Редров⁸³. Отрицательные качества («скрытность» или «хитрость» украинца) выросли на той же почве, что и «хохлацкое упрямство»⁸⁴. Понятно, что этим свойствам приписывалась наследственная преемственность.

Важно отметить, что неоднократно подчеркивалась честность малороссиянина. В данных текстах сравнения с великороссом в этом отношении не наблюдается, однако, на наш взгляд, оно является имплицитным. Фиксацию склонности великороссского крестьянина к воровству, легкость, с которой он, с точки зрения наблюдателя-интеллигента пореформенной эпохи, нарушает эту моральную и религиозную норму, можно назвать типичной для этнографических исследований и воспоминаний о русской деревне второй половины XIX в. Поэтому неслучайно этой теме уделяется серьезное внимание при описании тех народов, которым этот порок не присущ в такой мере⁸⁵. Маркированность такого качества, как честность (в значении уважения прав чужой собственности) в данных текстах отчетлива. «Воровство, — писал А. Редров, — между малороссами считается самым постыдным, самым ненавистным пороком»⁸⁶; «Честность малоросса... также известна всем. Случай воровства очень редки», — вторил ему Д. Семенов⁸⁷. Д. Мордовцев связывал честность с отсутствием способности к торговой деятельности в малороссах, поскольку «торговая предприимчивость требует бойкости, подвижности, быстрой сметки, умения пользоваться обстоятельствами и — достаточной доли вороватости, цинично-панибратского отношения к своей совести. Все это — качества, которых абсолютно лишен малоросс»⁸⁸. И, как становится понятно далее, которыми обладает великоросс.

Широкое распространение воровства у великорусских крестьян наблюдавшие - современники часто связывали с небрежным, бесхозяйственным отношением к своей личной собственности (чаще всего это касалось не земли, а избы, скотины и инвентаря)⁸⁹. На этом фоне (хотя в данных текстах сравнение с великороссом также отсутствует) весьма важное значение приобретает замечание о трепетном внимании малоросса к своему имуществу, в частности, к хате: «По отношению к уходу за своим телом он неряшлив... Что касается жилища, то в этом отношении малорос любит чистоту, даже изящество. Хата его слабость как у серба кучка. Хата должна быть своя, а не чужая»⁹⁰.

Согласно требованию историков изучать народность, отличая традиционные обычаи и уклад жизни от современного состояния народа, авторы обращали внимание на особенности пореформенного стиля хозяйствования и занятий малороссов. Здесь, пожалуй, очень заметны отличия их от великороссов. Рассуждения построены на не сформулированной, но ясно прочитываемой идее: разрушение традиционного общинного уклада ведет к развитию народа, росту его хозяйственной активности и инициативы, в то время как консервативные крестьянские устои сохраняют медлительность и малоподвижность общества, однако, способствуют соблюдению патриархальных норм нравственности, обычаяев, родового и семейного уклада. Поэтому оправдание или объяснение (что зачастую совпадает) различных качеств малоросса связано, как правило, с определением места, которое занимает народ на пути пореформенных изменений, связываемых, во-первых, с видами его промышленной и торговой деятельности, и, во-вторых, со степенью «испорченности» городской культурой.

Так А. Редров писал о том, что малоросс обнаруживает неспособность и даже отвращение к торговле, что вредно действует на «экономическое благосостояние и на умственное развитие малороссийского племени», сужая «круг понятий и сообщает неподвижный характер его жизни»⁹¹. Д. Л. Мордовцев согласен с ним в том, что малоросс не предприимчив и не инициативен в ведении хозяйства, «он не кулак, не барышник», и выказывает «аристократическую брезгливость» к торгашеским занятиям⁹². Он же объяснял упреки в лености и медлительности малоросса его меланхоличным темпераментом, данным природой, но в первую очередь рассматривал эти качества как появившиеся в результате «иного исторического наследства» и «иного разделения труда, чем в Великороссии»⁹³, подразумевая, как становится ясно из контекста, возможность в более благоприятном климате заниматься исключительно земледелием.

Серьезные различия демонстрировало сравнение великоросса и малоросса в общественном и семейном быту. Отмечалось, что малоросс с трудом поддается чужому влиянию, его «упартость», ведет к разладу в общественной жизни⁹⁴. Однако, с другой стороны, «он высоко ценит свою личность, идею которой он широко развил в быту... Она создала любовь к свободе»; она объясняется как «исторически воспитанная в малороссии», которому удалось сохранить свою самобытность в жестокой борьбе. «Гибкость и способность великоросса применяться к каким угодно обстоятельствам»⁹⁵, вызванная его любовью к «общинности»⁹⁷ выглядит в негативном свете.

Различия между двумя ветвями русского народа заметны в религиозности: у великоросса мало суеверий, но много предрассудков, у малоросса — наоборот, что находит воплощение в своеобразных чертах творчества, в частности, в песенном. Украинский фольклор, как известно, был хорошо изучен. Идея о самовыражении народности в творчестве также была общепринятой в это время, поэтому «достижения» малоросса в этой сфере обязательно упоминались: «поэтическое восприятие действительности повсюду сопутствует малороссу» — в его отношение к природе, в фольклоре, в общественной жизни, в то время как великороссу, «обладающему скучным воображением, свойственны даровитость и сила»⁹⁸.

Противопоставляя, согласно Н. И. Костомарову, «идеализм» малоросса «практицизму» великоросса, Д. Л. Мордовцев заключал: «Поэтому-то две народности — великоросс и малоросс взаимно восполняют друг друга. Связь между ними не формальная, а материальная... У них больше общности, нежели различий. Они обе русские, обе православные, у них обеих общие враги; обе они боролись за то величие, какого достигла Россия... Малоросс был русским и будет им. Если он не называет себя так, когда встречается с великороссом, то там, где он встретится с поляком, молдаванином, ...он твердо знает, что он — русский»⁹⁹.

Идея единства трех отраслей русского племени, таким образом, диктовала и принцип, и последовательность описания малороссов, и «подтекст» повествования. Актуальными и значимыми для этого жанра, очевидно, становились современные вопросы развития отдельных областей, интеграции различных регионов в государственную экономику, проблемы включения крестьянского сообщества в процессы модернизации и т. п. Конфликты или даже вероятностное поле межэтнических противоречий в данных очерках не затрагивались вовсе. Единственное упоминание негативного отношения к великороссам (которые в данном фрагменте называются русскими) содержится в очерке о черноморских

казаках в пособии Д. Д. Семенова: «...черноморцы чуждаются русских, которых они считают чуть ли не иностранцами, не очень-то жалуют и называют «москалями»¹⁰⁰.

Облик малоросса, таким образом, можно в целом определить как вполне положительный. Намного сложнее выявить стереотипные черты малоросса в сознании авторов и в предлагаемых ими текстах, поскольку эпоха не отделяла наблюдателя от объекта наблюдения. Современные исследователи, занимающиеся изучением стереотипов, выявлением их социальных функций и познавательного потенциала, настоятельно подчеркивают, что «существенным для описания (сущности стереотипов. — М. Л.) является не столько вопрос о содержании... «зерна правды» или же не-правды, сколько вопрос о способе интерпретации объекта, его характеристике, приписываемой основной культурной оппозиции мы/они»¹⁰¹.

Поскольку ни один из авторов не ссылался на личные впечатления, но каждый претендовал в той или иной мере на «просвещение» потенциального читателя, можно утверждать, что рассмотренные описания оценивались как объективно-научная характеристика «нрава» малоросса. Поэтому в данном случае перед нами — этнографические стереотипы малоросса. Это выражено в довольно четко определенных представлениях об уме, нравственности, темпераменте, которые обозначены как научные категории анализа. Согласно существующим концепциям этноса, они адекватно отражают реально существующие явления, факты и особенности этнической общности.

Обращаясь к истории формирования стереотипа малоросса (украинца) в российской культуре, исследователи отмечают несколько этапов, однако общим на протяжении всего XIX в. становится влияние идей романтизма (в литературе и в научных исследованиях — так называемый «романтический этнографизм»¹⁰²) с доминирующим взглядом на украинца «сверху вниз, взглядом старшего, культурного, цивилизованного»¹⁰³. Обратившись к изучению описаний малороссов, содержащихся в российской публицистике, литературе и источниках личного характера первой половины XIX в., И. Александровский выявляет такие черты малороссийской патриархальности, как любовь к природе, честность, презрение к воровству, веселый нрав и др.¹⁰⁴. Малороссу приписывается комплекс архаических черт, в частности, нетронутость цивилизацией (т. е. ее пороками), сельский образ жизни с ее поэтической простотой (отсюда идея медленности, неторопливости и лени как качеств малоросса), а также интеллектуальная неискушенность, простодушие и доброта¹⁰⁵, — утверждает Е. Е. Левкиевская. И позитивные, и негативные качества трак-

туются с точки восприятия «человеком цивилизованным» «человека природного». Таким образом, можно утверждать, что в общих своих элементах этнографическая литература оперирует устоявшимися, известными стереотипными чертами малоросса, складывающимися в культуре образованного российского сообщества на протяжении века. Однако перед нами явное стремление упорядочить их, объяснить и обосновать возникновение этих качеств как реально существующих и трудно поддающихся изменению. Новым в этой характеристике нрава малоросса можно считать попытку определить качества и «параметры» ума, особенностей умственного склада, а также явное намерение отделить свойства, рожденные темпераментом, от черт, сформировавшихся в результате определенного исторического и культурного опыта.

Отличительной особенностью этнографических очерков и географических описаний Отечества последней трети XIX в. было, на наш взгляд, и стремление несколько изменить сложившийся ранее (главным образом в литературе и публицистике) образ малоросса. Во-первых, наполнить его деталями научного описания, претендующими на объективность, что позволяло объяснить некоторые особенности характера и поведения природной и исторической обусловленностью. Во-вторых, зафиксировав очевидную разницу между великороссом и малороссом (также и белорусом), сделать акцент на их общности — и не только племенной и языковой, но и традиционно-крестьянской, подчеркнув «взаимодополнительность» потенциалов двух «отраслей» для благосостояния единого русского народа. Поэтому сравнение с великороссом — не всегда в пользу последнего, а содержащийся в текстах и не всегда отрефлексированный образ великоросса вовсе не идеален. В-третьих, консерватизм малороссов, т. е. его приверженность как к положительным, так и к отрицательным обычаям и укладу, а также «упартость» трактуются теперь не только как неотъемлемые качества жителей «русской Шотландии»¹⁰⁶, но и как черты безусловно положительные.

Явно просматривается тенденция к объяснению природы некоторых черт, которые мы можем считать стереотипными. Стремление объяснить, чтобы оправдать или смягчить негативные, с точки зрения авторов, черты народного права, относится не ко всем упоминаемым свойствам или качествам. Так, в частности, приверженность к одним и тем же занятиям (т. е. нежелание осваивать новые сферы хозяйства и экономики) определяла, согласно А. Редрову, «неподвижный характер жизни» малоросса¹⁰⁷. Впрочем, малоросс сохранял как добрые патриархальные черты (мягкость в отношении к членам семьи, почтительность в отношении родителей

и уважением к предкам, «изящество мотивов и богатство содержания» песенного творчества), так и «мстительность и хитрость», присущие «племенам малоразвитым»¹⁰⁸. Господство земледельческих занятий, в свою очередь, было связано с постоянным пребыванием на родине, но привело к формированию у него особой привязанности к родной земле и к отчemu дому, что не способствовало развитию в Малороссии торговли и предпринимательства в той степени, как в Великороссии¹⁰⁹.

Идея о том, что самобытность этноса сохраняется крестьянством, и концепция, выраженная в «этнической модели этноса» (в которой «набор базовых свойств имеет наследственный характер» и поэтому не изменяется «никакими внешними обстоятельствами»¹¹⁰) позволяли интерпретировать малороссийский народ как стабильную, устойчивую этническую общность, не склонную к основательным преобразованиям ни извне, ни изнутри. Отсюда бросающееся в глаза значимое отсутствие образа казака, воплощавшего лучшие «общественные» черты и типичный нрав малороссийской народности (в надеждинском значении этничности). Сопоставление стереотипа малоросса в литературе различных жанров дает основание полагать, что термин «нрав народа» на протяжении века отчетливо эволюционирует, из категории классификации превращаясь в нормативное понятие, при этом его содержание также подвергается уточнению в связи с рефлексией по поводу степени объективности различных психических качеств этноса. Задача объяснения стереотипа еще не ставит под сомнение обоснованность понятия «нрав народа», но ведет к размышлению о двойственности его содержания и о возможности различных — часто противоречащих друг другу — трактовок отдельных этнических свойств. При этом понятие «нрав народа» по-прежнему демонстрирует свою научную обоснованность и значимость, в том числе и в идеологической просветительской области.

Примечания

¹ Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М.—Л., 1946. С. 64.

² Бэр К. М. Об этнографическом исследовании вообще и в России в особенностях // Записки Русского Географического Общества (далее — Записки РГО). СПб., 1846. Кн. 2. С. 95.

³ Этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. Вып. 2. С. 23.

⁴ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО... Эта работа далее цит. по изданию: Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1994. № 1—2.

⁵ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // ЭО. 1994. № 1. С. 113.

⁶ Там же.

⁷ Даль В. И. Словарь живаго великорусского языка. В 4-х тт. Т. 2. СПб.—М., 1881. С. 461—462.

⁸ Ср.: «Этничность — форма социальной организации культурных различий» (Садохин А. П. Этнология. М., 2000. Учебник. С. 79); об этничности как разновидности идентификаций см.: Соколовский С. В. Этничность как память. Традиции этнологического знания // Этнокогнитология. Вып. 1. М., 1994. С. 9—27.

⁹ Цит. по: Соловей Т. Д. Николай Иванович Надеждин. У истоков отечественной этнологической науки // ЭО. 1994. № 1. С. 105.

¹⁰ Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения. В 10-ти тт. / Сост. Я. И. Руднев. Т. 6. М., 1904. С. 5.

¹¹ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской... С. 114.

¹² Понятие «нрав народа» не синонимично в лексике этого круга текстов слову «нравы народа». Первое — хотя и с рядом оговорок — можно считать близким по смыслу к современному термину «национальный характер», последнее ближе по значению к термину «обычай» или свойство духа (ср. у Даля: нрав как «одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: ум и нрав образуют дух (душу). Ко нраву относятся: воля, любовь, милосердие, страсти, а к уму: разум, рассудок, память». См. Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 558).

¹³ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской... С. 114.

¹⁴ Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 558.

¹⁵ Разделы и пояснения вопросника опубликованы не были, их краткая характеристика содержится в статье: Рабинович М. Г. Ответы на программу Русского Географического Общества как источник для изучения этнографии города // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1971. Вып. 5.

¹⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого Архива РГО. Пг., 1914—1916. Вып. 1. С. Х.

¹⁷ Цит. по: Рабинович М. Г. Указ. соч. С. 39.

¹⁸ Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности // Надеждин Н. И. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. СПб., 2000. С. 781.

¹⁹ Там же. С. 782.

²⁰ Там же.

²¹ Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // ЭО. 2004. № 2 С. 21–38. С. 26.

²² Анализу литературы путешествий посвящена статья П. С. Куприянова.

²³ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней Руси // Сочинения К. Д. Кавелина в 4-х тт. СПб., 1897. Т. 1. С. 62.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: Чернобаев А. А. Соловьев Сергей Михайлович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 211.

²⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII // Ключевский В.О. Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1987. Т. I. С. 310.

²⁷ Там же. С. 312.

²⁸ А. П. Щапов — один из немногих историков, которые специально занимались проблемой географического детерминизма применительно к этногенезу русских.

²⁹ В частности, «Естествознание и народная экономика», «О влиянии гор и моря на характер русского населения», «Историко-географическое распределение русского населения» и др.

³⁰ Щапов А. П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // Щапов А. П. Сочинения в 3-х тт. СПб., 1908. Т. III. С. 1–2.

³¹ Пыпин А. Н. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская // Пыпин А.Н. История русской этнографии в 3-х тт. СПб., 1890. Т. 1. С. 3.

³² Костомаров Н. И. О значении Великого Новгорода в русской истории // Собрание сочинений Н. Костомарова. Кн. I. Т. 1. СПб., 1903.

³³ Костомаров Н. И. Об отношении русской истории к географии и этнографии // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова в 20-ти тт. СПб., 1867. Т. 3. С. 355–377.

³⁴ Кулишер М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб., 1887. С. 3.

³⁵ См., в частности, статью известного российского антрополога и главного редактора журнала «Этнографическое обозрение» Д. Н. Анучина: Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии. Несколько справок и общих замечаний // ЭО. 1889. № 2, а также Программы собирания сведений по этнографии, например: Программа для собирания сведений по этнографии. Императорское русское географическое общество // Живая старина. 1890. N 1; Программа для собирания этнографических сведений, составленная при ЭО ОЛЕАЭ. М., 1877; Четвертое заседание Комитета // Известия ОЛЕАЭ при Императорском Московском Университете. Антропологическое отделение. Т. I. М., 1865. С.64–67.

³⁶ Программа для собирания сведений по этнографии. Императорское русское географическое общество // Живая старина. 1890. N 1. С. XLVIII.

³⁷ Там же. С. XX.

³⁸ Берг Л. С. Указ. соч. С. 64.

³⁹ Подробнее об этом см.: Лоскутова М. С чего начинается Родина? Преподавание географии в дореволюционной школе и региональное самосознание (XIX – начало XX века) // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 168–174; Лескинен М. В. «Отечество» и «Родина» в российских учебниках географии последней трети XIX в. Конструирование территориальной идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 126–152.

⁴⁰ Мнение Совета РГО о постановке преподавания географии в университетах // Известия РГО. СПб., 1887. Т. XXIII. Вып. 6. С. 722.

⁴¹ Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. В 5-ти тт. СПб. — М., 1864–1869. Переиздано в 1871–1879 гг.

⁴² Такое определение можно использовать, перефразируя наименование цикла популярных очерков «для народа» знаменитой просветительницы и жены русского педагога В. И. Водовозова — Е. Н. Водовозовой «Как люди на белом свете живут».

⁴³ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. В 12-ти тт. СПб., 1881–1901. Бесплатное ежемесячное приложение к журналу «Нива».

⁴⁴ Например, Н. И. Березин — преподаватель Тенишевского училища в Петербурге, автор нескольких очерков в энциклопедическом издании «Народы земли», издаваемом известным ученым А. Я. Острогорским и после смерти последнего главный его редактор, известный учений и путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский — редактор энциклопедического популярного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества».

⁴⁵ Согласно сведениям П. Н. Милюкова, литература историко-географического характера составляла 8,9% всей приобретаемой литературы и занимала третье место после традиционно излюбленных духовных книг и беллетристики. См.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 357.

⁴⁶ Характерны в этом отношении обозначения аудитории, на которую ориентировались эти издания. Например: «чтения для народа», «сборник для народного чтения», «для ученических библиотек, в бесплатные народные библиотеки и читальни, для публичных народных чтений», «для приходских библиотек» и т. п.

⁴⁷ Р. Суни, рассматривая «народное» национальное самосознание Российской империи, предупреждает о методологической проблеме, возникающей при анализе популярной литературы: «Репрезентация популярной литературы не обязательно отражает даже взгляды автора, а, скорее, его идеальные представления о том, что хотят читать крестьяне... При анализе популярной литературы как исторического источника должны быть учтены рамки формы, жанра, литературные стереотипы и цензура». (Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 50.)

⁴⁸ В очерке Д. Л. Мордовцева в «Живописной России» указано на то, что главным источником была работа П. П. Чубинского «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край». А. Редров указывает имя автора лекций — М. Владимирского-Буданова еще в заглавии учебника, Д. Д. Семенов в главе о характере малоросса пересказывает сведения, почерпнутые из сочинения Н. И. Костомарова «Две русские народности» и описания путешествия Филипповой «Поездка к берегам Азовского моря».

⁴⁹ Оческ I. Малороссийское племя // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П. П. Семенова. В 12-ти тт. Т. 5. Ч. 1. СПб.—М., 1897. Малороссия, Подolia и Волынь (Полтавская, Черниговская, Волынская, Херсонская и Киевская губернии) / Сост. Д. Л. Мордовцев. Вторая часть этого тома называется «Малороссия и Новороссия (Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии)».

⁵⁰ Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т. II. Южный край (Малороссия, Новороссия, Крым и земли Донского и Черноморского войска). СПб., 1866.

⁵¹ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова составил и издал преподаватель географии во Владимирской Киевской военной гимназии А. Редров. Европейская Россия. Киев, 1867.

⁵² Любопытно представление автора о «программе» модернизации: «когда больше будет проложено дорог и дорог хороших — крепких и ровных, настроят кораблей и пароходов, заведут побольше училищ и станут учиться все...» и критериях ее успешности: «тогда все и перезнакомятся, подружатся и примутся за русский язык». Иначе говоря, центральным оказывается широко понимаемый идеал успешной коммуникации (транспортной, культурной, языковой). (Там же. С. VIII).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. XIV.

⁵⁵ «Между малороссами встречается совершенно татарский тип», — пишет Д. Л. Мордовцев. Цит. по: Живописная Россия... С. 7.

⁵⁶ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной... Материалы и исследования, собранные действительным членом П. П. Чубинским. Т. I—II. СПб., 1872—1878.

⁵⁷ Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период) // На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 81.

⁵⁸ Каждый том готовился к печати своей редакционной коллегией, поэтому последовательность географо-этнографического описания каждого из регионов империи не подчинена единой структуре или плану изложения. Однако даже при этом довольно необычным представляется начинать характеристику (в двух то-

мах) Малороссии и Новороссии именно с очерка о нраве народа, хотя и доминирующего в регионе в формальном — количественном отношении.

⁵⁹ Живописная Россия... С. 4.

⁶⁰ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 318.

⁶¹ Там же. С. 276.

⁶² Там же. С. 301.

⁶³ Живописная Россия... С. 20.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Семенов Д. Указ. соч. С. 148, 150.

⁶⁶ Живописная Россия... С. 12.

⁶⁷ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 301.

⁶⁸ Там же. С. 276.

⁶⁹ Живописная Россия... С. 6.

⁷⁰ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 261.

⁷¹ Там же.

⁷² Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 276.

⁷³ Там же. С. 325.

⁷⁴ Живописная Россия... С. 9.

⁷⁵ Кулишер М. И. Указ. соч. С. 3.

⁷⁶ Живописная Россия... С. 9.

⁷⁷ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 324.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Живописная Россия... С. 9.

⁸⁰ Там же. С. 10.

⁸¹ Там же.

⁸² Семенов Д. Указ. соч. С. 113.

⁸³ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 332.

⁸⁴ Живописная Россия... С. 13.

⁸⁵ Этот мотив становится одним из центральных в этнографической литературе эпохи при описании, в частности, финнов. См.: Лескинен М. В. Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 154—191.

⁸⁶ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 332.

⁸⁷ Семенов Д. Указ. соч. С. 115.

⁸⁸ Живописная Россия... С. 14.

⁸⁹ Впечатления о распространении воровства среди крестьян великороссийских губерний и первые попытки объяснения этого содержатся во многих источниках. См., в частности: Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872—1887. М., 1987;

Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837—1905. СПб., 1909; *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь «Ивана». Очерки быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 39. СПб., 1914; *Симонович А.* Заметки из дневника сельской учительницы // Русская школа. 1893. № 12. С. 18—40 и др.

⁹⁰ Живописная Россия... С. 7.

⁹¹ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 276.

⁹² Живописная Россия... С. 14.

⁹³ Там же. С. 8.

⁹⁴ Живописная Россия... С. 11.

⁹⁵ Там же. С. 12.

⁹⁶ Там же. С. 13.

⁹⁷ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 337.

⁹⁸ Там же. С. 335—336.

⁹⁹ Живописная Россия... С. 19—20.

¹⁰⁰ *Семенов Д.* Указ. соч. С. 165.

¹⁰¹ Автор статьи приносит благодарность Левкиевской Е. Е. за возможность ознакомиться с неопубликованной рукописью ее работы «Украинцы глазами русских: эволюция этнокультурных и языковых стереотипов», часть которой опубликована в данном сборнике.

¹⁰² См. статью Левкиевской Е. Е. в настоящем сборнике.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Механизмы формирования украинской и белорусской наций... С. 118—123.

¹⁰⁵ См. статью Левкиевской Е. Е. в настоящем сборнике.

¹⁰⁶ Механизмы формирования украинской и белорусской наций... С. 123—124.

¹⁰⁷ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения... С. 276.

¹⁰⁸ Там же. С. 276, 278.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ *Куприянов П. С.* Указ. соч. С. 34.

Т. А. Бевз

Традиции народнического движения и его влияния на формирование неонароднических политических партий

Последние десятилетия XIX в. отмечались быстрым распространением социалистических идей на территории Российской империи. В России социализм развивался двумя путями: 1) революционное народничество (революционный социализм), которое хронологически возникло первым и господствовало в идеологии социалистов разных групп и направлений и 2) марксизм, который был основан в начале 1880-х гг., развивался в России и набирал силы.

Революционное народничество является развитым, усложненным, логично-гармоничным, сформированным на научной социалистической основе мировоззрением, освободительной идеологией трудового народа. Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, попробовало смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой стороны, взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставила за бортом ее отрицательные черты и тенденции (реакцией на которые и стало появление в западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма).

Историк эсеровского движения М. Вишняк уже в 1950-е гг. в статье «Оправдания народничества», отрицая традиционный тезис о том, что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особенных путях» развития России, заявлял: «Если говорить о главном или самом главном признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом российской истории, ее превращающим фактором — в меньшей степени в прошлом, в растущей степени в будущем¹. Не менее важным признаком народнической идеологии он считал ценность человеческой личности и создание демократического общественного строя.

Заслуживает внимания оценка народничества, сформулированная современным украинским исследователем Г. Касьяновым, который утверждает, что «неотъемлемыми чертами украинского народничества 1870—1880-х гг. были кружковство, аполитичность и этнографизм»². Однако он предостерегает современников от их критики, так как «их деятельность полностью отвечала тем внешним и внутренним обстоятельствам, в которых она происходила. Вместе с тем она дала определенные исторические результаты, весьма важные для последующего генезиса украинского движения»³. К результатам Г. Касьянов относит, во-первых, то, что «было сохранено и развито то культурное основание, на котором развивались новые поколения общественных деятелей», а во-вторых, что «украинофилы сохранили традицию и опыт организованной общественной деятельности, без которой выход на новый уровень этой деятельности был бы невозможным»⁴.

Украинское народничество, как подчеркивал исследователь диаспоры, украинский эсер К. Коберский, «опирается в своей главной основе на народную веру в бессмертную правду. Народничество не вносит в жизнь ничего чужого народной душе. Оно плоть от плоти украинского люда. Оно вырастает из украинских колосистых нив и кварталов рабочих, как естественное, не искусственно насиженное произведение»⁵.

В развитии украинского и русского народничества есть определенный параллелизм, но по содержанию украинское народничество в первой фазе не имело идеологии «общины», на базе которой А. Герцен и Н. Чернышевский создали идеологию русского социализма. Критическое народничество П. Лаврова и Н. Михайловского развило основы «общинного» социализма и особенного пути в развитии России. Революционное народничество (В. Чернов), отбросив «особенный» путь, сформировало свою систему социализации земли, исходя из русской земельной общины. Несмотря на существенные различия в теоретических вопросах, а также во многих тактических, все же нужно отметить, что народническое движение существовало и среди русского, и среди украинского народа, обладая своими национальными чертами и особенностями. Однако общим можно считать то, что на основании народнической идеологии возникли самые крупные и влиятельные русские и украинские партии крестьянства — Партия социалистов-революционеров и Украинская партия социалистов-революционеров.

В этой статье мы попытаемся показать попытки создания политических групп и партий, которые базировались на народнической идеоло-

гии, с конца 1880-х гг. до начала XX в; проследить влияние М. Драгоманова на общественно-политическую мысль; раскрыть уникальность ситуации, когда украинские организации создавались в России, прежде всего в Петербурге, тогда как русские возникали на украинских землях.

Первая попытка создания украинской социал-революционной партии относится к 1882 г. Причиной послужила дискуссия между М. Драгомановым и русскими народниками. Для создания партии в Россию нелегально из Женевы приезжал ученик М. Драгоманова В. Малеваный — член Одесской громады. В. Малеваный привез с собой целый арсенал революционной литературы, которая освещала дискуссию между М. Драгомановым и русскими народниками, а также проект программы деятельности и организации социал-революционной партии на федералистских принципах. Программа-максимум предусматривала процесс наработки социально-экономического колlettivизма и индивидуализма, который может найти свое завершение путем органически эволюционного развития. Однако этот путь должен аккумулировать целый ряд насильтственных революций, которые должны в корне изменить существующий строй. Все это было делом далекого будущего. Программа минимум предусматривала достижение правового состояния и распространение идей социализма среди народа.

После переезда в Украину В. Малеваный вел чрезвычайно активную революционную жизнь, постоянно перееzzая с места на место. Это объяснялось, наверно, не только интересами конспирации, но и установлением связей с людьми, которые могли принять участие в создании украинской партии. Несколько раз он посещал Петербург, Одессу, Харьков и Елизаветград. В Петербурге В. Малеваный установил контакты с местным украинским студенчеством. Чрезвычайно тесные отношения завязались у него с известным украинским кружком О. Михалевича в Елизаветграде. Из Петербурга к О. Михалевичу приезжал студент технологического института М. Васильев, который привез для ознакомления программу по «вопросам кружков украинофилов». Эти факты — посещения В. Малеваным Елизаветграда, отношения между ним и О. Михалевичем в 1883 г., когда последний помогал ему деньгами, а И. Тобилевич — исправленисм нужных документов, посещения Петербурга в 1882 г. — могут свидетельствовать о том, что О. Михалевич и вместе с ним другие члены Елизаветградской громады и петербуржские студенты могли быть привлечены В. Малеваным к созданию украинской социал-революционной партии

Большинство исследователей утверждают, что громадовское движение практически проявилось в создании радикальной партии (в 1890 г.). Однако деятельность В. Малеваного и его коллег может рассматриваться и по-другому. А. Н. Григорьев отмечал, что в год смерти М. Драгоманова была создана первая украинская эсеровская партия: «Кончилось в конечном итоге тем, что под воздействием М. Драгоманова на Надднепрянской Украине к 1885 г. сложилась первая украинская политическая партия “Украинская социал-революционная партия” (Кружок 13-ти), которая в программе своей заявила: “Культурная сторона нашей деятельности определяется тем, что мы националисты”»⁶. В 1885 г. кружок украинской молодежи в Петербурге выделился из общего землячества и сформировал первую самостоятельную украинскую социалистическую организацию.

Стоит отметить, что украинское землячество в Петербурге в начале 1880-х гг. было многочисленным и популярным. Им проводилась разнообразная работа, в частности, ежегодно отмечалась годовщина Т. Шевченко, устраивались вечеринки. У землячества была богатая и упорядоченная библиотека, а также касса. Как отмечал в своих воспоминаниях М. Васильев, осенью в 1883 г. пятеро членов украинского землячества по собственной инициативе начали собираться отдельно. Среди них были два студента военно-медицинской академии, студент-технолог, студент университета, а также бывший студент-технолог, отчисленный в 1878 г. за революционную деятельность. Впоследствии (на протяжении 1884–1885 учебного года) в кружок были приглашены еще студенты университета (позже один из них перешел в военно-медицинскую академию), военно-медицинской академии, лесного института, а также три студентки с Бестужевских и одна с Надеждинских курсов⁷.

Между собой члены вновь созданного кружка назывались «кружком 13-ти», а в отношениях с другими — «украинскими социалистами-федералистами революционерами». Собрание кружка происходили тайно. О его деятельности не знала не только полиция, но и члены украинского землячества в Петербурге.

Один из активнейших участников кружка Г. Галин опубликовал воспоминания, в которых обстоятельно остановился на возникновении и деятельности этой организации. Он утверждал: «Принятие ею названия “Украинской социал-революционной партии”... ставило своим заданием организацию самостоятельного украинского движения, закладывания

украинских социалистических ячеек и объединение их в политическую целостность в форме самостоятельной украинской политической социалистической партии»⁸.

С целью реализации поставленных организационных задач эта группа, в сущности, приобрела характер «эмбриона первой украинской политической партии»⁹ в Российской империи. Был создан комитет, в состав которого вошли Г. Галин, Г. Васильев, П. Линтварев, М. Чернышов и Д. Петровский. Комитет поручил М. Чернышову и М. Васильеву подготовить проект партийной программы. Подготовленная программа была обсуждена на заседании комитета, а затем Д. Петровский передал ее М. Драгоманову. Это было закономерным, ведь «все украинские кружки молодежи во второй половине 1880-х годов признавали Драгоманова своим руководителем и с большим почетом относились к его науке»¹⁰. О переписке членов «кружка 13-и» с М. Драгомановым упоминают Г. Беренштам-Кистяковская, А. Животко, Г. Галин, М. Васильев и другие.

М. Драгоманов ознакомился с программой и сделал свои замечания в одном из своих писем к И. Франко. В сборнике писем М. Драгоманова к И. Франко опубликованы «Замечания на программу украинцев социал-федералистов», к которым И. Франко сделал запись: «Не вспоминаю себе, что сие была за программа и от кого была послана Драгоманову. Поданную дальше критику, ее выслал Драгоманов с выше поданным письмом; из нее во Львове снята копия и выслана в Россию, а оригинал остался у меня. Печатаю его к полноте, хотя сама критика без соответствующего текста не везде достаточно понятна»¹¹. Чтобы стало более ясно, стоит подчеркнуть, что переписку между М. Драгомановым и кружком осуществлял активный член кружка Д. Петровский. Он приезжал во Львов и осуществлял переписку с М. Драгомановым, а затем с писем снял копии и привез их в Петербург, а оригиналы оставил у И. Франка. Подтверждения этого находим у И. Франко: «Осенью в 1885 году прибыл во Львов молодой студент-украинец из Петера, кажется Дмитрий Петровский, с намерением достичь письменно взаимопонимания с Драгомановым о разных вещах, пересказанных ему кружком питерских и других земляков. У него завязалась активная переписка с Драгомановым. Возвращаясь обратно в Россию, питербуржец некоторые письма забрал с собой, а вот эти два (в сборнике они напечатаны под № 32—33. — Т. Б.) не датированные, но написанные осенью в 1885 г. оставил у меня, не решаясь брать их с собой, боясь провала»¹².

В письмах прослеживается интерес М. Драгоманова к украинским кружкам в Пётербурге: к направлениям их деятельности, к их планам на будущее, к существованию у них организации. Это объясняется вниманием М. Драгоманова к судьбе украинства в России. К сожалению, в переписке отсутствует текст программы партии, которую передал М. Драгоманову Д. Петровский. Однако письма под № 32—33 являются замечаниями М. Драгоманова к программе. Из писем очевидно, что «кружок 13-ти» интересовался западноевропейской литературуой о федерализме и терроризме, а также мнениями М. Драгоманова о начале тогдашнего толстовского движения.

Члены кружка просили М. Драгоманова выразить свое мнение по поводу кампании, которую начала группа «Освобождение труда», а также о новом течении социал-демократии в российских социалистических партиях. Кроме того, кружок стремился наладить постоянное поступление литературы из-за границы. На это с удовольствием согласился М. Драгоманов, и в свою очередь, попросив «петербуржцев» посыпать ему научные книги, а также отдельные выписки из петербургской публичной библиотеки¹³.

В 1886 г. проект программы был окончательно утвержден. Значительно позже, в 1912 г., один из авторов программы М. Васильев опубликовал ее в «Записках Научного общества им. Т. Шевченко» с информацией об истории создания программы и с ответом на замечание М. Драгоманова. Программа была написана на русском языке. Стоит заметить, что автор, печатая текст программы, не указал точное название организации. Только во вступлении он охарактеризовал ее как организацию украинских социалистов-федералистов-революционеров: «Если бы хотели охарактеризовать себя одним определением, то сказали бы, что мы украинские социалисты-федералисты. Таким образом, в программу нашей деятельности входят задания культуры, политики и экономики. Сопоставляя нашу цель с условиями современной жизни в Российской империи, мы видим себя вынужденным быть революционерами»¹⁴.

Позже, в 1932 г., другой активный деятель этой партии, М. Галин, указывал, что программа была названа комитетом «Программой Украинских социал-революционеров». Эта программа имеет особый интерес и ценность потому, что она фактически является единственным документом, который свидетельствует об организационно оформленном направлении украинского политического мнения 1880-х гг.

На протяжении 1888—1889 гг. все основатели кружка выехали в Украину, а в Петербурге осталось младшее поколение — т. н. кружок «медицинко-технологов». Организация просуществовала до 1888 г., осуществляя свою деятельность в тесной связи с кружками «политиков» («драгомановскими»), возникавшими в больших городах Украины. Завершение деятельности кружка датируется по-разному. В частности, А. Животко называет 1888 г., тогда как М. Галин — 1890 г. Оба по-своему правы, ведь с переездом в Украину основателей кружка, он, собственно, прекратил свое существование как «кружок 13-ти», а до 1890 г. уже действовал кружок «медицинко-технологов».

В 1883—1884 годы на Высших женских курсах в Киеве сформировался кружок, работа которого заключалась в «изучении Украины, прежде всего украинского народа, то есть крестьянства»¹⁵. Общее направление его деятельности можно определить как украинское народничество. Инициатором создания и руководителем женского народнического кружка была О. Доброграева (1864—1888).

Кружок был близок к украинофильству, то есть национальному культурничеству того времени. Однако кружок украинских «народниц» не был похожим на кружки украинской молодежи, которые занимались такого рода деятельностью под руководством членов Старых громад. В то время от направления М. Драгоманова отошли большинство членов Старых громад, а за ними и кружки студенческой молодежи отмежевались от программы М. Драгоманова. Об этой ситуации С. Русова так писала в своих воспоминаниях: «В университетах было везде неспокойно, и наш украинский труд почти вполне спрятался или в интимные кружки, или в Галицию. Именно имя М. Драгоманова боялись громко произносить, потому что оно было связано с политическим направлением деятельности, а так называемая Старая громада от любого направления отреклась и реализовывала свою деятельность только в словарях и позже в издании действительно очень ценного журнала “Киевская старина”, да и то этот журнал некоторые украинцы переплачивали на чужое имя. А молодежь украинская вся побраталась с российскими партиями»¹⁶. Несмотря на все запреты, кружок О. Доброграевой продолжал изучать произведения М. Драгоманова, интересовался его новыми статьями, отыскивал Женевские, а позже галицийские издания.

Тесные отношения с украинскими «народницами» поддерживал В. Антонович, который, будучи профессором истории на Высших женских курсах, часто нелегально читал членам кружка курсы географии и этно-

графии Украины, а позже истории Ирландии. Известно также, что руководитель кружка, О. Доброграева, переписывалась с М. Драгомановым. Вероятно, она даже ездила к нему в Женеву. «Народницы» поддерживали связи с членами петербургских кружков М. Васильевым и Г. Галиным, встречались с И. Франко, М. Павликом и другими галицийскими деятелями. По окончании курсов участницы кружка О. Доброграевой приняли решение ехать на село и осуществлять там культурно-образовательную работу среди крестьян. Подавляющее большинство «народниц» до конца жизни «исправляли эту повинность — служить родному народу»¹⁷.

Кружок «народниц» сотрудничал с кружком «политиков», который ориентировался на «организационную и пропагандистскую работу в городе, между интеллигенцией, а больше всего между студенческой молодежью»¹⁸. Кружок «политиков» имел библиотеку полулегальной литературы. Впоследствии кружок «политиков» и кружок «народниц» создали общую кассу для помощи политзаключенным. Отношения между кружками укреплялись, и касса существовала до февраля в 1917 г.

В 1890 г. в Галиции И. Франко, М. Павлик и др. создали «Русско-украинскую радикальную партию», которая, основываясь на принципах «научного социализма», утверждала, что «развитие народных масс возможно только на национальной почве»¹⁹. Достаточно удачна, на наш взгляд, характеристика галицийской радикальной партии, а также украинских политических кружков, существовавших в последнее десятилетие XIX в., известного украинского деятеля С. Ефремова: «Дело радикальной организации, которая в Галиции стояла активно, потому что нашла хорошую почву среди крестьянских масс, вызывала большую заинтересованность и на Украине, которая оказалось сначала помощью материальной и литературной (деятельность М. Ковалевского) а дальше уже попытками объединиться в политические организации. В начале 90-х годов мы уже видим зародыши таких организаций, которые имеют целью не саму только культурную, как это было раньше, но и политическую работу на украинской почве. Из тех начальных организаций ни одна не дожила до наших времен, но они свою службу сослужили тем, что подготовили путь для будущих партийных организаций и большей частью вошли в них, как готовый материал, который уже прошел некоторую политическую школу, приобретя определенное политическое воспитание»²⁰.

Кружки интересовались программой и деятельностью галицийской радикальной партии, в «которой видели попытку осуществить в жизнь идеи М. Драгоманова: относительная политическая свобода того времени

в Галиции давала определенную волю, чтобы осуществить не только политические, но и социально-экономические его взгляды»²¹. В то же время М. Беренштам-Кистяковская отмечала, что на протяжении 1888—1890 гг. кружок, к которому она принадлежала и который продолжал дело О. Доброграевой, много времени уделял выработке своей программы.

«Разрабатывали мы нашу программу, — писала Г. Беренштам-Кистяковская, — очень обстоятельно, обсуждая на собраниях ее разделы один за другим, исправляя и дополняя ее, часто после пылких споров. Длинные дебаты возникали у нас в таких разделах программы, как дело об одной или двух законодательных палатах, о разных формах автономии областей, о способах национализации земли, об отношениях между силами рабочего класса и крестьянства»²². М. Беренштам-Кистяковская отмечала, что программа была республиканской, федералистской и социалистической, была их коллективным credo. На наш взгляд, кружок украинских «народниц», как и все предыдущие кружки, которые мы рассмотрели в этой статье, вполне можно считать предвестниками Украинской партии социалистов-революционеров. Активизация создания украинские эсеровских кружков происходит в начале XX в. — с 1902 г., уже после создания ПСР, а организационное оформление партии состоялось только в апреле 1917 г.

В конце 1890-х гг. происходит оживление общественно-политической жизни в Российской империи. Из остатков «Народной Воли» создается целый ряд нелегальных групп и кружков. Партия социалистов-революционеров выступила как наследница и продолжательница идей старого народничества. В. Фигнер в 1921 г., касаясь проблем «наследственности идей от Народной Воли к партии социалистов-революционеров», констатировала, что «рассмотрение программ этих партий делает эту наследственность очевидной»²³. Сравнивая взгляды тех и других на аграрный вопрос, крестьянство, террор, военные организации, народное восстание, В. Фигнер сделала следующий вывод: «То, что было у Народной Воли в неразвитом виде, у социалистов-революционеров получило дополнение и развитие»²⁴.

Первыми среди них были: «Группа молодых народовольцев» (1892 г.), а за рубежом — «Группа старых народовольцев» (1893 г.), которая начала издавать журнал «Вестник русской революции». Сразу же после создания кружков возникают и организации, которые называют себя социалистами-революционерами: «Заграничный союз социалистов-революционеров» (1894 г.), «Северный союз социалистов-революционеров» (1896 г.)

и «Южная партия социалистов-революционеров» (1897 г.)²⁵. Они пытались создать единую левонародническую партию. В формировании такой партии и подготовке ее программы значительную роль сыграли также партия «Рабочего политического освобождения России» (1899 г.) и заграничная «Аграрно-социалистическая лига» (1900 г.)²⁶.

В 1896 г. «Северный союз социалистов-революционеров» издал «Основные положения программы социалистов-революционеров». В этом документе отмечалось, что социал-революционеры являются продолжателями идей «Народной воли» и считают подготовительными мероприятиями социального переворота пропаганду и агитацию, а решающими — террор и массовую революционную борьбу.

Одним из главных центров объединения отдельных организаций в ПСР была Киевская группа. Также важную роль в деле объединения «южных» групп, а именно групп, которые возникли на украинских землях, в ПСР сыграла Воронежская группа. В августе в 1897 г. в Воронеже состоялся первый съезд, в котором приняли участие Киевская, Полтавская, Харьковская, Воронежская и Петербургская группы. Съезд принял решение объединить все представленные группы в одну организацию с названием «Партия социалистов-революционеров»²⁷. Следующие съезды этой партии проходили на украинских землях: Полтава (ноябрь 1897 г.), Киев (август 1898 г.), Харьков (август 1900 г.)²⁸.

О работе этих съездов можно судить по оценке, которую им дал историк ПСР С. Слетов: «В программе этого съезда видим отражение господствующего в южных и восточных группах с.-р. желание выходить в своих настроениях из современной жизни»²⁹. Вероятнее всего, это означало, что работа съездов проходила под воздействием тогдашних условий жизни на украинских землях. Влияние этих условий отражалось и на составлении программных основ партии, начиная еще с ее предшественницы «Народной Воли». Главную роль в этом играло мнение украинцев, и в первую очередь, — как отмечал А. Животко, — глубоко критическая оценка М. Драгоманова «исходности введения в объем революционно социалистической деятельности борьбы за политическую волю, поставив ее в неразрывную связь с борьбой на социально-экономической почве»³⁰. К такой мысли украинских социалистов привело позитivistское наблюдение развития истории западноевропейских народов, а также осознание того, что борьба за политическую волю может стать основой пропаганды национально-культурных и социально-экономических освободительных идей.

Влияние этих представлений было заметным еще в середине 1870-х, а в начале 1880-х гг. сложилась ситуация, когда российские революционно-социалистические группы окончательно уже признавали потребность борьбы за политическую волю.

В 1900 г. в Харькове состоялся съезд представителей Киевской, Полтавской, Петербургской, Воронежской нелегальных народнических групп, провозгласивших создание партии социалистов-революционеров³¹. Однако фактически было создано лишь региональное объединение, которое часто называли Южной партией. Летом 1900 г. «южные» эсеры на IV съезде приняли «Манифест партии социалистов-революционеров». В «Манифесте» отмечалась невозможность в настоящее время массового крестьянского движения и то, что главной силой революции может быть лишь «городской фабричный пролетариат больших промышленных центров»³². Аналогичную точку зрения разделял и «Заграничный союз социалистов-революционеров». Стоит отметить, что «Манифест» удостоверял также, что «южные» эсеры прислушивались к критике народничества социал-демократами. «Манифест» с интересом восприняли русские марксисты³³.

В 1901 г. представители «Северного союза социалистов-революционеров» выехали за границу на встречу с делегатами «Южной партии социалистов-революционеров» и «Аграрно-социалистической лиги». Результатом переговоров стало достижение соглашения об образовании партии социалистов-революционеров³⁴. Единственным опубликованным официальным документом, зафиксировавшим создание новой партии, стало короткое сообщение в третьем номере «Революционной России» в январе 1902 г. за подписью «Партия социалистов-революционеров». В нем говорилось: «В связи со слиянием Союза социалистов-революционеров с Партией социалистов-революционеров, официальным органом объединенной партии, посвященным вопросом бегущей политики, станет “Революционная Россия”... Теоретическим же органом партии будет, на основании заключенного соглашения... “Вестник русской революции”, руководящие принципы которого в целом разделяются партией»³⁵. Таким образом, в канун первой буржуазно-демократической революции на политической арене появилась новая партия, которой в будущем суждено было сыграть достаточно заметную роль в политической истории.

Народничество как культурическое и политическое движение сыграло важную роль в истории общественно-политической мысли. Пройдя основные стадии развития, народничество достигло высшей стадии –

формирования политической партии. Эта формула имела подтверждение в создании российской Партии социалистов-революционеров и Украинской партии социалистов-революционеров.

П р и м е ч а н и я

¹ Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 30. С. 232.

² Касьянов Г. Українська інтелігенція на рубежі XIX—XX століть. Соціально-політичний портрет. К., 1993. С. 46.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Коберський К. Українське народництво по обох боках Збруча. Львів-Коломия, 1924. С. 9.

⁶ Воспоминания Г. Галина. Цит. по: Григорій Н. М. Драгоманов та соціалізм // Трудова Україна. 1935. № 6—7. С. 5.

⁷ Васильєв М. До історії українського руху в II половині 1880 рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1912. Т. 108. Кн. 2. С. 148.

⁸ Цит. по: Григорій Н. М. Драгоманов та соціалізм // Трудова Україна. 1935. № 6—7. С. 5.

⁹ Животко А. П'ятьдесят років (До історії Української партії Соц.-Революціонерів) // Трудова Україна. 1933. Ч. 8, 9, 10. С. 6.

¹⁰ Беренштам-Кістяківська М. Українські гуртки в Києві другої половини 1880-х та початку 90 років // За сто літ. Т. 29. Кн. 3. С. 225.

¹¹ Драгоманов М. Листи до І. Франка. Львів, 1906. С. 190.

¹² Там же. С. 126.

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ Васильєв М. Указ. соч. С. 149.

¹⁵ Беренштам-Кістяківська М. Українські гуртки в Києві другої половини 1880-х та початку 90 років // За сто літ. Т. 29. Кн. 3. С. 206.

¹⁶ Русова С. Мої спомини 1879—1915 // За сто літ. Т. 28. Кн. 3. С. 147.

¹⁷ Беренштам-Кістяківська М. Указ. соч. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 210.

¹⁹ Григорій Н. М. Драгоманов та соціалізм // Трудова Україна. 1935. № 6—7. С. 5.

²⁰ Сфремов С. З громадського життя на Україні. К., 1909. С. 40.

²¹ Беренштам-Кістяківська М. Указ. соч. С. 217.

²² Там же.

²³ Памяти Е. С. Созонова // Историко-революционный бюллетень. Ежемесячный сборник. М., 1922. № 1. С. 8—9.

²⁴ Там же.

²⁵ Гусев К. Партия эсеров от мелкобуржуазного революционариизма к контрреволюции. М., 1975. С. 29.

²⁶ Там же.

²⁷ Животко А. Указ. соч. С. 6.

²⁸ Там же.

²⁹ Слетов С. К истории возникновения Партии социалистов-Революционеров. Петроград, 1917. С. 80.

³⁰ Животко А. Указ. соч. С. 6.

³¹ Там же.

³² Черномордик С. Эсери. Харьков, 1930. С. 10.

³³ Искра. 1901. № 5.

³⁴ Гусев К. Указ. соч. С. 31.

³⁵ Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 29.

М. Э. Клопова

Украинское движение в Австро-Венгрии глазами российских наблюдателей*

«Руськие» земли Габсбургской монархии — Восточная Галиция, Буковина, Угорская Русь — занимали необычное место в Российской внешней политике. Несмотря на то, что значительная часть населения относилась к восточным славянам и называла себя «русским», несмотря на устойчивые связи немногочисленной «русской» интеллигенции с представителями Российской науки и общественной мысли¹, интерес официального Петербурга к этому региону был достаточно сдержаным.

Ситуация начала постепенно меняться в последней трети XIX в., когда, по мере роста напряженности в австро-российских отношениях, в Петербурге стали уделять большее внимание положению в отдельных провинциях соседней империи, в том числе, и к национальным движениям. Применительно к «русским» землям Австро-Венгрии, прежде всего Галиции, это был интерес к польскому, а позднее украинскому и русскому движениям.

При этом отношение официального Петербурга во многом основывалось на мнении представителей России в Габсбургской империи, прежде всего, российских дипломатов: сотрудников посольства в Вене, консульств в Черновцах (Черновицах) и Львове, сотрудников С.-Петербургского телеграфного агентства, также тесно связанного с МИД. Находясь в непосредственной близости к имперскому центру или же в самом регионе, сотрудники российского внешнеполитического ведомства обладали обширной информацией об отношениях между народами, населявшими эти провинции, о различиях в идеологии украинского и русского (чаще называемого русофильским) движений, об отношении к ним венской администрации. Все это позволяло им создать достаточно полное представление о ситуации в Галиции, Буковине и Угорской Руси. При этом необходимо учитывать, что сотрудники российского Министерства иностранных дел придерживались, как правило, консервативных взгля-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-91104a/U.

дов, в том числе и на национальные движения. Их негативное отношение к национализму распространялось и на «руськос» население Габсбургской империи.

По мере своего развития национальные движения народов Австро-Венгрии приобретали все большее влияние, как на внутреннюю политику Габсбургской монархии, так и на взаимоотношения в соседями, в частности с Россией. Российские представители все чаще обращались к анализу их идеологии, степени влияния, социальной базы. Стоит отметить, что основное внимание российские дипломаты уделяли польскому национальному движению, что было обусловлено, с одной стороны, степенью важности польского вопроса для самой России, а с другой, тем, что до 1907 г. польское национальное движение в крае было практически единственным в регионе, имеющим достаточное влияние как на жизнь самой провинции, так и на внутреннее положение Габсбургской монархии в целом.

По мере того, как на общеавстрийскую политическую арену все активнее выдвигалось украинское движение, представители российского внешнеполитического ведомства уделяли ему все больше внимания. В первые годы XX в., предшествовавшие Первой мировой войне, они подготовили целый ряд аналитических материалов, посвященных современному положению украинского движения в Австро-Венгрии.

Отношение российских наблюдателей к украинскому движению в Австро-Венгрии в целом было весьма негативным. Украинское движение изначально рассматривалось как враждебное России, поэтому основной задачей представителей российского внешнеполитического ведомства было не определение отношения к украинскому движению, а, скорее, оценка степени его враждебности, его влияния в политической жизни как в Галиции и Буковине, так и в империи в целом, а также возможности контактов австрийских украинцев с их единомышленниками в Российской империи.

Поворотным моментом стал 1907 г., когда после принятия нового избирательного закона в Рейхсрят были избраны 32 депутата — представители «русского» населения Галиции и Буковины. После недолгого существования единого парламентского клуба, депутаты-русины создали две самостоятельные фракции — украинский «Ruthenen-klub» и русофильский «Русский клуб». Анализируя первые шаги нового парламентского представительства, посол в Вене Л. П. Урусов заметил, что «национальности в Австрии еще не сказали своего последнего слова»².

В 1908 г. украинское движение несколько раз привлекало к себе внимание российских наблюдателей. В апреле этого года студент-украинец М. Сичинский застрелил наместника Галиции А. Потоцкого. Этот террористический акт вызвал большой общественный резонанс, как в самой Австро-Венгрии, так и за ее пределами. Посол в Вене Урусов несколько раз подчеркивал в своих донесениях, что «убитый Штагальтер... невольно вызвал ненависть со стороны украинофилов. Последние, привыкшие к поддержке правительства в борьбе с русским элементом в Галиции не могут простить консерваторам, решившим бороться с социалистическим направлением украинофилов»³. Посол крайне негативно оценивал действия украинских депутатов Рейхсрата, не только не осудивших убийство наместника, но даже и приветствовавших его.

Убийство наместника, горячие дебаты в общеавстрийском парламенте, явно провокационное поведение некоторых украинских активистов послужили основанием для поверенного в делах посольства в Вене С. Свербеева составить подробную докладную записку, посвященную украинскому движению. В этой записке Свербеев не только изложил историю развития украинского движения в Австрии, но и обосновал свое восприятие его как креатуры венской администрации. По мнению российского дипломата, «доказательств признания самобытности за русскими в Галиции существует немало. В указах своих и документах правительство открыто называет их Rußen, Rothrussen и Reussen, и только с развитием в Европе в половине прошлого столетия идеи национализма, проникшей также в Австрию, племенное родство галицко-русского народа с населением России показалось в Вене опасным для Габсбургской монархии. С этого времени австрийское правительство стало употреблять все старания, чтобы обособить галицийских русских от их единоплеменников в России и не пренебрегало для этого никакими средствами и административными давлениями»⁴. Возникновение «украинофильской или украинской» партии Свербеев относил к 1860-м гг. По его мнению, «главная черта ее заключается в национальном сепаратизме, бывшим прежде сепаратизмом чисто культурным. Теперь же украинофилы стараются доказать полную обособленность украинского народа от русского»⁵. Особое внимание российский дипломат обратил на то, какие цели ставят перед собой украинские активисты, поскольку, по его словам, «украинофилы явно стремятся к революционным целям, и отдаленным ее идеалом является образование со временем единой украинской республики. Характерна в этом отношении обложка издающегося в Вене на немецком языке

ежемесячного журнала «Ukrainische Rundshau», изображающая карту Украины от Кракова до Астрахани»⁶.

С этой же точки зрения оценивал украинское движение посол в Вене Л. П. Урусов. Если поводом для записи Свербеева стало убийство наместника А. Потоцкого, то Урусов посчитал необходимым подробно осветить положение национальностей в Галиции после того, как в целом ряде австрийских изданий прозвучали обвинения в адрес России во вмешательстве во внутренние дела Австро-Венгрии и поддержке русского (русофильского) движения. Также и в российской прессе в это время не раз поднимался вопрос о поддержке русского движения в «Подкарпатской Руси». Все это дало повод Урусову составить докладную записку министру иностранных дел С. Д. Сазонову, в которой он изложил свое видение ситуации в регионе. По его мнению, «в середине прошлого столетия, с проникновением в Австро-Венгрию национальной идеи, в Вене показалось опасным для Габсбургской монархии духовное и племенное родство такого многочисленного населения этих двух земель с Россией. Поэтому правительство стало принимать все меры, чтобы обособить русских в Галиции и Буковине... насколько возможно, развить среди населения идею самостоятельной Украинской национальности, отличной от русской»⁷. При этом посол высказывал убеждение, что в этом правительство «нашло деятельную поддержку со стороны поляков... и униатского духовенства», и лишь радикализм, присущий украинскому движению в результате привел к тому, что поляки перестали поддерживать его.

Как альтернативу «искусственному» украинскому движению посол рассматривал русское или русофильское движение, которое, признавая культурную и духовную связь своей земли с Россией, являлось истинным выразителем интересов и настроений своего народа. В конце записи посол сделал вывод о том, что «усиление и развитие украинофильской партии крайне нежелательно. Партия эта, своею деятельностию, направленной к развитию украинской национальности, поддерживает украинское сепаратистское движение в нашей Малороссии, где также имеют влияние проповедуемые ей крайние воззрения... Что же касается русской народной партии, то развитие ее нам только полезно, этим создается дружественный нам элемент на той же границе»⁸. При этом посол призывал воздерживаться от открытой поддержки русофилов, указывая на возможные осложнения в австро-российских отношениях.

Восприятие украинского движения как результата «польской интриги», прозвучавшее в докладной записке Урусова, было вполне традиционным

и даже возникло несколько ранее, нежели концепция интриги венской. Подобные взгляды широко были распространены в российских консервативных кругах, к которым принадлежала немалая часть сотрудников внешнеполитического ведомства. Так, бывший консул в Львове Пустошкин считал «создание украинства» плодом совместных усилий «трех государственных мужей: графа Бадени, нынешнего наместника Галиции Бобжинского и кардинала Сембратовича»⁹, когда им потребовалось «еще больше ослабить русскую партию, вселить в ней раздоры, чтобы окончательно стереть само имя русское в Галиции».

Именно с целью уничтожения «всего русского», прежде всего идеологии общерусского единства в Прикарпатской Руси, был, по мнению автора записки «выписан» во Львов профессор Михаил Грушевский. Пустошкин довольно едко интерпретирует научную концепцию Грушевского: «Украинцы, по заявлению почтенного ученого, совершенно не русские; это особенный народ... слово «русский» — понятие собирательное, так как состоит из двух совершенно отличных народов: из москалей, у которых преобладает монгольская кровь, и украинцев, чистых славян. Украинцы всегда воевали с Москвой и только благодаря предательству Хмельницкого присоединены в 1654 г.»¹⁰. Интересно отметить, что Пустошкин в своей записке увязывал конечную цель украинского движения — создание самостоятельного государства, с реализацией аналогичной польской задачи. По его мнению «приложены всяческие старания, чтобы оторвать малороссов от России миражами «Самостийной Украины» под эгидой восстановленной Польши»¹¹.

Таким образом, российские наблюдатели сходились во мнении, что украинское движение в Габсбургской империи было создано искусственно и является не самостоятельным движением, а инструментом в руках Вены или же «поляков», то есть галицкой администрации. Но каковы же были, по их мнению, цели создателей «украинства»? Прежде всего, это раскол «русского» населения в самой Габсбургской империи и ослабление в нем осознания своего единства с русским народом. В приведенных выше записках сотрудников русского посольства в Вене не раз подчеркивалось, что именно «племенное единство» русинов с населением Российской империи, их стихийное осознание общерусского единства, в том числе и наивная вера в то, что Греко-католическая и Православная церкви, по сути, одно и то же, воспринимались в Вене с большим неудовольствием. При этом российские наблюдатели обращали внимание на еще одну, не менее существенную задачу Вены — ослабить чрезмерное

польское влияние в крае. М. Н. Гирс, сменивший на посту посла в Вене Л. П. Урусова, так писал о причинах позитивного отношения к украинскому движению и польской элиты, и центральной администрации: «Украинское движение... поддерживаемое, с одной стороны Правительством как средство бороться против польского влияния, с другой стороны, теми же поляками, как противовес могущему возникнуть русскому движению»¹². Стоит отметить, что Гирс, в отличие от своих коллег, не считал украинское движение созданным в Габсбургской империи, но писал, что в 1880-х гг. оно было перенесено сюда из России, но именно здесь сумело достичь значительных успехов.

По мере того как росла напряженность в австро-русских отношениях, у российских наблюдателей все чаще возникали опасения, что украинское движение может быть использовано против России. Поворотным моментом здесь стали события 1912—1913 гг., когда после двух Балканских войн и ряда других международных осложнений обе империи оказались практически на грани войны. В июле 1912 г. корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СпбТА) Сергей Колосов отметил, что если во время аннексионного кризиса Эренталь гораздо больше рассчитывал на поляков, чем на украинцев, то теперь «стали серьезно развиваться таинственные надежды на Галицию, Волынь, Украину. Украинские вожди с особой старательностью поддерживают эти надежды в Вене, распространяя самые смелые вести из России»¹³.

Несколько ранее, в одном из своих донесений посол в Вене М. Н. Гирс отмечал, что выступления украинских депутатов Рейхсрата пользуются если не поддержкой, то симпатией австрийского правительства, что никак не может способствовать улучшению отношений между государствами. В качестве примера Гирс привел выступление буковинского депутата Н. Василько, который «в своей речи заявил, что он приветствует стремление австро-венгерского правительства поддерживать хорошие отношения с Россией в интересах сохранения общего мира, но он должен объявить себя врагом существующего в России государственного строя, так как под покровительством русского правительства в Галиции происходит русская пропаганда среди местных украинцев»¹⁴. При этом Василько подчеркивал, что само русское правительство «всячески препятствует сношениям австрийских украинцев их единоплеменниками, живущими в России, но даже преследует последних, не признавая отдельной «украинской национальности» в России». Гирс сообщил далее, что он считал необходимым обратиться к временно управляющему министерством иностранных

дел барону Мюллеру и выразить свое огорчение подобным поведением украинского депутата. По его словам, австрийский дипломат также выражал свое сожаление, однако Гирс все же сохранял уверенность в том, что поощрение австрийскими властями украинских активистов не является случайным.

В 1912 г. Гирс вновь обратился к этой теме. Отмечая в одном из своих донесений, что объявленное императором Францем Иосифом «высочайшее благословление» в благодарность за прекращение обструкции (бойкота) прохождению военных законов в Рейхсратае было явно чрезмерным поощрением, посол пришел к выводу, что «поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам. За самое последнее время в газетах и журналах все чаще появляются статьи, разъясняющие публике, что такое украинцы, а что малороссы. При этом делаются самые неожиданные, но не лишенные находчивости подтасовки общеизвестных исторических фактов. От чтения этих статей остается впечатление, будто Малороссия своего рода Польша, покоренная Россией окраина, не примирившаяся со своею неволей и ждущая лишь случая, чтобы освободиться от русского владычества. Такие статьи появляются в близких правительству органах, как например *«Oesterreichische Rundschau»*. Если они не исходят от правительства, то они не могут не производить на него известного впечатления. Поощряя украинофильство в Галиции, австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем»¹⁵.

Благожелательность, с которой в Вене относились и к украинским заверениям в лояльности, и к украинским требованиям, заметно повлияло на усиление антироссийской позиции украинцев. 7 декабря 1912 г. во Львове было проведено собрание представителей всех украинских партий, на котором было принято решение, что «ради блага и будущего всего украинского народа по обе стороны границы» в случае вооруженного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, все украинское общество займет сторону Австрии против России «как наибольшего врага Украины»¹⁶. Позднее лидер Украинского парламентского клуба К. Левицкий еще раз подчеркнул, выступая в парламенте, что украинцы Галиции и Буковины ориентируются не на Россию, где преследуется украинский народ, а на Австрию, и в случае австро-российского военного конфликта все они встанут на сторону Австрии. Эта же мысль была отражена и в резолюции Национального съезда Украинской национально-демократической партии, состоявшегося в конце 1912 г.¹⁷

При этом улучшение австро-российских отношений было для украинских политиков очевидно нежелательным. Именно поэтому они с большим опасением восприняли назначение в конце 1913 г. нового российского посла в Вене Н. Н. Шебеко. В австрийской прессе активно обсуждались предположения, что одной из задач нового посла является достижение соглашения между Австро-Венгрией и Россией, в том числе и по вопросу о статусе русского языка в Галиции¹⁸. Это вызвало обеспокоенность со стороны украинских представителей в Рейхсратае, в результате чего К. Левицкий и Н. Василько обратились с запросом о полномочиях вновь назначенного российского посла. В запросе содержались сведения о миссии, возложенной якобы на Шебеко, «достигнуть соглашения с Австро-Венгрией по вопросам, касающимся Галиции»¹⁹.

Министр иностранных дел Л. Берхтольд категорически опроверг подобные слухи, однако сама постановка вопроса вызвала недовольство российских представителей в Вене. Сообщивший об этом запросе поверенный в делах в Вене князь Кудашев заметил, что «инцидент этот, по существу своему не имеющий никакого значения, интересен лишь как иллюстрация обычных в Вене приемов... Чуть ли не в самый день приезда нового посла в Вену дать ему понять, как относится общественное мнение и Правительство ко всякому вмешательству в дела Австро-Венгрии»²⁰.

Весной 1914 г. лидеры украинского представительства Н. Василько и К. Левицкий несколько раз обращались к министру иностранных дел Л. Берхтольду с запросами, так или иначе касающимися австро-русских отношений. Так, поводом к одному из запросов стали слова российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. В своей речи в Государственной думе в мае 1914 г. министр выразил надежду, что австрийское правительство не допустит, чтобы замеченное последнее время среди антирусски настроенных элементов в Галиции враждебное движение, стремящееся создать затруднения в русских пограничных губерниях, нарушило добрососедские отношения обеих держав²¹. Эти слова дали украинским лидерам повод заявить, что «в Галиции не существует русофобского движения и что напротив того, из соседнего государства ведется русофильская и австрофобская агитация», и обвинить Сазонова в том, что «эта часть речи русского министра может быть понята следующим образом: что противодействие этому движению Министр считает русофобией, с одной стороны отождествляя с этим себя самого, с другой, требуя его спокойного допущения австрийским правительством». Далее депутаты заявили, что «слова русского министра можно понять и в том смысле, что стремление нашего народа к культуре и экономическому развитию Гали-

ции он называет русофобией, потому что оно противоречит желанию России и требует как условие дружбы обеих сторон противодействия этому стремлению»²².

В ответ на запрос украинцев Берхтолльд не без раздражения заявил: «Те разъяснения, которые я дал комиссии делегаций о наших отношениях с Россией, делегаты Левицкий и Василько признали недостаточными. Возможность проявления влияния России на характер наших внутренних отношений естественным образом исключается, поэтому все высказанные в этом смысле опасения необоснованы»²³. В конце министр заверил украинских депутатов, что австрийское правительство с величайшим интересом относится к культурным достижениям австрийских украинцев.

Российские наблюдатели, оценивая украинское движение, с заметным беспокойством отмечали укрепление его связей с австрийскими верхами. При этом, несмотря на то, что традиционное восприятие его как польской или же австрийской креатуры сохранялось, в донесениях российских дипломатов все чаще об украинском движении говорилось как о самостоятельной политической силе. В то же время, видя в украинском движении одного из своих главных противников в Галиции, российские дипломаты не могли не отметить нарастания его внутренних противоречий накануне войны 1914 г. Особое внимание на это обратил в июле 1914 г. российский консул во Львове Верховцев, направивший в МИД обширную записку о политической ситуации в Галиции в целом и о современном положении всех существовавших в это время национальных партий²⁴. Отмечая то чрезвычайно сильное положение, в котором эта партия находилась в последние годы, Верховцев, хорошо знавший галицийские реалии, также обратил внимание на падение ее влияния буквально в последние месяцы. По его словам, «отчасти вследствие значительного падения интереса сельского населения к политической жизни вообще, отчасти потому, что парламентская политика украинцев в течение последних лет сделалась явно оппортунистической и потому не соответствует больше нуждам крестьянского населения»²⁵. Он также подчеркивал, что политическая деятельность украинцев в «последнее время сводилась, главным образом, к более или менее удачным политическим комбинациям с венским кабинетом и польским клубом», что не могло не привести к падению ее популярности в народе. Говоря о том положении, которое украинское движение занимает во внешнеполитической доктрине Габсбургской монархии, консул отметил, что «украинцы являются

нижним этажом австрийско-католической идеи «Großer Gabsburg», средний этаж которого занимали до сей поры поляки». Таким образом, украинское движение в Австро-Венгрии воспринималось российским наблюдателями не только как антироссийское по духу, но и как инструмент антироссийской политики в руках Вены.

С этой же позиции — насколько опасным это может быть для России как на современном этапе, так и в будущем — российскими дипломатами оценивались и основные направления борьбы украинских активистов в самой Австро-Венгрии. В уж приводившемся выше донесении консула во Львове Верховцева так были сформулированы основные цели украинского движения: «Политическими чаяниями украинцев ныне являются: учреждение университета во Львове для привлечения и украинизации слушателя из Юго-Западной России, реформа сейма, то есть вытеснение оттуда патриотов и раздел Галиции на две административные величины с отдельной администрацией»²⁶. При этом наибольшее значение как для русско-австрийских отношений, так и для внутренней ситуации в России имел, с точки зрения российских наблюдателей, университетский вопрос.

Создание украинского университета во Львове было одним из основных пунктов украинской политической программы. Этот же вопрос были одним из самых болезненных в польско-украинских отношениях. Первоначально требования украинской стороны заключались в создании ряда факультетов с преподаванием на «руськом» (украинском) языке. Первые шаги в этом направлении были сделаны в рамках соглашения 1890 г., когда было создано несколько соответствующих кафедр, одну из которых занял молодой киевский историк М. Грушевский. Позднее требования украинцев, стремившихся к развитию национальной высшей школы, встречали резкое неприятие с польской стороны. В течение ряда лет борьба вокруг университета носила характер молодежного движения и сопровождалась многочисленными, иногда кровавыми столкновениями польских и украинских студентов. Одно из них закончилось гибелью в 1910 г. украинского студента А. Коцко. После этого вопрос о создании самостоятельного украинского университета был перенесен в область высокой политики и стал предметом переговоров украинских представителей с австрийским правительством. При этом украинцы настаивали на том, что если реформа Сейма (еще один важный пункт их политической программы) — это предмет переговоров с поляками, то университет украинцы должны получить от имперского правительства. Украинская сторона не раз также подчеркивала, что создание украинского университета

необходимо и для самой Австро-Венгрии. Как заявил украинский депутат Е. Окуневский, если Россия одумается, изменит свою национальную политику и «начнет собирать свои народы», положение Австрии заметно осложниться²⁷.

Весной 1912 г. Веной были предприняты первые шаги к урегулированию университетского вопроса. Для правительства принципиальным было достижение компромисса польской и украинской сторонами, лишь в этом случае могло быть издано соответствующее распоряжение императора о создании нового университета. Переговоры шли трудно, постоянно прерывались то одной, то другой сторонами. Это побуждало Вену идти на определенные шаги, поощряющие, прежде всего, украинскую сторону к достижению компромисса. Одним из таких шагов стало употребление императором Францем Иосифом в письме к украинским депутатам Рейхсрата нового термина «украинский» вместо привычного «рутенский». Это вызвало немедленную реакцию, как с польской стороны, так и со стороны внешних наблюдателей.

Если австрийский министр просвещения извинился за допущенную «ошибку», то другой австрийский сановник, граф Тун, подчеркнул, что «поведение правительства относительно русинов вызывалось интересами внешней политики». Того же мнения придерживалась и австрийская, и международная печать. Так, С. Щеголев, автор известной книги «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» приводит мнение австрийской газеты «Neue Freie Presse», о том, что при написании рескрипта явно играли роль мотивы, выходящие далеко за пределы внутренней политики. Об этом писала и английская «Times», по мнению которой, Австрия должна была спешно уладить университетский вопрос, поскольку готовилась к важным событиям на Балканском полуострове²⁸.

То, что университетский вопрос имел не только внутриполитическое значение, но также мог оказывать большое влияние и на русско-австрийские отношения, было очевидно и для российских наблюдателей. Посол в Вене М. Н. Гирс в своей весьма подробной записке, посвященной переговорам по университетскому вопросу, подчеркивал, что «учреждение такого высшего учебного заведения в столице Червонной Руси было бы для интересов императорского правительства крайне нежелательным, так как могло бы в будущем послужить могучей опорой растущему у нас украинскому сепаратизму и привлекло бы к себе симпатии нашей мало-

русской квази-интеллигенции. Рассадник «украинского просвещения», конечно, не имел бы других целей, кроме политических и притом революционных по отношению к нашему отечеству»²⁹. Позицию центрального австрийского правительства в университете вопросе Гирс оценивал достаточно скептически, отметив, что она, несомненно, во многом определяется внешнеполитическими факторами, а именно, желанием Вены «усилить влияние украинской идеи не столько в самой Австро-Венгрии, сколько в Российской империи»³⁰. При этом посол высказал уверенность в том, что «австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем. Нельзя отрицать вреда, который может принести нам создание малороссийского университета в Галиции, ввиду несомненно существующего в России сепаратистического течения. Я не берусь судить о степени опасности, представляющей им для нас, хотя убежден, что расчеты наших недоброжелателей в этом вопросе очень преувеличены»³¹. Говоря о том какую линию поведения следует выбрать российской дипломатии, посол отметил, что несмотря на то, что «воздействовать против учреждаемого университета мы не можем, но от нас зависит не слишком подчеркивать в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств». Очевидно, дипломат имел в виду ряд публикаций в российских изданиях, в которых обращалось внимание на явный внешнеполитический подтекст университетского вопроса³².

Переговоры по университетскому вопросу продолжились в конце 1912 г. и в конце декабря были достигнуты первоначальные соглашения, предусматривающие создание украинского университета уже в 1916 г. Анализируя результаты переговоров, посол в Вене Гирс, несмотря на то, что вопрос «является принципиально решенным», отмечал некоторые различия в польских и украинских формулировках, что могло привести к новым трудностям в окончательном урегулировании вопроса. При этом последствия создания украинского высшего учебного заведения «близ нашей границы» Гирс оценивал как негативные, поскольку «каковы ни будут научные достоинства этого университета, он главным образом станет центром сепаратистической политической пропаганды, могущей, особенно при шумном, слишком резком к ней отношении наших властей, производить самое вредное действие на умы населения наших юго-западных губерний»³³.

Такую же, и даже более негативную оценку перспективе создания украинского университета давал поверенный в делах посольства в Вене Н. А. Кудашев. Будучи активным противником украинской идеи, он подчеркивал, что «нетрудно будет себе представить, во что обернется такое quasi-научное учреждение, как высшая украинская школа во Львове, если она в самом деле возникнет. В умелых руках австрийского правительства и, конечно, тех же поляков, она будет орудием борьбы с Россией и со всем русским»³⁴. О том, что создание украинского университета во Львове имеет не только внутри-, но внешнеполитическое значение и во многом создается именно с целью воздействия на украинское движение в России, писал в одном из своих обзоров В. Сватковский, корреспондент С.-Петербургского телеграфного агентства. По его словам, «идейным основанием (соглашения) является увенчание так называемой украинской национальности украинским университетом, рассадником украинской культуры и интеллигенции, как здесь надеются не в одной Габсбургской монархии, но и в России»³⁵. Таким образом, российские наблюдатели считали, что, идя навстречу пожеланиям украинских политиков в вопросе создания самостоятельного университета, австрийское правительство в немалом степени преследует внешнеполитические цели.

Итак, негативное отношение российских наблюдателей к украинскому движению складывалось из следующих моментов. Прежде всего, украинское движение, по их убеждению, было искусственно созданопольской галицкой администрацией с целью ослабления как единства «русского» населения края, так и русского влияния в регионе. Позднее, по мере обострения австро-российских отношений, украинское движение все чаще рассматривалось Веной как инструмент влияния на внутриполитическую ситуацию в Российской империи. По мнению российских дипломатов, поддерживая украинское движение в Австро-Венгрии, Вена стремилась привлечь на свою сторону и симпатии украинцев, проживавших на территории соседнего государства. Кроме того, немалое беспокойство с их стороны вызывало также стремление украинских активистов использовать нарастание напряженности в отношениях двух империй ради достижения своих целей. В глазах российских наблюдателей, украинское движение в Австро-Венгрии было создано с враждебными по отношению к России целями и способно было подорвать безопасность Российской империи. Именно поэтому отношение как российских представителей в Австро-Венгрии, так и официального Петербурга к украинскому движению в Австро-Венгрии было сугубо негативным.

Примечания

¹Сухий О. Від русофільства до москофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003; Середа О. Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860—1867 роках (за матеріалами преси) // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 157—171; Он же. Національна свідомість і політична програма ранніх народовіців у Східній Галичині (1861—1867) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 199—214.

²Л. П. Урусов — А. И. Извольскому 14/27 июня 1907 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 99.

³Л. П. Урусов — А. И. Извольскому 3/16 апреля 1908 г. // Там же. 1908 г. Д. 136. Л. 122—124.

⁴С. П. Свербеев — А. И. Извольскому. 28 мая/ 10 июня 1908 г. // Там же. 1908 г. Д. 136. Л. 177—180.

⁵С. П. Свербеев — А. И. Извольскому. 28 мая/ 10 июня 1908 г. // Там же. 1908 г. Д. 136. Л. 177—180.

⁶Там же.

⁷Л. П. Урусов — А. И. Извольскому 29 мая/ 11 июня 1910 г. // Там же. 1910 г. Д. 130. Л. 121—122.

⁸Там же.

⁹Записка бывшего консула во Львове Пустошкина «19 лет среди поляков». 24.05.1909—2.(15).01.1911 г. // Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2—16.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Депеши и телеграммы гофмейстера Гирса и д.с.с. Крупенского за 1911 г. — Там же. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 599. Л. 49.

¹³Записка С. П. Колосова. «Из польской печати. Поляки об украинофильской политике». 5/18.07.1912. // Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 45/313. Л. 4.

¹⁴Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 16 февраля/ 1 марта 1911 г. // Там же. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69.

¹⁵Там же.

¹⁶Левицкий К. Исторія політичної думки галицьких українців. 1848—1914. На підставі спомінків. Львів, 1926. С. 634—635.

¹⁷Левицький К. Указ. соч. С. 638.

¹⁸Н. А. Кудашев — С. Д. Сазонову 16/29 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 31.

¹⁹Секретная телеграмма поверенного в делах в Вене Н. А. Кудашева 3/16 декабря 1913 г. // Там же. Л. 27.

²⁰ Н. А. Кудашев — С. Д. Сазонову 16/29 декабря 1913 г. // Там же. Л. 31.

²¹ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, заседание 37, 11 февраля 1914 г. Ст. 722.

²² Посол в Вене Н. Н. Шебеко — С. Д. Сазонову 17/30 апреля. 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2—4.

²³ Там же.

²⁴ Копия с донесения Императорского Консула во Львове в Императорское Российское посольство в Вене от 9/22июля 1914 г за № 86. Секретно // Там же. Л. 19—29.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Левицкий К. Указ. соч. С.613.

²⁸ Там же.

²⁹ Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 24 мая/6 июня 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912г. Д. 124. Л. 64—66.

³⁰ Н. Н. Гирс — С. Д. Сазонову 16/29 июня 1912 г. // Там же. Л. 73—75.

³¹ Там же.

³² Щеголев С. И. История украинского сепаратизма. М., 2004. С. 369.

³³ Там же.

³⁴ Н. А. Кудашев — А. А. Нератову 24 октября/6 ноября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 14. Л. 52—54.

³⁵ Обзор Сватковского «Политические настроения. Допрос гр. Бобринского» 1914 г. // Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 745/802. Лл. 57—66.

П. Н. Рудяков

«Австрийский» украинец Ф. Василевский о прошлом и настоящем Сербии, Турции, России, Украины

Когда речь заходит о столь тонкой и деликатной материи как восприятие представителями одного государства или народа других государств и/или народов, то в большинстве случаев вынужденно «выносится за скобки» то, что можно было бы определить как общий контекст такого восприятия. Сосредотачивая внимание на мнении, например, поляков о немцах или сербов о хорватах, мы, как правило, упускаем из виду мнение тех же поляков об англичанах или испанцах, а сербов — о болгарах, румынах, албанцах. Происходит подобное, вероятнее всего, вследствие действия обстоятельств объективной природы. Двухсторонние взаимные представления и оценки гораздо легче поддаются учету и осмыслению, чем многосторонние, и, кроме того, являются естественным промежуточным звеном на пути к созданию полной картины представлений какого-либо одного народа о других народах, а этих других, в свою очередь, — о нем. «Имидж» или, другими словами, международная репутация России и русских не исчерпывается тем, что думают о них украинцы или, например, французы, однако, без учета как украинского, так и французского мнений вряд ли будет корректной и во всех смыслах полноценной. То же самое, естественно, относится к международной репутации Украины и украинцев, как, впрочем, и любых других стран и народов.

Между тем сравнение того, что люди той или иной национальности думают не о какой-либо одной, а сразу о нескольких нациях и странах, способно открыть в проблеме взаимного восприятия немало нового и любопытного. С этой точки зрения украинский перевод книги известного сербского мыслителя, литератора, общественного деятеля Светозара Марковича «Сербия на Востоке» представляется показательным. В нем переводчик — Феофан Василевский, этнический украинец, гражданин Австро-Венгрии, в состав которой входили в то время земли Галиции (нынешая Западная Украина), — сознательно увязывает воедино ситуацию, в которой находились сербы под турецкой властью, с положением украинцев в Российской империи, оценивая каждый из трех «чужих» для него

народов — сербский, турецкий, русский — и каждую из держав — Турцию и Россию — именно на основе такой «увязки». Таким образом, высказывается представление не о каком-то одном народе или государстве, а сразу о трех. Общий результат оценки Василевского оказался во многом неожиданным. Особенно отчетливо эта неожиданность ощущается в связи с той главной целью, которую онставил перед собой и которая, очевидно, состояла в том, чтобы познакомить украинского читателя с книгой сербского автора. Об этом, собственно, и пойдет речь в предлагаемом сообщении.

Рукопись украинского перевода С. Марковича «Сербии на Востоке» хранится в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Шевченко Национальной академии наук Украины в Киеве. В Украине он ни при жизни переводчика, ни после его смерти не публиковался. Фрагмент «Предисловия переводчика» как отдельный самостоятельный текст под названием «Сербское царство и Турки» увидел свет во львовском журнале «Світ»¹. Полностью текст Ф. Василевского опубликован в Сербии в 1995 г. в 8-м томе Полного собрания сочинений С. Марковича, подготовленного в Отделении общественных наук Сербской академии наук и искусств².

В примечании, которым редакция «Світа» сочла необходимым сопроводить публикацию «Предисловия» Ф. Василевского на страницах своего журнала, говорилось: «Автор этой статьи, господин Софрон Крутъ (литературный псевдоним Василевского. — П. Р.), известен читателям в Галиции по другим его трудам о югославянских делах, публиковавшихся в галицких изданиях. В прошлом (то есть 1880 г. — П. Р.) году журнал «Правда» напечатал в 1-ой и 2-ой тетрадях его материал “Черногорцы в Герцеговине — записки украинского добровольца”, а еще в 1878-ом была опубликована его интересная статья “Война Славян с Турками 1875—1878 годах” в журнале “Громадський Друг”. Статью “Сербское царство и Турки” мы взяли из “Вступительного слова” к переводу книги серба Светозара Марковича “Сербия на Востоке”...»³

Феофан Василевский (Софрон Крутъ, 1855—1912) — украинский литератор, публицист из окружения выдающегося писателя и мыслителя Ивана Франко. В 1875 г. он вместе с другими соотечественниками участвовал в качестве добровольца в боснийско-герцеговинском восстании против турецкого владычества на Балканах. В течение 1875—1876 и 1878—1881 гг. во львовских изданиях «Правда», «Світ», «Дзвін», «Громадський друг», «Молот» Ф. Василевский опубликовал серию статей и очерков о борьбе южных славян за освобождение из-под власти турок, а также

о народных обычаях и укладе жизни сербов и черногорцев. В 1905 г. И. Франко издал эти материалы отдельным изданием под названием «Записки украинца о пребывании у Южных Славян» («Записки українця з побуту між полудневними Слов'янами»), сопроводив его своим предисловием.

В своем вступительном слове переводчик «Сербии на Востоке» предпринял попытку подготовить украинского читателя к полноценному восприятию труда С. Марковича, познакомив его (читателя) с историей, образом жизни, экономической, политической, культурной ситуацией в Сербии того времени, а также на сербских землях, пребывавших под властью Порты.

Феофан Василевский принадлежал к числу сознательных, последовательных украинских националистов из числа «австрийских» украинцев, выступавших за скорейшее и безусловное освобождение той части украинского народа, которая проживала на территориях, входивших в состав России, от угнетения царского режима. События в Турции он видит и оценивает не столько сами по себе, сколько с точки зрения аналогичных (или хотя бы кажущихся ему таковыми) событий в России. Всем бедам и несчастьям сербов, вызванным турецкой властью и притеснениями со стороны турецкой администрации, он ищет и с удивительной легкостью находит соответствия в жизни украинцев в Российской империи, перенося главный акцент именно на эти последние.

Отношение Василевского к событиям сербской истории и украинской действительности того времени носит тенденциозный, ангажированный характер. У него есть уже сформированная позиция, под которую он «подгоняет» все то новое, что происходит вокруг. Его мнения и оценки в подавляющем большинстве случаев основаны на политических симпатиях и антипатиях, в первую очередь, на остром неприятии России, ее правящего режима и в некотором смысле всего русского. Он предпочитает не полагаться на авторитеты, чаще всего исходя из собственного понимания жизни и жизненных закономерностей, а также отношений между людьми, осмысливаемых им, прежде всего, как отношения между представителями определенных классов и социальных групп.

При этом складывается парадоксальная на первый взгляд картина. Получается, что «плохие» турки, безбожно угнетающие и обирающие «хороших» сербов, оказываются лучше «плохих» русских, угнетающих «хороших» украинцев. Лучше настолько, что под пером украинского переводчика «Сербии на Востоке» даже в какой-то степени перестают быть такими уж «плохими», сближаясь в чем-то с «хорошими» сербами и укра-

инцами! То обстоятельство, что подобная трактовка вступает в прямое противоречие с мнением многих других наблюдателей и исследователей данной проблемы, Василевского ничуть не смущает.

Парадоксальность ситуации еще более возрастет, если принять во внимание, что общественно-политические взгляды Ф. Василевского достаточно близки взглядам С. Марковича и так же, как у сербского писателя и общественного деятеля, основаны на революционно-демократической доктрине.

Тем не менее, оценки целого ряда событий и явлений, даваемые сербским классиком и его украинским популяризатором, во многом различны. Феофан Василевский не соглашается с мнением Святозара Марковича по достаточно большому кругу вопросов, в том числе — принципиального характера. Переводчик ничуть не «стесняется» такого положения дел и даже, наоборот, акцентирует свое «инакомыслие». Во «Вступительном слове переводчика» он прямо говорит: «...у Марковича есть несколько взглядов, с которыми мы не можем согласиться»⁴. Главной причиной несогласия (или, может быть, концептуальной неготовности к согласию?) следует считать националистическую составляющую в основе своей революционно-демократического политического сознания «австрийского» украинца, отсутствующую в сознании великого серба.

Переводчик «Сербии на Востоке» смотрит на положение сербов в Османской империи сквозь призму своего специфического знания о положении украинцев в империи Российской, оценивая состояние сербских «дел», по сути, исключительно в сопоставлении с состоянием «дел» украинских.

Следует заметить, что Ф. Василевский переводит сербский оригинал достаточно свободно, не особенно заботясь о том, чтобы сберечь для украинского читателя все то, что сказал в своем произведении С. Маркович. В ряде случаев переводчик считает необходимым «разъяснить» точку зрения автора, а также дополнять и комментировать оригинальный текст.

Такое стремление, возможно, было вызвано, в первую очередь, желанием пояснить специфические сербские и турецкие реалии, абсолютно незнакомые и непонятные рядовому читающему украинцу. Так, к примеру, Василевский комментирует такие слова, как «бег», «ага» и т. п. Когда в тексте упоминается о том, что «политическая и административная власть в областях была в руках пашши», он добавляет от себя: «Турецкая империя была поделена на пашалуки (губернии)», делая, таким образом, мысль сербского автора более удобной для восприятия в украинской среде.

Пользуется Василевский и таким известным приемом, как «перевод» реалий. В результате этого сербские «гайдуки» превращаются у него в «гайдамаков», «кнез» становится «сельским старостой», «нахия» предстает как «округ» и т. д.

В объяснении экзотических для Украины и России реалий Василевский преуспел. В стремлении же растолковывать основные положения «Сербии на Востоке» путем проведения сравнительного исследования положения дел в Турции и в России, мягко говоря, несколько переусердствовал. В переводе опущены некоторые отрывки, имеющиеся в сербском оригинале. В других случаях переводчик идет по пути не перевода, а вольного пересказа текста оригинала, в результате чего тот смысл, который вкладывал в тот или иной фрагмент Маркович, в значительной степени размывается, «уплывает».

Переводческие «вольности» начинаются уже с названия переводимого сочинения. Свой перевод Василевский озаглавил в русле той же отмеченной выше тенденции «разъяснения»: «Что делать Сербии среди балканских славян? (Сербия на Востоке)», а собственную роль в адаптации труда сербского мыслителя выразил более чем красноречивой, как представляется, словесной формулой: «перевел и примерами объяснил...»⁵

Свою точку зрения на все то, о чем пишет С. Маркович, Ф. Василевский с предельной четкостью выразил во «Вступительном слове...». В ее основе лежало его представление о том, что автору «Сербии на Востоке» была присуща некоторая «недостача ясного взгляда и понимания турецких порядков...»⁶ Именно в оценке этих «порядков» переводчик не соглашается с автором наиболее остро и бескомпромиссно.

В дальнейшем, в своем комментарии к первому разделу сочинения сербского классика, украинский доброволец и переводчик сам же и расставит точки над «и» в данном вопросе. «...Светозар Маркович, — напишет он, — не знал жизнь мужика в России, а если бы знал, как знаем ее мы, то паверняка не нарекал бы слишком сильно на турок»⁷.

Оснований говорить о недостаточном знании и понимании Марковичем положения дел в Османской империи в целом и в той ее части, в которой проживали его соплеменники в частности, не было. Подобная постановка вопроса представляется абсолютно некорректной. Сам Феофан Василевский никакого более «ясного взгляда... и понимания турецких порядков» по сравнению с тем, что есть в книге Светозара, не предлагает. Все дополнения позиции сербского автора, предлагаемые Василевским, а также уточнения, делаемые им, обусловлены исключительно одним

обстоятельством: постоянной настроенностью на сравнение — причем часто произвольное, ангажированное, иногда откровенно предвзятое — ситуации в Турции с ситуацией в России.

Ярким подтверждением этого может служить общий вывод, делаемый украинским переводчиком как бы по итогам его «Вступительного слова...». Василевский, беря на себя роль добровольного «адвоката» Порты, призывает хотя бы к частичному оправданию ее в глазах украинской публики, к отказу от взгляда на нее как на, говоря его же словами, «...государство, в котором жизнь ненамного лучше, чем в аду...»⁸ «...Все то, что делается в Турции, — читаем у Василевского, — делается с одинаковым правом и в России»⁹. «Ругать ее на чем свет стоит» не стоит, «так как в ней нет ничего такого, чего не было бы и в других государствах»¹⁰.

Стремление оправдать Турцию и турок приводит украинского переводчика к сомнительным с точки зрения исторической правды умозаключениям, направленным на искажение того, по сути, общего представления, которое сложилось в мировой исторической науке о Сербии и сербах в XIX в., и даже в некоторой степени на откровенное их очернение.

Особенно заметно эта тенденция бросается в глаза, пожалуй, тогда, когда он с завидной беспепелляционностью заявляет, что «...Арсений Чарноевич вывел 37.000 сербских семей в Венгрию скорее ради собственной корысти, чем в этом была крайняя необходимость»¹¹. Таким образом, без достаточных оснований и аргументации ставится под сомнение оценка одного из важнейших событий сербской истории, являющейся, по сути, общепризнанной не только в самой Сербии, но и в Европе и в мире.

Не отличается ни научной обоснованностью, ни корректностью и оценка Феофана Василевского тех событий, которые предшествовали Косовской битве 1389 г., ставшей поворотным пунктом в процессе утраты сербами своей средневековой государственности и перехода под власть турок. «Пусть будущие историки и стратеги разберут этот вопрос, — пишет он: было ли 60.000 войско братьев Марнявчевичей (так в тексте перевода. — *P. R.*) разбито четырьмя тысячами турок (1371 г.) только одними военными хитростями, или сюда примешивается еще и что-то иное?»¹². Достаточно прозрачный намек на имевшееся якобы место нежелание сербов защищать «своих» правителей от экспансии «чужих» Василевский, ссылаясь на одного из зарубежных исследователей данной проблемы, основывает на предположении, согласно которому «владычество турок... для простого люду сербского, особенно на первых порах, ...было гораздо более выгодным, чем владычество собственных бояр»¹³.

Под «выгодой» как в данном конкретном случае, так и в дальнейшем Феофан понимает, прежде всего, материальную сторону. Точка зрения, согласно которой сербские крестьяне с приходом турок получили на некоторое время более совершенную и более приемлемую для них систему сбора ежегодных податей и сборов, действительно, существует и, безусловно, имеет право на существование. Вместе с тем, это обстоятельство не стоит переоценивать и абсолютизировать. Такой критерий, как уровень жизни во все времена имел важнейшее значение. Однако на историческом для Сербии переломе, связанном с утратой собственной государственности и приходом турок, не менее важным для сербов был еще и другой критерий. Современным языком его можно было бы определить как национальную идентичность. Феофан Василевский этот, второй, критерий не просто недооценивает, а игнорирует, что приводит к целому ряду ошибочных выводов и заблуждений.

Для сербов и в самой Сербии, и за ее пределами, в местах их традиционного компактного проживания вне территории Сербского княжества образца XIX в., именно национальная идентичность была наиболее значимой. Она ценилась куда более высоко, чем уровень жизни в его материальном выражении. С. Маркович это как раз прекрасно понимал и учитывал в том анализе ситуации, который сделан в книге «Сербия на Востоке».

В своем априорном отрицании тех, в большинстве своем очевидных и общепринятых выводов и истин, связанных с теми или иными событиями истории Сербии и сербов, украинский переводчик не щадит даже такого признанного авторитета, каким является в «сербоведении» Вук Караджич. Мысль С. Марковича о том, что «Вук Караджич в своем труде “Правительствующий совет Сербский” утверждает, что первую мысль об учреждении в Сербии совета подал протопопу Ненадовичу и Боже Груичу какой-то российский господин, когда они вдвоем ездили в Петербург в 1804 г.»¹⁴, и его сомнение в справедливости такого предположения («Неизвестно, сколько в этом правды, но мы, глядя на то, как был устроен совет и сравнивая его с мнениями российских господ, в это вряд ли поверим»)¹⁵, — Василевский сопровождает следующим комментарием: «Нам кажется, что “русский господин” Ненадовича это — такое же вранье (Василевский употребляет здесь не нейтральное, а эмоционально окрашенное слово «брехенька». — П. Р.), как и султанские фирманы, о которых он распространял слух по стране, чтобы поднять народ на турок»¹⁶. Ангажированность позиции проявляется тут во всей ее полноте.

По мнению Феофана Василевского, доверять Караджичу вряд ли стоит, и Маркович «исмного ошибается», когда полагается на него и берется, например, характеризовать Карагеоргия на основе империи караджических оценок¹⁷. Обращает на себя внимание при этом, что украинца смущает не столько собственно научный уровень того, что делал и что сделал Вук (тут он признает его достижения, отмечая, что следует «отдать должное всем научным трудам Караджича»¹⁸), сколько общественно-политическая сторона его деятельности. «...Его политическая работа, — считает он, — была не совсем чиста и куда лучше было бы, если бы он ею вовсе не занимался»¹⁹. Таким образом, политические симпатии и основанные на них пристрастия оказываются для Феофана важнее науки и того, что принято называть научной истиной.

Особенности хода рассуждений Василевского хорошо видны на примере того, каким образом он пытается обосновать вывод о «европейскости» государственного устройства Турции. Необходимость такого обоснования возникает перед ним в данном случае, как и в подавляющем большинстве других, вследствие желания вступить в полемику с автором «Сербии на Востоке». Маркович отстаивает точку зрения, что «турки... не знают о европейском устройстве государства...»²⁰ Василевский берется эту точку зрения оспаривать. Свое представление о предмете, о котором идет речь, он строит на предположении, приобретающем в его интерпретации характер аксиомы: «...каждый согласится, что Валахия (Румыния) лучше обустроена, чем Россия»²¹. Не утруждаясь хотя бы сколько-нибудь серьезным обоснованием данного, надо сказать, весьма сомнительного тезиса, переводчик констатирует: «...а между тем Турция с ее башни-бузулами более пригодна для валахов, чем родной край, обустроенный "по-европейски"...»²²

Раздел второй книги «Сербия на Востоке» посвящен Светозаром Марковичем вопросам традиционной организации семьи у сербов, а также такому феномену быта, общественной и экономической деятельности, как — задруга. О том, насколько важной, по мнению Марковича, приметой сербского образа жизни являлась задруга, какая принципиальная, без преувеличения ключевая роль ей принадлежала, — можно судить, например, по таким его фразам-максимам: «Общественный труд и уклад семейный проявляются в задруге», «Задруга и община — это два великих учреждения сербского народа, которых не коснулось и которые не испортило турецкое правление».

У Феофана Василевского и по этому вопросу возникают сомнения. Причем достаточно серьезные. В своем комментарии к разделу он не соглашается с точкой зрения, предлагаемой автором «Сербии на Востоке».

В отрицании данного постулата сербского мыслителя украинский переводчик предельно категоричен. «...Ни задруги, ни общественного самоуправления в сербском царстве не могло быть...»²³, — заявляет он, обосновывая такой вывод тем обстоятельством, что в Сербии существовало крепостное право. «Задруга и крепостное право, — уверен Феофан — веши, которые не могут совмещаться»²⁴.

Выход по поводу задруги, к которому приходит украинский переводчик, мог бы показаться немотивированным и необоснованным. Если рассматривать только сербскую историю, то это, действительно, так. Для Василевского же главным аргументом и в этом случае остается аналогия, возникающая у него в связи с сопоставлением положения дел у сербов под турками и в России.

«Так думать о задруге и ее истории заставляют нас примеры из подобного же учреждения у великорусов»²⁵, — пишет он, объясняя свое несогласие с мнением С. Марковича о задруге. Именно на основе примеров из жизни крестьянства в России (им же самим, кстати, произвольно подобранных) переводчик выносит окончательный «приговор» сербской задруге. Раз в России община и общинное землевладение после окончательного утверждения крепостничества практически исчезли, то, говорит он: «Так оно должно было быть и у сербов»²⁶.

Полемический «запал» Феофана Василевского, достигнув апогея в первых разделах его перевода книги «Сербия на Востоке», в дальнейшем спадает. Комментарии переводчика к оригинальному тексту появляются еще в пятом разделе, а затем исчезают. Разделы с шестого по двенадцатый Василевский не комментирует. Последний комментарий имеет место в разделе тринадцатом (или эпилоге), в котором, как известно, автор — Светозар Маркович — отвечает на главный вопрос, волновавший и его самого, и его современников: что же делать и каким путем идти Сербии в том положении, в котором она оказалась в начале последней четверти XIX в.?

Для автора «Сербии на Востоке» ответ сводится к утверждению исторической необходимости возрождения сербской государственности, необходимым условием которого является освобождение из-под турецкого владычества. Путь к решению этой задачи видится Марковичу в том, чтобы, во-первых, поднять, доведя до победного конца, антитурецкое восстание (сам Маркович употребляет для обозначение этого действия термин «революция»), а во-вторых, освободившись от турок, объединить всех сербов в едином — своем собственном, как пишет Светозар, «полностью свободном» и от турок, и от своих «местных» монархов — государстве.

Для Феофана Василевского, если судить по его комментарию, главным и в этом, как и во всех предыдущих, случаях оказывается совсем другое. В фокусе его внимания — роль России в тех событиях, о которых идет речь. А также то, что можно назвать «образом» России — миссия России на Балканах.

Та «революция», о которой только мечтает Маркович, для Василевского — событие, уже свершившееся. Это — боснийско-герцеговинское восстание 1875—1876 гг. Он знает, как оно начиналось, как протекало, чем закончилось, имея возможность рассуждать об этом с высоты некоторого исторического опыта. «Восстание, о котором Маркович говорит, — пишет Василевский, — поднялось в Турции в 1875 г., только это было не то восстание, которое он хотел и ждал... Сербия была бита, народ сербский в Турции не поднялся ей на помощь. Далее вести войну взялась Россия...»²⁷

Далее Ф. Василевский «плавно» переходит от разговора о делах сербских к обсуждению того, что и как делала или собиралась делать Россия. Его мнение о России не изменяется, оставаясь негативной. Констатировав, что выиграть войну у Турции (речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. — *П. Р.*) Россия не смогла, украинский переводчик заявляет: «У России никогда не было намерений помочь сербам объединиться, к тому же она и не могла этого сделать, даже, если бы и хотела...»²⁸ В стремлении обосновать данный вывод, в котором, возможно, и содержится определенное рациональное зерно, он в уже апробированной манере идет путем компрометации всего, что связано с Россией, а в данном случае — еще и возложения ответственности за неблагоприятное развитие событий именно на нее. В России «устройство государства намного хуже сербского, — пишет Феофан, — Россия должна была делать то, что ей прикажут другие государства, настроенные против славян и объединения сербов»²⁹.

Итак, переводчик книги С. Марковича «Сербия на Востоке» на украинский язык Ф. Василевский в переводе и комментариях к нему представил читателю свой взгляд не только на Сербию и Турцию, в состав которых сербские земли входили в конце XIX в., но и на Россию. В результате получился любопытный, с точки зрения проблемы восприятия представителями одного народа других государств и народов, «конгломерат», включающий в себя мнение украинца одновременно и о Сербии (которой, собственно, и посвящено переведенное сочинение), и о Турции, и о России. Особенно важным, думается, следует считать то обстоятельство, что мнения о других странах и народах представлены в украинском

переводе «Сербии на Востоке» с элементами сравнительно-сопоставительной характеристики, на что уже было обращено внимание в нашем сообщении. Точку зрения Феофана Василевского можно принимать или, наоборот, не соглашаться с ней, однако она, безусловно, заслуживает того, чтобы ее знать и учитывать.

П р и м е ч а н и я

¹ Світ. 1881. № 1—3.

² *Markovin C.* Целокупна дела. // Књига VIII. Београд, 1995.

³ Там же. С. 250.

⁴ Здесь и далее цитируется по указанному выше изданию. С. 120.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Там же. С. 147.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ Там же. С. 124—125.

¹¹ Там же. С. 134.

¹² Там же. С. 133.

¹³ Там же. С. 133, сноска.

¹⁴ Там же. С. 168.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 168, сноска.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 147.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 156.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 218.

²⁸ Там же. С. 219.

²⁹ Там же.

В. Ф. Солдатенко

В поисках «нового Переяслава»: попытки разрешить старые проблемы в революционную эпоху (1917–1920 годы)

350-летие Переяславской Рады, исполнившееся в январе 2004 г., в который раз обнажило проблему украинско-российских отношений. И в который раз обнаружилось, что истоки многовековых противоречий как политические деятели, так и ученые склонны отыскивать прежде всего в событии, ставшем, без преувеличения, переломным в истории двух народов. Подобный подход демонстрировали серьезные исследователи и в Киеве¹, и в Москве², хотя не обошлось и без попыток переоценки Переяславского договора, его последствий с конъюнктурных, односторонних позиций³.

Для преодоления неконструктивных тенденций, заводящих желающих постигнуть истину на бесплодный, тупиковый путь, представляется важным, прежде всего, определиться с принципиальной оценкой позитивных и негативных аспектов (как явных, так и латентных, потенциальных) договора 1654 г. и без какого-либо предубеждения подходить к анализу последующих этапов выработки вариантов взаимоотношений, обусловленных, с одной стороны, стремлением придерживаться традиции, объективной данности, и с другой стороны — желанием воспользоваться особенностями складывавшихся конкретно-исторических ситуаций, обуславливавших выбор доминантных целей (как далеко идущих, так и непосредственных) и способов их достижения.

В этом плане весьма интересным и довольно поучительным предстает опыт разрешения украинско-российских противоречий в ходе революционных событий, начатых в Феврале 1917 г., когда, собственно, закончилась одна историческая эпоха и начиналась закладка фундамента общественного развития с качественно иными параметрами и характеристиками.

Оценивать историческое наследие Переяславской рады непросто. Вполне оправданно избегать однозначности, жесткой категоричности. Логичной представляется концентрация внимания на двух главных ракурсах проблемы (конечно же, с учетом того, что предлагается взгляд, так сказать, с украинской стороны).

Во-первых, прервав польско-татарский геноцид, после Переяслава украинцы получили возможность не просто сохранить свою этническую природу, но и обрели достаточно надежную перспективу, даже гарантию для ее упрочения, развития, формирования полноценного национального организма. Последняя тенденция приобрела устойчивый, необратимый характер.

Во-вторых, встав на путь инкорпорации Украины, Российская империя перманентно стремилась к сужению, а затем и искоренению национального начала, естества украинцев.

Именно в этом, очевидно, и можно усмотреть коренное противоречие исторического наследия Переяслава: был брошен «спасательный круг» гибнущему народу, но одновременно будущее его как отдельной общности ставилось под сомнение.

Безусловно, обозначенная «система координат» предполагает рассмотрение проблемы на стержневом срезе. Глубинная ее проработка неизбежно обнаружит потребность анализа многочисленных элементов, которые априори не только органично «лягут» в максимально укрупненную схему, но и тех, которые проявляли себя настолько специфически или опосредованно, что их «выпадение» из целостной конструкции вызовет необходимость отдельного разговора. Впрочем, последнее обстоятельство, надо думать, неспособно сколько-нибудь существенно повлиять на предлагаемую логику оценок и выводов, тем более опровергнуть ее.

Конечно, нельзя не видеть существенной разницы в том, какими путями соседи пытались лишить украинскую нацию перспективы.

Поляки применяли насильтвенную полонизацию и окатоличевание — те же, кто этому противился, не подчинялся, с презрением отодвигались на положение людей второго сорта — «быдла», по-существу, с губительными для них последствиями.

Татары в процессе бесконечных опустошительных набегов физически уничтожали, захватывали в плен и продавали в рабство наиболее продуктивную во всех отношениях часть нации.

Постепенно выработавшийся у российского самодержавия подход был совсем иным. Украинцев не стремились низвести на какое-то второстепенное положение, сознательно ограничивать рост продуктивных сил, вводить неэквивалентный обмен, практиковать непропорциональную оплату труда и иные способы дискриминации по национальному признаку. Расхожий тезис о колониальной зависимости Украины — это скорее гипербола, публицистический прием, который содержательно не

подтверждается при сколько-нибудь объективном сравнении положения Украины в составе Российской империи и взаимоотношений классических колоний и метрополий. К началу XX в. в экономическом отношении Украина, как известно, была одним из наиболее развитых регионов России со сравнительно высоким для всей страны уровнем жизни.

Однако украинцев после Переяслава подстерегали свои неприятности и беды, которые воспринимались весьма чувствительно, болезненно, вызывали подчас очень острую ответную реакцию, приобретавшую разные формы проявления.

Совсем, видимо, не случайно, наоборот — настойчиво и подчеркнуто именуемых «малороссами», украинцев вполне официально считали лишь ветвью русского народа, точнее — русской нации. Практически единственное отличие этой ветви от основного этнического массива усматривалось разве что в обиходном диалекте. Последний часто трактовался как ухудшенный польскими влияниями, наслоениями, но все же русский язык.

Как пытались убедить себя и украинцев (а, может быть, только последних) идеологи великодержавия, не будь упомянутого, в общем, несущественного различия — не было бы проблем украинско-русских взаимоотношений, тем более — противоречий. Если бы последние все же почему-то возникли, их можно без особого труда преодолеть — настолько сильны, глубинны, фундаментальны исторические корни естественного единства непосредственных наследников Киевской Руси. Однако при этом ощущалась потребность в специальной, неусыпной заботе об обеспечении нерасторжимого, единокровного родства любыми средствами. Потому идеологи великодержавия стремились в тесных «братьских» объятиях вытравить любые намеки на отличие от русских, выдавать из украинцев сам их живой дух.

Именно в этом заключался глубинный замысел и далеко идущий расчет Эмского и Валуевского циркуляров, казалось бы, парадоксальных утверждений о том, что украинского языка не было, нет и быть не может.

Конечно же, хорошо осознавалось, что дело совсем не в самоценности языка как такового, когда можно было бы проявить и терпимость, даже благосклонность к региональной «экзотике». Именно сохранение собственного языка как естественного водораздела между близкими нациями, которые все же не были этническим монолитом, служило той неистребимой базой, которая с неизбежностью продуцировала бы особость,

отдельность многомиллионного народа с обширнейшей территорией, огромными природными ресурсами, развитыми производительными силами, детерминировала бы у него ту неотвратимую потребность самоидентификации и самореализации, на которую по праву претендует и рано или поздно осуществляет любая, тем более, мало-мальски зрелая, потенциально предрасположенная к самосовершенствованию этническая общность. Безусловно, в своем высшем проявлении речь идет о естественном праве нации самой определять свою судьбу, при желании — создавать свою собственную государственность, выбирать вектор движения в мировом пространстве со всеми вытекающими и вероятными последствиями для соседей. Что уж говорить о перспективе прямой утраты того, что беспрекословно именовалось «исконно русским»!..

Так что на самом деле ставка в, казалось бы, не имеющем первостепенной важности языковом вопросе на самом деле оказывалась чрезвычайно высокой, приобретала ключевое значение, а потому и была сопряжена с огромными усилиями не только официальных идеологических институтов Российского государства, но и всей имперской системы в целом. Имеются в виду запреты на создание и функционирование практически любых украинских организаций, которые вынуждены были действовать нелегально, жестокие преследования их членов, показательные расправы над ними (чего стоит только пример Тараса Шевченко!), попытки подорвать, разрушить традиции — пресыщать в уважении памяти выдающихся национальных деятелей, практиковать даже недопущение скромных чествований в дни их юбилеев и т. п.

Однако потенции национального самосохранения оказались настолько велики, а импульсы, сообщенные Национально-освободительной революцией середины XVII в. и подкрепленные тем же Переяславом, настолько могучи, что утратить своей самобытности украинцы уже не могли.

Более того, они не просто с непониманием, но и с все более нараставшим раздражением, усиливающейся неприязнью, готовностью сопротивления реагировали на малейшие покушения на свою самобытность, тем более на попытки возвести на пути естественного развития, функционирования национального организма ограничения и преграды.

Ситуацию усугубляло то, что преимущественная часть цензовых элементов в Украине была русского, еврейского и польского происхождения, в то время как подавляющее большинство украинцев принадлежали к крестьянству.

Развитие национальной жизни, национального самосознания привело к началу XIX в. к оформлению двух идеологических платформ, обосновавших пути разрешения украинско-русских противоречий.

Первая, ставившая во главу угла полную независимость (самостоятельность), ориентировалась на обособление Украины, создание отдельного украинского государства. Ее представителями, в частности, были радикально настроенные члены «Братства тарасовцев», Украинской народной партии во главе с Н. Михновским.

Вторая платформа, автономистско-федералистская, была рассчитана на ликвидацию в России самодержавия как оплота социального и национального гнета, переустройство демократической России на федералистских началах, в которой Украина получила бы права национально-территориальной автономии. Эта тенденция зародилась еще в Кирилло-Мефодиевском братстве в середине XIX в. и через М. Драгоманова, «украинские громады» нашла продолжение в мировоззренческой, теоретико-политической позиции М. Грушевского, В. Винниченко, Н. Порша, С. Ефремова, воплотилась в программах большинства политических партий украинства начала XIX в.

Начавшаяся в 1917 г. Украинская революция (она явилась составной частью демократических процессов, порожденных Февральской революцией), легализовала обе платформы, создала предпосылки для их возможной реализации.

Вообще следует сказать, что революционная эпоха (1917–1920 гг.) стала наиважнейшим этапом теоретических и практических поисков путей разрешения украинско-русских противоречий, во всяком случае, порожденных Переяславом и наслонившихся в последующие периоды относительно плавного, эволюционного развития, когда сколько-нибудь реальных возможностей для радикальных сущностных подвижек в этой области просто не возникало. Отмеченное, конечно, предопределяет повышенный интерес именно к данному историческому отрезку.

Хронологически несколько забегая хронологически вперед (это представляется вполне оправданным логически), можно говорить о том, что в революционные годы частично были разрешены противоречия, которые вполне правомерно относятся к историческому наследию Переяслава. Те же, которые не были разрешены, в горниле невиданного социального катаклизма «переплавились» в некое новое качество, что потребовало впоследствии для оценки и снятия назревавших проблем поиска соответствующих, отличных от предшественников подходов.

В 1917 г. довольно быстро выяснилось практически подавляющее доминирование автономистско-федералистского курса, положенного в основу деятельности Центральной рады. Главный теоретик и вдохновитель претворения в жизнь этого курса М. Грушевский исходил из неотвратимости торжества в России демократии. Он предлагал не отделяться от России, наоборот — принять максимально активное участие в ее превращении в «народоправную» республику, добровольный союз (федерацию) национально-государственных образований, и тем самым добиться обеспечения права угнетенных ранее народов на самостоятельное, соответственно собственным интересам и целям налаживание жизни через систему национально-территориальных органов. В Украине осуществлять такое право, по замыслу, должно было украинское Учредительное собрание.

В самых общих чертах стратегию Украинской национально-демократической революции и государственного созидания М. Грушевский очень четко сформулировал в одной из первых статей 1917 г. — «Свободная Украина» («Вільна Україна»): «Требование народоправия и подлинно демократического строя на Украине в отделенной, несмешанной автономной Украине, связанной только федеративными узами то ли с иными племенами славянскими, то ли с другими народами и областями Российской государства, — это старый наш лозунг, — отмечал глава Центральной рады, — Поднятый еще в 1840-х годах наилучшими сынами Украины Шевченко, Костомаровым, Кулишом, Гулаком, Белозерским и иными, он с того времени не переставал быть руководящим мотивом украинской политической мысли, организационной работы, культурной и общественной деятельности... Несомненно, он останется той средней политической платформой, на которой будет идти объединение жителей Украины без различия слоев и народностей. Средней между программой простого культурно-национального самоопределения народностей и требованием полной политической независимости»¹⁴.

Следует иметь в виду, что предложенный вариант разрешения украинско-русских противоречий был научно обоснован, теоретически просчитан в целом ряде публицистических, адаптированных к рядовому читателю, однако не утративших высокого уровня работ М. Грушевского той поры. Среди них: «Кто такие украинцы и чего они хотят», «Откуда пошло украинство и к чему оно идет», «Какой автономии и федерации хочет Украина», «Центральная Рада и ее универсалы: первый и второй», «На пороге Новой Украины» и др.

Глава Центральной рады убеждал всех честных людей, тех, кто был способен логично мыслить и действовать (и украинцев, и русских) в це-

лесообразности, взаимовыгодности, выигрышности отстаиваемого варианта достижения гармоничных отношений двух соседних народов.

Украинцы получили бы возможность распоряжаться своей жизнью сообразно национальному интересу. Ведь с обретением нацией демократических гарантий распоряжаться собственной жизнью, исключением вмешательства в украинское возрождение (в его основе — осуществление «украинизации Украины») несомненным (во всяком случае, прогнозируемым с достаточно высокой степенью вероятности) было развитие такой масштабной воли и энергии, что искусственные отмежевания от чужих влияний или конкуренций стали бы вовсе не нужны украинству. А принадлежность к великой и могучей державе позволяла бы эффективно воспользоваться ее очевидными преимуществами, особенно важными в условиях продолжения мировой войны⁵.

Предоставление автономии Украине, по мнению М. Грушевского, не только не привело бы к ослаблению, децентрализации общероссийского государства, не означало бы начало его распада, чего панически боялась и чем всех пугала русская элита, а, наоборот, усилило бы тягу автономных национально-государственных образований к сплочению вокруг исторически сложившегося центра, к осознанному объединению (а в результате, понятно, и умножению) усилий для совместного решения назревших проблем, продвижения по пути прогресса.

Автономистско-федералистский курс Центральной рады не оставался голой кабинетной абстракцией, а весьма оперативно претворялся в устойчивые убеждения миллионов украинцев, материализовался в тысячах резолюций самых различных форумов: от общенациональных и общепартийных до уездных и сельских, узокорпоративных. Происходило уникальное органическое единение порождения научного интеллекта с инстинктивными (точнее — неоформленными) стремлениями, волеизъявлениями широких масс.

Естественно, все это дополнительно стимулировало руководителей украинского движения к приумножению усилий в реализации избранного курса. В значительной мере становится понятной та настойчивость, с которой Центральная рада, получив от народа своеобразный мандат, стремилась реализовать автономистско-федералистскую программу в трех первых своих Универсалах, принципиально отстаивая ее во взаимоотношениях с Временным правительством и ленинским Совнаркомом.

Конечно, в данном случае речь идет о различных этапах революционного и государственно-созидающего процесса и, естественно, увенчались они различными результатами.

Как известно, Временное правительство, после определенных трений и неуклюжих попыток противодействия неконтролируемым процессам, все же согласилось с введением явочным порядком автономии Украины, легитимизировало Центральную раду договоренностью о ее превращении в краевой орган (через включение в ее состав представителей национальных меньшинств), утвердило, хотя и с серьезным ограничением прерогатив, Генеральный секретариат как исполнительную красивую, то есть автономную власть, вело переговоры с Центральной радой и Генеральным секретариатом, как с государственными институциями, по существу, на межгосударственном уровне, даже конфликтовало как с вполне реальной серьезной государственной силой (речь, в частности, и о Временной инструкции Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г., и о распоряжении касательно открытия уголовного дела за попытку начать подготовку к созыву украинского Учредительного собрания) и т. д.

Таким образом, невзирая на стремления некоторых тогдашних политиков достичь большего (что, кстати, имманентно и ретроспективным оценкам определенной части современных историков), осуществлялась реальная в своей основе, демократическая трансформация украинско-русских отношений, смягчавшая существовавшие острые противоречия и закладывавшая неплохую основу для их предупреждения в будущем.

Приход к власти большевиков внес в этот процесс существенные корректизы. Воспользовавшись исчезновением Временного правительства — главного тормоза процесса автономизации Украины, а также «Декларацией прав народов России», провозгласившей государственным принципом права наций на самоопределение, Центральная рада 7 (20 н. ст.) ноября 1917 г. обнародовала свой III Универсал. Провозглашение в нем Украинской Народной Республики, инициирование строительства федеративной демократической республики из тогдашних национально-государственных и краевых образований на основе признания однородно-социалистической власти (Совнарком центральным правительством России не признавался, а украинская власть подчиняться ему не собиралась) было энергичным выражением решимости осуществлять все тот же автономистско-федералистский курс, однако уже в максималистском, не усеченном варианте.

«Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, — провозглашалось в III Универсале, — мы твердо встанем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов.

...Имея силу и власть на родной земле, мы той силой и властью встаем на страже прав и революции не только нашей земли, но и всей России.

...Именем Народной Украинской Республики в федеративной России, мы, украинская Центральная рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушительством и к дружному великому строительству новых государственных форм, которые дадут великой и изможденной Республике России здоровье, силу и новую будущность⁶.

За Универсалом последовали обращения, ноты к руководству национально-территориальных и территориально-административных образований с предложениями присыпать своих представителей в Киев для решения вопроса о судьбе России, т. е. о ее федеративном переустройстве. Нет оснований подозревать лидеров Украинской Народной Республики в неискренности, попытках вести какую-либо сложную политическую игру со скрытыми целями. Украинские газеты взахлеб патетически пещали, что подобно тому, как когда-то свет христианской веры пошел по всей великой земле русской именно из Киева, так и ныне порядка, спасения «народы России ждут из все того же златоглавого Киева»⁷.

Конечно, подобный поворот событий вряд ли ранее мог быть спрогнозирован. Редактор черносотенной газеты «Русская жизнь» А. Погодин с изумлением отмечал: «История сыграла с нами странную шутку. Украина, которая отделялась от России (надо учитывать, что любые, самые скромные требования украинцев такого рода силами квалифицировались как сепаратизм, то есть начало отделения Украины от России. — В. С.), теперь оказалась призванной начать новое собирание земли русской»⁸.

Однако поведение лидеров украинского национального движения было отнюдь не спонтанным, а имело вполне определенную логику.

К тому времени, на протяжении уже достаточно продолжительного периода, за украинскими политическими деятелями начало закрепляться лидерство (выражаясь современным языком, неформальное) в национально-освободительном движении в России в целом. Еще до начала Первой мировой войны вокруг Товарищества украинских прогрессистов (ТУП) стал оформляться союз автономистов-федералистов во всероссийском масштабе. Не следует сбрасывать со счетов и психологический эффект, оказанный на М. Грушевского и его коллег Съездом народов, проведенным в Киеве в середине сентября 1917 г. Он стал яркой демонстрацией поддержки во всероссийском масштабе автономистско-федералистских стремлений лидеров украинского движения, признания их

несомненной авангардной роли в выработке планов демократического переустройства многонационального государства.

Очевидно, не лишним будет упомянуть и о том, что логика расчетов Центральной рады, пусть с серьезными оговорками, в немалой степени совпадала с генеральным направлением политических поисков путей создания советской федерации. Вспомним хотя бы ленинский лозунг «Пусть Россия будет союзом свободных республик», родившийся в полемике именно вокруг вопроса об отношениях Украины с другими национально-государственными образованиями, возникновение которых считалось не просто вероятным, но, в сущности, неизбежным и желательным⁹. А одно из ключевых положений «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) — областная (территориальная) автономия для тех национально-административных единиц, которые не пожелают довести дело до национально-государственного отделения — четкое декларирование прерогатив и принципов взаимоотношений субъектов будущей федерации.

Все сказанное, естественно, с вышеупомянутыми предостережениями, может стать предметом для размышлений о тогдашних общих тенденциях, если не закономерностях, российского развития. Поэтому, несомненно, лидеры Центральной рады искали и находили пути преодоления украинско-русских противоречий на обусловленном объективными обстоятельствами направлении. Из возможных альтернатив они избирали принципиально перспективную и, пускай не с оптимальными достижениями, но все же неуклонно пресодолевали самый трудный, начальный этап ее реализации.

Однако именно попытка разрешения украинско-русских противоречий на избранном Центральной радой пути привела к обратному эффекту. Вопреки оптимистическим надеждам, никакая из «негосударственных» прежде наций не спешила приступить к строительству новой федерации. Ближайшие соседи, на которых рассчитывали как на непременных, заинтересованных партнеров, судя по всему, просто «не дозрели» для того, чтобы быть субъектами архисложного процесса.

Единственная же положительная реакция на инициативы Центральной рады — главного тогдашнего врага большевистской власти генерала А. Каледина, сформировавшего самый мощный военный антисоветский оплот на Дону, — была равносильна «вызову огня на себя» как со стороны местных советов, так и петроградского центра; она объективно и автоматически поставила Центральную раду в трагически самоубийственно для лидеров УНР положение воюющей с СНК России стороны.

Один из активных участников тех событий, талантливый историк Д. Дорошенко вынужден был честно признать: «Это была явно непосильная и несущая для Украины задача. Логика событий показала, что Украине надо было совсем отделиться от России, стать самостоятельным и независимым государством; она должна была признать правительство Народных Комиссаров, как правительство России, на основе обоюдного признания (большевики сами тогда раз за разом подчеркивали, что признают за каждой нацией право на самоопределение вплоть до отделения) и — дать всероссийским делам покой. Украина имела перед собой такие колоссальные задачи внутренней организации, что гоняться за созданием всероссийской федерации, подвергая себя враждебности уже существующего фактически нового российского правительства — это была неосуществимая в тогдашних условиях задача»¹⁰.

Соглашаясь в целом с довольно категоричными оценками и выводами Д. Дорошенко, допустимо предположить, что и сформулированные им соображения как вариант (в нем, правда, не учитывается фактор нарастания социального напряжения и динамично усилившейся борьбы за установление советской власти в самой Украине) могли все же быть выходом из кризиса украинско-русских отношений, разрубить «Гордиев узел», начавший завязываться еще в Переяславе. Надо иметь в виду, что по многим причинам СНК России вплоть до конца 1917 г. упорно искал пути налаживания отношений с Центральной радой, что оставляло надежду для взаимоприемлемого компромисса. Однако шанс был упущен. Мысли и планы, подобные высказываниям Д. Дорошенко, оформились в систему несколько позднее.

А в ноябре—декабре 1917 г. в результате реализации выработанного Центральной радой курса вместо разрешения украинско-русских противоречий разразился острейший конфликт с радикальным (военным) финалом. Последнее, в сочетании с потребностями выхода УНР на международную арену, участия в Брест-Литовской мирной конференции убедило Центральную раду в необходимости пересмотра государственного статуса Украины¹¹.

Впрочем, провозглашенные 9 (22) января 1918 г. IV Универсалом независимость и полный суверенитет Украины вовсе не означали отказа от разрешения украинско-русских противоречий все тем же путем — через установление федеративных отношений. Однако желанная федерация должна была объединить уже не автономные образования, а самостоя-

тельные, суверенные, что, собственно говоря, больше соответствует общепринятым представлениям о конфедеративной модели государственного устройства.

Как бы то ни было, федеративному принципу (как способу объединения национально-государственных, территориальных образований в одном государстве) М. Грушевский, В. Винниченко, большинство их единомышленников не изменили и после эмоциональной реакции на сокрушительное поражение от советских, в том числе российских, войск в январе 1918 г., снова и снова возвращались к нему.

Основная причина такого последовательного, даже упорного поведения заключалась, очевидно, в несокрушимой вере в научно обоснованные, неоспоримые преимущества федералистской модели украинско-русских отношений, несомненное ее торжество в ближней или более отдаленной перспективе.

Особняком тут стоит стремление гетмана П. Скоропадского принять участие в возрождении осенью 1918 г. федеративной России на несоветской основе («небольшевистской России»).

Конечно, нельзя упускать из виду то, что инициатива пришлась на момент поражения Четвертого союза в империалистической войне, а это сразу ставило под большой вопрос саму дальнейшую судьбу гетманского режима, державшегося в огромной степени на немецко-австрийских штыках.

Однако нельзя пренебрегать и тем, что генерал российской армии, дававший присягу на верность царю, убежденный монархист и одновременно украинец по происхождению, искренне желал бы оздоровления отношений юридически самостоятельной Украины, к руководству которой он пришел в экстремальных обстоятельствах (вынужден был «терпеть власть чужеземцев»), со столь же горячо любимой им великой Россией.

В этом плане уместно привести несколько обширную, однако, весьма красноречивую выдержку из мемуаров П. Скоропадского. «Великороссы, — писал он, касаясь рассматриваемой ситуации, — должны понять, что старого не вернуть, и что как бы ни была ошибочна политика украинцев, Украина не погибнет, а снова и снова будет добиваться того, чего ей не дают.

В данное время мы вернулись к временам старых гетманов. Снова Украине предстоит решить жгучий вопрос: “З москалями чи з ляхами?” Другого решения вопроса нет. Но, наученная горьким опытом Украина

будет осторожнее писать договор с одними или с другими... Лично я думаю, что народ на комбинации с поляками не пойдет ни при каких условиях, но Переяславский договор должен быть и обдуман, и проведен в жизнь украинцами с большей осторожностью...

Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать, только будучи равноправным членом федеративного государства. В русских кругах до сих пор живет сознание, что с Украиной это только оперетка, что теперь можно дать хоть и "самостийность", а потом все это пойдет насмарку. Это колоссальная ошибка русских кругов, унаследованная старой системой политики. Эта система, во-первых, вела к тому озлоблению и тому недоверию, которые многие питают к идее великой России. Все окраины думают: окрепнет Великороссия и снова примется за старый гнет всякой национальности, входящей в состав Российского государства. Я видел много украинцев, которые высказывали подобные опасения, да нечего далеко искать, тот же самый Винниченко, сидя у меня в кабинете, говорил при мне одному украинцу-федералисту, что он и сам ничего не имеет против федерации, но если теперь говорить о федерации, то тогда русские ничего не дадут впоследствии, поэтому нужно стоять за «самостийность» до конца, которая и приведет к федерации»¹².

Однако острота ситуации заключалась в том, что, лишенный поддержки австро-немецких оккупантов, ис имея сколько-нибудь надежной гарантии (немцы серьезно побеспокоились о том, чтобы помешать созданию украинских вооруженных сил), гетман не мог «стоять за «самостийность» до конца», вынужден был пасовать перед партнерами (генерал П. Краснов, нарождавшееся и укреплявшееся белое движение), идеологической платформой которых являлась концепция «единой и неделимой России». Принимая чужие правила игры, П. Скоропадский, видимо, осознавал (хотя это и не помешало ему провозгласить 14 ноября 1918 г. Грамоту о федерации с несоветской Россией — однако это уже другой разговор, о тактике выживания), что реализация договоренностей с П. Красновым не оставляла места не только самостоятельной, но и автономной, в сущности, никакой Украине, просто ликвидировала бы ее как нечто целостное и обособленное, возвращала бы украинско-русские отношения к их дореволюционному состоянию, т. е. реанимирующему старые, казалось бы, уже пройденные противоречия, к имманентно-конфликтному межнациональному состоянию.

Возвращаясь к пророчествам В. Винниченко, П. Скоропадский с горечью должен был констатировать: «Как только я объявил федерацию с Россией, я сразу понял, что Винниченко был прав. Через несколько дней появления грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали»¹³.

При определенных обстоятельствах перспективными могли оказаться планы самого В. Винниченко, оформленные в альтернативной плоскости — разрядить напряжение в отношениях возрожденной в ходе антигетманского восстания Украинской Народной Республики и Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (конец 1918 — начало 1919 г.).

Критически проанализировав причины поражения УНР времен Центральной рады, предвосхищая неизбежное после жестокого гетманско-оккупационного террора тяготения народа Украины к советской власти (нетрудно было предположить, что на стороне последней тенденции, как и в декабре 1917 — январе 1918 г., окажется несравненно превосходящий военно-политический потенциал РСФСР), В. Винниченко считал единственным способом преодоления умножившейся на протяжении последнего года взаимной национальной вражды, предотвращения надвигавшейся войны введение в Украине «системы советской власти»¹⁴.

Конструктивные соображения в этом плане были сразу же отвергнуты большинством Директории и руководством основных украинских политических партий, после чего В. Винниченко весьма оперативно предложил «усовершенствованный» вариант — идею формирования в Украине республики трудового народа, политическим и государственным фундаментом которой явились бы трудовые советы («рады»), а венчал конструкцию политической системы Трудовой конгресс Украины¹⁵.

Трудовые советы, сформированные не по строго классовому принципу — в выборах имели бы право принимать участие все, не эксплуатирующие чужого труда, — несмотря на паллиативный характер, по расчету В. Винниченко, больше отвечали бы социальной структуре украинской нации, ее крестьянскому характеру, и одновременно были достаточно близкими российским, точнее, большевистским советам. Глава Директории говорил даже о родстве двух диктатур — диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в РСФСР и диктатуры трудового народа в УНР¹⁶.

Однако, в данном случае, очевидно, не столь важно выяснение степени тождества или различия между советами рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и трудовыми советами (радами). Важно понять, что таким образом глава Директории, изложенные соображения и пред-

ложеия которого были официально поддержаны руководящими органами украинских партий и правительством, оформлены соответствующими решениями в качестве государственного курса, стремился доказать, что реализацией его плана противоречия между Украиной и Россией снимаются, по крайней мере, утрачивают если не принципиальный характер, то уж, во всяком случае, антагонистическую остроту, что при наличии доброй воли можно не только надеяться на мирную разрядку конфликтной ситуации, но и достичь заключения межгосударственного союза (федерации) для достижения общих целей, в частности, совместного отпора внешнему врагу, преодоления сопротивления правых, антисоциалистических сил.

Нужно учитывать, что к такому варианту развития отношений проявляло интерес большевистское руководство Советской России, которая в 1919 г. попала в кольцо фронтов, и разорвать их плотную цепь хотя бы в одном звене означало облегчить общее положение республики. Поэтому, в частности, особое внимание было уделено чрезвычайной дипломатической миссии С. Мазуренко, направленной в Москву главой Директории В. Винниченко и председателем правительства УНР В. Чеховским¹⁷.

Однако наметившийся на этом направлении явный прогресс был блокирован С. Петлюрой и его окружением, которые избрали ориентацию на Антанту, саботировали принятые решения о трудовых советах, вводили явочным порядком режим, получивший название атаманщины. Отставка с высших государственных постов В. Винниченко и В. Чеховского, приход на первую роль в УНР С. Петлюры исключили возможности дальнейшего украинско-русского диалога.

Впрочем, не меньшую ответственность за срыв перспективы украинско-русского компромисса, имевшего не только временную тактическую ценность, но и шансы приобрести стратегическое значение, В. Винниченко возлагал и на местных большевиков, Компартию Украины, в частности на Г. Пятакова, возглавлявшего с 20 ноября 1918 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Именно последнее руководило борьбой за восстановление в регионе советской власти (значит, и против Директории), чем подталкивало правые круги УНР к разрыву нормальных отношений с РСФСР, объявлению последней войны¹⁸.

И даже после этого В. Винниченко не изменил своего убеждения, что соглашение Украины с большевистской Россией на советской основе — наиболее приемлемый, благоприятный, если вообще не единственный и притом принципиальный, вовсе не ситуативный, конъюнктурный

вариант разрешения украинско-русских противоречий. Поэтому, пребывая в эмиграции, он, с провозглашением Венгерской Советской Республики весной 1919 г., направился по приглашению Бела Куна в Будапешт для переговоров о возможности создания «советского пояса» Россия—Украина—Венгрия и, возможно, далее — Бавария¹⁹.

Поэтому он в 1920 г. провел четыре месяца в напряженных переговорах с партийно-советским руководством РСФСР и УССР о своем предполагаемом возвращении в Советскую Украину, добиваясь при этом больше всего гарантий «украинскости» для Украины, как важнейшей предпосылки противодействия наслаждениям на неразрешенные пока и вновь нарождавшиеся противоречия, что, несомненно, пошло бы на пользу отношениям обоих народов²⁰.

Здесь важно иметь в виду, что речь идет не просто о позиции и поведении пусть выдающейся и влиятельной, но все же отдельной личности. В. Винниченко олицетворял собой довольно мощное течение формировавшегося в 1918—1920 гг. украинского национал-коммунизма. В результате раскола в наиболее многочисленных и авторитетных партиях Украинской революции — Украинской партии социалистов-революционеров и Украинской социал-демократической рабочей партии (они неизменно доминировали и попеременно руководили правительственные кабинетами УНР) отпочковались, организационно оформились Украинская коммунистическая партия (боротьбистов) (май 1919 г.) и Украинская коммунистическая партия (январь 1920 г.). Обе они приняли советскую платформу, вместе с КП(б)У делегировали своих представителей в составы правительства УССР, что, безусловно, расширяло базу возможного сотрудничества и на межнациональном (внутри многонациональной Украины) и межгосударственном (Украина—Россия) уровнях, способствовало поиску координированных решений возникших задач.

Что касается подходов большевиков к проблеме украинско-русских отношений, то выкристаллизовывались они постепенно. При этом очевидной доминантой практически неизменно оставалась федералистская ориентация. Надо сказать, что РСДРП(б) первая среди общероссийских партий заменила в политическом лексиконе термины «малоросс» и «Малороссия» на получившие «права гражданства» в 1917 г. определения «украинец» и «Украина». Достаточно вспомнить даже названия ленинских статей «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде»²¹ и пр. Однако куда важнее было то, что РСДРП(б) принципиально поддержала требования украинцев относи-

тельно своего автономного статуса, решительно осуждала великодержавничество Временного правительства, а руководители киевских большевиков в знак солидарности с национально-освободительным движением в критические для Центральной рады моменты направляли в ее состав своих представителей, чем усиливали ее авторитет, умножали политический вес.

Преодолев проявления нигилистического отношения к национально-му вопросу, национально-освободительному движению первых месяцев революции, местные организации РСДРП(б) к концу 1917 г. были практически едины в вопросе об образовании украинского советского государства, о принципах его взаимоотношений с советской Россией. Провозгласив 12 (25) декабря 1917 г. Украину советской республикой (с официальным названием Украинская Народная Республика), I Всеукраинский съезд советов заявил о том, что она становится федеративной частью Российской Советской Социалистической Республики.

Был преодолен сепаратизм части руководства большевистских организаций Донецко-Криворожского бассейна, приведший к образованию в регионе отдельной советской республики с ее прямым вхождением в РСФСР²².

II Всеукраинский съезд Советов (Екатеринослав, 17—19 марта 1918 г.), исходя из условий подписанного Советской Россией Брестского мира, провозгласил Украину самостоятельной республикой. Национальная государственность стала для местных большевиков одним из важнейших, определяющих мотивов всей политической жизни. Хорошо известно, с какой серьезностью первый официальный глава Народного секретариата (правительства) Украины Н. Скрыпник относился к самому факту существования УССР, как принципиально защищал ее в острой полемике—конфликте с И. Сталиным в апреле 1918 г., когда нарком РСФСР по делам национальностей потребовал от большевиков Украины прекратить игры в правительство и республику²³.

Н. Скрыпник, Г. Пятаков, другие видные партийные работники исходили из факта украинской государственности как важнейшей предпосылки создания Коммунистической партии (большевиков) Украины. Придерживаясь интернационалистской позиции, они искали такой вариант организационного оформления КП(б)У, при котором была бы соблюдена буква брестских договоренностей и не было бы нарушено партийное единство, не произошло бы отмежевания Украины от России²⁴.

В последующем под влиянием известных факторов, порожденных общими потребностями отстаивания советского строя в гражданской вой-

не, отпора интервенции, необходимостью координации и консолидации усилий в реализации планов революционного, социалистического созидания, нарастали объединительные настроения и тенденции. Важными вехами последних стали Военно-политический союз советских республик (июнь 1919 г.), инициатором которого была УССР, и экономический договор с РСФСР (декабрь 1920 г.).

На завершающей стадии объединительного процесса и создания Союза ССР возникли известные трения между главой СНК УССР Х. Раковским и генеральным секретарем ЦК РКП(б), наркому по делам национальностей РСФСР И. Сталиным.

Предложенный последним «план автономизации» был воспринят главой украинского правительства как покушение на национальный суверенитет Украины, нарушение достигнутого, пусть несовершенного, неабсолютного, в чем-то даже асимметричного, но все же равновесия в украинско-российских отношениях.

Отстаивая украинский интерес, Х. Раковский с демократических позиций выступал за торжество подлинного равноправия в создаваемом государственном объединении, принципа добровольности при вхождении в него. В процессе конституирования СССР он последовательно отстаивал необходимость гарантий суверенитета национальных советских республик, хотя добиться успеха не смог, потерпел поражение²⁵.

С образованием Союза Советских Социалистических Республик одним из учредителей и полноправным членом которого стала Украинская ССР, была подведена серьезная черта под тем, что можно было в юридическом смысле истолковывать как отношения, развивавшиеся на основе решений Переяславской рады 1654 г. В силу вступила договорная система с качественно иными параметрами, а полученный в результате ее функционирования результат — предмет уже отдельного специального разговора.

Правда, следует сказать, что данный Переяславом заряд автоматически не исчез в 1922 г. Он продолжал проявляться (иногда довольно выразительно) в психологической, духовной, культурной, нравственной, идеологической и иных сферах, привлекал общественное внимание, вызывал повышенное массовое политическое реагирование, иногда даже всплески страсти, особенно в 300-летний, 325-летний и 350-летний юбилеи.

Понятно, что на моменты последних приходились качественно различные этапы развития Украины и России, неодинаков был характер межнациональных отношений, по-разному проявлялись неизжитые про-

тиворечия между ними. Конечно, вряд ли оправданным было бы считать последние непосредственным порождением решений 1654 г.

Однако и отрицать то, что из них вырастали главные, определяющие элементы возникавших в этой сфере проблем и, естественно дополняясь, они затем «обрастали» другими факторами, нарождавшимися в процессе исторического развития, и приводили к вызреванию конкретных непростых, подчас конфликтных ситуаций, тоже не стоит.

Поиск путей разрешения означенных противоречий в XX в., как видно, оказался весьма непростым и далеко не всегда приводил к оптимальным результатам. Накопленный опыт заслуживает самого пристального анализа и взвешенной, принципиальной, корректной оценки, позволяя находить дополнительные аргументы в выборе наиболее рациональной линии поведения на современном этапе. Несомненно, в этом смысле можно ожидать гораздо большей эффективности научного анализа проблемы, если предложенная точка зрения будет существенно дополнена российскими учеными. Априори предполагая естественные расхождения во мнениях, мы считаем весьма полезным заинтересованный обмен взглядами, совместный поиск сближения исследовательских позиций, что в конце концов может иметь не только научную ценность.

П р и м е ч а н и я

¹ Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3-х томах. К., 2004. Т. 1. Українські проекти в Російській імперії; Т. 2. Радянський проект для України; Т. 3. Новітній український державотворчий процес; Рафальський О. О. Переяславський договір України з Росією 1654 року. Ретроспективний аналіз. К., 2004.

² История русско-украинских отношений в XVII-XVIII веках (К 350-летию Переяславской Рады). Бюллентень. Вып. 2. М., 2006.

³ См., напр.: Переяславська утода 1654 року: історичні уроки для українського народу. Аналітичні оцінки Національного інституту стратегічних досліджень. К., 2004; Кульчицький С. Третій Переяслав // Дзеркало тижня. 2003, 8 лютого.

⁴ Вільна Україна // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М. Грушевського. К., 1997. С. 99–100.

⁵ Солдатенко В. Ф. Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997. С. 107–193; Його ж. Українська революція: Історичний наррис. К., 1999. С. 156–201.

⁶ Нова Рада (Київ). 1917, 8 листопада.

⁷ См.: Робітнича газета. Київ. 1917, 5, 7 листопада, 5, 8 грудня; Селянська думка. Тараща. 1917, 16 листопада; Известия Армейского комитета VII Армии. Прокурор. 1917, 20 листопада; Народна воля. Київ. 1917, 10 грудня.

⁸ Русская жизнь (Харьков). 1917, 8 декабря.

⁹ См.: Ленин В. И. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 3—24 июня (10 июня — 7 июля 1917 г.). Речь о войне 9 (22) июня // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 286.

¹⁰ Дорошенко Д. Исторія України 1917—1923 рр. Ужгород, 1932. С. 185.

¹¹ См.: Солдатенко В. Ф. Третій Універсал Центральної Ради і плани федерацівного переустрою Росії // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 3—10.

¹² Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 307—308.

¹³ Там же. С. 308.

¹⁴ См.: Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [марць 1917 р. — грудень 1919 р.]) — Київ; Віденсь, 1920. Ч. III. С. 133—140.

¹⁵ См.: Солдатенко В. «Вінницькі щаблі» державного проводу УНР // Україна: минуле, сьогодення, майбутнє: Зб. наук. праць. К., 1999. С. 3—15.

¹⁶ Винниченко В. Указ. соч. С. 141.

¹⁷ См.: Симоненко Р. Г., Ресент О. П. Українсько-російські переговори в Москві (січень—лютий 1919 р.); Зб. документів. К., 1996.

¹⁸ См.: Винниченко В. Указ. соч. С. 222—230.

¹⁹ См.: Винниченко В. Щоденник // Київ. 1990. № 10. С. 105—107.

²⁰ См.: Солдатенко В. Епізод політичної біографії В. Винниченка: спроба повернення в Україну // Події і особистості революційної доби. К., 2003. С. 205—250; Єго же. Епізод політичної біографії В. Винниченка: спроба повернення в Україну в 1920 р. // Історичний журнал. 2003. № 1. С. 14—24; № 2. С. 14—21; № 3. С. 21—30.

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341—342, 350—352; Т. 35. С. 143—145.

²² См.: Курас І., Солдатенко В. Ілюзії та практика національного нігілізму: погляд із сьогодення на Донецько-Криворізьку республіку // Пам'ять століть. 2000. № 6. С. 60—77; Йх же. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917—1920 рр.). К., 2001. С. 37—64.

²³ См.: Солдатенко В. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. К., 2002. С. 62—65.

²⁴ См.: Солдатенко В. Початок звитяжного шляху (Створення Комуністичної партії України). К., 2003. С. 42—92.

²⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191—217; Мельниченко В. Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. К., 1992. С. 42—77.

Е. Е. Левкиевская

Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании*

Главной* целью настоящей статьи является анализ этнокультурного и языкового стереотипа украинца в современном русском сознании, выявление его релевантных признаков, понятийного ядра и конкретных устойчивых форм воплощения стереотипных представлений (в том числе клишированных представлений об особенностях языка украинца, его характера, ментальности, внешнего вида, ценностных ориентиров, поведения, в том числе и по отношению к русским). Очевидно, что этот стереотип неоднозначен и относительно подвижен — его понятийное ядро может довольно сильно меняться в зависимости от ряда параметров — жанрового круга текстов, принадлежности носителя соответствующих этнокультурных представлений к той или иной социальной группе, его общеобразовательного уровня, конкретных прагматических задач и исторических обстоятельств порождения текста, включающего данный стереотип, а также в зависимости от уже ранее сформированных в традиции стереотипных моделей восприятия украинца, с которыми сближаются и от которых отталкиваются создаваемые вновь стереотипы.

Материалами для исследования служит, во-первых, корпус фольклорных и полуфольклорных текстов (бытовых предрассудков, слухов, анекдотов, этиологических легенд, фразеологизмов, оценочных формул и пр.), порождаемых русским массовым сознанием и интерпретирующих происходящие в России в последнее десятилетие общественные и политические изменения с точки зрения существующих в традиции мифологических моделей. Во-вторых, для сравнительного анализа привлекаются материалы из современной периодики, текстов русской художественной литературы XIX—XX вв., отечественного кинематографа. В-третьих, используются данные русского и украинского языков, дающие представление об особенностях восприятия русскими украинского речевого поведения и о тех элементах украинского языка (фонетических, грамматических, лексических), которые маркируются русским языковым сознанием как знаки «украинской».

* Статья выполнена при поддержке гранта РТНФ № 08-01-91104a/U.

Система этнокультурных стереотипов — естественная составляющая любого общественного или национального сознания. Стереотип является формой самоидентификации общества (или нации) в мире, поскольку отвечает на вопрос «кто наши, а кто чужие?», «чем мы отличаемся от наших соседей и чем соседи отличаются от нас?» Он служит также своеобразной формой познания окружающих народов, т. к. объясняет складывающиеся взаимоотношения нации с внешним миром согласно собственной логике, а также является средством борьбы различных общественных и политических групп, направленным на утверждение собственного видения мира, одним из способов их влияния на общественные умонастроения. Одновременно этнокультурный стереотип, строящийся по совершенно иной логике, чем объективное познание других народов, может быть весьма опасным препятствием для межкультурного диалога, поскольку навязывает общественному мнению нередко тенденциозный, искаженный или односторонний образ соседнего народа, часто превратным образом истолковывает поведение соседнего народа по отношению к собственному, а иногда и провоцирует агрессию по отношению к окружающим этносам.

Одним из наиболее близких для нас подходов в изучении этнокультурного стереотипа является подход Люблинской этнолингвистической школы под руководством проф. Е. Бартминьского (Люблинский университет им. Марии Кюри-Склодовской). Его сутью является комплексное изучение национального стереотипа, подразумевающее как анализ синхронного среза общественного мнения (художественных образов, бытовых представлений, образов формируемых в средствах массовой информации, в устных жанрах типа анекдота, этиологических легенд и др., а также на основе данных языка), так и исследование стереотипа в диахронии, выявляющее эволюцию релевантных признаков, из которых он складывается. Методика и анализ разных аспектов формирования национального стереотипа продемонстрированы в ряде статей Е. Бартминьского¹. Проф. Бартминьский обратил внимание на изменчивость стереотипа, необходимость изучать его в процессе эволюции: «Если стереотипы являются принадлежностью не только общепсихологических и общественных потребностей, но также и культурных факторов, изменяющих стремления (запросы, притязания), а также доминирующую систему ценностей, распространенных в общественной жизни (в политике, культуре, воспитании) — то можно ожидать их эволюции вместе с этими стремлениями и ценностями».

В структуре стереотипа выделяются эмоциональная составляющая (содержащие позитивную или негативную интерпретацию тех или иных черт, приписываемых данному народу), а также познавательная составляющая (в которую входит определенный объем представлений об этом народе, выражаемый в совокупности характерных черт, признаков и атрибутов, ассоциируемых с данным народом, сравнение его с другими, в том числе соседними народами). Познавательные и эмоциональные составляющие стереотипа не всегда стабильны: изменения эмоциональных оценок происходят быстрее, изменения описательной части медленнее. Гораздо более стабильна познавательная, описательная суть стереотипов. Важным для ее описания является не столько вопрос о содержании в ней «зерна правды» или же неправды, сколько вопрос о способе интерпретации объекта, о его характеристике, приписываемой основной культурной оппозиции *мы/они, свой/чужой (другой)*. Эта характеристика по своей сути этноцентрична и в глубинных слоях скрывает также образ нас самих как точки отсчета при познавании других².

Стереотип складывается из нескольких образов, зависящих от точки зрения того социального и культурного слоя общества, который его порождает. Соответственно, общеноциональное видение «другого»/«чужого» складывается из совокупности стереотипов, порождаемых разными субкультурами общества. Современный стереотипный образ украинца в русском массовом сознании представляет собой многоуровневый конструкт, в основе которого лежит этнокультурный стереотип, сформированный в XIX—XX вв. во-первых, «наивным» сознанием, во-вторых, художественной литературой и публицистикой, в-третьих, официальной пропагандой, в-четвертых, средствами массовой информации. Однако, сохранив в себе основные черты образа украинца, сформированные в ранние эпохи, современный стереотип интерпретирует их по-другому под влиянием политических и этнокультурных ситуаций, сложившихся в последние 10—15 лет. Если ядро познавательной составляющей стереотипа украинца в современной «наивной» картине мира сохраняет традиционные черты этого образа, то эмоциональная составляющая, включающая в себя оценочные характеристики этих черт, резко изменилась в негативную сторону.

Происходящее на наших глазах становление новой украинской идентичности (идущее, к слову сказать, не всегда конструктивными и позитивными путями) неизбежно повлекло за собой острую и порой болезненную потребность у русских переосмыслиения собственной этнокультурной идентичности, исторически связанной с идеей «большой» русской

нации (позднее переосмысленной в рамках «советского народа»), включавшей в себя три близкородственных этноса — великороссов, малороссов и белорусов, взаимодополняющих друг друга. Сформулированная официальной государственной идеологией в XIX в., эта политическая идея подразумевала слияние восточнославянских этносов в объединенный «русский» народ с единой этнокультурной, языковой и религиозной самоидентификацией, тем более, что объективные предпосылки (близкая родственность культур и языков, религиозное единство, существование в рамках единого государства) для этого были. На фоне этой идеи, укорененной в русском общественном мнении, претензии современных украинцев на собственную идентичность (культуру, язык, историю, государственность), не просто отличную от русской, но и часто противопоставляемую ей как чужой и враждебной, вызвали в русском массовом самосознании неизбежный культурный шок, одной из попыток преодолеть который и явилось создание на фоне старых стереотипных моделей нового, зачастую негативного образа украинца.

Анализ эволюции релевантных признаков стереотипа украинца с начала XIX в. позволяет прояснить становление этого образа в современном русском сознании. В конце XVIII — первой трети XIX вв. в русском обществе можно выделить несколько волн интереса к Украине и как следствие — попыток осмыслиения национального характера украинца. Первая волна рефлексий на украинские темы прослеживается на рубеже XVIII—XIX в. под влиянием идей о «поэтическом Юге», сформированных сентиментальной литературой путешествий (В. Измайлов, П. Шаликов) — Украина (или, как она тогда называлась, «полуденная Россия») становится топосом, символизирующим «русскую Аркадию», а житель «Аркадии» — Украины в соответствии со взглядами эпохи сентиментализма и просвещения наделяется качествами «человека естественного», «человека простодушного», символизирующего собой «дитя природы», не тронутое цивилизацией (как положительными ее сторонами — образованением, просвещением, интеллектуальностью, так и ее пороками). Второй этап освоения русской литературой образа Украины и украинца связан с историко-героической темой, посвященной, главным образом, казачьему прошлому Украины, борьбе украинских казаков с поляками (ср. повесть Ф. Н. Глинки «Зинобей Богдан Хмельницкий или Освобожденная Малороссия», 1817 г.; думу К. Ф. Рылеева «Богдан Хмельницкий», 1822 г., повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»). Образ украинца как «человека естественного», сформированный на первом этапе стереотипизации, развивается и в этих текстах, воплотившихся в фигуре казака — чело-

века во многом грубого, необразованного, неотесанного, простодушного, но честного, смелого, верного своим принципам и своей вере. На третьей волне интереса к Украине, сформированной принципами романтической эстетики и «вальтерскоттовским» осмыслением Украины как «русской Шотландии», особую актуальность приобретает этнографический колорит Украины, становящийся фоном, на котором действуют романтические герои. Украина, ее история, быт и обычаи народа становятся объектом, на котором шлифуется и разрабатывается русский романтический этнографизм. Романтическая интерпретация образа украинца как «человека природного» на этом этапе развивается двумя путями — с одной стороны, этот стереотип воплощается в ряде героико-романтических образов — казаков и гайдамаков (ср. повесть О. М. Сомова «Гайдамак», где главный герой явно отождествляется с благородным разбойником Робин Гудом), с другой, — он проявляет себя в псевдо-фольклорных и псевдо-этнографических образах украинских «пейзан» (ср., в частности, образы, созданные Н. В. Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»).

В рамках романтического этнографизма в этот период возникает устойчивая традиция комического изображения украинца (которая в последствии будет реализовываться в широких рамках — от мягкого юмора до беспощадной иронии и гротеска), ведущая свое начало, в частности, из украинских бурсацких интермедий XVIII в. с их комическими и шаржированными персонажами «дедом» и «бабой», вечно бранящимися, дерущимися друг с другом, попадающими в нелепые ситуации (ср. реализацию этой традиции в образах Солопия и Хиври в «Сорочинской ярмарке» Гоголя). Комизм поведения как одна из наиболее устойчивых составляющих стереотипа украинца в глазах русского обнажает наличие этноцентризма как точки отсчета во взгляде на «другого», поскольку такой этноцентризм подразумевает интерпретацию поведения украинца как «человека природного» с точки зрения русского, осмысливающего себя как «человека цивилизованного», с улыбкой смотрящего на поведение своего «младшего брата», «не затронутого культурой».

Отсюда вытекает важная и чрезвычайно устойчивая оппозиция, заложенная в основу стереотипа украинца в русском сознании: «цивилизованный» русский — «нецивилизованный» украинец. Эта оппозиция раз и навсегда, независимо от эпохи, устанавливает точку зрения на украинца со стороны русского — это всегда взгляд сверху вниз, взгляд «старшего», «культурного», «цивилизованного» на «младшего», «некультурного», «нецивилизованного». В последствии будет меняться только эмоциональная составляющая этого взгляда (в одни моменты русско-украинских отно-

шений она будет добродушной и товарищеской, как, например, в советский период, в другие, как в постсоветской истории, — злой и резко негативной), но сам вектор этого взгляда в сознании русских никогда не будет вызывать сомнений (а в настоящее время, как показывает материал, он становится лишь более категоричным). Более того, попытки украинцев оспорить такую направленность этого взгляда, заявить об оскорбительности подобной точки зрения всегда вызывали у русских, в лучшем случае, недоумение, в худшем, — резко негативную реакцию, поскольку данная точка зрения является для русского самосознания частным, но принципиальным, краеугольным элементом глобальной «картины мира», устанавливающей положение русского в мировой системе и его статус по отношению к другим народам. Пересмотр указанного взгляда на украинца грозил бы разрушением всей привычной «картины мира» и катастрофой для национального самосознания, потребовавшей бы от русского общества чрезвычайно болезненной и сложной переоценки ценностей. Поскольку современное русское общественное самосознание явно не готово к подобной переоценке ценностей, то его естественным ответом на попытки украинцев установить другую шкалу отсчета является, с одной стороны, обостренная актуализация установленного вектора, требующая постоянного подтверждения раз и навсегда принятого *status quo* (ср. появление за последнее десятилетие огромного количества текстов, преимущественно анекдотов, так или иначе затрагивающих эту проблему), а с другой, — установление нового, более «острого», чем прежде угла зрения на украинца (при котором «позиция» русского еще больше поднимается вверх, а «позиция» украинца резко опускается вниз, устанавливая тем самым для украинца несравненно более низкий статус, чем тот, которым он обладал ранее, например, в советский период).

Уже в первой половине XIX в. складывается комплекс характерных черт украинца, в своем основном виде доживший до наших дней: 1) истронутость цивилизацией (которая в период романтизма воспринимается позитивно — как истронутость пороками цивилизации), подразумевающая близость к природе, естественность и непосредственность в проявлении чувств и эмоций; 2) сельский образ жизни, подразумевающий традиционный уклад и поэтическую простоту жизни, оторванность от городской суэты (но и от городских средств массовой информации тоже), неторопливость течения жизни (позднее интерпретируемую как лень); 3) традиционный уклад сельской жизни подразумевает третью составляющую стереотипа — фольклорность образа украинца (через которую, согласно романтикам, проявляется национальный характер), включаю-

щую музыкальность, любовь к песням, обрядам, а также мифологизацию среды обитания стереотипного украинца, насыщенной встречами с чертами, русалками, колдунами, утопленниками и пр.; 4) комичность как принцип изображения украинца с точки зрения «цивилизованного» человека (с которым ассоциирует себя русский читатель), в том числе говорение на «комичном», с точки зрения русского, украинском языке. Следует упомянуть характеристики «второго плана», а именно: национальный облик, в том числе особенности прически (оселедец при изображении казака, чуб — при изображении «пейзанина»; венок с лентами как принадлежность облика «дивчины», папаха — принадлежность облика «парубка»), особенности одежды (включающая неизменную вышитую рубаху, штаны a là Тарас Бульба, монисто — для женщин); особенности поведения, включающие лень как элемент неторопливой сельской жизни; отсутствие гигиенических привычек (привычки мыться, менять одежду) как следствие «нецивилизованности»; традиционные виды украинской пищи (в том числе, — пресловутое пристрастие к галушкам и салу, которое в по-знейший период наряду с особенностями национального костюма стало восприниматься как неотъемлемый атрибут украинца); ментальные особенности, обусловленные статусом «человека естественного», — интеллектуальная неискушенность, известное простодушие (вспомним реплику императрицы в «Ночи перед Рождеством» по отношению к кузнецу Вакуле: «Право же, мне нравится это простодушие!»), которые в рамках эстетики романтического этнографизма воспринимались со знаком «плюс», но которые в более поздние эпохи при изменении эмоциональной составляющей стереотипа легко стали интерпретироваться как необразованность, интеллектуальная неразвитость.

Одной из наиболее важных составляющих образа украинца для русского сознания всегда оставались его статус внутри восточного славянства и отношение «украинец—русский» в соответствии с оппозицией «свой—чужой». Наряду с «наивным» сознанием и художественной литературой, третьим фактором, активно влиявшим на этот компонент стереотипа украинца, всегда была официальная российская власть. Данный статус сложился в XIX в. в связи с внедрением теории «большой русской нации». Согласно этой этнической по своей сути концепции термин «русский» трактовался в расширительном значении и относился ко всем трем восточнославянским народам — великороссам, малороссам и белорусам (все три этнонима, в том числе и «белорусы», писались с двумя «с», чтобы подчеркнуть генетическое единство трех народов). Проводя принципиальную грань между русскими (в расширительном значении этого

слова) и другими народами Российской империи, эта концепция отрицала существование качественных различий между велико-, мало- и белорусами, включая их в единую этническую общность.

Отдельной и чрезвычайно важной проблемой стало осмысление статуса украинского языка в глазах русского общества, происходившее в первой половине XIX в. Привнесение в русскую литературу за достаточно короткий период времени целого корпуса украинских текстов, пусть и переложенных на русский язык (преимущественно образцов народной поэзии), потребовало от авторов и издателей как установления общего взгляда на украинский язык и его соотношение с русским, так и выработки практических принципов публикации текстов, содержащих элементы украинского языка. Первые опыты публикаций украинских текстов в русской литературе на украинском же языке относятся к концу 20-х годов XIX в., когда сам украинский литературный язык еще не был кодифицирован и не выработал единого свода орфографических правил. Отчасти поэтому (а по большей части — в соответствии с установками официальной позиции по отношению к украинскому не как к языку, а как к «малороссийскому наречию») в русской литературе закрепилась традиция издавать украинские тексты в русской транслитерации — именно так, в частности, был опубликован первый свод украинских песен, изданный М. Максимовичем³. Литературные произведения, содержащие «малороссийскую» тематику, принято было снабжать списками слов, объясняющих названия специфических украинских реалий. Ср., например, объяснения, сделанные К. Ф. Рылеевым к поэме «Войнаровский», включавшие толкования таких слов, как «гайдамак», «толокно», «хутор», «курень» и др., или словарик, приложенный Гоголем к «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Характерно, что подобные словарики украинских слов, сопровождавшие художественные тексты с украинской тематикой, воспринимались не как списки слов чужого языка, а как списки слов диалектных, малоизвестных, принадлежащих специальному просторечию. В русский язык вводился целый пласт украинской лексики, который осваивался русским языком и приобретал статус его своеобразного поэтического диалекта, стилистического регистра, обслуживающего нужды «малороссийского» направления художественной литературы.

Несмотря на признание за украинским языком определенной самобытности и отличие его по ряду признаков от русского, он не имел в глазах русского общества (а тем более официальных властей) статуса полноценного языка, оставаясь «наречием», а сфера его употребления искусственно ограничивалась и сужалась официальной властью с помощью

законодательных актов (ср., например, Валуевский циркуляр, Эмский указ и др.⁴). Одновременно с этим продолжался процесс освоения русским языковым сознанием (как на уровне бытового общения, так и на уровне художественной и публицистической литературы) значительного корпуса украинской лексики, в огромной степени снимавший проблему межэтнической коммуникации на ее бытовом уровне и делавший пассивное знание наиболее употребительной части украинской лексики стандартом для основной части русского общества. Вместе с тем, как на бытовом, так и на художественном уровне украинский язык имел в глазах русского общества сниженный статус «смешного», «неполноценного» языка, а употребление его элементов русскими в разговорной и в художественной речи имело целью создать стилистическую окраску (чаще всего — юмористическую, комическую или ироническую).

Признавая украинцев «своими» и видя в них составляющую часть совокупной «русской нации», русская общественно-политическая элита одновременно отказывала им в праве на автономное развитие вне пределов этой самой «большой нации», полагая, что совместная созидательная деятельность русских и украинцев послужит общественному благу и может дать чрезвычайно плодотворные результаты для общества в целом. Наиболее последовательным сторонником этой идеи был М. Н. Катков. Признавая существование культурных и этнопсихологических особенностей украинцев, отличающих их от русских, Катков подчеркивал, что «в этих существенных качествах желали бы мы видеть элементы общей русской народности; Малоросс, как свидетельствует история, есть такая же живая часть русского народа, как и Великоросс; они взаимно дополняют друг друга, и противоположность между ними есть противоположность одной и той же гармонии... Сколько благодатных элементов могла бы внести Украина в русскую жизнь, в русскую мысль при благоприятных условиях!»⁵

Идею «большой русской нации», в которой украинец является «братьем» русского, выразил известный славянофил Ю. Ф. Самарин, допускавший известную «культурную автономию» украинцев в составе Российской империи: «Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль

его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского»⁶. В середине XIX в. в русской публицистике под влиянием ожесточенных дискуссий о путях развития Украины вырабатывается еще один термин, который на все последующие эпохи определит статус украинца в пределах «большой русской нации» и станет одним из главных элементов советского стереотипа украинца — «младший брат».

Оппозиция «цивилизованный русский» — «нецивилизованный украинец», сформированная в художественной литературе первой половины XIX в., параллельно формировалась в русской политической и публицистической сфере на протяжении всего XIX в., все более актуализируясь и выступая на первый план по мере того, как украинский сепаратизм (т. н. «украинофильство») с 40-х годов XIX в. начал поднимать голову, и русское общество должно было по этому поводу вырабатывать свою позицию. С этого периода эволюция образа украинца в русском общественном мнении происходила под непосредственным влиянием развивавшейся дискуссии между «русской» и «украинской» партиями, постепенно к началу XX в. начавшей принимать характер все более острого конфликта. Указанная характеристика, определяющая стереотип украинца, из чисто художественной сферы перемещается в сферу общественно-политическую, при этом по мере нарастания «украинского вопроса» эмоциональная составляющая этой характеристики из почти положительной превращается во все более и более негативную. «Нецивилизованность» украинца из черты, присущей «человеку природному», жителю «русской Аркадии», все более превращается в характеристику «отсталости». При этом атрибуты украинца, уже сформированные литературой романтического этнографизма (в частности, такие пищевые характеристики «украинскости», как галушки и сало), из чисто стилистических элементов художественного литературы становятся маркерами «нецивилизованности» и «отсталости», символизирующими собой патриархальную традиционность украинского быта. В наиболее радикальной форме в духе «цивилизаторского» империализма оппозиция «цивилизованный русский — нецивилизованный украинец» нашла выражение в ряде работ В. Г. Белинского 40-х годов, посвященных появившимся тогда публикациям на украинском языке. Восхищаясь поэтичностью украинской жизни, Белинский тем не менее полагал, что «слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою преградою разлучал ее полутикй быт ее»⁷.

Необходимо заметить, что противоположная сторона в лице наиболее радикально настроенных украинофилов давала основания для обвинений в антипросветительской и антицивилизаторской позиции. В частности, один из предводителей украинофильства П. Кулиш в статье с характерным названием «Письма с хутора» отвечал своим русским оппонентам, объясняя нежелание украинцев изучать русскую словесность: «А что мы словесности вашей книжной не знаем, то скажите сами: что было бы хорошего, если бы мы сто лет назад то же самое, что и вы, читали, того же, что и вы набрались, а начитавшись и набравшись того лиха, как жаба грязи, начали бы по-вашему в наших селах и хуторах жить? ... Чу вас, цивилизаторов! У вас все только сбыт и потребление на уме, и если бы весь мир закипел торговлей, то вам и рая Божьего не надо»⁸. Кулиш видит в просвещении и процессе модернизации, с одной стороны, различные пороки цивилизации (в частности, дух торгащества), которым противопоставлена беспорочная чистота «простой» украинской жизни, а с другой, — опасный инструмент русификации, которому противостоит патриархальный украинский крестьянин как носитель духа «украинскости».

Для русского общества 40—70-х гг. XIX в. дух украинской патриархальности, который так отстаивал П. Кулиш, и который так воспевала русская литература первой трети XIX в., из стилистического элемента украинской самобытности окончательно превращается в признак отсталости, при этом отсталости упорствующей, сознательной, не желающей принимать благодетельного просвещения из рук «старшего брата». Ср. желчный отклик на вышеуказанную статью Кулиша, появившийся в «Современнике»: «...сыны благословенной Малороссии, изучая, самым усердным образом, философию, все-таки не смогли уразуметь — чем жid отличается от собаки, равно как и того, что — кроме искусства делать сало и хорошие наливки — для человеческого благоденствия на земле потребны и некоторые другие знания»⁹.

В более мягкой и умеренной форме оппозицию «цивилизованный русский — нецивилизованный украинец» развивает Н. И. Добролюбов в рецензии на «Кобзарь» Т. Шевченко. При этом Добролюбов по существу воскрешает первоначальный, «пасторальный» вариант этой оппозиции, сложившийся в начале XIX в. в рамках романтического этнографизма: «цивилизованная» Россия противостоит, с его точки зрения, не «полудикой» Украине, а «безыскусственной простоте малорусской жизни». Лакмусовой бумажкой при проверке степени «цивилизованности» для Добролюбова является уровень развития национального литературного

языка и степень владения им (для украинцев), а также существование на этом языке корпуса высокохудожественных текстов (безусловно, в этом отношении русская литература того времени на несколько порядков опережала украинскую): «Конечно, на малороссийском не выйдет хорошо “Онегин” или “Герой нашего времени”... Те малороссы, которым доступно все, что занимает Онегина или г-жу Тур, говорят уже почти по-русски...»¹⁰

В середине XIX в. на острие русско-украинского диспута вырабатывается культурологический подход к russкости не как к этническому признаку, а как к определенному культурному стандарту (выражавшемуся прежде всего в владении русским языком, корпусом текстов русской литературы и способностью принять совокупность философских, этических, эстетических и политических проблем, волнующих русское общество). Человек, принявший язык Онегина и проблемы, волновавшие Онегина, как свои, мог считаться русским, независимо от своей реальной этнической принадлежности.

Отдельный хронологический этап в формировании стереотипа украинца — период революции и гражданской войны, во время которого Украина была фактически отделена от России — время формирования в русском сознании образа украинца-сепаратиста. В первый период украинизации (продолжавшийся с начала революции до момента вхождения Украины в Советский Союз) конфликт между украинским и русским обществом, длившийся на вербальном уровне весь XIX в., перерос со стороны Украины в политическую стадию открытого разрыва и сепаратизма. Не останавливаясь в рамках данной статьи на исторической стороне этого процесса, обозначим лишь основные изменения в стереотипе украинца, имевшие место под влиянием реакции русского общества на украинский сепаратизм. Во-первых, ситуация украинизации того периода не воспринималась обществом как самостоятельная проблема, а рассматривалась как часть общей ситуации хаоса и социальных потрясений, возникших в результате революции и гражданской войны. Соответственно такая составляющая стереотипа украинца, как сепаратизм, актуализировалась в начале 20-х гг. XX в., приобрела в русском общественном сознании стойкие ассоциации с общей ситуацией беспорядка и нестабильности. Фигуры батьки Махно, Петлюры и главарей больших и мелких банд, действовавших на Украине в период гражданской войны, стали символом прорыва дикости и анархии, покусившихся на традицию, культуру и ценности образованного общества.

Во-вторых, как это ни покажется парадоксальным, русское общество восприняло украинский сепаратизм в первую очередь как конфликт культурный и, прежде всего, — языковой, и лишь затем — как конфликт политический. Иными словами, для русского сознания оказались наиболее болезненными и плохо переносимыми не претензия Украины на собственную государственность, не отказ от совместного с Россией политического пути, а отказ от русского культурного стандарта, т. е., прежде всего — от русского языка и русских культурных норм, от системы ценностей, выработанной русским обществом (при немалом и плодотворном участии украинской элиты), от совместного переживания тех этических и эстетических проблем, которые важны для русского общества. Такое поведение украинца воспринимается русским сознанием не как отказ именно от русских культурных норм, а как отказ от культурных норм и культуры вообще, т. е. по существу, добровольное возвращение украинца к «природному», «до-цивилизованному» состоянию, которое на этом этапе интерпретируется как возвращение к дикости и варварству. Показательным примером реакции образованной части русского общества на т. н. «украинизацию» может служить булгаковская «Белая гвардия», в которой одинаково рельефно показаны обе составляющие — украинский сепаратизм как хаос (петлюровские банды, убийства, мародерство, погромы и под.) и как отказ от русского культурного стандарта (прежде всего — отказ от русского языка и говорение на «мове») — оба этих фактора оказываются взаимосвязанными и приводящими украинское общество к состоянию дикости, потере нравственных стандартов, общечеловеческих ценностей. Противовесом этому в булгаковском романе выступает мир Турбиных, который является средоточием и квинтэссенцией русской культуры, а следовательно и нравственных христианских норм.

Таким образом, отказ украинцев от русского языка и переход на украинский рассматривался не просто как переход с одного языка на другой, а знаменовал собой отказ вообще от норм литературного языка и вместе с ним — от нравственных норм. В «Белой гвардии» символическим выражением безнравственности отрицательных персонажей является именно их переход на украинский язык (предатель и приспособленец Тальберг, на столе которого лежит «тоненькая, отпечатанная на дешевой серой бумаге книжонка: “Игнатий Перепелилло — Украинская грамматика”»; «каналья» доктор Курицкий, который «был Курицкий, а стал Курицкий», бандиты и погромщики, заполонившие Город с приходом Петлюры — маркером их всех является украинский язык). Соответственно в первые годы после революции впервые в истории русско-украинских

отношений складывается ситуация, при которой украинец начинает восприниматься не просто как «чужой», а как носитель враждебной для русского системы ценностей.

Доминанта стереотипа украинца в советский период (в официальной советской идеологии, а также в текстах художественной литературы, публицистики, кинофильмов, средств массовой информации, в которых она экстраполировалась) типологически повторяет понятийное и эмоциональное ядро этого образа, сложившееся в дореволюционный период. Как и в официальной пропаганде XIX в., в советский период образ украинца рассматривался в рамках «советского народа» — аналога «большой русской нации». В отличие от имперского варианта, рассматривавшего «русский народ» (т. е. всех восточных славян) в качестве этнического центра, а всех остальных (иностранцев) — в качестве периферии, советская идеология формально признавала равные права и равный статус для всех народов Советского Союза (ср. широко распространенное клише «семья советских народов», которая дружно, совместными усилиями строит «светлое будущее»), однако фактически в широком сознании воспроизводилась модель, созданная в XIX в., подразумевавшая в качестве этнического центра все ту же «большую русскую нацию» во главе со «старшим братом» — русским.

В этом контексте положение украинца с точки зрения оппозиции «свой—чужой» было двойственным. С одной стороны, он продолжал считаться «своим» как на уровне официальной идеологии, так и на уровне массового сознания. На официальном уровне это выражалось в отсутствии (как и в дореволюционной России) этнической дискриминации украинцев и ущемления их в образовании и карьере при условии владения русским языком. В идеологически «правильных» художественных текстах (в том числе и в кинофильмах), особенно посвященных периоду войны и восстановления народного хозяйства, существовал стереотипный образ пары неразлучных друзей — русского и украинца («старшего» и «младшего» братьев), вместе реализующих общую цель — борющихся за освобождение общей Родины, восстанавливающих общее народное хозяйство, строящих общее будущее (ср. образы двух разведчиков — сибирского лесоруба и донбасского шахтера в «Сыне полка» В. Катаева; роли Б. Андреева и М. Бернеса в фильме «Два бойца»; летчика Маэстро и его русского напарника в фильме «В бой идут одни старики» и др.). Фактически эта модель с учетом коммунистической идеологии повторяла старую идею Каткова о том, что Малоросс и Великоросс «взаимно дополняют друг друга, и противоположность между ними есть противо-

положность одной и той же гармонии». На уровне массового сознания украинец, также безусловно, считался «своим» (браки между русскими и украинцами в советский период были обычным явлением и по-прежнему не воспринимались как смешанные), а по отношению к нему никогда не употреблялись обидные и уничижительные прозвища, относящиеся к народам Советского Союза, имевшим статус «отсталых» («нацмены», «чурки» и др.).

С другой стороны, опыт украинского сепаратизма и реальные (а не книжные) русско-украинские трения не могли быть забыты русским обществом и требовали постоянной рефлексии на эту тему. Одной из наиболее болезненных сторон этой рефлексии было осознание того, что реальным отношением украинцев к русским является вовсе не братская любовь, а лишь слегка прикрытая фальшивой маской дружбы ненависть. Этот мотив ненависти украинца к русскому устойчиво входит в ядро стереотипных характеристик украинца и, актуализируясь к концу XX в., становится наиболее частотным в текстах различных жанров (особенно в анекдотах об украинцах). Среди имеющихся у нас материалов первые сохранившиеся в фольклорных архивах свидетельства авторефлексий русского низового сознания по этому поводу относятся к 30-м гг. XX в. В одних текстах мотив ненависти украинца к «москалям» никак не мотивируется (он существует как онтологическая данность, как неотъемлемая черта характера украинца). В других случаях это неприятие объясняется тем, что на фоне более умного, сообразительного и образованного русского «нецивилизованный» и глупый украинец остро ощущает собственную неполноценность. Ср., анекдот, зафиксированный в середине 30-х годов XX в. в Воронежской обл.: «У хохладчины поп службу начинал служить и говорит: “Выгоните москалей, чтобы не бых их”. И начал проповедь нараспев: “Не было ни земли, ни неба, а стоял плетень. А исделал Бог глиняного человека, поставил к плетню сушить...” А из Москалей мужик стоял и говорит: “Что ж ты, хохол, брешешь: не было ни земли, ни неба, а на чем плетень стоял?” Хохол очумел: “Я ж вам говорил хиба, чтобы не было Москалей!”¹¹

Характерным элементом официального варианта образа украинца был заимствованный из литературы XIX в. этнографизм, допускавший определенный набор стилистических элементов в изображении особенностей национального характера — музыкальность, любовь к песне, танцу, веселой щутке, открытость, коммуникабельность и т. п. Этот принцип реализовывался в создании возвышенно-романтического образа советского украинца (например, герой Леонида Быкова Маэстро в фильме

«В бой идут одни старики») или его юмористического варианта (образ Максима Перепелицы, созданный тем же Леонидом Быковым). Такой образ допускал в известных пределах «украинизацию» речи персонажа, включавшую определенный набор украинской лексики, орфоэпических и интонационных особенностей (давно освоенных русским обществом), служивших для создания стилистического колорита, но не затруднявших понимание и коммуникацию со стороны русских (ср., например, речь Ивана Пасюка в фильме «Место встречи изменить нельзя», представляющую собой смесь русизмов и украинизмов). Советские литература и кинематограф второй половины 50—60-х гг. отчасти возвращаются к сформированному русской литературой начала XIX в. принципу романтического этнографизма, в соответствии с которым создается образ Украины как «советской Аркадии», «советского цветущего сада», а образ украинца — как «человека природного» советской формации, участвующего в построении социализма — не слишком образованного, не слишком интеллигентского, простодушного, но честного, работящего, добросовестного и доброжелательного (ср., например, типы украинских крестьян, восходящие к образам гоголевских «лэйзан», в фильме «Максим Перепелица», в ряде рассказов К. Паустовского, упоминавшийся образ Ивана Пасюка и др.). В продолжение мотива «человека природного» советский стереотип украинца допускал комизм в его изображении, что реализовалось в сниженных юмористических и даже иронических фигурах (ср. образы начальника бензоколонки и буфетчицы в фильме «Королева бензоколонки»). В противовес «правильному» советскому украинцу признается существование украинца-националиста (главным образом — бандеровца), врага советской власти.

В отличие от официальной идеологической модели, стереотип украинца, развивавшийся в массовом сознании и содержащий практически те же самые понятийные составляющие этого образа, интерпретировался со знаком «минус». В анекдотах позднего советского периода генетически восходящая к модели «человека природного» «нецивилизованность» украинца окончательно преобразуется в клише «необразованного», «умственно неразвитого», «ленивого» и «неопрятного» персонажа. Ср. реализацию этого представления в анекдоте: «Собравшимся в зале (вероятно, на научной конференции, посвященной этническим стереотипам) представителям разных народов задают вопросы: «Какой народ самый глупый?» Единодушный ответ: «Чукчи!» — «А какой народ самый ленивый?» — «Русские!» — «А какой народ самый жадный?» — «Евреи!» — «А какой народ соединяет в себе все эти три качества?» Молчание, потом

голос из зала: «Затэ мы спиваем гарно!»¹² Украинцы здесь прямо не называются, но имитация украинской речи (и указание на другую характерную черту — любовь к песням) не оставляет сомнений, кто имеется в виду.

Геополитические изменения, произошедшие после 1991 г., создали новую социо-политическую и культурную ситуацию, при которой прежние составляющие стереотипа украинца были переосмыслены или усилены современным массовым сознанием. Во-первых, изменился и усложнился статус украинца по отношению к русскому в рамках оппозиции «свой—чужой». Если украинец — гражданин России по-прежнему осмысляется как «свой» и по этнокультурным признакам ничем не выделяется из русского общества, то статус «украинского» украинца интерпретируется в более широких рамках: с одной стороны, это «свой», который безосновательно претендует на то, чтобы быть «чужим», с другой, — это бывший «свой», который добровольно отверг этот статус и стал «чужим». Во-вторых, изменился «угол зрения», под которым русский оценивает украинца. Вектор зрения не изменился — как уже говорилось ранее, это был и остается взгляд сверху вниз (взгляд «цивилизованного» русского на «нецивилизованного» украинца), но за короткий период последнего пятнадцатилетия украинец утратил позицию пусть «младшего», но «брата», а его статус опустился на низшую ступень и приблизился к общей позиции «отсталых» народов (отчасти из-за того, что в настоящее время украинцы, наряду с другими выходцами из некогда «братских республик», составляют основную волну «гастербайтеров»).

Как и в начале XX в., в первый период украинского сепаратизма, русско-украинский конфликт лежит, прежде всего, не в области политико-государственной, а в области культурной, прежде всего, — языковой. Как и прежде, для русского сознания оказался наиболее болезненным факт отказа украинца от русского культурного стандарта, нежели его претензии на политическую самостоятельность. Новейшей, сформированной последними геополитическими событиями характеристикой украинца является его «незалежность» (не независимость, а именно — «незалежность»), которая вмещает в себя ряд смысловых составляющих. В их числе комичность необоснованных претензий Украины на собственную государственность (как в экономическом, политическом, так и культурном плане). Отношение к украинской «незалежности» как чему-то смешному, недостойному серьезного и уважительного отношения, проявляется, в частности, в жанре анекдота, щутки, создающих смеховой эффект при обыгрывании темы украинской самостоятельности. Абсолютно новым

элементом стереотипа «незалежного» украинца являются его политические и культурные амбиции, претензии на историческую древность и собственную значимость, несоизмеримые с ничтожной ролью Украины как «самостийного» государства. Ср., в частности, статью об украинской военной помощи войскам НАТО в Ираке под названием «Контингент с хутора близ Диканьки» — иронические ассоциации с пасечником Рудым Панько и образами украинских «пейзан» Гоголя позволяют дать реальную оценку этому политическому выпаду Украины (характерен также язвительный подзаголовок, сделанный газетой: «Украинская армада двинулась на Ирак»). В связи с формированием на Украине нового исторического мифа о якобы арийской древности украинского народа и украинского языка (возводимого некоторыми украинскими горе-лингвистами непосредственно к санскриту), в стереотипе украинца появилась еще одна характеристика — комплекс национальной неполноценности, который украинец пытается замаскировать мифом о собственном историческом и культурном величии.

Постоянной характеристикой «незалежного» украинца (впрочем, сложившейся, вероятно, еще в дореволюционную эпоху и переживающей в настоящий момент новую актуализацию) является его ненависть к «москалю», которого украинец готов обвинить во всех своих бедах, в том числе и в тех, в которых украинец виноват сам. Ср. анекдот в рассказе артиста Василия Ланового: «Тато, чи мы всю жизнь так поhано жили? — Ни, раньшс мы жили hарно, але москали поhани придумали для нас незалежность»¹³.

Один из наиболее важных аспектов современного стереотипа украинца — языковой. С формированием украинской официальной пропагандой статуса украинского языка как символа новой украинской государственности, его статус в русском массовом сознании не только не изменился, но стал восприниматься еще более негативно (во многом в связи с неприятием русским общественным сознанием украинской государственности как таковой). Ср. известную шутку сатирика М. Задорнова о том, почему В. Черномырдина (чье косноязычие давно стало притчей во языщех) назначили послом на Украину: «Потому что язык, на котором он говорит, больше похож на украинский».

Анализ корпуса текстов, имеющихся в нашем распоряжении, — записей устных рассказов москвичей, газетных статей, высказываний в телевизионных программах, языковых образов украинца, создаваемых в юмористических передачах, позволяет определить языковые и культурные основы такого стереотипа. Как нам представляется, эти основы свя-

заны с конфликтом русского и украинского языков, имеющим очень глубокие корни. Не останавливаясь сейчас на истории этого конфликта, констатируем только лишь тот факт, что отказ украинцев от русского языка как основного средства коммуникации всегда вызывал в русском обыденном сознании весьма болезненную и негативную реакцию. Соотношение в глазах русского сознания статусов русского и украинского языков всегда был не в пользу украинского: русский — язык культуры, цивилизации, образования; украинский — и не язык вовсе, а «мова», на нем не говорят, а «балакают», «брешут», «гуторят» и т. д. Поэтому отказ современного украинского общества от пользования русским языком воспринимается русским массовым сознанием как отказ от статуса культурного и образованного народа.

Исследование материала показало, что с точки зрения русского массового сознания украинский язык собственно языком не является. Здесь несомненно сыграли свою роль и старые идеи, сформулированные еще в XIX в. в русле национальной политики по отношению к Украине и украинцам и вписывающиеся в рамки теории о «большой русской нации». Нужно вспомнить знаменитую дискуссию Погодина и Максимовича о малороссийском и великороссийском наречии: согласно этому подходу, украинского языка не существует, а есть южнорусское наречие. С нашей точки зрения, эта теория не смогла бы найти в широком массовом, низовом сознании такую поддержку (если эта теорию вообще можно считать известной русскому низовому сознанию), если бы она не подкреплялась «снизу» собственно языковыми особенностями украинского языка, и их соотношением с южнорусскими диалектами.

Наблюдение над основными чертами южнорусских диалектов и релевантных для русского сознания признаков украинского языка позволило увидеть, какие черты украинского языка считаются с точки зрения русского сознания «украинскими». Материалом для этого послужили, в частности, анекдоты про украинцев (в которых наиболее четко прослеживается изображаемая самими русскими русская речь нерусских). Среди релевантных языковых признаков выделяются следующие:

1. прежде всего это «гэканье» — произнесение «г» фрикативного на месте русского литературного «г» взрывного (*город, голова*);
2. произнесение «у» неслогоового в глаголах 3 л. ед. ч. прошедшего времени (*казаў, читаў, бачиў*);
3. «І» как рефлекс фонемы «ять» на месте русского литературного рефлекса «е» (*дед-дід*); рефлекс «І» в новых закрытых слогах на месте русского литературного «о» (*non-nin*).

4. на первом месте по значимости можно поставить союз «шо», вместо русского литературного «что», который зачастую является главным и исключительным маркером «украинской» речи, отличающей ее от русской (ср. анекдот: «Вы москвич? — Да, а шо?»)¹⁴

Но все перечисленные черты не являются особенностью исключительно украинского языка — они широко распространены в южно-русских говорах и воспринимаются русским массовым сознанием не как черты чужого самостоятельного языка, а как черты собственной некодифицированной диалектной речи, т. е. с точки зрения низового патинного сознания — речи необразованных людей, не овладевших произносительными нормами русского литературного языка, а поэтому имеющей чрезвычайно низкий статус и противостоящей литературному языку. Эта ситуация поддерживается еще и тем, что, как известно, не существует четкой языковой границы между русским и украинским языком, а есть широкая полоса т. н. переходных говоров, содержащих элементы как одного, так и другого языка.

Отдельную проблему представляет собой употребление украинских слов и выражений в русской устной и письменной речи. Несомненно, существует корпус украинских слов и фразеологизмов, в той или иной степени включенных в русский узус и принадлежащих к пассивной части лексики носителей русского языка. Что касается особенности употребления слов «самостийный» и «самостийность» в современном русском языке и их соотношения с русскими лексемами «самостоятельный» и «самостоятельность», то этой проблемы следует коснуться особо. В русский язык эти лексемы заимствованы из украинского в последние пятнадцать лет первоначально как политические термины той части украинской элиты, которая ратовала за отделение от России. Однако элементами политического сленга лексемы «самостийный», «самостийность» оставались сравнительно недолго и в своем прямом значении ‘суворенный, независимый’, ‘суворитет, государственная независимость Украины’ довольно быстро отошли на второй план. Хотя в языке средств массовой информации можно встретить выражение «самостийное государство», но не как обозначение независимого государства вообще, а как эвфемистическое обозначение именно Украины в ироническом и негативном контексте. Ср. отрывок из речи политического комментатора передачи «Страна и мир»¹⁵ по поводу российского самолета, сбитого украинскими ПВО: «...а органы *самостийного государства* не признавали своей вины...» или: «...под воротами *самостийного посольства* митинговали студенты»¹⁶.

Лексемы «самостийность», «самостийный» стали достаточно активно употребляться как в просторечии, так и в языке средств массовой информации, особенно в материалах газет, что способствовало развитию в русском узусе их специфического значения: «самостийность» — это самостоятельность со знаком «минус». Чаще всего эти лексемы употребляются в газетных статьях и письмах граждан в газеты по поводу нарушения отдельными лицами законодательства в жилищно-коммунальной сфере. Ср. обращение к префекту Юго-Западного округа Москвы по поводу незаконной автостоянки, устроенной на детской площадке: «Прошло полгода, но самостийную площадку (автостоянку) никто не собирается ликвидировать. Валерий Юрьевич, помогите навести порядок!»¹⁷ или освещение выступления того же префекта по поводу благоустройства в округе: «...префект сказал, что его беспокоят... жалобы жителей района на плохое содержание некоторых домов и прилегающих к ним территорий, засилье несанкционированной торговли, регулярно возникающие то тут, то там кучи мусора, а порой и просто "самостийные" свалки»¹⁸. Газета «МирИНКОМ»¹⁹ в публикации о борьбе администрации с незаконно установленными гаражами пишет: «Местные власти хладнокровно сносят самостийно установленные гаражи». Таким образом, можно выделить семантическое ядро слова «самостийность» и его дериватов. В отличие от «самостоятельности», которая является показателем зрелости личности, ее гражданского статуса, «самостийность» — это эгоистическая активность, направленная на удовлетворение интересов отдельных лиц вопреки интересам всего социума в целом и за счет благополучия этого социума. «Самостийность» в этом контексте является почти синонимом беспорядка и беспредела, она противопоставлена порядку; она всегда исходит от частных лиц и никогда — от властей, напротив, в функции властей входит пресечение «самостийности» как явно разрушительного для общества процесса и восстановление порядка. В последнее время в публицистических текстах фиксируются примеры расширительного толкования лексемы «самостийный» как любого неразумного эгоистического поведения, противопоставляющего свои узкие интересы общественным. Ср. комментарий депутата Константина Косачева по поводу табу Польши на договор Евросоюза с Россией: «Мы будем с интересом наблюдать, как наши европейские коллеги решают эту проблему польской самостийности»²⁰.

В современном русском узусе слово «самостийный» приобретает и второе значение, гораздо менее частотное, чем первое — «любительский, непрофессиональный, самодеятельный». Ср. анонс комедии «Трын-трап-

ва»: «Вполне шукшинский по духу фильм о незадачливом самостийном конструкторе, якобы придумавшем вечный двигатель»²¹. Как видно из приведенных контекстов, лексема «самостийность» в современном русском узусе имеет сугубо отрицательную семантику, что является одним из маркеров общего насмешливо-отрицательного восприятия украинской «самостийности», сложившегося в русском обществе.

Можно заметить определенную тенденцию в употреблении украинизмов в русской разговорной речи в ситуации замены украинским словом соответствующего русского, например, «мова» — вместо «язык», «самостийность» вместо «самостоятельность», «писмэнник» вместо «писатель». Такая замена не просто маркирует сниженный стилистический эффект по отношению к предмету, о котором идет речь, но и указывает, что сам этот объект не обладает качествами подлинного, настоящего, серьезного, а лишь притворяется таковым, мимикрирует под него. Подобно тому, как «мова» с точки зрения русского сознания, это не язык, а лишь его подобие, «самостийность» — не подлинная самостоятельность, а лишь псевдо-самостоятельность, безосновательная претензия на нее, также и «писмэнник» — это не настоящий писатель, а лишь тот, кто притворяется таковым, не обладая ни талантом, ни подлинными качествами настоящего писателя. Ср. у Александра Галича в песне «Памяти Б. Л. Пастернака»: «Даже киевские “писмэнники” на поминки его поспели...» или: «...наши советские “писмэнники” громили Солженицина...»²²

Всесторонний анализ современного стереотипа украинца в русском общественном мнении одновременно является анализом общественных ожиданий и страхов, связанных с резким изменением форм русско-украинских отношений в последний период. Исследование такого рода должно помочь правильно понимать и предсказывать реакцию общества на те или иные «поступки» соседнего народа по отношению к русским и России. Понимание механизмов порождения стереотипов должно научить общество правильно реагировать на них (особенно на их негативные и даже агрессивные составляющие), грамотно преодолевать психологические и этнокультурные конфликты, препятствующие успешному развитию русско-украинского культурного диалога.

Примечания

¹ В частности, см.: Bartminski J. Jak zmienia się stereotyp Niemca w Polsce? // Przegląd Humanistyczny. 1994. Nr. 5.

² Benedyktowicz Z. Stereotyp—obraz—symbol. O możliwościach nowego spojrzenia na stereotyp. Zeszyty Naukowe UJ. Prace Etnograficzne. Z. 24. S. 7—35.

³ Максимович М. Малороссийские песни. М., 1827.

⁴ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 96—116, 173—182.

⁵ Русский вестник. 1861. № 32. С. 2—5.

⁶ Русский архив. 1877. № 6. С. 232.

⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 7. С. 64—65.

⁸ Основа. 1861. № 1. С. 313—314.

⁹ Цит. по: Основа. 1862. № 2. С. 103.

¹⁰ Современник. 1860. № 3. С. 99.

¹¹ Архив фольклорной лаборатории Воронежского университета. 1936 г.

¹² Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Русский анекдот. М., 2002. С. 62.

¹³ ТВЦ. 2003, 28 декабря.

¹⁴ «Шутка за шуткой» // ОРТ. 2002, 2 октября.

¹⁵ НТВ. 2003, 26 мая.

¹⁶ О газовом конфликте между Украиной и Россией // ТВЦ. 2005, 29 декабря.

¹⁷ За Калужской заставой. 2002. № 44.

¹⁸ Там же. № 43.

¹⁹ МирИНКОМ. 2004. № 1.

²⁰ «Новости» // ТВЦ. 2006, 23 ноября.

²¹ Московский комсомолец. 2003, 25 июля.

²² Дидур А. Передача «Московская Атлантида» // «Культура». 2004, 12 октября.

Эволюция этнокультурных и языковых стереотипов в русском и украинском обществе в XX веке

А. Л. Хорошкевич

Г. П. Федотов об украинской культуре и ее роли для России

*«Отечеству отдаю свой разум и волю,
направленную на постоянную реализацию
справедливости в несовершенных
исторических ее проекциях»¹.*

Для понимания подхода Георгия Петровича Федотова (1 октября 1886 г. — 1 сентября 1951 г.) к данной теме необходимо начать с наикратчайшей характеристики жизненного пути и общей историософской концепции этого «самого оригинального историка Советской России»², «самого умного и тонкого русского мыслителя XX в.»³, философа культуры, публициста, теолога, антрополога религии, социально-политическое мировоззрение которого синтетично, ибо органически сочетает догматы христианского вероучения и рационалистические выводы идеологии социалистического типа. Все эти определения, данные зарубежными и отечественными учеными, по преимуществу историками философии (среди последних глубиной понимания выделяется Н. В. Зайцева⁴) после его «возвращения» из эмиграции, вернее, проникновения его трудов на родину, начавшемуся в 1989 г., верны, но неполны. Даже Н. В. Зайцева недостаточно, на наш взгляд, подчеркивает самое главное — чистоту его помыслов и души, глубоко любившей и мучительно страдавшей за судьбы Родины, его необыкновенную интуицию, основанную на тончайшем психологизме, безграничной любви к России и трезвом подходе к ее прошлому и будущему, подлинной честности в оценке ее настоящего и перспектив.

Синкретическое мировоззрение христианского мыслителя сложилось к началу второй буржуазно-демократической революции в России. Уроженец г. Саратова, в 11 лет потерявший отца, благодаря усилиям матери имевший возможность поступить в Петербургский технологический институт, его не закончил, поскольку в 1905 г. он, как член РСДРП, ведший пропаганду среди рабочих Саратова, был арестован и лишь по протекции одного из родственников подвергся не заточению, а высылке за границу. Там он продолжил обучение в Берлинском и Йенском университетах

Германии. По возвращении на родину в 1908 г. Федотов оказался в семинаре И. М. Грэвса на историко-филологическом факультете Петербургского университета, из которого вышли такие светила мировой науки, как Л. П. Карсавин, О. А. Добиаш-Рождественская, В. В. Вейдле и др⁵. С некоторыми перерывами закончил его в 1914 г. и начал профессиональную деятельность в отделе искусств Публичной библиотеки. Под влиянием своих коллег А. В. Карташева и А. А. Мейера обратился к церковному христианству, с позиций которого оценивал февральские и октябрьские события 1917 г. В церковно-религиозном кружке А. А. Мейера, пестром в конфессиональном отношении и действовавшем под лозунгом «Христос и Свобода», выкристаллизовался его экуменизм, основанный на социальной базе.

Жизненный путь Г. П. Федотова извилист и причудлив. Судьба его хранила и в России, и в СССР. Отказавшись сотрудничать с новой властью и соблюдать ее обряды (в частности, петь «Интернационал»), он обрек себя, в конечном счете, на эмиграцию, куда сумел чудом выехать («для ученых занятий в европейских университетах») в сентябре 1925 г. — сначала в Германию, затем во Францию. Судьба оказалась милостивой и в эмиграции, разделенной на два периода — французский и американский. На последнем пароходе из Марселя он покинул Францию, избежав фашистских застенков. Но повсюду — в 1925—1941 гг. во Франции, в 1941—1951 годах в США — Федотов оставался радетелем русской культуры, болезненно переживавшим ее трагическую судьбу в советское время. И там, и там, не примкнув ни к одному их эмигрантских течений, ни к модному в эмиграции евразийству, ни к антибольшевистским монархическим и подобным организациям, он остался одиночкой, если можно так выразиться, «в идеологическом одиночестве». Одним он претил своими социалистическими склонностями, другим — трезвостью и честностью мышления, бескомпромиссностью позиции (воцерковленный еще на рубеже 1910—1920 гг., он вступил в конфликт с РЗПЦ из-за оценки гражданской войны в Испании, в связи с чем заявил: «Ради правды не жалею ни отечественной, ни зарубежной церкви»⁶). Федотов дал обет «жить для ее (России. — А. Х.) воскресения, слить с ее образом все самые священные для нас идеалы». Пусть нынешние ревнители благочестия РПЦ именуют его ярым антикоммунистом, Федотов им не был. Он вовсе не отрицал закономерности тех социальных перемен, которые произошли в 1917 г., но внимательно следил за последствиями переворота и быстро уловил начавшийся процесс перерождения личности революционеров

и самой партии, у истоков деятельности которой он сам стоял в 1905 г., точно охарактеризовал процесс формирования нового самодержавия — «сталинократии».

Задачу своей деятельности за рубежом в 1929 г. он сформулировал так: «подать голос России, бросить его в историческое пространство, хотя бы в пустоту. Голос этот должен быть чист, и тогда время поймет его и передаст поколениям»⁷. Этому завету Г. П. Федотов остался верен всю жизнь. При всем его неприятии «сталинократии», он имел мужество вопреки большинству своего консервативного окружения в эмиграции признать успехи большевистской партии, прежде всего на ниве культуры, беспристрастно оценить порыв к образованию людей «от сохи и от станка», их энтузиазм в строительстве нового мира, где, как им казалось, навсегда восторжествовал принцип: «Рабы — не мы, мы — не рабы».

Если его ученая деятельность в России завершилась монографией, посвященной Абеляру⁸, то в эмиграции он круто изменил круг интересов. Здесь, в Париже, уже в 1928 г. был опубликован труд «Филипп, митрополит московский», а в 1931 г. «Святые Древней Руси X—XVII вв.»⁹ В 1935 г. увидела свет книга «Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам)».

Подобно своему учителю И. М. Гривсу и когорте его учеников, Г. П. Федотов может считаться предтечей современной антропологии, равно как и знаменитой «Школы «Анналов»¹⁰. Резко выступая против всех форм исторического детерминизма и телеологии — религиозных (Августин), рационалистических (Гегель) и материалистических (Маркс), Федотов отстаивал идею свободы, понимаемую как «возможность выбора между разными вариантами исторического пути народов». Вслед за Ф. М. Достоевским он считал, что исход борьбы в душе человека божественных и демонических сил не предопределен всемогуществом Бога, который оставляет человеку возможность спасения и в результате собственных усилий. Поэтому в центре его внимания постоянно находился человек, свободный в выборе пути между добром и злом. Заимствованная у Н. Федорова идея условности апокалиптических пророчеств и сотворчества Бога и человека в приближении Царства Божьего разворачивается у Федотова как концепция оправдания культурного и социального творчества перед лицом эсхатологии и оформляется в нетрадиционную для православия формулу о воскрешении культуры «подобно истлевшему телу, во славе»¹¹.

Федотов сетовал на то, что «мы очень мало знаем о народе, его жизни, затаенных мыслях»¹² и пытался расширить круг дошедших до нас источ-

ников — как за счет житий святых, ранее бывших предметом исследований В. О. Ключевского¹³ и А. П. Кадлубовского, оказавшего на него сильное влияние¹⁴, так и за счет более поздних — уже начала Нового времени — духовных стихов. Он отчетливо понимал ограниченность подхода В. О. Ключевского к истории России, поскольку тот «при стремлении к заключенному объяснению (исторического. — А. Х.) “процесса” полностью исключил всю духовную культуру»¹⁵, Федотов объяснил эту особенность подхода Ключевского к истории влиянием социологического поветрия в общественной мысли его времени и отметил, что Ключевский «одухотворяет культуру экономическую и социальную», которая под его пером «становится выражением конкретной исторической личности», вернее, «социального, коллективного портрета». Однако «идейное содержание этой культуры, как и эстетические ее идеалы, для него не существуют»¹⁶. В контексте темы настоящей заметки существенны и два других упрека в адрес В. О. Ключевского. Это, во-первых, «резкость отрыва великорусского периода нашей истории от киевского... В школе Грушевского эта мысль Ключевского получила парадоксальное противопоставление двух независимых национальных процессов: русского и украинского». И, во-вторых, «игнорирование Ключевским судеб Литовской Руси и Украины, тоже как бы выделяющее половину Руси из русского исторического процесса»¹⁷. Вывод из этой позиции историка, определившего умонастроение интеллигенции двух восточнославянских народов, носит у Федотова глобальный характер. «Односторонняя “великорусскость” Ключевского¹⁸ вызывала давно уже на исследования западнолитовской и южноукраинской Руси (работы Лаппо и Любавского, Грушевского и его школы, Багалея и др.), которые «привели к образованию “национальной” украинской школы, более всех других явлений молодой украинской культуры грозящей распадом общерусского сознания»¹⁹. Ответ на «трагический вопрос о русской культуре и ее “идее”... чем была жива Россия и для чего она жила» и пытался дать сам Г. П. Федотов, стремясь «прорваться из магического круга Ключевского, из его “местной”, тесной, социальной, бытовой темы и выйти в мировые просторы сороковых годов (XIX в., времени споров славянофилов и западников. — А. Х.)»²⁰. И думается, ему это удалось. И пусть это был, как написал издатель его историко-философских публицистических трудов В. Ф. Бойков в 1991 г., «глас вопиющего в пустыне, мысль изливалась, не откликаясь, в вечность»²¹, сейчас, по прошествии времени, его соотечественники могут по достоинству оценить и его общую концепцию, и частные наблюдения,

и выводы, прозрения и предвидения, о большей части которых в многочисленных посвященных ему исследованиях почти ничего не говорится. Это касается и вопроса трактовки украинской культуры и ее роли для истории русской истории и культуры.

Настоящая заметка касается не чисто философских или филологических проблем, а историко-философских, причем на первый взгляд кажущихся частными, и носит предварительный характер²². Ее источниковая база ограничивается серией публицистических статей, собранных в 1991 г. в два тома под заголовком «Судьба и грехи России», лаконичных, но очень емких, написанных ярко и образно²³.

Заголовок настоящего сообщения в связи с общими философскими представлениями Г. П. Федотова не вполне корректен. Дело в том, что нация и государство²⁴ в контексте христианской историософии Федотова занимают весьма ограниченное место, а национальный вопрос рассматривается им как подчиненный сравнительно с религиозным. «Нация, разумеется, не расовая и даже не этнографическая категория. Это... прежде всего культурная, а во вторую очередь политическая.., совпадение государства и культуры. Там, где весь или почти весь круг данной культуры охвачен одной политической организацией и где, внутри ее, есть место для одной господствующей культуры, там образуется то, что мы называем нацией»²⁵. Именно культуре он придавал решающую роль в формировании нации. Его подход к национальному вопросу был крайне осторожным, разумеется, и здесь в основу он брал его духовную сущность. «Что составляет роковую особенность национального чувства, так это глубокая сплетенность в нем отрицательных и низменных аффектов с самыми благородными и высокими»²⁶, подчиненными общехристианским. Он считал, что «нация, разумеется, не расовая и даже не этнографическая категория. Это категория прежде всего культурная, а во вторую очередь политическая. Мы можем определить ее как совпадение государства и культуры. Там, где весь или почти весь круг данной культуры охвачен одной политической организацией, и где, внутри ее, есть место для одной господствующей культуры, там образуется то, что мы называем нацией. Не народ (национа) создает историю, а история создает народ»²⁷.

При рассмотрении конкретных взглядов Г. П. Федотова на историю украинской культуры в контексте развития русской стоит начать с политico-географо-этнической терминологии, которой пользовался философ для обозначения народов и стран, в которых развивались обе эти культуры.

К чести философа стоит отметить, что он, в отличие от своих и наших современников, очень осторожно подходил к употреблению политико-этно-географических терминов «Русь» и «Россия». Первый из них он использовал исключительно по отношению к средневековью в полном соответствии с традицией, сложившейся в Восточной Европе, будь то в пределах будущего Российского царства или Речи Посполитой, где жители Великого княжества Литовского (будущей Белоруссии и Украины) упорно и стойко именовали себя Русью²⁸. Этот этоним выдержал испытание временем, он бытовал даже в XVII в., когда уже вовсю происходило становление «наций» Нового времени, в том числе и украинской. Только с XVII в. и более позднего времени Федотов в полном соответствии с данными исторических источников начинает употреблять термины «Украина» и «украинский». Эти термины, по мнению А. Г. Грека, насколько известно автору настоящего сообщения, единственного ученого, косвенно касавшегося данной темы²⁹, являются «ключевыми» для понимания Федотовым роли столицы Руси — Киева (имя Украина/Украина, устойчиво связанное с именем Польша: «мятежная Украина, окраина Польши»; с именем Малороссия, которое осознается как более общее в сравнении с «Украина» и лишено актуальных для последнего семантических признаков: «мятежная», «Польша»³⁰). Вместе с тем русскую культуру Федотов органично связывал с Киевом и один из ликов Родины видел «в пышном блеске Киева, в буйных подвигах дружинных витязей, «боронивших Русь от поганых»³¹.

Территория, занятая «Русью», в пределах Польши (вернее Речи Посполитой) и России (царства и империи), также именовалась «Русью», хотя к исходу средневековья формировались иные самоназвания и названия — Малая Русь (собирательно для будущей Белоруссии и Украины), Беларусь, и, как уже говорилось выше, Украина (первоначально как польское, а затем и российское обозначение восточных и юго-восточных земель Речи Посполитой)³², Россия и Великая Россия³³ (после введения патриаршества в 1589 г. последний термин стал самоназванием бывшего княжества всея Руси и Российского царства)³⁴. Одновременно с термином Россия Федотов употреблял при характеристике политического и общественного строя общества XVI—XVII вв. — преимущественно с негативным оттенком — и другие термины: просто Москва, Московия, Московское царство, Московская держава, унаследованные им от отечественной историографии XIX в.³⁵

Россия же для Федотова — это скорее культурно-религиозно-политическое и лишь отчасти географическое понятие, целый мир, включаю-

щий людей разных национальностей, но объединенных единой ведущей русской культурой. Россию он четко отличал от «Великороссии», как территории с этнически однородным населением³⁶. В 1931 г. его волновал вопрос, «будет ли существовать Россия, как Империя, как государственный союз народов или она вернется к исходному племенному единству в старомосковских границах Великороссии»³⁷. Таким образом, в целом Русь, Россия, Великороссия представлялись ему не совпадающими концентрическими величинами.

Формальные с первого взгляда уточнения терминов имели для философа и историка весьма важное принципиальное значение. Он упорно проводил мысль о единстве происхождения всех восточнославянских наций, был сторонником сохранения единства государства «Россия», основанном на культурно-религиозной общности, ибо «бытие народов и государств, — согласно его точки зрения, — оправдывается только творимой ими культурой»³⁸. И подчеркивал, с одной стороны, преемственность России от Греции—Византии—Киева, а, с другой, прогрессивную роль по отношению к другим народам, прежде всего народам Востока. Сама же культура трактуется Федотовым как относительно автономное «царство идеальных ценностей», поставленное между Богом и природой.

Эту мысль Федотов обосновывал историей восточных славян. Русь, приняв христианство от Византии при посредничестве южных славян, тотчас превратилась не только в византийскую окраину, но и в лоно «Святой Руси», Киев же стал колыбелью всей русской культуры: «...народ русский во все века своего существования видел в Киеве величайшую святыню, не уставал паломничать к нему и в былинах, говорят очень поздних, славил чудный город и его светлого князя»³⁹. И это несмотря на то, что «принятие христианства варварским народом всегда есть акт крутой и насилиственный: новое рождение», а складывавшаяся новая культура — «киевская культура» была «аристократична». Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы от княжеских теремов и монастырей...⁴⁰ Это только прививка на грубом славянском дичке. Но он весь перерождается под действием прививки»⁴¹. На Русь проникла христианская литература⁴². Новейшие исследования убедительно показали, что гордость от причастности христианству переполняет летописцев, щедро цитирующих и перелагающих своими словами тексты священных книг — Библии и евангелия⁴³. Письменностью овладели не только интеллигенты того времени, в первую очередь духовные лица, но и простые миряне — жители Новгорода, Твери, Пскова, Торжка и многих других городов. И пусть последние писали не на дорогом для них пергамене, а на

бересте, которую из обычной коры березы почти каждый мог превратить в материал для письма⁴⁴, уровень распространения грамотности поражает и доныне, в особенности на фоне массовой безграмотности не только нынешних солдат и студентов, но и ведущих журналистов и политиков.

Сравнивая Киев с двумя другими главными столицами восточного славянства — Москвой и Петербургом, и даже противопоставляя Киев им «как город, не участвующий в тяжбе и споре Запада и Востока в русской культуре, в споре о первенстве, не причастный в смысле активной роли революции»⁴⁵, Федотов подчеркивал сакральный характер этого города и его символа — святой Софии, который говорит «не только о вечной истине православия, о совершенной сфере, объемлющей в себе многообразие национально-частных миров. В нем дано указание и нашего особого пути среди христианских народов мира»⁴⁶. И продолжает: «Безумием было бы думать, что духовная жизнь России может расти на “диком корню” какой-либо славянской исключительности. Великое счастье наше... — то, что мы приняли истину в ее вселенском средоточии (т. е. «христианской Греции—Византии». — А. Х.)». И далее: «Нам не страшен ни Восток, ни Запад. Весь мир обещан нам по праву, нет истины, нет красоты, которой бы не нашлось места во вселенском храме. Но каждому камню укажет место и меру тот зодчий, который подвесил в небе “на золотых цепях” купол святой Софии»⁴⁷.

Пожалуй, в федотовской концепции Киева есть некоторый элемент идеализации: он видел привлекательность этого города не только в его святынях, но и в сочетании их с «первозданной красотой Божьего мира... от которой дух захватывает» — «сияющей осанной земного рая»⁴⁸. Даже в создании пещерных монастырей праведники, по Г. П. Федотову, удовлетворяли свой инстинкт самосохранения, ибо «не перенести человеку надолго такой красоты». В этом замечании, как тонко подметил А. Г. Грек, выразилась, с одной стороны, точка зрения «северянина-великоросса», а с другой, «содержится и указание на круг смыслов, определяющих возможность и условия восстановления в измученной душе красоты и любви под действием Божественной благодати»⁴⁹. И в остатках седой древности, оставленных киммерийцами, скифами, единственными «трипольцами», Федотов считал, будто «позволительно думать, что Киевские горы были родиной будущих элининов»⁵⁰. С этим утверждением философа первой половины XX в. и его исследователя, в 1993 г. полностью принявшего в данном случае мнение Федотова, согласиться трудно. Так же трудно принять и мнение Федотова-Грека о сакральности Днепра, «серебря-

ная лента» которого ведет в Грецию, только потому, что «здесь воссиял крест Первозванного» (речь идет об Андрее Первозванном. — А. Х.)⁵¹.

В то же время Федотов подчеркивал открытость Киева для восприятия иных — восточной византийской, греческой и западной культур⁵². Особо он подчеркивал связь с византийской культурой, «большинство киевских мозаик — как, впрочем, и римских — не представляют самых совершенных образцов византийского искусства, хотя по богатству и сохранности своей делают Киев одним из главных центров его изучения... в Киеве чувствуешь себя на почве древнейшего христианского искусства... Здесь заря русского христианства встречается с зарей христианства восточного, сочетающего в искусстве свою заветы эллинизма и Азии»⁵³.

Действительно, присоединение Руси к христианскому миру сопровождалось стремительным взлетом культуры, запечатленной памятниками архитектуры и изобразительного искусства, чудом не истребленными за столетия войн, революций, коммунистического и постсоветского варварства, ими доныне можно любоваться в «древнерусских городах» — от Киева и Чернигова до Старой Ладоги и Великого Новгорода. Для Федотова символом православия является храм святой Софии. В ней «едва ли не единственный раз на русской земле — воплотилась идея греческая. ...Здесь земля легко и радостно возносится к небу в движении четырех столпов, и свод небесный спускается ей навстречу, любовно объемля крылами парусов своих. Здесь все полно завершенным покоем, достигнутой мерой, свободой в законе, бесконечностью, замкнутой в круг. Тем, кто не видел иной, великой святой Софии, кажется, что лучше не выразить в камне самой идеи православия»⁵⁴.

Что же касается формирования феномена или понятия «Святая Русь», мнение Г. П. Федотова весьма своеобразно⁵⁵. Для него это были люди. «Киев, то есть идея Киева» в представлении Федотова является «полусом, неподвижной православной вехой в судьбе России»⁵⁶. Он писал о духовной элите — монашестве, аккумулировавшем высочайшие достижения христианства. Политико-географический смысл понятие «Святой Руси» приобрело позднее, и в современной историографии рассматривается исключительно в последнем смысле. С этой точки зрения трактовка Федотова «Святой Руси» подверглась критике уже со стороны его современника, В. В. Зеньковского, который на основании письменных источников относил формирование самого этого чисто идеологического понятия к XVI в., когда оно приобрело политико-географическую основу. В наши дни эту мысль подробно обосновал и развил немецкий исследователь Р. Фречнер.

Успешно перейдя к феодальной раздробленности и ее обязательной спутнице — усобицам, Русь оказалась не в состоянии оказать сопротивление надвинувшейся на нее опасности — «туранской волне», как писал Федотов в соответствии с терминологией его времени. И на этот раз геополитическое положение новой «культурной зоны» (простите за термин из военно-политического и уголовного сленга), сказалось на ней, «захлестнутой туранской волной», — далеко не лучшим образом. Добычей нового мощного кочевнического государства Монгольской империи стал не только соседний Китай, имевший за спиной уже тысячелетнюю историю, но и далекая Русь, делавшая первые шаги по дороге мировой истории и не сумевшая справиться с более мощным «агрессором», нежели Хазарский каганат. Монгольской империи удалось если не убить, то подбить «на взлете» еще не окрепшую культуру христианской Руси. «Вся история может быть рассматриваема (и даже преимущественно рассматривалась в узкополитической историографии) как смесь процессов интеграции и дезинтеграции. Можно назвать первый процесс ростом, развитием, объединением или же завоеванием, порабощением, ассимиляцией; второй — упадком, разложением или освобождением, рождением новых наций, в зависимости от того, какая государственность или народность стоит в центре наших интересов»⁵⁷. Споры отечественных историков, будь то великорусских или татарских, о роли иностранного ига, его влиянии и вообще существовании самого ига ведутся лишь исключительно с национальной точки зрения, никогда не возвышаясь до уровня понимания Федотова, что приводит к нынешним особым сложностям в отношениях между народами.

Есть еще один результат ига, о котором в советское время говорить, писать и даже думать не полагалось, ибо провозглашалось первенство материального начала (производительных сил) и соответствующих им производственных отношений и вторичность надстройки — культуры, идеологии и т. д. Речь идет о мироощущении, самоидентификации и о всем том, что входит в состав модного теперь понятия «менталитета». Именно в этой сфере и произошли кардинальные изменения, долго остававшиеся необратимыми. Красноречивая немота летописцев, из года в год в середине XIII в. записывавших: «Ничего же бысть» показывает, до какой степени отчаяния и подавленности они дошли. «На другой же день после татарского погрома русские проповедники и книжники, оплакивая погившую Русь, обличали ее грехи»⁵⁸.

Федотов не рассматривал специально итоги монгольского или татарского (он употребляет оба термина) ига, однако он отметил «национальный опыт монгольского ига с его тяжелой школой унижений, внешней покорности, но внутреннего очищения, сабирания духовных сил»⁵⁹, примером которого для него служит Александр Невский. Федотову были, разумеется, недоступны материалы раскопок языческих святилищ на территории Украины, которые показывают, что еще неокрепшее в христианстве и разочарованное в его действенности в период прошедшей катастрофы слабое христианским духом насление возвращалось к вере отцов — язычеству, возрождая прежние культы, сопряженные с человеческими жертвоприношениями⁶⁰. Однако они тоже иллюстрируют положения философа об аристократизме киевской культуры, понесшей тяжелейшие потери («Не умножился скучный запас книг, спасенных в киевском разоренье»⁶¹), и стойкости языческой традиции на Руси (Федотов писал: «Мы лучше всех культурных народов сохранили природные дохристианские основы народной души»⁶²). Современный исследователь Н. И. Толстой подчеркивал неравноправное взаимообогащение культур — при доминирующем положении новых христианских культурных ценностей и при известной редукции ценностей старого язычества. «Греко-византийское христианство, — писал он, — потеснило язычество на периферию»⁶³ и — добавим — в глубину сознания и подсознания.

Он подчеркивает, что летописцы рассматривали иго как справедливое земное «наказание за грехи»⁶⁴, с одной стороны, и что, с другой, пашество Батыя прервало более чем на полвека «преемство иноческой святости»⁶⁵.

Обычно в нашей историографии говорится о том, что значимость страны в те далекие времена, как и теперь, определялась в системе трех координат — площадь, население, экономика. Федотов, сконцентрировавшись на духовных процессах, упомянул лишь влияние ига на изменение территории и характер государственной власти.

Хотя в результате нашествия и ига площадь империи Рюриковичей резко уменьшилась за счет перехода ряда территорий в состав иных государственных образований, прежде всего Княжества Литовского и Жемайтского, которое после включения таких земель, как Полоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская и др., получило право именоваться Великим и Русским, судьба Украины оказалась тесно связанной с Польшей. «Что касается Украины, то для нее роковым является соседство Польши, с которой ее связывают вековые исторические цепи»⁶⁶. Он подчеркивал, что «национальная политика старой России, тяжкая для западных, культурных окраин» усугубляла ситуацию и Украины⁶⁷.

Русь же (Северо-Восточная, «Москва») получила второй (после христианизации) «дар — пространство». В этих условиях центр Руси передвинулся на северо-запад и северо-восток. В городах северо-запада — Новгороде и Пскове, не испытавших тягостей ига в той мере, как другие города Руси, несмотря на менее благоприятные природные условия, возрождались ремесла. Кроме того, они были самозабвенно погружены в удачную и прибыльную для них торговлю: в обмен на меха и воск они обеспечивали не только себя, но и всю северо-восточную Русь сукнами, солью, благородными и цветными металлами.

«И еще дальше отодвинулся культурный мир, священная земля Греции и Рима с погребенными в ней кладами. А удачливый и талантливый Запад, овладевший их наследством, повернулся к Руси железной угрозой меченосцев да ливонцев, заставив ее обратиться к Востоку»⁶⁸. «Начинается еще не законченная история бродячей Руси, сдержанной от располнзания тяжелой рукой Москвы»⁶⁹. Закладывается «национальная традиция — ...противостояние исламу, ...противление Чингисхану»⁷⁰.

Окрепла государственная власть, унаследовавшая от захватчиков «капитал восточной покорности» народа⁷¹. Говоря о той философии истории, для которой «история есть всегда поступательное движение», невзирая на факты «попятных движений, ни даже гибели государств, народов, культур», Федотов приводил пример: «Монгольское иго помогло России создать свою государственность»⁷². Это действительно произошло на северо-востоке Европы, где находилось новое крошечное Московское княжество, защищенное лесами и болотами. Изживание последствий ига, по Федотову, заметно уже во второй четверти XIV в., когда возобновилось иноческое движение (фактические размеры которого проанализировал И. У. Будовниц⁷³). Новый подъем религиозности Г. П. Федотов связывает с Сергием Радонежским, деятельности которого присуща «совершенная мерность, гармония деятельной и созерцательной жизни»⁷⁴. Задолго до историков и искусствоведов — советского и постсоветского времени Г. П. Федотов установил связь Сергия Радонежского с исихазмом и учением Григория Синаита о фаворском свете и божественных энергиях⁷⁵. Влияние византийского искусства палеологовского времени на творчество Андрея Рублева ныне убедительно доказано⁷⁶.

Христианство в годину испытаний приобрело другой характер. Ликующая радость и гордость неофита христианина первых веков обращения в эту веру сменилась верой в любовь и сострадание Христа, снизошедшего до слабостей человеческого рода и готового открыть ему врата рая, и смирением перед волей Бога, тем более что монгольское нашествие

рассматривалось как кара за грехи. Смиление, покорность и христианское терпение стали лейтмотивом русской иконописи — русской средневековой философии в образах. Образ Грозного Бога Вседержителя (Спас Ярое око), восходивший к византийскому представлению о Боге, грозившем суровыми карами, сменился образом Бога сострадания, сочувствия, всеведения человеческих грехов (Спас Звенигородский и Троица Андрея Рублева).

Однако в Московской державе — Московском царстве вскоре — в XVI—XVII вв. «гибнут остатки мирского самоуправления. Грубоет и тяжелеет быт, словно действительно пропитавшись татарской степной стихией»⁷⁷. В XVI в. Русь «предпочла путь святости пути культуры»⁷⁸. В начале XVI в. Г. П. Федотов обнаруживает первые признаки духовного кризиса общества. Вместо «умной молитвы» Нила Сорского утверждается формальное «келейное правило» Иосифа Волоцкого, вполне удовлетворенного тем направлением, которое приняло развитие «Московской державы» при Василии III, когда первенствующее место заняли «национально-государственные задачи», восторжествовавшие над религиозными. В это время «она (Россия. — А. Х.) горделиво утверждала себя как святую, как единственно христианскую землю. Но живая святость ее покинула»⁷⁹. Тот же феномен характерен и для эпохи Грозного: «1547 год в духовной жизни России разделяет две эпохи: святую Русь от православного царства... Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью (опричнина задумана как монашеский орден), то и вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью»⁸⁰.

А что же в это время происходило на Украине? «Киев, — писал Г. П. Федотов, — с чрезвычайной легкостью срывался со старых насиженных мест с каждым переломом своей истории. Русский княжеский город на старейшем холме (Кия?)⁸¹, украинский подол с польской крепостью (разрушенной) на Киселевке... На Подоле обступает рой почтенных воспоминаний: магистрат с магдебургскими вольностями, Академия Петра Могилы — бурсаки со своими виршами, латынью и сомнительной философией... мы в польской провинции... Стойко борются с ополячением, но не могут спастись от полонизмов: в архитектуре, в языке, в богословии. Весь излом современного⁸² украинского возрождения уже дан в этом возрождении XVII века: Малороссия осознает себя как мятежная Украина, окраина Польши»⁸³.

Таким образом, традиция русской святости не прервалась. В 1931 г. Федотов писал: «Всякий взгляд в историю приводит нас в Великороссию, на ее север, где и поныне белеют стены великих монастырей, хранящих дивной красоты росписи, богословское “умозрение в красках”, где в лесной глухии сохраняются и старинная утварь, и старинные поверья, и даже былинная поэзия. Старинные города (Углич, Вологда), древние монастыри (Кириллов, Ферапонтов) должны стать национальными (именно национальными. — А.Х.) музеями, центрами научно-художественных экскурсий для всей России. Работа изучения святой древности, ведущаяся и в большевистской России, должна продолжаться с неослабевающей ревностью. Пусть Русский Север станет “страной святых чудес”, священной землей, подобно Древней Греции или Средневековой Италии, зовущей пилигримов со всех концов мира». Весь Русский север Федотов рассматривал, как музей на священной земле, «почти каждая волость которой хранит память ... о воине Сергиевой (святого Сергия Радонежского) рати, молитвами державшей и спасавшей страдальческую Русь».

Однако гармоничное развитие русской культуры продолжалось недолго, лишь на протяжении «величайшего столетия русской святости (XV в.)». В середине XVI в. Андрей Курбский и митрополит Филипп — эмигрант и святой — одни спасают достоинство России в век Ивана Грозного. Нравственный смысл измены — хотя и трагический — заключается в том, что родина не является высшей святыней, что она должна подчиниться правде, то есть Богу». Христиане имеют обязанность участвовать в справедливой войне. «Отсюда... шаг ...до обязанности борьбы против несправедливого, беззаконного и тиранического отечества»⁸⁴.

Однако до этого дело не дошло. Сознание собственной неполноценности, возникшее в период ига и сохраняющееся в русских людях вплоть до XXI в., создавало особый национальный менталитет с ущемленным самолюбием. А «национальное самолюбие, — замечает Федотов, — значит порою больше национальных интересов»⁸⁵. Самая формулировка религиозно-национальной идеи, чуждая древней и греческой церкви», данная «бедным старцем Филофеем, который ...отправил русское религиозное сознание хмелем национальной гордыни», легла «тяжким бременем на русскую церковь... в Москве XVI—XVII столетий, приведя к отрыву от вселенской церкви»⁸⁶, с одной стороны, и к «окостенению всего стиля жизни»⁸⁷, с другой. Теория «Москва—Третий Рим», сформулированная Филофеем, подменяла идею русской церкви («святой Руси») идеей православного царства⁸⁸, в котором подлинную религиозную веру заменило обрядовое исповедничество, религия священной материи — икон, мощей

и т. д.⁸⁹. Федотов же, повторим еще раз, утверждал, что «единственный смысл существования нации — в ее творчестве, в открытой ею истине, в созданной красоте, в осуществляемой или прозреваемой ею правде»⁹⁰.

Памятуя об общих древних корнях культуры, с одной стороны, и лелея, с другой, надежду на сохранение России, как союза народов (и не только славянских), Федотов подчеркивает необходимость «признать... своими не только киевские летописи и мозаики украинских церквей, но и украинское барокко, столь привившееся в Москве, и киевскую академию, воспитавшую русскую церковь, и Шевченко за то, что у него есть общего с Гоголем, и украинскую песню, младшую сестру песни великорусской... Отдавая свои творческие силы Великороссии, мы должны уделять и Малой (Древней нашей) России частицу сердца и понимания ее особого культурно-исторического пути». Если «русская идея на севере требует некоторого сужения, краеведческого, областнического углубления, на юге — расширения, выхода за границу привычных нам великорусских форм... Пусть разъединяет язык, разъединяет память и имя Москвы, — соединяют киевские святыни и монастыри Северной Руси... мы должны соединяться в религиозном возрождении»⁹¹.

Итак, в отличие от русских шовинистов (прошлого и наших современников) Федотов требовал признания достижений украинской культуры вкладом в общерусскую сокровищницу⁹², настаивал на упорном внедрении этой мысли в сознание рядовых жителей страны и видел в этом одну из главных задач великорусской интеллигенции. Он хотел, чтобы «каждый маленький народ, то есть его интеллигенция, не только не чувствовал унижения от соприкосновения с национальным сознанием русских (великоросса), но и находил у него помощь и содействие своему национально-культурному делу»⁹³.

Однако осуществление этой идеи при жизни Федотова было невозможно. «Глубокий имморализм советской системы — во лжи и предательстве, которые стали нормой, будничным фактом». Система способствовала складыванию нового типа личности — «советско-американского человека». В своих многочисленных публицистических выступлениях философ исследует главную для себя проблему — взаимоотношение человека и культуры. Последнюю, как высшее достижение духа, обретенного человеком в вере, он считает главным содержанием мировой истории, творимой людьми. Человек — созидатель или разрушитель культуры — вот основной критерий подхода Федотова ко всякой эпохе мировой истории, в том числе и советской. Он подчеркивает, что революция вывела огромную энергию народных масс, но преимущественно

разрушительную, изменила его душевный облик, «злость» сменила прежние — «душевность», «жалостливость», «сочувствие» и «смирение». Одновременно с радостью отмечает, что «народ, теперь почти уже грамотный, жадно тянется к просвещению». Позиция Г. П. Федотова коренным образом отличалась от точки зрения В. И. Ленина, который в 1921 г. заявил портретировавшему его художнику Ю. П. Анненкову, по словам последнего, следующее: «Вообще к интелигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю. Наш лозунг ликвидации неграмотности отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интелигенции. «Ликвидировать неграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, возвзвания. Цель — вполне практическая. Только и всего»⁹⁴.

Рассматривая дальнейшие перспективы России, населенной подобными людьми, после крушения советского строя, в 1929 г., еще до коллективизации и ее последствий во всем СССР, а в Украине названных «голодомором», Федотов с горечью отмечал: «из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших братьев — малороссов, или украинцев»⁹⁵. И, тем не менее, он не терял надежду и возлагал ее сперва на государство, которое, как он отчетливо понимал и ранее, «не призвано к высшему руководству в творчестве национальной культуры, создающей новое, еще не бывалое, еще не распененное» ставя перед ним задачу «сохранения высших духовных ценностей» в контексте «великодержавного призыва России, имеющего, как свое единственное оправдание, как и всякое великодержавие, во вселенском значении русской культуры», гибель которой он трагически переживал. В 1930-е гг. он, как религиозный философ, искал эту надежду в возрождении России то с помощью православия, то с помощью молодого поколения русской эмиграции, которое вернет на родину лучшие традиции дореволюционной культуры и морали, сумеет справиться с советским «наследием цинизма и лжи»⁹⁶, то с помощью деятелей культуры, по преимуществу периферийных, самой советской России. Однако рассмотрев все варианты ответов на вопрос о том, кто может возглавить духовное возрождение новой России после краха советской системы, Федотов отказался от надежды на церковь, хотя еще в 1936 г. ошибочно полагал, что «христианство в России снова стало той героической верой, какой оно было в Римской империи, в младенческие годы Церкви». Практика современности показала, что на «центральный вопрос духовного воскресения России... — найдут ли утоление новые смутные запро-

сы молодой России в вечном источнике, питавшем доныне духовную жизнь народа», следует пока ответить отрицательно. В конце жизни и сам Г. П. Федотов четко понимал, что культурно-религиозные проблемы стали для церкви периферийными. Он предупреждал: «Мы стоим перед фактом духовно искалеченного народа.. Исторические сроки России отмерены строго и скрупульно... Предоставленная самой себе Россия — “новая Америка” может обернуться новым Пошехоньем, раскинувшимся на 1/6 часть света с островками богемной культуры», а не испытав духовного возрождения — «лечь под вспашку другой культуры». Эти опасения, высказанные более чем за полвека от наших дней, особенно актуально звучат сегодня. И мы должны жить по завету Федотова — сообща содействовать духовному возрождению и России, и Украины, признавая завершенным тот процесс, который развертывался на глазах у патриота Руси — Г. П. Федотова — уже не «зарождение», но формирование «нового украинского сознания, в сущности новой нации». «Россия должна — (и в современных условиях. — А. Х.), — дать образец, форму мирного сотрудничества народов, не под гнетом» (даже экономическим. — А. Х.)⁹⁷. Но — увы — до этого далеко⁹⁸... Почти так же, как и при Георгии Петровиче Федотове и ушедшем в небытие строе...

П р и м е ч а н и я

¹Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ.ст., прим. В.Ф. Бойкова. СПб., 1991 (далее — СГР). Т. 2. С. 253.

²Лакер У. Надгробная речь над почившей в бозе советологии // Новое время. 1992. № 32. С. 18.

³Хоменко И. А. Самый умный и самый тонкий русский мыслитель XX в. // США—Канада. 2002. № 8. С. 54—78.

⁴Зайцева Н. В. Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара, 2001.

⁵Федотов Г. П. Неизданное письмо И. М. Грэвсу/ Публ. и комм. Д. Бон // Вестник русского христианского движения. [Париж], 1998. С. 236—244.

⁶«Ради правды не пожалею ни русской, ни зарубежной церкви» / Авт. вст. ст . С. С. Бычков / // Исторический архив. 2003. № 1. С. 73—86.

⁷Федотов Г. П. Зачем мы здесь? // Современные записки. 1925. № 39. С. 444.

⁸Федотов Г. П. Абеляр. Пг., 1924.

⁹К 1985 г. этот труд выдержал во Франции три издания, а после 1989 г. в России — четыре.

¹⁰ Это уже было отмечено на сайте — «Библиотека русской философии и культуры Дом А. Ф. Лосева». Автор признал, что Федотов использовал принципы исторического исследования духовных процессов, во многом опиравшиеся на поиски представителей французского католического модернизма (Бремонд, Ле Руа, Бергсон) и в какой-то мере упредил проблематику «новой исторической науки» (школы «Анналов»). Благодарю В. К. Шахbazову, познакомившую меня с цитированным выше материалом.

¹¹ Эсхатология и культура // Новый град: Сб. ст. Нью-Йорк, 1952. С. 330.

¹² Федотов Г. П. Революция идет // Федотов Г. П. СГР. СПб., 1991. Т. 1. С. 155.

¹³ Ключевский В. О. Жития древнерусских святых как исторический источник. М., 1871.

¹⁴ Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых // Русский филологический вестник. СПб., 1902.

¹⁵ Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 310.

¹⁶ Федотов Г. П. Россия Ключевского (1932) // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 342—343.

¹⁷ Там же. С. 345.

¹⁸ Еще в работе 1926 г. Федотов сетовал также на то, что «новая русская литература прошла совершенно мимо Киева. Ничего, кроме “Печерских антиков” да слабого стихотворения Хомякова» (Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 61).

¹⁹ Там же. С. 347. Об этом же Федотов писал уже в 1926 г.: «Мы сами отдали Грушевскому и подготовили самостийников» (Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 61; Он же. Революция идет // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 130).

²⁰ Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 348. В заслугу славянофилам Федотов ставил поддержание ими национального сознания и традиции, сохранение духа «Святой Руси» (Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 69).

²¹ Бойков В. Ф. Судьба и грехи России: философско-историческая публистика Г. П. Федотова // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 27.

²² Так автор пока оставляет в стороне проблемы связи философии Федотова с предшественниками, в частности, В. С. Соловьевым (Сербиненко В. В. Спор об антихристе: Вл. Соловьев и Г. Федотов // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990. С. 29—40).

²³ Невозможно удержаться от цитирования филолога А. Г. Грека, видевшего заслугу Г. П. Федотова в том, что он «первым в наше время сказал о Киеве — в духе семиотики, но на языке, сохраняющем красоту художественной мысли, изящество слога и проникнутом живым личным переживанием» (Грек А. Г. Семантика текста Киева в русской культуре (на материале статьи Г. П. Федотова «Три столицы» // Язык и культура. Вторая международная научная конференция. Доклады. Киев, 1993. С. 107)).

²⁴ Лишь в 1918 г. в эйфории от слома государственной машины он надеялся на возможность «одухотворить косное тело (государство Российское. — А. Х.) свободой, культурой, справедливостью» (*Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 46.)

²⁵ *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 367 — 368.

²⁶ Там же. С. 295.

²⁷ Там же. С. 367 — 368. Трактовка нации достойна особого рассмотрения.

²⁸ Наряду с этим с восточной стороны границы между этими государствами стал утверждаться термин «русь» по отношению к будущим «великоруссам».

²⁹ Грек А. Г. Указ. соч. С. 106—112.

³⁰ Там же. С. 108.

³¹ *Федотов Г. П.* Лицо России // *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 45.

³² Впрочем, в период подъема российского великодержавия конца XVIII—XIX вв. с этим термином успешно конкурировал внедряемый официально термин «Малороссия», скрывавший, что интуитивно заметил Г.П. Федотов, национальную суть.

³³ Подробнее см.: *Хорошевич А. Л.* В лабиринте политико-этно-географических наименований Восточной Европы середины XVII в. // В печати.

³⁴ Ср.: *Киселев А.* «У всякого народа есть родина, но только у нас Россия» (Георгий Федотов) // Высшее образование в России. 2003. № 4. С. 139—151.

³⁵ Лишь изредка он придавал первому из этих терминов культурно-географический смысл («Москва для нас имя, покрывшее всю Северную Русь», которую он приравнивал к Фиваиде. *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? // *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 75).

³⁶ Этую особенность отметил и А. Г. Грек (*Грек А. Г.* Указ. соч. С. 108).

³⁷ *Федотов Г. П.* СГР. Т. 2. С. 244.

³⁸ *Федотов Г. П.* Революция идет // *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 143. Ср.: *Бойков В. Ф.* Указ. соч. С. 34.

³⁹ Как ни странно, православные паломники-великороссы нашего времени продолжают эту традицию.

⁴⁰ Об этом же он писал и в монографии «Святые Древней Руси»: «Шла от верхних общественных слоев в низы, и не крестьянство (как в XIX в.) являлось преимущественным носителем идеалов “Святой Руси”. Русские святые — не русский народ, к которому они принадлежат» (*Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. Paris, 1985. С. 233).

⁴¹ *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 73. В этом процессе было много общего с другими европейскими странами (вплоть до того, что «Киевская Русь создала свое собственное княжеское рыцарство» (*Федотов Г. П.* Революция идет // *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. С. 133)).

⁴² Правда, тот факт, что с переводом Библии Русь ознакомилась при посредничестве южных славян, несколько затормозил формирование собственной философской школы (Федотов писал о «немоте» Руси: *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // *Федотов Г. П.* СГР. Т. 1. 76).

⁴³ Данилевский И. Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 41—49, 90—110, 248, 253—256; Молдован А. М. “Слово о законе и благодати” Илариона. Киев, 1984.

⁴⁴ Результаты археологических исследований оказались уже недоступны философу, первая берестяная грамота была найдена в Новгороде за месяц с небольшим до смерти Г. П. Федотова.

⁴⁵ Грек А. Г. Указ. соч. С. 107.

⁴⁶ Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 61.

⁴⁷ Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 65.

⁴⁸ Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 61—62.

⁴⁹ Грек А. Г. Указ. соч. С. 109.

⁵⁰ Ср.: Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 100—101.

⁵¹ Легенда об Андрее Первозванном и его путешествии по пути «из варяг в греки», но в обратном направлении, содержится и в древнейших русских летописях (Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской) и в более поздних московских (Софийской I, своде 1479 г. и основанных на нем — Типографской, сокращенных сводах конца XV в., Львовской и Воскресенской (*Клосс Б. М. Комментарий 237 // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 308; Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. М., 1974.*).

⁵² Что недавно блистательно доказала О. С. Попова (*Попова О. С. Проблемы византийского искусства: мозаики, фрески, иконы. М., 2006*).

⁵³ Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 64.

⁵⁴ Там же. С. 63.

⁵⁵ Галахтин М. Особенности русской святости в культурологии Г. П. Федотова // Философия России XIX—начала XX вв.: преемственность идей и поиски самобытности. М., 1991. С. 79—91.

⁵⁶ Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 61. Ср.: Грек А. Г. Указ. соч. С. 106—112.

⁵⁷ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 2005. С. 443.

⁵⁸ Федотов Г. П. О национальном покаянии (933) // Федотов Г. П. СГР. Т. II. С. 47.

⁵⁹ Федотов Г. П. К вопросу о положении русской церкви (1930) // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 189.

⁶⁰ Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

⁶¹ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 76—77.

⁶² Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 181.

⁶³ Толстой Н. И. Язычество и христианство Древней Руси // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. II. М., 1998. С. 424.

⁶⁴ В данном случае современная археология может уточнить представления

ученого. О масштабах бедствия свидетельствуют толщи угля на месте древнерусских городов (Изяславля, Торжка), и гибель части из них, и прекращение каменного строительства, равно как исчезновение высокотехнологичных ремесел.

⁶⁵Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 306.

⁶⁶Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 177.

⁶⁷Там же.

⁶⁸Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 76—77.

⁶⁹Там же. С. 77.

⁷⁰Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 173.

⁷¹Недаром он писал: «Сталин «является преемником царей московских и императоров всероссийских с их капиталом восточной покорности 150 миллионов [человек]» (Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 229).

⁷²Федотов Г. П. Правда побежденных (1933) // Федотов Г. П. СГР. Т. II. С. 21.

⁷³Будовниц И. У. Монастыри на Руси XIV—XV вв. М., 1969.

⁷⁴Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 307.

⁷⁵Там же. С. 308.

⁷⁶Смирнова Э. С. Московская икона XIV—XVII вв. Л., 1988; Попова О. С. Русские иконы эпохи святого Сергия Радонежского и его учеников: православная духовность XIV века и ее русский вариант // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 27—39; Осташенко Е. Я. Андрей Рублев. Палеологовские традиции в московской живописи конца XIV — первой трети XV века. М., 2005.

⁷⁷Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 77.

⁷⁸Федотов Г. П. Святые древней Руси. Париж, 1985. С. 231, 189.

⁷⁹Там же. С. 190.

⁸⁰Там же. С. 189.

⁸¹А. Г. Грек и в этимологии наименования города видит скрытый смысл, принимая версию В. Н. Топорова о связи имени Кия с индоевропейским *кыj-, божественным кузнецом, соратником громовержца в борьбе со змеем и приводит инвариантное с архаичным смыслом украинское предание о происхождении Днепра, связанного с божиим ковалем, победившим змея (Грек А. Г. Указ. соч. С. 109; Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 1. Кий).

⁸²Не только Федотову, но и нам — в начале XXI столетия.

⁸³Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 61.

⁸⁴Федотов Г. П. СГР. Т. 2. С. 122; Хорошкевич А. Л. В поисках истоков будущего // Знание—сила. 2007. № 10. С. 114.

⁸⁵Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 253.

⁸⁶Там же. С. 48.

⁸⁷ Там же. С. 62.

⁸⁸ Там же. Т. 2. С. 48. См. подробнее: Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 129.

⁸⁹ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции (1926) // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 77, 285.

⁹⁰ Федотов Г. П. Создание элиты // Федотов Г. П. СГР. Т. 2. С. 216.

⁹¹ Федотов Г. П. Проблемы будущей России [Первая статья] (1931 г.) // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 252—253.

⁹² В связи с этим Федотов адресовал В. О. Ключевскому упрек в том, что тот полностью игнорировал историю Украины и Белоруссии и отрицал преемственность домонгольской и послемонгольской Руси (Федотов Г. П. Россия Ключевского (1932) // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 344—345, 347).

⁹³ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 182.

⁹⁴ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий / Под ред. Р. Герра. М., 2005. С. 609.

⁹⁵ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 177.

⁹⁶ Федотов Г. П. На поле Куликовом (1927 г.) // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 114.

⁹⁷ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г. П. СГР. Т. 1. С. 180, 181.

⁹⁸ Член Совета фракций Законодательного собрания Санкт-Петербурга от «Единой России» г—н Анденко на заседании этого органа 24 апреля 2006 г. повторил свою гениальную идею: «А я давно говорил: хохлов бить надо!» («Они нас целовать начнут во все места [Расшифровка аудиозаписи заседания] / Подг. Б. Вишневский // Новая газета. № 42 (1164). 2006, 5—7 июня. С. 9). Осталось неясным, предлагает ли он начать с себя самого или других своих соплеменников. Автору неизвестно также, какова в связи этим предложением дальнейшая судьба г—на (или т.?) Анденко.

Ю. Гладысь

Образ украинца и русского в выбранных текстах польской литературы о «кресах» (20-е годы XX – начало XXI в.)

«Кресы» — неотъемлемая составляющая польской истории, культуры и, конечно, литературы. Сам термин означает бывшие восточные земли Речи Посполитой, окончательно потерянные Польшей после Второй мировой войны. Со временем понятие «кресов» утратило свое географико-политическое значение и превратилось в некое ментальное явление, в «подвижную аксиологическую категорию с собственными значениями, легко поддающимся мифологизации и стереотипизации»¹. «Кресы» являются предметом изучения разных гуманитарных наук — литературоведения, истории, социологии, религиоведения². Их объединяет выделение в качестве самых типичных черт «кресов» многокультурность и многоэтничность этого региона, что было обусловлено geopolитическими причинами. Восточные территории Речи Посполитой представляли собой конгломерат народов и культур, поэтому одним из постоянных и наиболее стойких атрибутов литературы о «кресах» является в ней образ Чужого: украинца, а затем (наряду с евреем) русского. Несмотря на устойчивость и существование определенного стандартного набора черт, сформированных польской культурой и литературой еще в 20-е гг. XIX в., укрепленных в польской ментальности и общественном сознании, зачастую отражающих стереотипное мышление, этот образ на протяжении XX в. подвергался изменениям и преобразованиям. На характере этих перемен я хочу остановиться в данной статье.

В качестве исследовательского материала были выбраны прозаические произведения разных периодов, написанные представителями трех литературных поколений. Это: книга воспоминаний Зофьи Коссак-Щуцкой «Пожарище» (1922 г.)³, роман Владзимежа Одоевского «Остров спасения» (1964 г.)⁴ и вторая часть романа Ольги Токарчук «Последние истории» (2004 г.)⁵ под названием «Парка». Каждая из названных книг касается особенно бурных периодов в истории «кресов». Действие «Пожарища» происходит во время Октябрьской революции и гражданской

войны на территории бывшей царской империи, «Острова спасения» — в годы Второй мировой войны и — в ее рамках — польско-украинской конфронтации, а «Парка» полна воспоминаний о переселенческой акции сразу после окончания войны. На фоне трагических событий с особенной силой выявляются все проблемы и противоречия, а образ Чужого — в нашем случае украинца и русского — становится особенно ярким и отчетливым.

Понятие «украинец» в современном значении слова не совпадает с семантикой этой лексемы у Коссак-Щуцкой. По отношению к коренным жителям украинских земель писательница использует несколько определений, не пытаясь их ни объяснить, ни систематизировать: «руський народ», «русинский народ», «местный народ», «наш народ», «руsin», «Казак», «украинец». Первая группа терминов (кроме «Казака» и «украинца») относится к крестьянам из деревень, расположенных по соседству с польскими имениями. Они неизменно изображены в виде коллективного героя с устойчивыми чертами внешнего, физически-телесного характера и некими инстинктами — как положительными, так и отрицательными. Мы видим этих героев, с одной стороны, как народ «рослый» и «крепкий», «ленивый и сонный», «поющий самые красивые песни в мире», а с другой — наделенный внутренним негативным разрушающим потенциалом, обузданным исключительно благодаря дворянству, чье превосходство они охотно признают⁶. Русинов отличает также их язык, который для Коссак-Щуцкой, как, впрочем, и для других авторов текстов 20—30-х гг. XX в., является говором или наречием. Чаще всего он определен как «звонкий», «красивый», «мелодичный»⁷. Автор охотно помещает в тексте высказывания «местного народа», демонстрируя, таким образом, не только свое практическое владение этим языком, но также то, язык русинов ей близок и в определенном смысле для нее он «свой». Вместе с тем, цитируя высказывания русинов, писательница чаще всего прибегает к стилизации, что оборачивается убогой лексикой, упрощенными синтаксическими конструкциями (доминируют простые предложения или конструкции без глаголов), появляются деформированные полонизмы. Например:

*Не будэ добра с тохо, пани!.. Бэз царя — ани порядку, ани толку. Ктуж будэ холовою в Хосударстве?*⁸

Примитивизм языка отражает характер мышления и рассуждений самих русинов. В свою очередь, эта простота и наивность делает их подат-

ливыми для любой агитации, например большевистской или националистической. Тогда «местный народ» обращается против «панов» и разрушает (но не по своей вине, а именно как жертва собственной простоты) существующий до сих пор порядок. В этом случае в художественном пространстве «Пожарища» народ совершенно меняет свой облик: он становится «грязью», «сбродом», «толпой»⁹. Коссак-Щуцкая часто прибегает также к семантике животных (хищников и стервятников) или — реже — предметов: «бараны шапки», «чувствующие стервятину волки», «стая воронов»). Народ как бы превращается в анти-народ.

Русинский народ лишен национальности. В этом он далеко отстает от Европы. Единственное присущее ему чувство общности — это «самосознание принадлежности к собственному двору»¹⁰.

При всей чуждости мира русинов польскому миру рассказчик «Пожарища» подчеркивает, что они очень близки «кресовым» дворянам. Эта близость заключается в понимании поляками не только языка крестьян, но также их психологии и ощущения общей принадлежности к одной земле. Она остается на эмоционально-интуитивном уровне и вполне вписывается в исконный и правильный порядок мира, опирающийся на патриархальную модель пан-отец — народ-дитя. Поэтому образ русинов в произведении Коссак-Щуцкой не может быть другим. Если даже они перевоплощаются в собственное противопоставление и разрушают древнее, установленное Богом и закодированное в польском историческом сознании устройство мира, это происходит не по их вине, а вследствие того, что русины оказываются жертвами собственной простоты и чужих, ложных искушений, нередко вызывающих ассоциацию со сферой дьявольского, адского.

Другая группа коренных жителей украинских земель в анализируемом тексте — Казаки. Этот обросший очень богатой литературой и семантическим полем культурных ассоциаций термин у Коссак-Щуцкой означает, с одной стороны, отдельную «расу», которая стоит на вершине «русской нации», является ее «элитой» и когда-нибудь спасет ее от гибели¹¹, с другой — национальность. О последнем свидетельствуют не только прямые высказывания повествователя, но также сам способ написания этого слова — с заглавной буквы в соответствии с принятым в польской орфографии правилом в отношении названий национальности¹². Вот почему, хотя они являются чужими для польских литературных героев, но парадоксальным образом становятся более близки им, чем русины, и именно поэтому показаны в несколько иной плоскости. Дело в том, что

Казаки обладают некоторыми качествами общественного порядка и мира ценностей, которые присущи полякам. На первом плане здесь достоинство, честь и — любовь к лошадям, к которым у поляков, проживающих на «кресах», издавна было особое отношение. Итак, Казаки тоже показаны в качестве коллективного героя, но среди них выделяются конкретные персонажи. В отличие от бесформенной массы крестьянства им свойственны организация и порядок, так как в глазах рассказчика «Пожарища» они предстают как военное формирование. Казаки наделены также внутренним, психическим миром (правда, не очень сложным), чертами нравственного характера, а также эстетическими качествами. Они «солидарные» и «в своем понимании честные» (никогда не воруют у того, у кого служат), в бою используют хитрые, но эффективные тактические методы, обладают личной культурой и умением вести себя в обществе. Казаки Коссак-Щуцкой — персонажи «красивые и дородные», у них «прекрасные и хорошо ухоженные лошади»¹³. При этом их казачья природа двойственная¹⁴: грубая и жестокая (внешняя) — и эту поляки отвергают, как чужую, но в то же время добрая и благородная (внутренняя, настоящая). Она близка польскому пониманию и одобрена автором «Пожарища». Есть еще один фактор, сближающий казаков и поляков, — Россия. Казаки служат России, которая заставляет их действовать вопреки их собственным этическим принципам и к тому же целенаправленно позорит в глазах поляков, упрекая в несовершенных ими преступлениях. Это означает, что для поляков Казаки становятся такими же жертвами Российской империи, как и они сами. Чувство — хотя и слабое — общественной и этической близости с Казаками Коссак-Щуцкая выражает также с помощью лексико-грамматических средств языка. Приводя довольно обширные высказывания их руководителей, она не прибегает к стилизации, ведущей к искажению речи Казаков, напротив — цитирует эту речь по-польски. Результатом является использование более богатой лексики, распространенных и правильно оформленных с грамматической точки зрения синтаксических конструкций, что, в свою очередь, превращает Казаков в полноправных партнеров в диалоге с поляками.

Следующая группа героев в романе Коссак-Щуцкой — украинцы. Здесь речь идет о двух разных по составу и непропорциональных группах. Первая — отдаленно-абстрактная, известная лишь по газетам и объявлениям. Это создатели украинского государства — «несколько учителей» и «несколько карьеристов»¹⁵, которые воплощают в жизнь свои идеи исключительно благодаря поддержке немцев. Вторая состоит из тех украин-

цев, кто поддался агитации немногочисленных интеллектуалов, то есть из русинов-крестьян или солдат русской армии. Рассказчик и главная героиня Коссак-Щуцкой сталкивается с ними уже непосредственно в военных условиях, когда они вселяются в ее дом и отбирают землю. В характеристике этих персонажей используется прием смыслового передвижения: перенос значения слова из области неодушевленных предметов в категорию названий живых существ — человека («серая масса», «лишенные каких-либо признаков серые шинели»)¹⁶. При этом семантика данных слов оказывается вовлеченной в русло смыслового поля, образованного вокруг понятия «большевик». Последний занимает самую низкую ступень в художественной и ценностной иерархии Коссак-Щуцкой. Итак, украинец — разрушающая сила, превращающая изначальный порядок мироздания в хаос. Он не только нарушает «естественную» иерархию пан—народ, но также национальные категории. Дело в том, что Украина, как только что возникшее государство, является в восприятии Коссак-Щуцкой неким искусственным, призрачным образованием, сформированным в результате идеологических и политических расчетов и тем самым в своей основе враждебным Польше. Аналогичным образом писательница воспринимает граждан этого государства, то есть украинцев. Провозглашая собственную националистическую великодержавную идеологию, они вносят в действительность «кресов» грозное novum — переносят конфронтацию между помещиками и крестьянами из социальной области в область национальных интересов. Вместе с возникновением украинца рождается ненависть к полякам — именно как нации, а не «панам»¹⁷. В литературном мире Коссак-Щуцкой украинец является некоторым промежуточным звеном между гармонично устроенным польским миром и анти-порядком, который несут с собой большевики¹⁸.

Но есть фактор, препятствующий украинцам стать действительными разрушителями польского мира и врагами поляков, — они вызывают смех. В их характеристике употребляется ирония и насмешка. Ее предметом может стать все: например, поведение, одежда или язык, которого украинец Коссак-Щуцкой (в отличие от русина и Казака) лишен и который только еще искусственно формируется из гуцульского говора, польских и немецких заимствований и неологизмов для выражения абстрактных понятий¹⁹. Таким образом, подчеркивается несамостоятельность украинцев как таковых, их принадлежность к другому государственному, политическому и культурному организму, а также их контраст и чуждость

русинам, которые не понимают нового языка. Насмешка и ироническая дистанция вытесняют украинских героев Коссак-Щуцкой за рамки привычного существования и вообще лишают их атрибутов *героя*.

В отличие от неоднозначной трактовки украинца русский наделен определенно негативными чертами. Это, прежде всего, представитель государства, Империи, инструмент власти. Как таковой он подвержен стереотипизации, в результате которой предстает исконным врагом «польской» во всех ее проявлениях (например, русские запрещают обучать католической религии и польскому языку бывшую мелкую шляхту польского происхождения). Русские лишены присущей полякам «барственности», поэтому в среде русинов они не смогли добиться их уважения и послушания, что естественным образом получалось у поляков. Кроме того, русских отличает лицемерие и хитрость (о чем свидетельствует хотя бы факт использования ими казаков). Наконец, русские признаны «расой, испорченной неизлечимым нигилизмом, обреченной на гибель»²⁰, то есть автор рассматривает их в категориях декадентства и морально-го разврата. Примечательно, что Коссак-Щуцкая не отождествляет русских с большевиками, которые являются самостоятельной группой героев ее книги.

Беллетристизированные воспоминания З. Коссак-Щуцкой полностью отражают тип ментальности, присущий полякам, живущим на «кресах» в первые десятилетия XX в., когда чувство принадлежности этих земель Польше, ее истории и культуре являлось для них естественным и сильным. Сильным еще и потому, что Польше грозила их утрата. Отсюда вытекает, что образ Чужого (в нашем случае коренного жителя украинских земель, а также русского) построен по принципу дихотомии: польское «я» как средоточие высших моральных и культурных ценностей западной цивилизации, хозяин и господин польских восточных окраин — образ Чужого как представителя культуры и нации, находящихся на более низкой ступени развития человечества. При этом польское «я» вступает во враждебные отношения с русским миром (как миром агрессора и угнетателя) и патриархальной снисходительности с украинским миром (как близким и «своим»). Последние из указанных отношений начинают постепенно разрушаться по мере все более смелых проявлений освобождения от прежней зависимости со стороны местного населения, которое тоже переходит на сторону врага. Поскольку переоценка ценностей существовавшего прежде общественного и политического порядка является для автора «Пожарища» непонятной и потому неподлежащей одобрению, она не верит в прочность происходящих перемен. Их серьезность и опас-

ность в возникшей ситуации нивелируется в книге, в частности, с помощью русинско-украинских образов героев с элементами иронии и комизма. При этом Коссак-Щуцкая убеждена, что с течением времени все вновь встанет на свои места.

Казалось бы, в соответствии с ходом времени, а также меняющимся историческим и политическим контекстом, образ украинца и русского в литературе о «кресах» должен также меняться. На первый взгляд, доказательством этого изменения является роман Владзимежа Одоевского «Остров спасения». Термин «украинец» приобретает здесь другое значение: он заменяет понятие «русинский народ». Примечательно, что прилагательное «русинский» используется в тексте по отношению к коренной интеллигенции, противопоставленной крестьянству²¹. Украинский мир «Острова спасения» разделен на две части и, следовательно, два образа — до Второй мировой войны и в период войны. Первый является отражением «невинного», еще неискаженного взгляда, который отождествляется с детским мировосприятием главного героя Петра Черественского, второй — результат наблюдений и размышлений уже взрослого и зрелого человека. Символом первого мира можно считать образ украинской деревни в воспоминаниях Петра. Он создан по принципам эстетики экспрессионизма и натурализма, поэтому в нем преобладают физические, бытовые характеристики, а также элементы антиэстетизма: «моча и дождевая вода, густо-коричневой струей сливающиеся в озеро», лежащий во дворе «навоз выше щиколотки», «страдальческий стон кабанов», «жена солтыса, спящая под грушей, с ногами облепленными слоем земли», «красная, толстая попадья». Кроме того, описаны примитивные санитарные условия («за нуждой надоходить за сарай или в рожь»²²). Но вместе с тем Петр видит «пахучий дым над трубами хат», свет, который просачивается из окон домов, освещенных керосиновыми лампами, ощущает «спокойствие» и «уют». Мир украинцев — мир освоенный, если не «свой». С началом войны появляется новый украинский мир, о котором Петр, пребывающий в то время в центральной Польше, с удивлением узнает из рассказов своих близких и друзей — непосредственных участников событий 1939—1941 гг. на Украине, и который он вскоре увидит сам. Украинцы как коллективный герой приобретают такие черты, как двойственность (с одной стороны, смиренность и лень, с другой — скрытая мятежность, жажда разрушения и крови)²³, ненависть к полякам, к тому же пассивность и податливость влиянию агитации, сначала советской, затем — националистической. Как видим, обобщенный образ украинцев во многих своих чертах схож с образами довоенной прозы, однако

в сравнении с ними он становится более расслоенным. Прямое влияние оказывает на это присутствие рассказчика, который в отличие от повествования Коссак-Щуцкой не является всезнающим, а оперирует только перспективой главного героя, что в свою очередь, порождает более полифоническую нарративную форму романа. Поэтому на одном полюсе у Одоевского стоят герои, считающие украинцев «бандой националистов», тогда как на противоположном — те, кто понимает, что такой, а не иной украинский нрав возник по вине самих поляков.

Из коллективного образа украинцев Одоевского выделяется единичный герой, который одновременно является символическим воплощением их стремлений и страданий. Это — командир националистической банды Семен Гаврилок, сводный брат Петра Черественского, внебрачный сын его отца и украинской крестьянки с вечным клеймом незаконнорожденного, получивший «польское» образование и воспитание в тарнопольском лицее благодаря испытывающим чувство вины Черественским.

Казалось бы, Гаврилюк индивидуализирован автором: у него есть собственная история, имя и фамилия. На самом же деле он «физически» отсутствует на страницах романа, и мы узнаем о нем исключительно по обрывочным воспоминаниям Петра, слухам и рассказам о совершенных им погромах. Его личность и даже внешний вид скрыты за завесой тайны. Вся информация о Гаврилюке дозируется постепенно, небольшими объемами, его личность до конца остается нераскрытой. Читатель узнает о нем следующее: у Гаврилука есть собственная, безгранично преданныя ему банда, с которой он совершает чудовищные преступления. С особой ненавистью и жестокостью он преследует семью Черественских, стремясь уничтожить и разрушить все, что с ней связано. Эта страсть выражается в диких, необузданых проявлениях биологического начала — главным объектом охоты Гаврилюка являются женщины рода и ближайшего окружения Черественских (две из них жестоко изнасилованы и унижены, одна погибает). Поскольку Гаврилок известен только по рассказам и донесениям, мы не знаем, как он выглядит. Повествователь наделяет персонаж лишь несколькими, очень скучными внешними чертами, однако они весьма характерны, поскольку герой приобретает облик хищного зверя. В этом плане показательна сцена первой встречи маленького Петра с Гаврилюком у мельницы, пользующейся дурной славой (здесь будто бы водится нечистая сила). Гаврилюк «возникает» из тени, а потом «исчезает» внутри мельницы. Он показан как «молодой человек», с «гибкими» движениями, напоминающими кошачьи («лесного кота»). Но у него нет лица. Единственная деталь — глаза, но также нечеловеческие. Сказано

лишь то, что они «блестят». В другом месте те же глаза «черны как угли», «блестят живым блеском»²⁴. Вместе с тем Гаврилюк — очень красивый мужчина, который магнетически привлекает женщин. Благодаря таким художественным приемам он представлен в виде мрачного персонажа с чертами демона, даже сатаны. Можно сказать, что автор, подобно Коссак-Щуцкой, продолжает таким образом польскую литературную традицию, восходящую к романтической украинской школе, создавшей демонический и в то же время наделенный трагизмом образ казака, снискавший большую популярность благодаря Богуну Сенкевича.

В романе Одоевского это не единственный прием, который служит дегуманизации Гаврилюка, лишая его индивидуальности, личности. Этот персонаж действует как орудие в руках немцев. Его банда входит в состав одного из фашистских формирований («Нахтигаль»). Он только «пушечное мясо». История отвела ему роль мало значимого исполнителя грязной работы в своих роковых планах. Когда роль будет сыграна до конца, «его убьют немцы, либо уходящие поляки, либо, наконец, советы, когда придут»²⁵. Украинец Гаврилюк оказывается в «Острове спасения» колоссом на глиняных ногах. Одоевский не столько показал индивидуального героя, сколько проиллюстрировал проблематику украинско-польских отношений и комплексов.

В качестве героев романа предстает семья Черественских, русских дворян, бежавших в Польшу после Октябрьской революции. Черественские олицетворяют тезис Коссак-Щуцкой о русских как расе, обреченной на гибель. Это осознает старший представитель рода Николай Федорович, который говорит о своей нации: «наше время прошло в хаосе той войны»²⁶, и дядя главного героя Теодор, нереализовавшийся археолог, живущий прошлым и пренебрегающий настоящим. Черественские изображены как отчужденные от действительности и утомленные жизнью люди. Потеряв свой мир, они не смогли обрести другого и прижиться в нем. Дядя Теодор пользуется «слишком хорошим для поляка польским языком»²⁷. Дом Черественских не польский, однако его также нельзя назвать и «русским». Единственные элементы, заимствованные из русской культуры, это «серебряный бурлящий самовар», «терпкий запах чайного кипятка» и присущие только русским папирозы — «длинные, с мундштуком»²⁸. Носителем «русскости» является и отец главного героя — Петра. Он единственный член семьи Черественских, кто не хочет смириться с потерей своей «русскости» и с судьбой. Его литературный образ может служить примером некой типизации или даже стереотипизации пред-

ствлений о «русском человеке»: он подвергается припадкам «непонятного, крайне ностальгического настроения», часами, стоя у окна, поет «монотонные», «напоминающие плач» песни, читает стихотворения Бло-ка²⁹, наконец, пьет и льет слезы. Эта поверхностность образа русской семьи в романе Одоевского компенсируется за счет их внутреннего — духовного и интеллектуального — мира. В то же время рассуждения героев на философские и этические темы, их переживания и трагические дилеммы относятся к общечеловеческим качествам. В этом интеллектуально-духовном пространстве происходит сближение Черественских и польских героев «Острова спасения». Автор переносит их одновременно на иной — надэтический и наднациональный — уровень, как бы выводя за скобки «русскости» и «польскости». Лишь благодаря этому русская семья могла стать героем польского романа. Таким образом, русские оказались «включенными» в польский мир. Другим фактором этого сближения и «адаптации» является факт, что Черественские встали с поляками на ту же сторону — жертв исторического процесса. Русские перестали быть для поляков опасными, угрожать им.

С другой стороны, в понимании термина «русский» происходит семантический сдвиг. В романе Одоевского их черты передаются гражданам Советского Союза, названных Одоевским «советами» (чего не было у Коссак-Щуцкой). В сознании героев «советы» (как наследник бывшего русского государства) отождествились с русскими³⁰. В самом романе «советы» непосредственно не указаны, а присутствуют лишь в виде оставленного собой следа, воспоминаний и намеков. С ними ассоциируются агрессия, разрушение давнего порядка, воровство, депортации, аресты, страх.

Об изменениях, происходящих в польском писательском сознании на протяжении XX в., свидетельствует роман Ольги Токарчук «Последние истории». Главной героиней центральной части своей книги под названием «Парка» она сделала украинку Параскеву родом из небольшой деревни в окрестностях Трускавца. Парка оказалась в Польше в результате переселенческой акции после Второй мировой войны, поскольку ее муж был поляком³¹.

Повествование строится по принципу внутреннего монолога, выражающего психическое состояние главного героя. Точкой жизненного отсчета и основой мировоззрения для Парки является ее прошлое, то есть украинская деревня. Все, что имеет отношение к этому, изображено в положительном свете, в противовес настоящему (начиная с переселения в Польшу), которое рисуется отрицательно.

Главной составляющей внутреннего мира героини является память о ее «малой родине», где она родилась иросла. Родная деревня стилизована под детскую картинку: прямые линии, отчетливый контур, чистые и яркие краски. Она подчеркивает близость и человеческое измерение этих мест, которые ассоциируются с природой, светом и простором:

Там было плоско и светло. Солнце отражалось от пшеничных полей и слепило глаза. (...) И река была светлой, полноводной и такой большой, что вмещала в себя огромное небо (...). Земля была густой и черной, липкой. (...) Дороги были прямые и ровные, а не вверх-вниз, как здесь³².

(Tam było płasko i jasno. Słońce odbijało się od pszenicznych pól i razilo w twarz. ...) Także rzeka była jasna, rozlana i tak wielka, że mieściła w sobie ogromne niebo (...). Ziemia była gęsta i czarna, lepka. (...) Drogi były proste i równe, nigdy w dół i w górę, jak tutaj.)³³

Этому идеализированному ландшафту противопоставлен польский пейзаж — мрачный, бетонный, тесный, зажатый меж гор.

Одним из основных знаков прошлого является религия. Парка сама определяет себя как униатку. Церковь осталась в ее жизни центральным ориентиром, но — что интересно — не нравственного, а духовного, онтологического и эстетического порядка. С церковным образцом она сравнивает все, что происходит в ее дальнейшей жизни. Убранство церкви, в которую она ходила в детстве и молодости, особенно иконы, становятся прототипом мира³⁴. И вновь мир «своей» церкви героиня противопоставляет пространству католического костела, который для нее оказывается мрачным, лишенным духовности. Изображения католических святых далеки от человека и «чудовищны».

Прошлое также воспринимается как мир согласия и сосуществования двух культур и религий. В украинской деревне это было естественно, в Польше такое невозможно.

Наконец, Параскеву отличает ее язык. Она говорит по-украински и так называет даже своего мужа-поляка. Токарчук цитирует полные украинские фразы без их стилизации и намеренного искажения.

Итак, здесь мы имеем дело с совершенным перемещением литературных ценностей. Во-первых, появляется самостоятельный, автономно существующий, полноценный украинский герой. Во-вторых, он показан с внутренней — а не как прежде польской — художественной перспективы. В-третьих, в противопоставлении «украинское—польское» первый член охарактеризован положительно, второй — отрицательно.

Образ русских у Токарчук ненамного отличается от их трактовки в «Острове спасения», так как он касается воспоминаний об осени 1939 г. Это в основном коллективный герой, показанный как агрессор, враг, слепой исполнитель воли мощного государства. Русские крайне чужды и непонятны как полякам, так и украинцам. Сопровождающие их атрибуты превращают этих людей в машины: они ездят в тяжелых автомобилях, не расстаются с оружием, их действия, решения, даже жесты — автоматические:

Русские появились почью, под прикрытием монотонного шума грузовиков.³⁵

(Rosjanie po raz pierwszy pojawiły się w nocu, ukryci w monotonnym hałasie ciężarówek".)³⁶

Их наиболее характерная черта — варварство (превращение школы в штаб-квартиру, стрельба по висящим на стенах портретам ученых, отсутствие у женщин нижнего белья³⁷). С другой стороны, после личной встречи рассказчик и главная героиня определяет их как «милых людей»³⁸. Эту двойственность и неоднозначность природы русских символизирует офицер Красной армии Юрий Либерман, который становится любовником Параскевы. Либерман калека, но калека странный — только наполовину. Левая часть его тела изуродована, вместо руки деревянный протез. Зато правая — «юношеское лицо со светлым глазом и прямым носом», красивое, упругое тело³⁹. Офицер, как и все русские герои книги Токарчук, наполовину человек, наполовину машина, он жив, но в то же время мертв. Такое чисто внешнее воплощение русского персонажа, скорее символическое, чем психологическое, с одной стороны, безусловно призвано сигнализировать о его «людском обличье», но с другой — еще больше отдаляет его от поляков и украинцев, мир которых психологизирован, показан через внутренние переживания и размышления героев, создан в «обычном» человеческом измерении.

На примере книг З. Коссак-Шуцкой, В. Одоевского и О. Токарчук можно определить некую закономерность в изменении образа украинца и русского в польской литературе о «кressах» XX в. В то время как первый индивидуализируется, приобретает черты представителя автономной нации и культуры, русский, по сути, остается инструментом государства, бесчувственной и опасной для поляков державы. Единственное исключение делается для литературных героев, с которыми поляки по той или иной причине входят в личный контакт и узнают в них схожие — общече-

ловеческие — черты и ценности. Безусловно, наши выводы носят предварительный характер, а затронутая проблематика требует более глубокого и обширного исследования.

П р и м е ч а н и я

¹ Тихомирова В. Я. Польская проза о Второй мировой войне в социокультурном контексте 1989—2000. М., 2004. С. 125.

² Например: *Kolbuszewski J.* Kresy. Wrocław, 1998; *Sapa D.* Między polską wyspą a ukraińskim morzem. Kraków, 1998; *Babiński G.* Polsko-ukraińskie pogranicze. Etniczność, zróżnicowanie religijne, tożsamość. Lublin, 1997; *Polacy i Ukraińcy dawniej i dziś / Red. B. Grott.* Kraków, 2002; *Polsko-ukraińskie badania religii / Red. K. Banek.* Kraków, 2004; *Strychar ska-Brzezina M.* Kozak ukraiński. Studium językowe. Kraków, 2005; *Prus E.* Hulajpole. Burzliwe dzieje Kresów ukrainnych (od słowiańskiego świtu do Cudu nad Wisłą). Wrocław, 2004; *Historia Kresów / Słowo wstępne A. Nowak.* Kraków, 2006 и др.

³ *Kossak-Szczucka Z.* Pożoga. Wspomnienia z Wołynia 1917—1919. Kraków, 1922. Использовано издание: Łódź, 1990.

⁴ *Odojewski W.* Wyspa ocalenia. Warszawa, 1964. Использовано издание: Białystok, 1990.

⁵ *Tokarczuk O.* Ostatnie historie. Kraków, 2004; *Токарчук О.* Последние истории / Пер. с польск. И. Адельгейм. М., 2006.

⁶ *Kossak-Szczucka Z.* Op. cit. S. 8.

⁷ Ibid. S. 91.

⁸ Ibid. S. 9.

⁹ Ibid. S. 37.

¹⁰ Ibid. S. 225.

¹¹ *Kossak-Szczucka Z.* Op. cit. S. 20.

¹² В текстах других авторов, написанных в 20—30-е гг. XX в., мы встречаемся с иным писанием этого слова — с прописной буквы, что объясняется взглядом на «казака» как представителя определенной социальной группы (казаки часто служили в домах кресовых поляков) или просто солдата определенного военного формирования.

¹³ Ibid. S. 24.

¹⁴ Свое отражение находит здесь уже сформированный польской культурой стереотип казака, опирающийся на миф Запорожской Сечи, истоки которого надо искать в романтической поэзии 20-х гг. ХХ в. Наиболее яркий пример — Богун из романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» (1884).

¹⁵ *Kossak-Szczucka Z.* Op. cit. S. 34.

¹⁶ Ibid. S. 89.

¹⁷ Ibid. S. 187.

¹⁸ Чаще всего роль орудия сатаны как извечного врага Бога, жаждущего погубить человечество путем разрушения божественного порядка, польские авторы отводят именно большевикам. Неслучайно одна из книг мемуаров (Я. Хоецкой) называется «Одержаные».

¹⁹ Ibid. S. 91.

²⁰ Ibid. S. 9.

²¹ Odojewski W. Op. cit. S. 58.

²² Ibid. S. 57.

²³ Ibid. S. 44.

²⁴ Ibid. S. 73.

²⁵ Ibid. S. 114.

²⁶ Ibid. S. 114.

²⁷ Ibid. S. 68.

²⁸ Ibid. S. 70.

²⁹ Ibid. S. 33.

³⁰ Ibid. S. 184.

³¹ Поляк Петр — муж Парки изображен в романе как герой, противоположный существовавшим «красовым» образцам поляка: человека мужественного, благородного, полного достоинства. Он зауряден, слаб, даже изредка трусив.

³² Токарчук О. Последние истории / Пер. с польского И. Адельгейм // Иностранныя литература. 2006. № 8. С. 57—58.

³³ Torkarczuk O. Op. cit. S. 138.

³⁴ Ibid. S. 145—146.

³⁵ Токарчук О. Последние истории... С. 66.

³⁶ Tokarczuk O. Op. cit. S. 158.

³⁷ Ibid. S. 158—159.

³⁸ Ibid. S. 159.

³⁹ Ibid. S. 161.

Е. Ю. Борисенок

Николай Хвылевой (1893–1933)*

Имя Николая Хвылевого, широко известное украинским специалистам, пока малознакомо отечественным историкам. Между тем это имя стало в украинской литературе одним из символов национал-коммунизма¹. Хвылевой обычно трактуется как идеиный борец за национальную украинскую культуру, несправедливо обвиненный большевиками в националистическом уклоне. Именно националистический уклон (в конце 1920-х – начале 1930-х гг. говорилось даже о «хвылевизме») стал причиной непопулярности Хвылевого в советской литературе. В это время более или менее подробно о нем упоминали в основном историки украинской диаспоры². Буквально накануне распада СССР и образования независимой Украины «политические обвинения» были сняты³, и о Николае Григорьевиче заговорили достаточно широко⁴. Для историка Хвылевой интересен прежде всего своими памфлетами, написанными в период так называемой литературной дискуссии на Украине (1925–1928 гг.). Именно в них ярко проявилась политическая позиция Хвылевого, его взгляд на роль Украины в современном мире, на взаимоотношения украинской и русской культур и т. д. Лозунг Хвылевого «Прочь от Москвы!» достаточно известен. Попытаемся же разобраться во взглядах писателя более подробно.

Николай Григорьевич Фитилев (это настоящая фамилия писателя) родился 1 (13) декабря 1893 г. в селе Тростянец на Харьковщине (сейчас это город Сумской области). Родители его были учителями. Отец — Григорий Алексеевич — учился даже в Харьковском университете. Семейная жизнь родителей не сложилась. Мать Николая Григорьевича, Елизавета Ивановна Тарасенко, после развода со своим мужем самостоятельно воспитывала пятерых детей.

*Статья подготовлена при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-911-03а/Ук).

Несмотря на сложную семейную ситуацию, Николай Григорьевич сумел получить образование. После окончания начальной школы он поступил в Богодуховскую гимназию. Однако курса не окончил: из гимназии он был исключен за связи с эсерами. Он сумел (в 1916 г.) сдать экзамены экстерном и получил аттестат об окончании гимназии. Николай Григорьевич много уделял внимание самообразованию, хорошо знал украинскую и мировую литературу, чему немало способствовала возможность пользоваться материалами солидной библиотеки своего дяди по материнской линии — земского деятеля Савича. После исключения из гимназии работал сначала слесарем в ремесленной школе, потом — писарем в канцелярии волостной управы села Рублевка, активно участвовал в работе местной «Просветы» (это была сеть общественных организаций национально-культурного характера). С 1916 г. он оказался в действующей армии. Именно тогда — в окопах первой мировой войны — оформились, по мнению исследователей⁵, его демократические, частично и большевистские, симпатии. Фитилев был весьма активным человеком: избирался членом полкового совета солдатских депутатов, работал в «Прорыве», был причастен и к деятельности «селянских союзов», распределяющих помещичьи земли на Харьковщине. Принимал участие в антигетманском восстании, воевал с Деникиным. В этот период, он, судя по всему, и перешел на сторону Красной Армии. С апреля 1919 г. Н. Г. Фитилев стал членом КП(б)У. С 1921 г. Николай Григорьевич обосновывается в столичном Харькове.

Первые литературные опыты Фитилева датируются 1913—1915 гг. Позже, в Харькове, он вошел в круг писателей, группировавшийся вокруг газеты «Вісти ВУЦИК» и ее редактора Василя Еллана-Блакитного. В этом же году появляется в печати отдельным изданием его поэма «В электрический век» и сборник стихов «Молодость». Фитилев активно печатается в журналах и альманахах. К этому времени, по-видимому, относится и рождение его псевдонима — Хвылевой. После публикации в 1923 г. сборника рассказов «Синие этюды» это имя стало довольно популярно на Украине.

Здесь следует заметить, что культурная жизнь в УССР (как, впрочем, и других республиках недавно созданного Советского Союза) в это время была весьма насыщенной. Существовало множество различного рода объединений — писателей, художников, музыкантов, существовало даже объединение «работников революционной кинематографии». Отношение интеллигенции к культурному наследию было также самым различ-

ным: от весьма популярного революционного нигилизма, решительного боровшегося с «культурным старьем», до весьма бережного отношения к культурным традициям «неоклассиков», стремившихся поднять украинскую литературу на мировой уровень и высказывавшихся против революционно-массовой литературы⁶.

Отношения между различными организациями нередко были весьма напряженными. Так, пролетарская литературная организация «Гарт» во главе с В. Елланом-Блакитным, куда первоначально вступил Н. Хвылевой, находилась в весьма натянутых отношениях с союзом украинских крестьянских писателей «Плуг» (руководитель — С. В. Пилипенко). Пилипенко, считая основной задачей «Плуза» воспитание крестьянства в большевистском духе, был сторонником привлечения к культурному строительству широких масс украинского населения. Он утверждал, что сами рабочие и крестьяне должны быть творцами своей культуры. Блакитный же занимал несколько иную позицию. В 1924 г. он пытался создать пролетарскую академию украинской литературы, куда бы вошли наиболее талантливые коммунистические авторы, способные привлечь массы к участию в литературном процессе и, одновременно, представить высокие образцы художественного творчества — всесоюзного и даже мирового уровня. Различным было и отношение этих двух организаций к Всеукраинской ассоциации пролетарских писателей (ВУАПП). Блакитный выступил против ВУАПП, подчеркивая, что она является украинским филиалом Российской ассоциации пролетарских писателей, что нарушает принцип суверенитета литературных организаций в разных республиках. Пилипенко же, напротив, приветствовал федеративные связи с ВУАПП⁷.

В бурной общественной и художественной жизни на Украине в 1920-е гг. Н. Хвылевой играл существенную роль. Первоначально вступив в «Гарт», он довольно скоро убедился, что его не совсем удовлетворяют позиции этого художественного объединения. В середине 1920-х годов Хвылевой активно выступал за создание ВАПЛИТЕ — «Свободной (по-украински — вільна) академии пролетарской литературы». ВАПЛИТЕ объединяла около двух десятков известных писателей и поэтов — М. Яловой, Н. Бажан, П. Довженко, Н. Кулиш, Ю. Смолич, В. Сосюра, П. Тыгина и др.

На таком фоне и развернулась в 1925 г. известная литературная дискуссия. Начало дискуссии положила статья писателя—плужанина Г. Яковенко «О критиках и критике в литературе», опубликованная 30 апреля 1925 г. в газете «Культура і побут». В статье речь шла о маститых писателях⁸, мешающих утвердиться в литературе молодым дарованиям из

крестьян. Яковенко весьма агрессивно изобличал Н. Хвылевого, О. Слисаренко, А. Дорошкевича, бывших членами жюри литературного конкурса, объявленного журналом «Червоний шлях», и отвергнувших присланный им на конкурс рассказ. Яковенко предложил учредить при редакциях «идеологически выдержаных» рабоче-крестьянских контролеров, которые бы проверяли рецензии «олимпийцев»⁹. Хвылевой не заставил себя ждать с ответом, и 30 апреля 1925 г. в «Культурі і побуті» появилась статья «О “сатане в бочке”, или про графоманов, спекулянтов и прочих “просвітян” об опасности массовизма в культуре.

С этого времени литературно-художественная жизнь на Украине проходила особенно бурно. Разгоралась дискуссия. Противники упрекали Хвылевого за невнимание к рабоче-крестьянскому творчеству. С. В. Пилипенко утверждал, что теперь бюсты Ленина значат больше, нежели Венера Милосская¹⁰. Поднятые Хвылевым проблемы обсуждались на киевском диспуте 24 мая 1925 г., организованному по инициативе ВУАН. 31 мая в «Культурі і побуті» появилось второе письмо Хвылевого к литературной молодежи¹¹, а 21 июня — третье¹².

В конце 1925 г.¹³ выходит следующий памфлет Хвылевого — «Размышления о направлении», а в № 11 «Червоного шляху» вышла статья «“Ахтабабиль” современности, или Валериан Полищук в роли лектора коммунистического университета». Третий цикл памфлетов Хвылевого под названием «Апологеты писаризма. К проблеме культурной революции» появились в «Культурі і побуті» в феврале—марте 1926 г. В этом же году Хвылевой написал и самый известный свой памфlet — «Украина или Малороссия?», так и не опубликованный в то время (без сокращений он вышел лишь в 1990 г.). Впрочем, первые два цикла памфлетов уже в 1920-е гг. вышли отдельным изданием — «Камо грядеши (Куда идем)» (1925 г.) и «Размышления о направлении» (1926 г.). «Апологеты писаризма» остались в газетном варианте.

Начавшаяся как чисто литературная, с апреля 1926 г. дискуссия приобретает уже иное звучание. В нее включаются известные партийные деятели. Появились статьи В. Чубаря, В. Затонского, А. Хвыли, Н. Скрипника. А потом появилось известное письмо И. В. Сталина Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У, в котором генеральный секретарь обвинил тогдашнего наркома просвещения УССР А. Шумского в непонимании того, что Хвылевой представляет «темную сторону» украинизации, стоит в оппозиции России, российской культуре и ее наивысшему достижению — ленинизму.

Столь резкая реакция Сталина была вызвана некоторыми идеями Николая Григорьевича. Вообще все поднятые Хвылевым проблемы можно подразделить, как это сделал Г. Костюк, на три большие категории: пути развития украинской литературы и искусства; историософская идея азиатского ренессанса; пропаганда теории и практики активного романтизма или витализма как нового стиля украинского искусства¹⁴. Для историка особый интерес представляют первые две группы вопросов, на которых остановимся подробнее.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в украинской культуре, Хвылевой большое внимание уделял формам и методам работы различных художественных организаций (прежде всего — «Гарта» и «Плуга»). Как истинный большевик, Хвылевой искал причины разногласия между ними не в сфере идеологии или политики, а в особенностях социально-экономической ситуации в УССР. Поскольку на Украине сохраняются еще элементы капитализма, писал Хвылевой, поскольку возрождается и молодая буржуазия: в городе — нэпманы, в деревне — кулак (куркуль)¹⁵. При этом, по мнению Хвылевого, нарождающаяся сельская буржуазия представляет собой большую опасность, нежели городская, поскольку оказывает большее влияние на искусство. «В той невидимой борьбе за влияние на искусство, которая ведется между куркулем и нэпманом (поскольку их интересы не всегда совпадают), — говорится в памфлете, — больше шансов на победу у первого»¹⁶. Объяснял это Николай Григорьевич тем, что до революции украинская интеллигенция идеологически была связана с деревней, с пролетариатом же и городской буржуазией — весьма слабо. Сегодня, утверждал Хвылевой, ситуация пока примерно та же, но вскоре может измениться, и причину такого изменения Хвылевой тоже называл — украинизация. «...Украинизация, открывая нашей нации широкие двери в мир, ускоряя процесс классовой дифференциации на Украине, одновременно устанавливает для идеологии столыпинского «отруба» радиорупор на одной из центральных улиц города», — писал Николай Григорьевич¹⁷.

Любопытно, что Хвылевой связывал политику большевиков в национальных республиках по внедрению («укоренению») партийных и советских органов (так называемую «коренизацию», или, применительно к Украине — украинизацию) с социальными и экономическими процессами, происходившими в послереволюционной Украине. Украинизация подразумевала, прежде всего, выдвижение украинских кадров на руководящие посты (конечно, в основном низшего и среднего управленческого

звена), введение украинского языка обучения в учебных заведениях различного уровня, увеличение численности украиноязычных изданий (как газет и журналов, так и выпуск литературы — художественной, публицистической и пр.), развитие украинского театра, живописи, литературы и т. д. Однако, на XII съезде партии, принявшем курс на коренизацию, И. В. Сталин в своем докладе по национальному вопросу особо отмечал необходимость развития экономики национальных республик¹⁸. Хвылевой, как мы видим, не сводил украинизацию лишь к культурной политике, что было весьма распространено и в 1920-е гг., и позднее. Николай Григорьевич видел и экономическую составляющую коренизации, прекрасно представляя себе ее возможные социальные последствия, особенно для бурно развивающейся украинской культуры.

Кто же в такой ситуации оказывался в большей опасности, спрашивает Хвылевой: мы, «олимпийцы», или же литературные «массовики»? «Олимпийцы», рассуждал Хвылевой, представляют собой численно небольшую группу, и эта группа уже не связана какими либо идеологическими связями с кулачеством, да и вообще с деревней, и потому не может быть проводником куркульского влияния на искусство. Быть же проводником идеологии нэпманов «олимпийцы» могут — теоретически — но при условии отрыва от партии. А среди «олимпийцев» членов партии — половина, и партия непосредственно вносит корректизы в работу этой группы¹⁹.

Ситуация же в «Гарте» и «Плуге», считал Хвылевой, прямо противоположная. Численность этих организаций довольно велика: «Плуг» насчитывает 2000 членов и еще 1000 студийцев, «Гарт» — в два—три раза меньше. Рассматривая социальный состав этих организаций, Хвылевой обращал внимание, что позиционировать их как рабоче-крестьянскую молодежь несколько ошибочно, поскольку, прежде всего, «никакой рабочей массы в организациях «Гарт» и «Плуг» не было и еще долго не будет»²⁰. Объясняется это довольно просто: рабочий класс на Украине до последнего времени был оторван от украинской культуры. Крестьянская же молодежь в «Плуге» действительно есть, в том числе и бедняцкая. Но идеологически руководящий аппарат обеих организаций весьма слаб, и не может противостоять натиску экономически и культурно сильного куркуля. К тому же эти аппаратчики, претендую на руководство культурой, занимаются в основном чиновничьей перепиской, являясь при этом людьми малообразованными (и в плане искусства, и в плане знания

марксизма). Поэтому, рассуждал Хвылевой, Пилипенко, «хочет он того или нет, сдает куркулю позицию за позицией»²¹.

В связи с вышеперечисленными особенностями развития украинской культуры Хвылевой поднимал вопрос о перспективах так называемого массовизма. Для него вопрос звучал следующим образом: Европа или «просвита»? При этом и первая, и вторая представляют, по Хвылевому, психологические категории.

Что же понимал Хвылевой под Европой как психологической категорией? Исторический материализм, указывал Хвылевой, не исключает психологического фактора: последний представляет собой нормальное явление в общественной жизни. Для украинского писателя это — не что иное, как живой человек с его мыслями, волей, способностями²². По Хвылевому, существует некий «идеал общественного человека»²³, и идеальность такого человека связана с его прогрессивностью. Пытаясь увязать эту идею существования прогрессивных личностей и их роли в истории с классовым подходом большевиков, Хвылевой называл такого идеального человека «собственностью всех классов». Однако несколькими строками ниже он, как бы спохватываясь, заявлял, что такие люди отнюдь не являются и межклассовым явлением²⁴. Уточняя свое заявление, Хвылевой указывал, что такие личности являются выражением наиболее передового (прогрессивного) класса, а их деятельность поднимает культуру их класса и вызывает развитие новых, прогрессивных сил. И Ленин, и Петр Великий, писал Хвылевой, принадлежали к одному типу человека, самого идеального, что дала Европа: «Это — европейский интеллигент в высшем значении этого слова. Это, если хотите, — знакомый нам чернокнижник из Вюртемберга, который показал нам грандиозную цивилизацию и открыл перед нами безбрежные перспективы. Это — доктор Фауст, если понимать его как пытливый человеческий дух»²⁵. В подтверждении своих слов Хвылевой ссылался на тезис Плеханова о том, что великий человек видит дальше других и хочет сильнее других, и его деятельность является выразителем необходимого и бессознательного движения. Это, по мысли Хвылевого, и есть «психологическая Европа», на которую нужно ориентироваться²⁶.

Таким образом, Европа для Хвылевого — это категория прогресса, и в украинском случае Европе противостоит «просвита». «Просвита» — это провинциализм в искусстве, проявление влияния кулачества на искусство. «“Просвиту” мы можем рассматривать», писал Хвылевой, как «постоянную категорию отсталой психики классового общества», как ан-

титезу психологической Европе²⁷. Как психологическая категория, Европа объединяет сумму тех возможностей, которые можно противопоставить в искусстве «просвете»: «...в сегодняшней литературе борются две силы: первая — это та, что ориентируется на Европу, другая — это так, которую использует просвета, иначе говоря, кулак. Первая — продолжает марксистские традиции, вторая — исповедует вульгарный марксизм. Между этими силами не может быть соглашения, поскольку первые не позволяют носить “маленькие”, “меньшевистские” корректизы во взглядах на искусство, другие, в силу своей безграмотности, уверены в своей правоте и никак не могут додуматься, что эти “маленькие поправки” продиктованы им кулаком»²⁸. Сегодня, утверждал Хвылевой, кулак дает «последний и решительный бой», причем именно в «Гарте» и «Плуге», где господствует вульгарный марксизм, — «верный слуга нашего врага»²⁹.

Молодая (Хвылевой подчеркивает это слово) украинская интеллигенция на сегодняшний день является сторонницей Советской власти. В борьбе двух сил, о которых рассказал Хвылевой, они принимает активное участие, но «не как целиком изолированная организация, а как до определенной степени дифференцированная группа», и часть ее пошла за вульгарным марксизмом³⁰. Между тем между вульгарным марксизмом и массовизмом Хвылевой находил прямую связь. Раскрывая ошибки лидера массовизма Пилипенко, Хвылевой писал: «Тов. Пилипенко считает, и без всяких оговорок, что наше крестьянство это потенциальный пролетариат»³¹. Но в данных конкретных условиях, утверждал Хвылевой, говорить о крестьянстве как потенциальному пролетариате нужно очень осторожно, поскольку кулака следует относить к потенциальному буржуа. И если Пилипенко не хочет этого делать, то тем самым он принимает вульгарный марксизм³².

Согласно Хвылевому, украинская культура не нуждается в массовизме, она переросла его. «Творить то, что называется искусством, может не каждый человек, даже не каждый культурный человек. Если же это так, что есть ли смысл сбивать с панталыку сотни и тысячи малокультурных рабочих и крестьян, уверяя их, что волею революции они должны уйти от своих станков и плугов и создать новое искусство?»³³ — считал Хвылевой. Идея «ваппо-плужанского» массовизма в искусстве, продолжал Хвылевой, возникла под напором мелкобуржуазной стихии и является результатом растерянности и капитулянтства определенной части революционных деятелей³⁴. Следовательно, надо менять и организационные формы художественных организаций. «Если мы “бьемся” не за “Гарт”

или “Плуг”, а за рабоче-крестьянское искусство, за искусство (и литературу) переходного периода, то давайте посмотрим, не пережило ли это искусство и эта литература тех организационных форм, в которых она существовала и существует до сего времени»³⁵, — писал Хвылевой. «Гарт» и «Плуг», считал Хвылевой, сыграли роль не столько конструктивную, сколько деструктивную, поскольку на их долю выпала соответствующая историческая роль: «они должны были не столько создавать искусство молодого класса, сколько деморализовать лагерь буржуазных художников, вырывая таким образом массы из-под влияния идеологии старого искусства»³⁶. Опираясь на массовость «Гарт» и «Плуг» эту роль уже выполнили, вобрав в себя новые неоформленные силы и создав основу для оформления «художественных идеологически чутких единиц»³⁷. В настоящее время, утверждал Хвылевой, эти организации угрожают превратиться в «идеологически-художественный кисель», «аморфную массу». Требуется искать новый организационный путь. Разделение на «комсомольскую», «женскую», «детскую» и т. п. литературы, которое практиковали эти организации, не выдерживает критики: «Рабоче-крестьянская литература едина и для рабочих и для крестьян без деления по партийности и т. п.»³⁸

Взгляды Хвылевого на организационные формы украинской художественной культуры, безусловно, интересны. Однако обычно Хвылевой ассоциируется не с ними, а с тезисом о необходимости европейской ориентации украинской культуры. Этот тезис как раз и послужила основным полем для партийной критики.

Рассмотрим эту хвылевистскую идею более подробно. Еще в памфлете «Размышления о направлении» Хвылевой следующим образом охарактеризовал вставшую перед Украиной дилемму: «Будем ли мы рассматривать свое национальное искусство как служебное (в данном случае оно служит пролетариату) и как вечно подсобное, вечно резервное для тех мировых искусств, что достигли высокого расцвета?

Или же, напротив, сохранив за ним ту самую служебную роль, сочтем нужным поднять его художественный уровень на уровень мировых шедевров?»³⁹

Хвылевой был однозначно за второе решение вопроса, при этом повышение уровня украинской культуры он считал возможным путем использования его национальной ориентации: «Поскольку украинская нация столько столетий искала своего освобождения, постольку мы расцениваем это как непреодолимое ее желание выявить и использовать

свою национальную (не националистическую) окраску»⁴⁰. Хотя эта точка зрения совпадает с чаяниями мелкой буржуазии, это совсем не означает, что такое мнение ошибочно, утверждает Хвылевой, поскольку, по его словам, такая установка последовательно исходит из политики партии в области национального вопроса⁴¹. В данной связи Хвылевой и ставил вопрос о влиянии на украинскую культуру культуры русской. Нация, по Хвылевому, только тогда может культурно проявить себя, если найдет собственный путь развития, а до последнего времени украинская интеллигенция (за исключением нескольких бунтарей) в культурном отношении шла за русским дирижером⁴². И сегодняшние разговоры про массовое искусство также проходят, утверждает Хвылевой, под знаком отставания⁴³. Хвылевой считал, что ориентироваться же украинской культуре надо не на Россию, а на Европу. Весьма подробно эту мысль он выразил в своем известном памфлете «Украина или Малороссия?».

Хвылевой подчеркивал, что Украина является самостоятельным, независимым государством, которое входит «своим республиканским организмом» в Советский Союз: «А разве она не самостийна? ...посмотрите в нашу конституцию»⁴⁴. Нечего протестовать, утверждал Хвылевой, и против русских, которые тоже имеют свою конституцию и тоже самостоятельны. Самостоятельность Украины обусловлена не субъективными, а объективными причинами: не потому, что «этого хотим мы, коммунисты», а потому, что «этого требует железная и непобедимая воля исторических законов»⁴⁵. Иначе говоря, Украине необходимо пройти то «природное состояние», которое «Западная Европа прошла в период оформления национальных государств»⁴⁶. В противном случае, исходя из сложности современной ситуации, Украина будет оставаться плацдармом контрреволюции.

Размышления Хвылевого о революции и контрреволюции на Украине заслуживают более подробного описания. Нельзя забывать, подчеркивал Хвылевой, что в настоящее время рядом с социалистическим строительством вырастают элементы капитализма, а следовательно, и молодая буржуазия. Между тем молодежь, окончившая ВУЗы, легко поддается пропаганде. Среди подобной пропаганды Хвылевой особо отмечал опасность разговоров о характере украинской государственности и украинской культуры. «Является ли Украина колонией?» — такие разговоры, писал Хвылевой, раздаются уже давно. В то же время, продолжал Николай Григорьевич, «социальные процессы, вызванные нэпом, логично ве-

дут к конфликту двух культур. Украинское общество, усиливаясь, не смиряется со своим, фактически, если не *de jure*, декретированным гегемоном — русским конкурентом»⁴⁷. В этом конфликте Хвылевой предлагал «встать на сторону активного молодого украинского общества, которое представляет не только крестьянина, но уже и рабочего, и тем навсегда покончить с контрреволюционной (по сути) мыслью насадить на Украине русскую культуру»⁴⁸.

Впрочем, Хвылевой отнюдь не ставил знак равенства между русской революцией и русской культурой. Он не отрицал, что советская власть сделала для Украины столько, сколько ни одна власть на свете⁴⁹. Опасность в том, подчеркивал Хвылевой, что вызванные революцией силы могут стать враждебной стихией. Чтобы этого не произошло, надо изучить и прочувствовать все детали этого движения, все те лозунги, которые носятся в данной конкретной общественной атмосфере: «Ни один из лозунгов не страшен для нас, если он в наших руках, но берегитесь, если он попадет в чужие руки»⁵⁰. Пока же, считал Хвылевой, на Украине большевики «оторваны от национального возрождения», даже несмотря на существование «неслабеньких “хохлацких аппаратов”»⁵¹. В то же время в условиях «классовой дифференциации в национальном организме» партийные и советские работники (Хвылевой называл их «нашими голубятнями») окружают «революционные кадры, которые непосредственно строят украинскую советскую культуру», совершенно невозможной атмосферой. «Каждый мещанский шпингалет из русских кругов считает своей обязанностью смотреть на такого украинца искоса»⁵², — возмущалась Хвылевой. По его мнению, такое отношение обусловлено тем, что украинцев не считают настоящими коммунистами («мол, работай; национал, может через 100 лет и будешь коммунистом»). А украинская советская молодежь, подчеркивал Хвылевой, хочет быть, «прежде всего, коммунарами, а потом уже украинцами»⁵³. Фактически Хвылевой вел речь о недооценке украинской советской интеллигенции, вследствие чего украинская молодежь не доверяет компартии. Происходит это потому, продолжал Хвылевой, что некоторые работники (в данном случае речь идет о члене украинского ЦК А. А. Хыле) «замазывают» перед Москвой истинную картину размаха культурного строительства на Украине, вызванного национальным возрождением⁵⁴. Между тем национальное возрождение — один из этапов, который должна пройти Украина на своем пути к социализму⁵⁵.

В этой связи Хвылевой требовал серьезного подхода к украинизации пролетариата, на «прививке» ему украинской культуры, чтобы никто не отважился говорить, что «рабочий класс у нас русский». Именно таким образом он понимал руководящие установки партии — «потому что так наказывает нам наша партия»⁵⁶. Рассуждения Хвылевого вполне соответствуют логике тогдашнего времени. Мы должны, писал Хвылевой, так организовать «идеологию нашей прессы, наших литературных сил», чтобы фактическим идеологическим гегемоном был пролетариат. «Но каким же образом пролетариат будет играть первую скрипку, если для него украинская культура до сих пор *tetra incognita?*»⁵⁷ Вывод Хвылевого достаточно жесткий: «...Пока пролетариат не овладеет украинской культурой, до тех пор нет никакой уверенности, что культурная революция на Украине даст нам желаемые результаты»⁵⁸. Следовательно, указывал Николай Григорьевич, лозунг должен быть таков: «Даешь пролетариат!»⁵⁹ К украинизации пролетариата нужно подходить крайне серьезно, подчеркивал Хвылевой, поскольку это является для пролетариата единственным способом овладеть украинской культурой, а украинизация — это воля 30-миллионной нации⁶⁰.

Вторым «классовым» лозунгом Хвылевого было «Даешь интеллигенцию!» Необходимо, писал Хвылевой, «зажечь нашу интеллигенцию огнем бессмертной идеи освобождения человечества, убить в ней мелкобуржуазный скепсис»⁶¹. Для этой цели, по Хвылевому, подходит не вся интеллигенция: он сомневается, что старая интеллигенция способна воспринять коммунистические идеи, поэтому можно использовать лишь лояльную ее часть. Надежды Хвылевой возлагал на молодую, тесно связанную с пролетариатом интеллигенцию, которая должна быть организована вокруг компартии⁶².

Определив социальную базу развития украинской культуры, Хвылевой задался вопросом, какая культура должна быть образцом для Украины? На какую из литератур надо ориентироваться украинской литературе? «*Во всяком случае, не на русскую*», — считал Николай Григорьевич. «Не следует путать нашего политического союза с литературой. От русской литературы, от ее стилей украинская поэзия должна как можно быстрее убегать, — убежден Хвылевой. — Поляки никогда бы не дали Мицкевича, если бы они не перестали ориентироваться на московское искусство. Дело в том, что русская литература тяготеет над нами в веках, как господин положения, который приучил нашу психику к рабскому подражанию. Следовательно, воспитывать на ней наше молодое искусст-

во — это значит замедлять его развитие. Идеи пролетариата нам и без московского искусства известны... Наша ориентация — на западноевропейское искусство»⁶³. То есть, «даешь свой собственный разум!»⁶⁴

Преданность Хвылевого украинской культуре безгранична, и в борьбе за ее развитие он был готов применить самые решительные меры, особенно по отношению к ее «конкуренту» — русской культуре. «Если русское искусство — великое и могучее, то это буквально ничего не доказывает»⁶⁵, — горячился Хвылевой. — Он настаивал, что речь идет исключительно об основной стратегической линии, т. е. будущей ориентации украинской культуры. Причины резкого отношения Хвылевого к русской культуре двоякого рода. Первая весьма прозаична — борьба за книжный рынок, обусловленная «борьбой за гегемонию на культурном фронте двух братских культур на Украине — русской и украинской»⁶⁶. Поскольку украинское возрождение признано необходимым и неизбежным этапом, делал вывод Хвылевой, то необходимо развивать материальные рамки для выявления культурных возможностей молодой нации. Между тем, возможности украинской интеллигенции явно ограничены, поскольку на книжном рынке она будет расцениваться как «товар второго, третьего или четвертого сорта, хотя бы он был и первого». «Это закон психологии нашего читателя, по меньшей мере, на первые десять лет»⁶⁷, — вздыхал Хвылевой. Сказывался и традиционный пietет («рабская природа», по выражению Хвылевого) по отношению к русской культуре, что не дает возможности Украине «проявить свой национальный гений»⁶⁸. Хвылевой доказывал, что украинская советская культура должна сделаться «у себя, на Украине, гегемоном». При должном руководстве и должном отношении к ней со стороны «русского конкурента» украинская культура будет коммунистической. Если же «этую культуру не хотят понять», то последует «отход ее в лагерь мелкой буржуазии»⁶⁹.

Вторая причина отрицательного отношения Хвылевого к русской культуре коренится в неприятии украинским писателем современной культурной ситуации в столице. Для него «психологическая Москва» в период нэпа стала синонимом мещанства, регресса, контрреволюционных настроений. Правда, Хвылевой уточнял, что, говоря о русской литературе, он имеет в виду искусство («Ленин или Плеханов тут не при чем»): дело в художественном достоянии Москвы, не в русской революционной демократии, как это пытаются ему, т. е. Хвылевому, приписать⁷⁰. «Коминтерн, — одно дело, а Сухаревка — совсем другое. И будьте добры не путать эти два понятия»⁷¹, — считал Хвылевой. При этом Хвылевой говорил

о «московском мещанстве» (и пролетарском, и сменовеховском), «этнографической болтовне» как бонтоне «сегодняшнего московского Парнаса» («все эти Стеньки Разины, русские мужики, Омельки Пугачевы»)⁷².

Рассуждения Хвылевого о русской литературе хочется привести более подробно, поскольку они ярко характеризуют Николая Григорьевича и как человека, и как писателя. Для современной русской литературы украинский писатель выбирал исключительно отрицательные эпитеты. «Откуда эта арцибашевщина четвертого сорта пролетарских писателей Гладковых, чириканье поэтов соломенной Руси, посредственность Ивановых, ограниченность Пильняков, бульварщина Эренбургов и т. д. и т. п. Откуда эта бесплотная, хотя иногда и остроумная (для провинциальных барышень) формалистика Шкловских? Откуда эта профанация литературных господ Алексеев Толстых?»⁷³ — восклицал Хвылевой. «Москва сегодня — центр всесоюзного мещанства, — продолжал Хвылевой, — и в нем, как мировой оазис — пролетарские заводы, Коминтерн и ВКП. Если на Украине и, особенно, в ее центре все только «товарищи», там все давно перешли с «гражданина» на «господина». Москва имеет сильные традиции, глубоко уходящие в мещанство»⁷⁴. Особенно достается русскому интеллигенту: Хвылевой называл его не иначе как «жидкобородым московским интеллигентом», затосковавшим по «сухаревской купчихе, по тройке с бубенцами, и, главное... по Спасителю». Последнее для Хвылевого являлось наиболее тяжким грехом. Русская интеллигенция, рассуждал Николай Григорьевич, «снова начала “богоискательствовать”, и снова начинается вакханалия теософии, порнографии, разочарований и самоубийств»⁷⁵.

Не лучшего мнения Хвылевой был и о русской литературе XIX в. Все рассуждения Хвылевого о русской литературе⁷⁶ построены на противопоставлении ее литературе западноевропейской. Хотя обе они характеризовались Хвылевым как литературы пессимистические, но если русская литературе — «пассивно-пессимистическая», то западноевропейский пессимизм «всегда звал общество к активности, к строительству, к «неведомым горизонтам», стимулировал борьбу, ...в нем общество находило и смысл жизни»⁷⁷. Русский же пассивный пессимизм «воспитывал кадры “лиших людей”, попросту говоря, паразитов, “мечтателей”, людей без “определенных занятий”, “нытиков”, сереньких людей “двадцатого числа”. Русский пессимизм породил классические гимназии, из которых выходили Рудины — высокоученые и бесполезные в практической жизни. Русский пессимизм породил и диковинную бюрократическую машину...»⁷⁸ Рос-

сийский исследователь А. В. Марчуков верно подчеркивает, что Хвылевой призывал украинскую культуру бежать прочь именно от «мещанства», слившегося со свойственным российской литературе пессимизмом, с отсутствием «позитивного мироощущения» и активности⁷⁹.

Под свое определение русской литературы Хвылевой подводит экономическое обоснование. Этот пессимизм, считал украинский писатель, мог возникнуть только в России, где «умирающий феодализм не давал выхода двойственной человеческой природе, принесенной капитализмом», и удерживал человеческое «я» в рамках «хилого христианского дуализма»⁸⁰. Произошло это, считал Хвылевой, потому, что Россия не видела «своей настоящей буржуазии», не чувствовала ее «окружения», не переживала «пафоса капиталистического строительства», а всегда опиралась на феодализм⁸¹. В этой связи следует заметить, что Хвылевой пытался придерживаться марксизма. Впрочем, в исторической литературе весьма распространена и другая точка зрения. Дж. Мейс указывал, что под тонким налетом марксистских идеологем скрывается эстетика, имеющая мало общего с «узкоутилитарным марксистским подходом к роли искусства и культуры»⁸². По мнению же украинского специалиста А. В. Кресина, Хвылевой «фактически отбросил примат социально-экономических факторов и марксистскую схему социального прогресса»⁸³.

Очевидно, что украинский писатель считал себя марксистом и всячески подчеркивал, что «бытие определяет сознание». Характер западноевропейской литературы, согласно Хвылевому также был обусловлен социально-экономическими факторами: «Золотой век западноевропейской литературы проходит под флагом буржуазных революций и буржуазного хозяйствования. Это было революционное время, и оно несло с собой оптимизм (или активный пессимизм) молодого общества. Уже эпоха энциклопедизма выдвигала таких парвеню, как Дидро. Золотой век русской литературы делало хилое дворянство, которое и определило мироощущение этого искусства»⁸⁴. Законный хозяин — капиталист — не пришел, рассуждал Хвылевой, и русская литература «пошла на спад», что и обусловило «долгое господство пассивного христианского дуализма», сказавшееся на «психике русской интеллигенции»: «В сегодняшней русской этнографической романтике та самая идеализация бывших Разиных и Пугачевых сливается с чувством «расейского» патриотизма, с неясными мечтами о будущем. Дальше этого она идти не может. Нужно искать новую дорогу. Великая русская литература достигла своей границы и остановилась на распутье»⁸⁵.

В своем противопоставлении русской и западноевропейской литературы Хвылевой приводил следующий пример: Бальзак развенчивал идеалистические представления о крестьянине, подчеркивал сходство его мировосприятия с мировосприятием буржуа, раскрывая его (т. е. крестьянина) античеловеческие инстинкты. Также, по Хвылевому, поступал и Золя. В русской же литературе Тургенев идеализировал крестьянина и преподносит того через призму либерально-помещичьего мировосприятия⁸⁶. Хвылевой не склонен был обвинять в этом русских писателей, потому что во всем виновата «социально-экономическая ситуация в России»⁸⁷.

Действительно, исходя из такой характеристики, украинской литературе ориентироваться на «московское искусство» нельзя — «безграмотно», как писал Хвылевой. Напротив, стимул к развитию русская литература могла получить только под воздействием внешнего фактора: «Волею истории ... русская литература для своего возрождения сможет найти волшебный бальзам только под буйным живым деревом возрождения молодых национальных республик, в атмосфере весны ранее угнетаемых народов. Но это случится тогда, когда национальные гении Украины, Белоруссии, Грузии и т. д. победным триумфальным шагом будут идти по Западной Европе под гром фанфар, которые прервут вековой сон жидкообородого «богоискателя», которые навеки придушат в нем чувство великоледжавного шовинизма и заставят его уважать соседа. Клин выбидают клином, а не проповедью христианского социализма»⁸⁸. Старая Россия не умерла, считал Хвылевой, и поэтому «великая русская литература не способна воспитать сильного и здорового ... человека»⁸⁹. В этой ситуации «старая западноевропейская литература» ближе украинской молодежи⁹⁰. Новый лозунг, писал Хвылевой, нужно понимать как лозунг здорового соревнования для двух наций и не как наций, а как революционных факторов⁹¹.

Украинской литературе и Украине вообще Хвылевой прочил великое будущее, и в качестве обоснования привел теорию так называемого «азиатского ренессанса». Как отмечают исследователи, в основе «азиатского ренессанса» лежит теория циклов, но в противоположность «философии идеалистического интуитивизма» Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, Хвылевой исходил из «материалистической казуальности». Хвылевой рассуждал следующим образом: каждый народ переживает детство, культурный этап и цивилизационный. Цивилизационный этап — в этом Хвылевой

соглашался с интуитивизмом — является последним аккордом всякой культуры и начало ее конца. Но если для идеалистического интуитивизма исторические типы культур замкнуты в произвольные рамки, то Хвылевой выделял исторические типы культур, замыкая их в рамки патриархального, феодального, буржуазного и пролетарского периодов⁹². К патриархальным Хвылевой относил микенскую, индийскую, египетскую, вавилонскую, арабскую и т. п. культуры, в создании которых Европа играла сравнительно небольшую роль. Феодальный и буржуазный типы проявили себя уже на европейской территории. Однако следующий, пролетарский культурно-исторический тип, европейское население «не способно поднять»⁹³. И тут снова на «широкую историческую дорогу» выходит Азия: без пробужденной, универсального значения, азиатской энергии западноевропейский пролетариат не способен начать новый культурно-исторический тип, писал Хвылевой⁹⁴. «Азиатский ренессанс» означает возрождение классической просвещенности, возрождение сильного и цельного человека, возрождение «нового типа отважный конкистадоров, по которым тоскует и европейское общество»⁹⁵. Азиатский ренессанс, утверждал Хвылевой, это великое духовное возрождение отсталых азиатских стран, где «бродят» идеи коммунизма: Азия понимает, что только коммунизм способен освободить ее от экономического рабства⁹⁶. Таким образом, азиатский ренессанс — это «кульминационная точка эпохи переходного периода», причем длительность этого периода Хвылевой определял в несколько веков⁹⁷.

В этом азиатском ренессансе Украине уготовано особое место. Поскольку Евразия стоит «на рубеже двух великих территорий, двух энергий», постольку она станет «авангардом четвертого культурно-исторического типа». Хвылевой связывал «азиатский ренессанс» с большевизмом и национальными республиками СССР: «...Азиатское возрождение тесно связано с большевизмом», а «духовная культура большевизма может ясно проявиться только в молодых советских республиках... и в первую очередь под голубым небом юго-восточной республики коммун», которая воспитывала «в своих буйных степях тип революционного конкистадора»⁹⁸. Впрочем, в будущем азиатском возрождении ведущую роль сыграют не только молодые республики СССР. Хвылевой обращал внимание читателя на Китай: Гоминьдан, утверждает Николай Григорьевич, теперь является фактором большего революционного значения, нежели амстердамский Интернационал⁹⁹.

В своих надеждах Хвылевой не одинок. Как известно, после провала революции в Германии на новые социальные потрясения в Западной Европе рассчитывать не приходилось. Взоры большевиков обратились на Восток, в Китай, где как раз началась революция. Памфlet Хвылевого «Украина или Малороссия?» был написан, как уже говорилось, в 1926 г., т. е. в разгар «китайских» надежд. В то же время необходимо подчеркнуть, что Хвылевой, хотя и говорил об «азиатском ренессансе», однако быстрой победы мировой революции не ожидал. Напротив, уверенность в скором («за десяток—другой лет») падении власти буржуазии и установлении во всем мире «единой пролетарской семьи» он называл «казенным оптимизмом». «...Для стабилизации нашей психики, — писал Хвылевой, — придется прихватить несколько веков, и только после этих веков мы сможем создать «общечеловеческую культуру»¹⁰⁰. При этом Хвылевой был убежден, что теория «азиатского ренессанса» вполне соответствует «истинному марксизму», и в основе своей противоположна славянофильству (а такой упрек в отношении Хвылевого как раз звучал). Славянофильство оторвано от социально-исторических процессов, подчеркивал Николай Григорьевич, это философско-историческая теория национальной самобытности, являющаяся одной из вариаций идеалистического интуитивизма. «...Мы же, говоря о «самобытности» Азии, исходим из принципа каузальности и Маркса»¹⁰¹, — утверждал Хвылевой.

Чтобы закончить с идеей азиатского ренессанса, следует еще добавить, что «могучий азиатский ренессанс» Хвылевой ожидал и в искусстве, причем его предтечами будут «олимпийцы»¹⁰², а основным инструментом этого переходного периода станет «романтика витаизма (vita — жизнь)»¹⁰³. Не вдаваясь в подробный литературоведческий анализ, отметим только, что витаизм Хвылевого специалисты определяют как теорию и практику активного романтизма, как новый стиль украинского искусства периода национально-государственного возрождения¹⁰⁴.

Итак, основной лейтмотив памфлетов Хвылевого звучал так: «Украинское искусство ...подходить к своему золотому веку. Начинается период “бури и натиска” ... Наше возрождение идет под флагом пролетарских революций...»¹⁰⁵ Фактически в своих памфлетах Хвылевой доказывал исключительную роль Украины в текущих и грядущих событиях. Не удивительно, что Хвылевого активно поддержала украинская эмиграция националистического толка. Д. Донцов писал: «...Освобождение украинской культуры из-под убийственного влияния русского и введение ее в блестящую семью западных национальных литератур повлияет на весь

образ мысли нашей интеллигенции и приведет многих к убеждению, что можно даже, оставаясь коммунистом, осознавать то, что “политический союз с Москвой” есть в действительности колониальная зависимость, и что в силу экономических, культурных причин Украина может быть или московской колонией, или на самом деле самостоятельной нацией»¹⁰⁶. Украинской эмиграцией Хвылевой провозглашался носителем национально-освободительной идеи, как пример того, что коммунисты осознают противоположность интересов «Московщины и Украины»¹⁰⁷.

Таким образом, дискуссия, носившая первоначально характер литературной, постепенно стала превращаться в дискуссию политическую и, что было особенно опасно для центрального партийного руководства, в дискуссию активно вовлекалась молодежь. Один из современников писал: украинская молодежь («особенно мы, пролетарские студенты») внимательно читали темпераментные статьи Хвылевого. «Европа или просвита — никаких сомнений!» Однако «не все призывы и утверждения принимали и одобряли»¹⁰⁸.

Высказанные Хвылевым идеи об исключительной роли Украины и о дальнейшей ее ориентации оказались совершенно неприемлемы для союзного центра. Stalin расценил выступление Хвылевого фактически как выступление против ленинизма. «...Его (т. е. Хвылевого. — Е. Б.) смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики» звучала для Сталина «более чем странно». «В то время как западно-европейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к “Москве”, к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время, как западно-европейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвылевой не имеет сказать в пользу “Москвы” ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от “Москвы” “как можно скорее”. ...Овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайностями тов. Хвылевого в рядах коммунистов»¹⁰⁹, — утверждал Stalin.

После письма Сталина развернулась кампания против «хвылевизма» как националистического уклона против генеральной линии ленинской партии. Вопрос о Хвылевом обсуждался сначала на расширенном заседании Политбюро ЦК КП(б)У 12 мая 1926 г., а потом — на Пленуме ЦК в июне¹¹⁰. Заявления Николая Григорьевича были названы «политически вредными»¹¹¹, и дальнейшая карьера Хвылевого, столь удачно начавшаяся, пошла под откос. Новый его роман «Вальдшнепы», отрывки из кото-

рого были опубликованы в 1927 г., подвергся резкой критике. В том же году Хвылевой был исключен (вместе с Яловым) из членов ВАПЛИТЕ. Давление на Хвылевого было довольно сильным, писатель в ответ на критику даже опубликовал в «Коммунисте» в феврале 1928 г. покаянное заявление с признанием ошибок. Какое-то время Хвылевой еще «держался на плаву», даже работал (после ликвидации ВАПЛИТЕ) в украинских ежемесячниках. Сначала это был журнал «Літературний ярмарок», а затем «Пролетфронт», после ликвидации которого в 1930 г. литературная карьера Хвылевого фактически прекратилась¹¹².

Последние годы жизни Хвылевого были весьма драматичны. Особенно тяжелым выдался 1933 г. Весной Хвылевой поехал в деревню, где стал свидетелем массового голода. Вернувшись в Харьков, он пытался привлечь внимание руководителей различного ранга к положению в деревне, организовать какую-либо помощь селу. Исследователи творчества Хвылевого обычно отмечают, что голод на Украине, очевидцем которого стал писатель, и начавшиеся репрессии против украинской интеллигенции сломили Николая Григорьевича. Так, Дж. Мейс писал: «Хвылевой понял, что поставил свой талант на службу партии, которая и организовала этот голод¹¹³. Арест М. Ялового стал, по Мейсу, началом конца. В предсмертной записке Хвылевой писал: «За поколение Ялового отвечаю прежде всего я, Николай Хвылевой...»¹¹⁴

П р и м е ч а н и я

¹ См. Мейс Д. Бурений дух розстріляного відродження (Микола Хвильовий) // Сучасність. 1994. № 12. С. 73–81; Кресін О. В. Національна концепція Миколи Хвильового // Український історичний журнал. 1997. № 6. С. 58–63.

² См. Лавріченко Ю. Розстріляне відродження. Мюнхен, 1959.

³ Глазунов Г. П. Политические обвинения сняты // Коммунист Украины. 1990. № 10. С. 71–73; Лозицкий В. Микола Хвильовий // Під пррапором ленінізму. 1990. № 1. С. 42–47.

⁴ См., например: «Круг стіл» політиків, письменників, політологів України і Росії, присвячений 100-річчю від дня народження Хвильового // Укр. слово. Київ–Париж. 1994. № 8. С. 114; Сенник Л. Микола Хвильовий і його роман «Вальдшнепи». Львів, 1994; Доній О. Актуальність проблематики памфлетів Миколи Хвильового // Молода нація. Альманах. Київ, 1996. № 1. С. 13–22; Харчук Р. Два прочитання памфлетів Миколи Хвильового: в час національної ейфорії та в період суспільної депресії // Там же. С. 23–30; Коломієць Л. Етичний феномен «громадської людини» Миколи Хвильового: образ Faуста як символ

українського відродження // Там же. С. 31–40; *Розумний М.* Микола Хвильовий та українська ідея // Там же. С. 41–46; *Лігостова О.* Композиція і авторська оцінка зображеного у новелах Миколи Хвильового // Там же. С. 47–52; *Огородник Т.* Два світочі українського відродження (Хвильовий в публіцистиці І. Багряного) // Молода нація. Альманах. Київ, 1996. № 4. С. 168–175; *Пахаренко В.* Суть та еволюція ідеології М.Хвильового // Там же. С. 117–126; *Цеков Ю. І.* Підтекст художнього твору і світовідчування письменника (М. Хвильовий) // Савомотожність письменника. До методології сучасного літературознавства. Київ, 1999. С. 55–80. Существует также большое количество историко-публицистических публикаций, например: *Бурляй Ю.* Правда про смерть Хвильового // Київ. 1995. № 6. С. 140–142; *Коваль В.* Сталинский приговор Миколе Хвылевому // Наш современник. 1989. № 9. С. 93–98; и др.

⁵ *Хвильовий М.* Новели, оповідання. Повість про санаторійну зону. Вальдшнепи. Роман. Поетичні твори. Памфлети / Вступ. ст., упоряд. і приміт. В. П. Агеєвої. Київ, 1995. С. 6.

⁶ Идейным вдохновителем украинских «неоклассиков» был Н. К. Зеров.

⁷ *Мейс Дж.* Микола Хвильовий // Історія України в особах. К., 1995. С. 372.

⁸ По словам автора, «сивих дідусів».

⁹ *Хвильовий М.* Новели, оповідання... С. 789.

¹⁰ Там же. С. 790.

¹¹ «Про Коперніка з Фраунбурга, або абетка азіатського ренесансу в мистецтві».

¹² «Про демагогічну водичку, або справжня адреса української воронщини, вільна конкуренція, ВУАН і т. д.».

¹³ Культура і побут. № 44–46. 22, 29 ноября и 13 декабря

¹⁴ *Костюк Г.* Пізнаймо його глибинно // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993.

¹⁵ *Мейс Дж.* Микола Хвильовий... С. 659.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подробнее см. *Борисенок Е. Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006.

¹⁹ *Хвильовий М.* Новели, оповідання... С. 660.

²⁰ Там же. С. 661.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 672.

²³ Все цитаты даны с выделениями Хвылевого.

²⁴ *Хвильовий М.* Новели, оповідання... С. 673.

²⁵ Там же. С. 673–674.

²⁶ Там же. С. 674.

²⁷ Хвильовий М. Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. С. 172.

²⁸ Хвильовий М. Новели, оповідання... С. 662.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 668.

³¹ Там же. С. 669.

³² Там же. С. 670.

³³ Хвильовий М. Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 189.

³⁴ Там же. С. 193.

³⁵ Хвильовий М. Новели, оповідання... С. 687.

³⁶ Там же. С. 688.

³⁷ Там же. С. 689.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 675.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 676.

⁴² Там же. С. 677 (т. е. была обречена, по выражению Хвылевого, на *культурне позадництво*).

⁴³ Там же (Хвылевой пишет — под знаком *позадництва*).

⁴⁴ Там же. С. 727.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 728.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 729.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 730.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 731.

⁵⁵ Там же. С. 732.

⁵⁶ Там же. С. 698.

⁵⁷ Хвильовий М. Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 202.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 203–204.

⁶¹ Там же. С. 207.

⁶² Там же. С. 209–210.

⁶³ Там же. С. 215.

⁶⁴ Там же. С. 216.

⁶⁵ *Хвильовий М.* Новели, оповідання... С. 698.

⁶⁶ Там же. С. 734.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Хвильовий М.* Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 735.

⁷¹ Там же. С. 736.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Впрочем, Хвильевої называет ее «великой», но в данном контексте это звучит скорее как насмешка.

⁷⁷ *Хвильовий М.* Новели, оповідання. С. 736–737.

⁷⁸ Там же. С. 737.

⁷⁹ *Марчуков А. В.* Українское национальное движение. УССР. 1920–1930-е гг. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 330.

⁸⁰ *Хвильовий М.* Новели, оповідання... С. 736–737.

⁸¹ Там же.

⁸² *Мейс Дж.* Бурений дух розстріляного відродження // Сучасність: 1994. № 12. С. 77.

⁸³ *Кресін О. В.* Національна концепція Миколи Хвильового // Український історичний журнал. 1997. № 6. С. 63.

⁸⁴ *Хвильовий М.* Новели, оповідання. С. 737–738.

⁸⁵ Там же. С. 738.

⁸⁶ Там же. С. 742.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 738.

⁸⁹ Там же. С. 741.

⁹⁰ Там же. С. 742.

⁹¹ Там же.

- ⁹² Там же. С. 745.
- ⁹³ Там же. С. 746—747.
- ⁹⁴ Там же. С. 747—748.
- ⁹⁵ Там же. С. 748.
- ⁹⁶ Хвильовий М. Камо грядеши // Хвильовий М. Україна чи Малоросія? С. 54—55.
- ⁹⁷ Там же. С. 55—56.
- ⁹⁸ Хвильовий М. Новели, оповідання... С. 749.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 749—750.
- ¹⁰¹ Там же. С. 750.
- ¹⁰² Хвильовий М. Камо грядеши // Хвильовий М. Україна чи Малоросія? С. 52.
- ¹⁰³ Там же. С. 56.
- ¹⁰⁴ Костюк Г. Пізнаймо його глибинно // Хвильовий М. Україна чи Малоросія? С. 18.
- ¹⁰⁵ Хвильовий М. Новели, оповідання... С. 753—754.
- ¹⁰⁶ Донцов Д. Крок уперед (До «літературного» спору) // Шляхи розвитку української пролетарської літератури. Літературна дискусія (1925—1928). 36. Матеріалів (статті, літ. маніфести, постанови партії.). Харків, 1928. С. 117.
- ¹⁰⁷ Шляхи розвитку української пролетарської літератури... С. 111.
- ¹⁰⁸ Семененко О. Вечірні дзвін (спогади про М.Хвильового) // Прапор. 1990. № 7. С. 141.
- ¹⁰⁹ Цит. по: РГАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 135. Л. 3—4.
- ¹¹⁰ Глазунов Г. П. Политические обвинения сняты // Коммунист Украины. 1990. № 10. С. 72.
- ¹¹¹ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 78.
- ¹¹² Мейс Дж. Микола Хвильовий... С. 375.
- ¹¹³ Там же. С. 376.
- ¹¹⁴ Там же. С. 369.

В. А. Хорев

Польские писатели в украинском Львове (осень 1939 — лето 1941 года)

В период межвоенного двадцатилетия многонациональный Львов¹, принадлежавший Польше, был важным центром не только польской, но и украинской культуры. Отношения между этносами в сфере культуры определялись в первую очередь политическими взглядами ее представителей. Диапазон этих взглядов был широк — от коммунистов и либералов до консерваторов и националистов. Польское правительство проводило дискриминационную политику по отношению к украинцам, ее поддерживала немалая часть польской интеллигенции, но в то же время существовал и широкий фронт людей культуры и науки, которые стремились к налаживанию ухудшившихся польско-украинских отношений. Так, демократический ежемесячник «Сигналы», например, защищал политические права украинцев, подчеркивал самобытность украинской культуры и осуждал польские власти, тормозившие ее развитие.

Ситуация изменилась после 17 сентября 1939 г. Культурная жизнь Львова с 22 сентября 1939 г., когда в город вошла Красная армия, до 22 июня 1941 г., когда фашистская Германия напала на Советский Союз, была весьма специфична. В сентябре 1939 г. в Львове оказалось много представителей польской художественной интеллигенции, как местных, так и, главным образом, беженцев из центральной Польши — писатели (около двухсот человек), литературные критики, актеры, режиссеры и т. д. Украинских писателей в Львове в то время насчитывалось около ста человек, несколько десятков представляли другие национальности, прежде всего еврейскую. Эта многочисленная разноязычная группа, разноплановая в политическом, художественном, поколенческом отношениях, была подвергнута массированной идеологической обработке со стороны советской власти с целью превращения ее в «нормальных» советских литераторов и деятелей культуры. Оставляя в стороне вопрос о непростых взаимоотношениях между украинскими писателями, жившими в Львове до 1939 г., и присланными туда из советской Украины для руководства литературной жизнью², остановлюсь на судьбах польских писателей, столкнувшихся с необходимостью определить свое место в новой ситуации.

На львовской земле издавна пересекались судьбы поляков и украинцев (а также русских, евреев и других этносов), часто вступавших в конфликтные отношения, что нашло отражение в многочисленных текстах культуры. Теперь же к этому добавился конфликт между образом мышления значительной части польской и украинской творческой интеллигенции, оказавшейся в это время в Львове, и политикой ее советизации, проводимой новой властью. Поэтому так непросто оценить взаимные отношения между представителями разных национальных культур. По поводу этих отношений исследователи высказывают разные, часто диаметрально противоположные точки зрения. В советское время в книге украинского исследователя П. М. Калениченко³, в статьях русских литературоведов Т. П. Агапкиной, М. О. Глобачева⁴ и др., в работах и воспоминаниях некоторых польских авторов⁵ утверждалось, что в те годы в Львове были сделаны важные шаги «на пути развития интернационального творческого содружества, было проявлено стремление к взаимному сближению писателей наших народов и к совместному участию в построении социалистической культуры»⁶.

Современный польский историк литературы Я. Тшнадель открывает свою книгу «Коллаборационисты. Тадеуш Бой-Желенский и группа коммунистических польских писателей в Львове 1939—1941» статьей от марта 1943 г. из издававшегося в оккупированной немцами Варшаве подпольного журнала «Нурт». Автор статьи возлагал вину за преследования поляков в Львове советской властью (а затем немцами) на украинцев: «В Львове убивал не кто другой, как тот же самый ненавистный большевистский милиционер, который заменил серп и молот на украинский трезубец, а точнее сказать — вилы... Трудно решить, когда украинцы были более вредны для поляков, во времена ли большевиков, когда они разыгрывали карту освободителя крестьян, или во времена немцев... Они соревновались и соревнуются в доносах, шпионаже, подрыве экономики, чему способствует то, что в городских властях, в банках и учреждениях правят мужланы, выскочившие в «господа», украинские фольксдойчи и даже рейхсдойчи...»⁷ С подобных позиций написана и книга самого Тшнаделя, который ставит своей целью разоблачение «коллаборационистов» — тех польских деятелей культуры, которые сотрудничали с советской властью в 1939—1941 годах, в том числе выдающегося писателя, критика и историка литературы Т. Бой-Желенского⁸.

В отличие от Тшнаделя О. Тарнавский в своих воспоминаниях «Литературный Львов 1939—1944» не осуждает просоветскую деятельность

польских и украинских писателей Львова, а показывает, что она была вынужденной альтернативой голоду и смерти⁹.

В советском представлении о Польше и поляках господствовал насаждавшийся тогда стереотип «панской Польши», колонизировавшей украинские земли, стереотип классового врага — польского пана-белополяка, который отождествлялся в массовом сознании со всей Польшей. Он был создан советской политической пропагандой в 20—30-е годы и закреплялся в текстах культуры, а робкие попытки противопоставить ему представителя польского трудового народа, наделенного положительными качествами, не дали сколько-нибудь значимых художественных результатов.

Своей кульминации антипольская кампания достигла осенью 1939 г. Ее тон был задан выступлением В. Молотова, который заявил: «Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»¹⁰.

Во многих созданных тогда произведениях, главным образом поэтических, проявилось подозрительное и враждебное отношение к Польше. Вновь возродились мотивы поэзии периода польско-советской войны 1920 г., как в стихотворении В. Лебедева-Кумача «Путь геройской конницы» (1939):

Сила молодецкая выросла с годами,
Конница по-прежнему бьет врага в упор —
Рассчиталась грозная навсегда с панами
*Пронеслась, как молния, до Карпатских гор*¹¹.

Приветствовали «освободительный поход» М. Исаковский («*И пошли два брата под зарей широкой — ленинской дорогой, сталинской дорогой*» — стих. «Осень», 1939) и А. Твардовский («*Будет старое забыто: слезы, голод, панский гнет...*» — стих. «*Вдовий флаг*») и многие другие поэты.

Е. Долматовский вспоминал о том, как ему с В. Луговским было «предложено написать песню, с которой советские войска могли бы, если окажется необходимым, перейти границу и освободить из-под панского гнета Западную Белоруссию и Западную Украину»¹². И такая песня была ими написана: «*Марш красных полков*» («*Белоруссия родная, Украина золотая, Ваши светлые границы Мы штыками оградим*»). Тогда же Долматовский опубликовал несколько примитивных антипольских стихо-

творений типа «*Карту смотрит лейтенант — здесь берлога польских банд*» (стих. «Полночь» в журнале «Знамя»¹³).

В том же номере «Знамени» появилось и не менее уродливое стихотворение Луговского «Белые волки» (*«Кто это ночью бредет по лесам? (...) Проклятые волки панской Польши!»*). Неприязнь к западному миру, к преобладающей в нем конфессии и раньше звучала в стихах Луговского. Но раньше он хотя бы заботился о форме стихотворения. Свою неприязнь он передавал довольно искусно, с помощью изобретательных поэтических образов, когда, например, писал о «медном набате свирепой латыни» и «волчьем рычанье папских булл».

А вот образ поляка в изображении М. Алигер: «*Толстый — голова в конфедератке, волчий взгляд, обвисшие усы*» («Городок»)¹⁴.

В 1939 г. в Львове и других бывших польских городах оказалось немало советских писателей, получивших задание оправдать и расцветить «освободительный поход» Красной армии. Один из ведущих партийных писателей того времени П. Павленко в очерках изо Львова, публиковавшихся в октябре 1939 г. в газете «Правда», не просто не жалел черной краски для описания «панской Польши», а создал риторический образец дискредитации Польши, используя впечатляющую синтаксическую форму противопоставления. «Цивилизация панской Польши, — писал он в очерке «Канун», — была нехитрой штукой. Две—три «европейских» улицы в центре города — и сотни смрадных средневековых переулков /.../ Древний какой-нибудь университет, знаменитый со средних веков, с двумя—тремя профессорскими именами — и сотни невежественных, не подготовленных к жизни студентов»¹⁵.

А в очерке «Дни энтузиазма» Павленко фактически призывал к расправе над поляками-осадниками. По его словам, «страшнее и подлее жандармов, хитрее сыщиков, прижимистее многих панов были эти агенты польской дефензивы и иезуитчины. Это были польские резиденты на украинской земле, помещики-однодворцы из капралов и отличившихся полициантов, безжалостные вымогатели и хладнокровные убийцы»¹⁶.

В 1940 г. в СССР был опубликован роман В. Василевской, ставшей советской писательницей, «Пламя на болотах». «Я хотела рассказать всем честным людям в Польше, — писала Василевская о замысле романа, — что это не польские земли, а украинские и белорусские, и что там угнетение, голод, смерть»¹⁷.

В основе романа — «классовая» схема. Осаднику — угнетателю Хожиняку противопоставлены крестьяне, с которыми солидарны поляки-без-

работные, а дружбу представителей трудящихся разных национальностей символизирует любовь польской девушки Ядвиги и украинского парня — коммуниста Петра.

Наряду с литературными произведениями в эти годы было создано, по большей части на основе литературных текстов, несколько кинофильмов, преследовавших все ту же цель: создать негативный образ польских панов — угнетателей рабочих и крестьян, в первую очередь белорусских и украинских, оправдать вторжение Красной армии в Польшу.

В кинофильме «Голос Тараса» (Ленфильм, 1940) по одноименному рассказу В. Беляева действие происходит в сентябре 1939 г. Вступившие в один из провинциальных польских городков части Красной Армии спасают от расправы местных властей революционно настроенную польскую учительницу и ее украинского ученика, организовавших вечер с декламацией стихов Тараса Шевченко «Полякам».

В кинодраме «Ветер с востока» (Киевская киностудия, 1940), литературным консультантом которой выступила В. Василевская, всячески издевается над крестьянами помещица графиня Пшежиньская. Приехавшая в село молодая польская учительница Ханна встает на их сторону, прячет от полиции большевика Андрея. Графиня пытается силой, при помощи польских улан взыскать с крестьян долги. Но тут появляются красноармейцы, которых радостно приветствуют жители села.

Тенденциозная направленность — разоблачение беспросветной для трудового народа жизни в довоенной «панской» Польше — проступает в талантливо сделанном фильме известного режиссера М. Ромма «Мечта» («Мосфильм», 1941), в котором снялась блестящая плеяда актеров (Ф. Раневская, Е. Кузьмина, М. Астангов, Р. Плятт и др.). Осуществление мечты героини фильма — крестьянской девушки Анны о большой и радостной жизни возможно только в Советском Союзе.

Не были забыты и исторические сюжеты. В ноябре 1939 г. вышел на экран исторический фильм «Минин и Пожарский» по повести В. Шкловского «Русские в начале XVII в.» о борьбе русского народа с польскими интервентами в 1611—1612 гг. («Мосфильм», режиссеры В. Пудовкин и М. Доллер). Москва захвачена поляками, король Сигизмунд мечтает покорить все русские земли и направляет на помочь интервентам войско под командованием гетмана Ст. Ходкевича. В решающем сражении народное ополчение Минина и Пожарского наносит полякам сокрушительный удар.

В кинофильме «Суворов» (Мосфильм, 1940. Режиссеры В. Пудовкин и М. Доллер) одна из центральных сцен — разгром армией Суворова польского войска под командованием генерала Бышевского в сражении при Кобылке 26 октября 1794 г.; в кинофильме «Богдан Хмельницкий» (Киевская киностудия, 1941; автор сценария А. Корнейчук, режиссер И. Савченко) о борьбе украинского народа против Речи Посполитой в 1648 г. запорожцы во главе с гетманом Хмельницким громят польские войска Стефана Потоцкого. Полякам не помогают никакие ухищрения (проводится попытка отравить гетмана с помощью его бывшей жены). Хмельницкий отвергает притязания поляков и выступает за единение украинского и русского народов.

Украинизация и советизация в Львове польских институтов образования, науки и культуры (например, все высшие учебные заведения стали украинскими, университет имени Яна Казимежа стал называться имени Ивана Франко, соответственно были пересмотрены учебные программы), массовые репрессии против поляков, сотни тысяч которых вывозились в Сибирь, вызывала протест, чаще всего скрытый, среди польской творческой интеллигенции. Сама эта интеллигенция была расколота, царила атмосфера взаимного подозрения, «атмосфера взаимных доносов, имевших трагические последствия, вплоть до лишения жизни» — вспоминает свидетель событий Я. Ковалевский¹⁸.

Во Львове была создана советская писательская организация. Вначале это был «оргкомитет» во главе с украинским писателем П. Панчем, а с 17 сентября 1940 г. — львовское отделение Союза советских писателей Украины, куда было принято 58 польских писателей. Среди них были такие известные литераторы, как Тадеуш Бой-Желенский, Ежи Борейша, Владислав Броневский, Ванда Василевская, Александр Ват, Адам Важик, Галина Гурская, Ялу Курек, Леопольд Левин, Станислав Ежи Лец, Леон Пастернак, Ежи Путрамент, Тадеуш Пайпер, Юлиан Пшибось, Адольф Рудницкий, Войцех Скуза, Владзимеж Слободник, Анатоль Стерн, Эльжбета Шемплинская, Люциан Шенвальд, Мечислав Яструн и другие. Лишь небольшая горстка польских писателей не приняла участия в советской литературной жизни Львова (Вацлав Грубиньский, Хермина Наглерова, Бсата Обертынская, Остап Ортвин, Теодор Парницкий и ряд других). Почти все они были репрессированы — арестованы, сосланы в ссылку. Впрочем, этой части не избежали и многие из тех, кто сотрудничал с новой властью и даже входил в руководство Союза, в котором ведущую роль играли украинские писатели. А. Ват вспоминал, что

в президиуме собрания не было русских, поскольку «советская власть тщательно следила за тем, чтобы ни в каком президиуме не было никаких русских. Неслыханная сталинская тщательность в сохранении формальностей. Были только украинцы, ибо это Западная Украина. Русские писатели — их было полно, они часто приезжали, но никто из них ни во что не вмешивался, не занимал никаких должностей. Интересно, что украинцы принимали это всерьез, даже советские украинцы не допускали русских. Если русский писатель высокого ранга хотел вмешаться во что-нибудь, взять кого-то под защиту, они устраивали скандал: это не ваше дело, это наша Украина. Кто был в президиуме? Разумеется, Корнейчук, был Довженко, один из великих кинорежиссеров, и был украинский Маяковский — Тычина, добрый и глупый. Тычина был в роскошной шубе, уже старый и такой добродушный»¹⁹.

Взаимоотношения же между поляками и украинцами в Львове М. Яструн в своем дневнике описывал так: «Взаимная ненависть возрасла по мере того, как увеличивалось число украинцев и как они давали прежним жителям Львова понять, что те должны покинуть город (...). Украинцы разных взглядов, либо вообще без оных, знали или хотели знать лишь одно: пришло время только для них, они верили, что будут теперь в Львове, насыщенном польскостью, победителями над разноликой толпой людей, влюбленных в этот город, ненавидящих украинцев также сильно, как украинцы поляков»²⁰. Парадоксально, но Яструну принадлежит заслуга перед украинской культурой. «Для того, чтобы не умереть с голода»²¹, он занялся переводами русской и, в первую очередь, украинской поэзии («Облако в штанах» Маяковского, произведения И. Франко, П. Тычины, М. Рыльского и др.). Он высоко оценил раннюю поэзию М. Рыльского, который, по его словам, «в годы, когда еще мог писать по-своему, без страха, что осмеливался быть сам собой, — был поэтом, влюбленным в природу, создавал стихи чистые, неподвластные чуждому ему пониманию поэзии»²².

А вот зарисовка из львовской жизни в автобиографической книге Я. Котта: «Для перевода были многие страницы поэм и стихов Тычины и Сосюры, Бажана и Максима Рыльского. Платили прекрасно, построчно. В то время во Львов привезли мороженых белуг. Они были огромны, как слон, а по вкусу напоминали индейку. За четыре строчки Сосюры или Рыльского в универмаге можно было купить два фунта превосходной белуги. Выгоднее всего было переводить стихи, написанные лесенкой, «под Маяковского». К сожалению, преимущественно это были традиционные

стихи и с рифмой. Зато их было много. Мечислав /Яструн/ раздавал их метрами, крича уже с порога «Стихи! Стихи! Даю полметра Бажана и полтора Сосюры»²³.

Существенную роль в «идейном перевоспитании» новых советских поляков сыграла львовская газета «Червоны Штандар» (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.), где польские писатели публиковали свои произведения — стихи, фрагменты прозы, репортажи и пропагандистские статьи. Но не они определяли облик издания. Как и в других случаях, в нем «решающий голос имели «спецы», присланные из Восточной Украины», — пишет об этом М. Инглот²⁴.

Мотивацию участия в просоветской газете многих из польских писателей, не считая нескольких убежденных коммунистов, Ольга Ват в своих воспоминаниях объясняет так: «95 процентов тех, кто сотрудничал с «Червоным Штандаром», не верили в то, что делали. Я убеждена в этом. Верили, возможно, Курылюк, Важик и еще несколько человек, но остальные делали это из страха. Они думали, что это спасет их от ареста или других преследований. Львов того периода — это прежде всего огромный страх и нищета, грязь, конец цивилизации, в которой мы жили раньше. Нашествие варваров»²⁵. «Большой страх» — так называется и автобиографическая книга (1980) о Львове того времени Ю. Стрыйковского.

На страницах «Червоного Штандара» а также польского литературно-общественного ежемесячника «Новэ виднокренги», который издавался в 1941—1946 гг. сначала в Москве (с филиалом редакции в Львове), затем в Куйбышеве и снова в Москве, не появилось ни одного позитивного материала о Польше. Она характеризовалась лишь как «панская Польша» — страна господства капиталистов и помещиков²⁶. Выдающийся поэт В. Броневский с горечью писал из Львова (5 декабря 1939 г.): «Советская печать сознательно создала вредный лингвистический миф о «панской Польше». Невозможно объяснить, что в Польше обращение «пан» относится ко всем людям, независимо от их классового происхождения, что вообще оно значит то же, что и «Негг», «monsieur» или «мистер». Нормальная буржуазная Польша благодаря таким лингвистическим мифам превращается в какую-то выдуманную феодальную деспотию»²⁷.

Поэт был неточен: миф о Польше, создаваемый в советской печати, был не лингвистическим, а политическим. Советская пропаганда с помощью сконструированного ею понятия «панская Польша» создавала образ государства, классово чуждого и враждебного советскому Союзу. За «шовинистическую пропаганду с помощью низкопробных националистических виршей»²⁸, как писал тогда о поэте «Червоны штандар», 24 ян-

варя 1940 г. Броневский (а вместе с ним и другие польские литераторы — А. Ват, В. Скуза, А. Стерн, Т. Пайпер, С. Балицкий и другие) был арестован советскими властями. Национализм был усмотрен в стихотворениях Броневского «Примкнуть штыки», «Польский солдат», «Сын завоеванной нации, сын независимой песни...». Броневский верил в будущую социалистическую Польшу и в стихотворении «Сын завоеванной нации...» содержались такие, казалось бы, идеально выдержаные строки: *«Руку мне дай, Белоруссия, руку мне дай, Украина! Серп и молот свободы дайте мне на дорогу»* (перевод Б. Слуцкого). Но здесь же поэт обещал вернуться на родную землю и присягал защищать Польшу — страну, которой, согласно позиции советских властей, никогда больше не будет на географической карте.

В январе 1940 г. произошли и другие аресты среди польских литераторов — в частности, был арестован, приговорен к расстрелу, замененному на десять лет лагеря в Сибири, драматург В. Грубиньский, описавший перипетии своего ареста и ссылки в книге воспоминаний *«Междур молотом и серпом»* (1948)²⁹.

Новые власти ставили своей задачей сделать из польского народа один из советских народов, а из польских писателей — *советских* писателей, пишущих на польском языке. В решении этой задачи украинскому руководству творческим союзом усердно помогали некоторые услужливые польские литераторы. Е. Путрамент писал в *«Червоном Штандарте»*: «Моим стремлением является в полной мере заслужить почетное звание советского писателя»³⁰. Ему вторил Л. Шенвалльд: «Я хочу в своем творчестве выразить огромную радость и благодарность освобожденного народа /.../. Я хочу в своем творчестве показать партию в ее борьбе за переустройство жизни и воздать почести величайшему человеку нашего времени, мысль которого излучается из Кремля на весь мир»³¹. Соответственно в их произведениях, а также в стихах Э. Шемплипьской, Л. Пастернака, А. Важика и ряда других авторов красной нитью проходит тема новой, настоящей, социалистической родины — Советского Союза.

В программной статье, открывающей первый номер журнала *«Новэ виднокренги»*, писалось: «Наш журнал призван служить польской культуре как части советской культуры, ее упрочению и развитию»³².

Дело не ограничивалось пропагандой на страницах печатных органов и репрессиями непокорных. Требовалось перелицевать и польскую историю, и польскую культуру и литературу — хранительницу «польскойости», национальных традиций. Важным звеном в этой кампании явилось переосмысление творческого наследия Адама Мицкевича. С этой целью в не-

бывалом масштабе были развернуты мероприятия в связи с 85-й годовщиной со дня смерти поэта (осень 1940 г.). Было опубликовано множество статей о его творчестве в польской, русской, украинской, белорусской печати³³, состоялись торжественные вечера в его честь (в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, Харькове, Одессе, Белостоке, Бресте, Новогрудке, Барановичах и т. д). Главные мероприятия проводились во Львове: возложение венков к памятнику поэту, торжественное собрание в Театре оперы и балета имени Ивана Франко, на котором выступали украинские писатели А. Десняк и М. Рыльский, русский литературовед Благой, польский литератор и ученый Бой-Желенский. В последующие дни в университете прошла научная конференция со многими докладами, в которых подчеркивалась решающая роль русской культуры в творческом развитии Мицкевича. В книжном собрании «Оссолинеум» была открыта выставка документов и материалов о пребывании Мицкевича на Украине и в России с демонстрацией рукописи поэмы «Пан Тадеуш», в театрах были даны спектакли, посвященные Мицкевичу и его поэзии.

Все эти мероприятия были направлены на то, чтобы представить Мицкевича как революционного демократа, друга Пушкина и России, интернационалиста и социалиста, предтечу победоносной социалистической революции и объявить его «духовной собственностью» всех народов Советского Союза. На страницах «Червоного штандара» В. Грош в статье «Поэт-революционер» писал, например, что Мицкевич учил поляков солидарности с русским народом в борьбе с царизмом, что проложенным им путем «совместной борьбы вместе с лучшими сынами России, объединенными в партии Ленина — Сталина пошел лучший из лучших — рыцарь революции Феликс Дзержинский»³⁴. В этом же ключе выдержана статья Е. Борейши «Драма Мицкевича», автор которой утверждал: «Он был в своем творчестве и на все времена останется великим революционером литературной формы и содержания; он был революционером-демократом, который любил народ и угнетенных, который смело вступил на путь революции; он был интернационалистом, который понимал, что дело его народа может быть решено только в связи с делом освобождения других народов...»³⁵

Идея включить творчество Мицкевича в традиции советской литературы пронизывает стихотворение П. Антокольского «Бронзовый поэт». В нем Мицкевич, который «Пушкина без памяти любил», противопоставлен шляхетской Польше:

Мы шли не к ней, ясновельможной панне
 И — выскажемся все же до конца:
 Мы — лучшая из мыслимых компаний
*Для польского народного певца.*³⁶

Но «советизация» Мицкевича не удалась ее организаторам. Независимо от их намерений сам факт обращения к творчеству великого поэта вызывал у большинства поляков прилив патриотических чувств. К тому же вскоре, после нападения Гитлера на Советский Союз, политика советского руководства, которому понадобились союзники в борьбе с немецким фашизмом, по отношению к польскому населению страны изменилась кардинальным образом. Патриотические стихи Броневского, за которые он попал в тюрьму, летом 1941 г. были опубликованы в журнале «Новэ виднокренги». Просидев более полутора лет в тюрьмах Львова, Москвы, Саратова, поэт вышел на свободу в августе 1941 г. в результате амнистии после подписания Советским Союзом 30 июля 1941 г. договора с польским эмиграционным правительством В. Сикорского о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии.

В годы Отечественной войны в советской литературе резко возрастает количество произведений, посвященных Польше, и в них очевидна попытка переоценки господствовавших ранее стереотипов. Это было связано с созданием в СССР Войска Польского и участием его в совместных с Красной армией боях против гитлеровцев, а затем с созданием просоветского правительства в Люблине, с политическим курсом советского руководства на общественные преобразования в послевоенной Польше по советскому образцу.

Примечания

¹ В городе жило более 300 тыс. жителей, из них около 50% — поляки, 30% — евреи, свыше 16% — украинцы. См.: *Madajczyk Cz., Torzecki R. Świat kultury i nauki Lwowa (1936—1941)* // *Dzieje najnowsze*. 1982. Z. 1—4. S. 48.

² «Не было общего языка между писателями, которые выросли в чужом государстве (польском. — В.Х.), но имели возможность дышать свободно, и теми, кто находился под террором навязанного соцреализма», — писал об этом в своих воспоминаниях украинский писатель Остап Тарнавский (после 1945 г. эмигрировавший на Запад). Цит. по: *Tarnawski O. Literacki Lwów 1939—1944*. Poznań, 2004. S. 95.

³ Калениченко П. М. Польська прогресивна еміграція в роки другоп світовоп війни». Київ, 1957.

⁴ Агапкина Т. П. О польско-советских литературных связях конца 30-х — начала 40-х годов // Революционная литература Польши 20—30-х годов. М., 1969; Globaczew M. Zycie kulturalne Polakow w tzw. okresie lwowskim (jesień 1939 — lato 1941) // Z Pola Walki. 1986. Nr. 1.

⁵ Naszkowski M. Lata próby. Warszawa, 1965; Putrament J. Pół wieku. T. 2. Wojna. Warszawa, 1964; Rudnicki A. Niebieskie kartki. Kraków, 1965; Brzoza J. Moje przygody literackie. Katowice, 1967; itd.

⁶ Агапкина Т. П. Указ. соч. С. 191.

⁷ Trznadel J. Kolaboranci. Tadeusz Boy-Zeleński i grupa komunistycznych pisarzy we Lwowie 1939—1941. Komorów, 1998. S. 11—12.

⁸ В такой интерпретации культурной жизни Львова того времени Тшнадель не одинок. См., например, раздел «Истинное начало ПНР» в двухтомном труде Б. Урбанковского «Красная молитва или усмешка Сталина» (Urbankowski B. Czerwona msza czyli uśmiech Stalina. T. 1. Warszawa, 1998. S. 31—238; более сдержан в своих оценках М. Инглот, избегающий определения «коллаборационизм» и антиукраинских выпадов (Inglot M. Polska kultura literacka Lwowa lat 1939—1941. Wrocław, 1995).

⁹ Tarnawski O. Literacki Lwów 1939—1944. Wspomnienia ukraińskiego pisarza. Poznań, 2004. На украинском языке книга была издана в Львове в 1995 г.

¹⁰ Правда. 1939, 1 ноября.

¹¹ Лебедев-Кумач В. И. Избранное. М., 1947. С. 166.

¹² Долматовский Е. Предвоенные годы // Страницы воспоминаний о Луговском. М., 1962. С. 191.

¹³ Знамя. 1940, № 1. С. 48.

¹⁴ Знамя. 1940. №3.

¹⁵ Павленко П. А. Собр. соч. в 6 тт. М., 1955. Т. 5. С. 187.

¹⁶ Там же. С. 191—192.

¹⁷ Правда. 1940, 4 августа.

¹⁸ Kowalewski J. Droga powrotna. Londyn, 1974. S. 167.

¹⁹ Wal A. Mój wiek. Część pierwsza. Warszawa, 1990. S. 261.

²⁰ Jastrun M. Pamięć i milczenie. Z rękopisów przygotował do druku Andrzej Lam. Pułtusk, 2006. S. 195—196. Об антагонизме между поляками и украинцами пишет и Г. Грыциук в своей книге о поляках в Львове в годы II мировой войны: Hryciuk G. Polacy we Lwowie 1939—1944: życie codzienne. Warszawa, 2000.

²¹ Ibid. S. 202.

²² Ibid. S. 214.

²³ Kott J. Przyczynek do biografii. Zawał serca. Kraków, 1995. S. 55. М. Яструн и А. Важик были редакторами подготавливаемого тома украинских поэтов напольском языке.

²⁴ Inglot M. Polska kultura literacka Lwowa lat 1939—1941. Wrocław, 1995. S. 55.

²⁵ Watowa O. Wszystko co najważniejsze. Warszawa, 1990. S. 25—26.

²⁶ См.: Gogol B. «Czerwony Sztandar»: rzecz o sowietyzacji ziem Małopolski Wschodniej: wrzesień 1939 — czerwiec 1941. Gdańsk, 2000.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2845. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 1—19.

²⁸ Kolski W. Zgnieść gadzinę nacjonalistyczną! // Czerwony sztandar. 1940. Nr. 104. S. 2.

²⁹ Grubiński W. Między młotem a sierpem. Warszawa, 1990.

³⁰ Czerwony Sztandar. 1940. Nr. 292. S. 3.

³¹ Ibidem.

³² Цит. по: Rymkiewicz J. M. Śluga Maryi Adam Mickiewicz // Nasze pojedynki o romantyzm. Warszawa, 1995. S. 175.

³³ 130 из них появилось на русском языке. См. Курант И. Л. Польская художественная литература XVI — начала XX вв. в русской и советской печати. Библиографический указатель. Т. 3. Адам Мицкевич. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, 1988.

³⁴ Czerwony sztandar. 1940. Nr. 355. S. 4.

³⁵ Czerwony sztandar. 1940. Nr. 358. S. 4.

³⁶ Антокольский П. Избранное. М., 1947. С. 166.

В. Н. Ковалев

«Огненное лицо» Украины и «запах русской земли». Общерусские и украинские акценты в советской пропаганде периода отечественной войны

1.

В конце тридцатых годов могло показаться, что последствия осуществленной советской властью украинизации являются совершенно необратимыми. Несмотря на репрессии, жертвами которых в тридцатые годы оказались многие видные украинизаторы — наряду с огромным количеством представителей русской интеллигенции и советской партийной верхушки, — украинизация территорий, оказавшихся после Брестского мира и последующего «национального строительства» в составе УССР, представлялась вполне завершенной. Было осуществлено главное, к чему стремились идеяные вожди украинского движения, — русская история была расчленена на отдельные автономные части, а понятие России сведено к территории Русского государства первой половины XVII в. В головы массы людей постепенно внедрялось представление о том, что Украина и Белоруссия — это нечто иное, отличное от России. И если русские в глубине РСФСР могли воспринимать это относительно безболезненно, то для миллионов русских на территории УССР и прилегающих к ней областей, независимо от их малорусской или великорусской принадлежности, перечисленные обстоятельства обернулись серьезным кризисом национальной идентичности.

Особенно остро этот кризис должен был ощущаться представителями образованных слоев, прежде всего пишущими людьми. Трудности начались уже на терминологическом уровне. Человеку, знавшему историю, было нелегко называть Украиной Новороссию или Донбасс. Не менее трудно было приучиться отождествлять Россию с Московским царством начала правления Алексея Михайловича. Русскому интеллигенту из Киева или Харькова было невозможно свыкнуться с тем, что он, будучи малороссиянином, якобы не является русским, но исключительно украинцем — причем не в старом, так сказать, «племенном», а в новом, «национальном» смысле.

Не случайно определение того, что такое «русский», найти в изданиях двадцатых-тридцатых годов довольно сложно. Сказать прямо, что отныне русские это те, кто ими остался, в условиях диктатуры было невозможно. Написать же, что русские это исключительно те, кого прежде условно именовали великороссами, первое время тоже получалось не у всех. Терминологические сложности усугублялись и тем фактом, что попутно с официальным разделением русской общности на три новых «нации» было выведено из обращения и слово «великорус». В результате утраты этого, пусть и сугубо книжного, но все же удобного термина, корректное описание этнических и национальных отношений восточного славянства сделалось невозможным.

Выведение данного слова из научного обихода произошло не сразу. В этом смысле чрезвычайно характерны статьи в первом издании Большой советской энциклопедии. Так в ее вышедшем в 1927 г. пятом томе, в написанной Е. Ф. Карским статье «Белорусы» термин «великоруссы» еще использовался. С его помощью было дано точное, в духе старой русской школы, определение: «Белорусская народность занимает область к западу от великорусской и к северо-западу от украинской, представляя на своих крайних границах смешение населения, переходное к той и другой»¹. То же самое можно было наблюдать в статье «Белоруссия», в частности в подготовленном В. И. Пичетой историческом очерке. Однако уже в появившейся на следующий год анонимной и безграмотной статье «Великоруссы» читателю разъяснялось, что это слово есть ни что иное как «термин, которым иногда и до сих пор обозначают ту часть восточных славян (см.), которая, подчинив себе целый ряд неславянских, преимущественно финских (см. Финны) народностей и отчасти слившись с ними, образовала в XVI—XVII вв. Московское государство. Термин возник в то же время и имеет, несомненно, великодержавный смысл, что особенно ясно из сопоставления его с тогдашним названием украинцев “малороссами”». В связи с этим, почти выходит из употребления. См. Русские»². Разумеется, не следует думать, что решительная смена парадигм произошла в течение одного лишь года. Первые тома данного издания отражают определенный плюрализм, еще существовавший в двадцатых годах, однако тенденция выступает вполне отчетливо. Узнать из БСЭ, что такое Малороссия, советскому читателю уже было не суждено. В вышедшем в 1938 г. 37 томе «Лиль—Маммалогия» (sic) за статьей «Малори» (Томас Мэлори) следовали «Малощетинковые черви». Ни малорусов, ни малороссов, ни Малороссии более не существовало. Примечательно, что Малая Польша³ в энциклопедии присутствовала.

Общеизвестно, что с середины 1930-х годов в советской пропаганде вновь зазвучали патриотические нотки и русский народ понемногу стал утрачивать черты идеологически репрессированного. Однако эту тенденцию также не следует переоценивать. В той же БСЭ весьма примечательными были статьи «Россия» и «Русские»⁴. В первой из них некий Л. Бычков повествовал о том, как Россия в ходе исторического развития превратилась в «тюрьму народов». Сообщалось, что «покоренные русским царизмом нерусские народы были совершенно бесправны и подвергались сильнейшей экономической эксплуатации, жесточайшему угнетению, всяческим унижениям и оскорблений. Царское правительство культивировало великодержавный русский шовинизм, провокационно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой. Самодержавие проводило политику насильтвенной русификации, оно стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, преследовало издание книг и газет на родном языке угнетенных национальностей России. Естественно, что вся история Российской империи пронизана национально-освободительным движением покоренных нерусских народов, их борьбой против колониального, насилического царистского гнета». Дореволюционная Россия характеризовалась как «отсталая страна, находившаяся в полуколониальном положении», «страна безграмотности и бескультурья»⁵. Что же касается самих русских, то в статье того же автора «Русские»⁶ ничего не сообщалось ни об их этногенезе, ни об их национальных особенностях — и это, возможно, отражает кризисное состояние представлений о russkosti, обусловленное пертурбациями периода мировой и гражданской войны на Западе и Юге России.

С началом войны происходит решительное изменение пропагандистских подходов. Сергей Михалков в детских стихах смело рифмует «поднялись большевики» и «встали русские полки»⁷. Слово «русский» в качестве обозначения народа, солдата, армии на несколько лет прочно входит в художественную литературу и публицистику, выступает в названиях целого ряда произведений литературы. «Русские люди» Константина Симонова (1942), «Иван Никулин, русский матрос» Леонида Соловьева (1943), пропагандистские статьи и рассказы Алексея Толстого («Русские воины», 1942; «Русский характер», 1944)⁸. Разумеется, эксплуатация русских национальных чувств не являлась единственным мотивом официальной пропаганды. Не меньшую роль играли прежние «советские» нотки, идеи защиты завоеваний Октября. В целом картина характеризовалась сосуществованием различных подходов, зачастую вполне органично уживавшихся у одних и тех же авторов.

2.

Сама по себе апелляция к «русскому» не подразумевала общерусского. «Русское» в те годы для многих уже отождествилось с тем, что прежде было принято именовать великорусским (при том, что последнее слово фактически оказалось под запретом), и далеко не во всех случаях, когда говорится о «русском», речь идет об общерусском. Следует также учитывать, что в пропаганде был задействован широчайший спектр самой разнообразной «национальной» аргументации, в том числе и «украинской» по своему характеру. Например, в апреле 1942 г. газеты страны опубликовали «Воззвание выдающихся деятелей культуры к украинскому народу»⁹. Вполне вписывались в советскую систему представлений о существовании трех «братьских» восточнославянских народов выступления участников Третьего всеславянского митинга в Москве (май 1943 г.). В своей речи, названной «К мести, братя славяне», народный поэт Белоруссии и академик Якуб Колас заявлял: *«Как и подобает великому и свободолюбивому славянскому народу, белорусы (здесь и далее курсив мой. — В. К.) самоотверженно борются за свою свободу и независимость, за свою национальную целостность и честь»*¹⁰. Александр Фадеев, «русский писатель, член Всеславянского комитета», говоря о сражавшихся на советско-германском фронте зарубежных славянах, перечислял все три братских народа СССР: «Воинская часть Чехословацкой республики *бок о бок с русскими и украинскими воинами* наносит жестокие удары немецким разбойникам. Мы приветствуем доблестных польских патриотов, формирующих на территории СССР свою дивизию имени Тадеуша Костюшко, чтобы *бок о бок с русским, украинским, белорусским народами* драться за свободу Польши и других славянских стран». Выступление Фадеева было озаглавлено «Великий русский народ — передовой борец против фашизма»¹¹, из чего при желании можно было сделать вывод, что два других «братьских народа» являются менее передовыми (а возможно, и менее великими), — что очень близко к пресловутой концепции «старшего брата».

Другой член Всеславянского комитета, «украинский кинорежиссер и писатель» Александр Довженко больше говорил об украинском народе: «В великой мировой войне решается историческая судьба украинского народа. Будет ли он жить в едином передовом государстве или разорвут его на части, разделят границами, будут его онемечивать, румынизировать и снова бросать в бой брата против брата? Нет, не бывать этому! За свое законное государственное право, за вековую свою культуру в едином сво-

ем государстве — в великом Советском Союзе борется украинский народ. Он определил свою цель вот уже четверть столетия и никому не позволит ни делить себя, ни командовать собой»¹².

В выступлении классика кинематографа примечательны как чрезвычайно решительные нотки (украинский народ определил свою цель четверть века назад — что при желании можно было понимать как намек на «украинскую революцию 1917—1918 гг.»), так и мотив «соборности» — активно использовавшийся (пусть и без употребления самого термина) в советской пропаганде эпохи в связи с «воссоединением Западной Украины». Что касается упоминания о румынизации и онемечивании, то семантический ряд легко можно было продолжить ополячиванием и русификацией. Однако Польша была союзником...

Среди выступавших на митинге был митрополит Киевский и Галицкий Николай («Борьба с фашизмом — великий всенародный подвиг»). Он тоже, скорее вынужденно, отдает дань советской национальной схеме, противопоставляя русских и украинцев: «На протяжении этих двух лет он (митрополит Сергий. — В. К.) неоднократно обращался к русскому верующему народу, а я, как экзарх Украины, — к верующему украинскому народу...» Впрочем, в самом начале речи митрополит позволяет себе некоторую двусмысленность: «...пусть вольется сейчас и голос представителя православной церкви великого русского народа»¹³.

В середине мая в «Правде» появились пространные статьи, разоблачавшие происки украинских националистов в Канаде. Поводом послужили действия «Украинского канадского комитета», члены которого в своем меморандуме премьер-министру Канады Маккензи Кингу от имени украинского народа заявили, что украинцы желают иметь «сепаратное украинское государство в Европе». Судя по количеству публикаций на эту тему в советской прессе, меморандум серьезно обеспокоил власти, привлекшие к пропагандистской борьбе с канадскими националистами видных авторов из числа советских украинцев¹⁴.

Одна из статей в «Правде» была подписана знаменитым патофизиологом, академиком Александром Богомольцем, президентом Украинской академии наук, и называлась «Советская Украина и украинско-немецкие нацисты в Канаде». Аргументация автора (кто бы им ни был на самом деле) не имеет ничего общего с общерусским подходом и довольно далека даже от идеи восточнославянского братства, общего исторического пути трех народов, единого отечества и т. п. Основной довод — потребность Украины в союзе с кем-либо как средство обуздеть возможного агрессора. Реальный союзник, разумеется, лишь один, но он не безальтернати-

вен в принципе. «Украина могла сделать выбор между тремя соседними державами: Германией, Польшей и Россией. С кем же из них могла заключить прочный союз Украина? Для того, чтобы союз был прочным, необходимо, прежде всего, наличие между союзниками взаимного уважения, необходимо, чтобы украинцев считали равноправной нацией».

Таким образом, Россия оказывается всего-навсего соседом Украины. Более того, поскольку она отождествляется с Советским Союзом, то последний в силу этого тоже становится... соседом Украины: «Остается третий наш сосед — Россия по-старому, а ныне — Советский Союз. Пока в России господствовали царь и русские империалисты, народам России, в том числе и русскому, жилось плохо, они находились в угнетенном состоянии, а украинская культура преследовалась...»

Как видим, отношение к этому соседу не лишено ноток традиционной советской русофобии двадцатых годов. Далее автор расписывает достижения советской Украины и их разрушение «немецкими варварами» при помощи «ничтожной кучки украинских немецких националистов», а также выражает уверенность, что «близок час, когда снова возродится дружная семья народов Союза ССР, о которой еще 100 лет тому назад мечтал гениальный поэт Украины Тарас Шевченко»¹⁵.

Нашедшие место в статье представления об Украине и России выглядят более чем странно в устах уроженца Киева (1881), выпускника Новороссийского (1906) и профессора Саратовского университета (1911—1925). Но вероятно, они казались вполне подобающими президенту Академии наук Украины (1930—1946). Неясен и адресат сочинения. Вряд ли им мог быть житель Харькова, Одессы или Ворошиловграда — а скорее галичанин или буковинец, для которого до самого последнего времени Россия и СССР действительно были не более чем «соседом».

На следующий день, 14 мая, борцом против «украинско-немецких нацистов в Канаде» выступил Павло Тычина, опубликовавший не менее пространную статью под названием «Прочь грязные руки от Украины». Аргументация поэта в его полемике с «разъяренными украинско-немецкими нацистами» на службе «берлинских людоедов», потерпевших «поражение с блицкригом», примерно та же, что у патофизиолога. Это тезис о невозможности создания независимой державы и рассуждения о союзе с Германией, Польшей и СССР. Впрочем, Украина все же выступает не как «сосед» Советского Союза, а как член семьи его народов: «Такой дружной семьей народов является Союз Советских Социалистических Республик, где Украина, как самостоятельная страна, обеспечив для себя широкое право на свободную жизнь — государственную и культурную, —

действительно засияла своим огненным лицом в кругу свободных народов»¹⁶. Однако мысль об особости Украины («самостоятельная страна») налицо. И она, скорее всего, имела значение не только для Павла Тычины. Подобная аргументация была способна воздействовать на тех, на кого могли оказывать влияние демарши «украинских канадских нацистов».

Точка зрения на русских и украинцев как на два отдельных народа присутствует и в других материалах «Правды». Осенью сорок третьего заместитель Председателя Верховного Совета УССР Александр Корнейчук в своем очерке «Переяславль—Полтава» писал: «Украинцы знали, что в тяжком горе и мучениях их не оставит *родной брат — русский народ*». При этом у автора получился довольно забавный коктейль, когда после ставших дежурными упоминаний о Петре I и Богдане Хмельницком и их вкладе в развитие братской дружбы наступил черед привычных послереволюционных штампов: «Эта дружба ярким пламенем горела в сердцах Шевченко и Чернышевского, звавших Русь к борьбе против ненавистного царизма, жестоко угнетавшего *украинцев, русских и другие народы царской империи*»¹⁷. Бои на Днепре и грядущее освобождение Киева закономерно вели к увеличению числа публикаций на украинскую тему — вплоть до стихотворения Павла Тычины «Я утверждаюсь» на украинском языке¹⁸. Дань ставшему традиционным тезису о русских и украинцах как об отдельных народах отдавалась и в материале об учреждении ордена Богдана Хмельницкого: «Свято чтит украинский народ имя Богдана Хмельницкого, оно любимо русским народом»¹⁹.

Однако не исключались и иные подходы к проблеме. Илья Эренбург мог позволить себе назвать свою страну (не РСФСР, а всю страну) Россией: «Красная Армия — это гордость и надежда Европы. *Великая европейская держава — Россия*, отставая свои поля, свои ценности, свои вольности, вместе с тем идет на спасение истерзанной немцами Европы»²⁰. В тех же самых помсрах публиковалась повесть Горбатова, о которой речь пойдет ниже.

Другим вариантом было использование сугубо советских терминов, без указания на «русскость» или «украинскость» действующих лиц и места действия. В первых помещенных в «Правде» материалах о «Молодой гвардии» (передовая «Сталинское племя», Указ о присвоении молодогвардейцам звания Героя Советского Союза, статья А. Фадеева «Бессмертие») украинский мотив начисто отсутствует. Молодогвардейцы — представители советской молодежи, и этого вполне достаточно²¹. Подобное видим и в статье «Подпольщики Полтавы»: ее героиня — «советская девушка», об Украине и украинцах не говорится ни слова²².

Таким образом, на страницах советской прессы военного периода можно наблюдать сложнейшее переплетение разнообразных риторических приемов и личных пристрастий — весьма далекое от упрощенного представления о полном идеологическом единстве тоталитарного государства. Разумеется, это было возможно лишь до первого окрика. Однако и окрики имели разнообразный характер, будучи обусловлены, в частности, потребностями текущего момента. Имея дело с чрезвычайно разнородной массой, которую требовалось привлечь на свою сторону и мобилизовать на борьбу, власти использовали широчайший спектр методов пропагандистского воздействия — и это создавало некоторый идеологический зазор, позволявший делать порой относительно независимые в идеином плане высказывания, в том числе и общерусского характера.

3.

Общерусские мотивы без особого труда можно обнаружить в художественной литературе тех лет. Особый интерес представляют в этом отношении авторы, писавшие о русском Юге. В частности, общерусская тенденция бросается в глаза уже при поверхностном терминологическом анализе военных произведений Леонида Соловьева и Бориса Горбатова.

Известный прозаик Леонид Соловьев трудился в годы войны корреспондентом газеты «Красный флот», создав попутно ряд небольших повестей, действие которых происходит в Причерноморье. Подобно многим своим современникам Леонид Соловьев с явным удовольствием пользовался словом «русские». О многом уже говорит вызывающее по недавним меркам название повести 1943 г. «Иван Никулин, русский матрос»²³. Главный герой ее — шахтер из Донбасса постоянно думает и говорит о русских и России. «Что я, фриц какой-то, чтобы добра не помнить. Я русский человек, я добро вовек не забуду» (врачу в госпитале). «Моя думка, чтобы они (немцы. — В. К.) на весь век свой закаялись к нам в Россию ходить, да и детям своим и внукам заказали». «Думал он о себе, о Фомичеве, о России...» В другой повести, «Черноморцы», написанной в 1942 г.²⁴, термином «черноморцы» объединены бойцы батальона морской пехоты — «прославленные “черные комиссары”: николаевцы, херсонцы, мариупольцы, севастопольцы». Все они, и севастополец Степан Полосухин и херсонец Евтушенко, разумеется, «русские» и сражаются за Россию. «Россия! Во имя твоё пять моряков, обвязавшихся гранатами, ложатся под немецкие танки. (...) Россия! Во имя твоё старшина Степан Полосухин поднимает навстречу немцам в контратаку свой взвод...»

Следует, однако, отметить некоторые детали. Так, количество характерных малороссийских фамилий в произведениях Соловьева гораздо меньше реальной пропорции, характерной для Черноморского флота или защищавшей Одессу и Севастополь Приморской армии (Евтушенко в «Черноморцах»; Харченко в «Иване Никулине»). Можно даже предположить, что автор проявляет некоторую осторожность, не будучи уверенными, стоит ли лишний раз называть русскими тех, кто по недавним официальным канонам таковыми не являлся. То же касается и географических очертаний России. Выступающее в «Иване Никулине» определение («Россия, родная страна, — это не просто земля между Тихим океаном и Черным морем...») может как включать, так и не включать территорию УССР. Возможно, сказалось и то, что уроженец Средней Азии Соловьев на Черном море был человеком со стороны. Не случайно его описания причерноморских реалий носят весьма условный характер.

Несравненно более ярким примером выхода за терминологические рамки, сформировавшиеся в довоенные годы, является творчество донбасского писателя Бориса Горбатова. Родившийся в 1908 г. в нынешней Луганской области в семье служащего, он был сыном новой эпохи — пионером, комсомольцем, чоновцем, бойцом и командиром РККА, во всех отношениях лояльным советской власти. Но именно в его военных произведениях с необыкновенной силой проявилось то новое (или старое?), что вышло на поверхность в годы войны.

Отдельные «старорежимные» нотки звучали и раньше — например, в его романе «Мое поколение» (1931—1933), однако исключительно в высказываниях отдельных персонажей (школьный учитель говорит о «всей России» — с Днепром, Сечью, Днепрогэсом; отрицательный персонаж, сын казачьего офицера, мысленно называет Россией «украинскую» часть Донбасса)²⁵. С началом отечественной войны подобные представления выглеснулись на страницы горбатовской прозы в качестве органической части авторского высказывания²⁶. Уже в первых его военных очерках выступает концепция единого отечества. Один из очерков, снабженный по-меткой «сентябрь 1941, село О. на Днепре», так и называется «Родина». Обрисовав географию первых боев, в которых ему довелось принять участие («под Вапняркой, под Уманью, под Крымским Рогом»), писатель объясняет свое понимание Родины, сформировавшееся у него здесь, на Украине: (Колхозники на Днепре спрашивали о Ленинграде. — В. К.) «И тогда я понял. Вот что такое Родина: это когда каждая хата под седым очеретом кажется тебе родной хатой и каждая старуха в селе — родной матерью». Писатель еще не называет эту страну Россией, однако дает по-

нять, что населяют ее русские: «...там, на льдине (в Арктике. — В. К.) плыли наши *русские советские люди*, плыла наша слава»²⁷.

Еще более категоричен Горбатов в другом военном очерке, «О жизни и смерти». В качестве населения захваченных немцами украинских и причерноморских территорий в нем выступают именно русские. «Ты вырубишь тонну угля — он заберет ее да еще обругает: “Русская свинья, ты работашь плохо!” Ты всегда останешься для него русским Иваном, низшим существом, быдлом. Он заставит тебя забыть твоих отцов, язык, которым ты мыслил, мечтал, на котором признавался в любви к невесте». Слово «русский» повторяется раз за разом: «фашисту не нужны русские учёные», «фашисту не нужны чистые русские девушки», «фашисту не нужны старые русские люди». То же самое и в рассказе о дезертире, местном уроженце: «Хотел ли он победы фашистов? Нет, как всякий русский человек»²⁸.

Газетные очерки Горбатова имели пропагандистский характер, и именно этим интересны. Используя определенную терминологию, и автор и редакция — независимо от их личных пристрастий — должны были исходить из того, что она найдет ожидаемый отклик в сердцах людей, не вызовет их неприятия, мобилизует на борьбу с врагом (а также не спровоцирует санкций со стороны политического руководства). Судя по всему, так и было, поскольку на протяжении нескольких лет, Горбатов продолжал пользоваться этой терминологией, все более и более усиливая общеrusский акцент своих произведений.

В повести 1942 г. «Алексей Куликов, боец» война изображена глазами красноармейца-пензенца. Место действия — Украина, что неоднократно подчеркивается. Но эта Украина, со всем своим своеобразием, которое сразу же замечает Алексей Куликов («Украинцы чисто живут. У них в хатах даже дух легкий: травой, что ли, пахнет или сладким сеном»), вопреки тому, чему должны были учить героя в советской школе, является частью России, а украинцы — при том, что они украинцы, — русскими. Указаний на это в небольшой повести разбросано более чем достаточно. Вот летом сорок первого боец оказывается в окружении и начинает свой путь по украинской земле. Первая мысль: «Никуда не пойду больше. Все одно — пропала Родина», — сменяется решимостью пробиться к своим: «Он не знал, чтосталось с Россией, и где теперь наши, и как далеко шагнул немец, но смутно чувствовал он всем существом своим: пропасть Россия не может». Куликов знает, что он на своей земле, среди своего, русского народа: «Только б не нарваться на немцев, а у русского человека всегда найдется для него кусок хлеба с солью да пук соломы... И опять была перед ним дорога в дыму и крови — крестный путь русского народа...»²⁹

Тема русского единства и пробуждении русского национального сознания чрезвычайно важна для автора. Она становится стержнем одного из центральных эпизодов повести. Идущий по немецким тылам Куликов добирается до Сумшины (у хозяина хаты, где он хотел заночевать, «сундук, купленный в Ромнах на базаре»), и тут немцы на ночь глядя выгоняют его и хозяина дома на улицу. Между пензенцем и украинцем происходит следующий разговор:

«Тебе-то что? [— говорит украинец. —] Твоих-то, пензенских, не касается... Твои-то, пензенские, гитлеровца не пробовали...

— Может быть, пензенских и не касается, — обиженно согласился Куликов. И вдруг закричал: — А душа? Душа что? Душу ты не считаешь? Что ж, у меня не русская душа?

Никогда раньше не задумывался Алексей Куликов о том, какая у него душа — русская или нерусская. В колхозе у них всякий люд был — и русские, и татары, и мордва. И человека ценили по тому, как трудится человек. Но сегодня, когда фыркнул ему немец: “Ты, рус, — собака”, — остро почувствовал Алексей Куликов, что кипит в нем гордая и вольная русская душа, и душу эту ни оплевать, ни растоптать, ни унизить нельзя»³⁰.

Слова «русский» и «Россия» почти навязчиво повторяются на протяжении всей повести. «Немецкие патрули, мимо которых пробирался он, и не знали, что это идет к своим Алексей Куликов, русский солдат...» Вышедший из окружения Куликов обращается к пленным немцам: «Эй ты, плюгавенький! Это ты собрался Россию покорить? Завоеватели! Где тебе гугниявому! Не покорить тебе России, понял?»³¹

В последующих эпизодах повести Горбатов настойчиво и однозначно подчеркивает русскость Украины. Вот разговор Куликова с бойцом Дубягой о земляке последнего, дезертире, которому Дубяга явно сочувствует. В решительном ответе Куликова, помимо угрозы, неожиданно четко звучит идея «единой и неделимой»: «А мы придем, Дубяга, поимей это в виду. *Во все места земли русской придем! И на Украину!*». Развивая свои мысли о дезертире, Куликов продолжает: «*А Россию он продал.* Продал, сукин сын». Впрочем, мысль о «единой и неделимой» у Горбатова не чужда и будущему предателю (которого Куликов застрелит при попытке перебежать к немцам): «Так ведь Россия-то Россией и останется... — заметался Дубяга, — вот под татарами была, а всё Россия. Ну, пусть под немцем...»³²

Частота упоминаний о «русском» для коротенькой повести чрезвычайно велика. Создается впечатление, что автор, получив возможность, словно бы пытается компенсировать вынужденную немоту прошедших

лет, взять реванш за унизительное время принудительной украинизации родного края — и уверен, что будет понят и поддержан читателями. Вот мысли Куликова в секрете перед бегством Дубяги: «Кто его знает, о чем думает Дубяга, а Куликов думал, что если б каждый русский человек убил хотя бы одного вражеского солдата — и войне б конец». Куликов знакомится с прессой: «Он читал о событиях на Соломоновых островах и гадал, а что от этих островов приключится России, а стало быть и мне, Куликову, и моей семье?» Куликов не сомневается в победе: «...твердо верил он: Россия пропасть не может!»³³ Действие между тем по-прежнему происходит на территории УССР. Заключительная страница повести буквально пестрит словом «русский». «Не дано фашистам понять величие русское души». «Нет, не может пропасть Россия, будем жить на вольной русской земле!» После летнего отступления Куликов и его товарищ защищают кавказский перевал (вероятно, в районе Туапсе), словно это был «последний клочок русской земли», словно он сам был «последний русский воин» — и «эти двое русских» не отступают перед рвущимися на юг немцами. Когда же приходит подмога, Куликов видит «русские танки... американские автомобили... Шли азербайджанцы, грузины, русские — может, пензенцы»³⁴. Примечательно, что украинцы тут не упоминаются, хотя не быть их здесь не могло, — и это легко объяснимо, поскольку, в отличие от азербайджанцев и грузин, они в повести такие же русские, как и пензенские земляки Куликова.

Повествование о Куликове имеет довольно условный и схематический характер, это скорее способ выразить чувства, переполнявшие автора, и его подход к проблеме russkosti. Тот же подход, однако, проявляется и при обращении к конкретному материалу, в частности в серии «Военные очерки». Рассказывая об освобожденном от врага Мариуполе, Горбатов пишет о его населении как о русских:

«Лучшие кинотеатры служили только солдатам — «Солдатенкипо». Русских туда не пускали (...) На садовых скамейках в скверах красовались надписи по-русски и по-немецки: «Только для немецких солдат» (...) Для *русских людей* Мариуполя были подневольные, каторжные работы, лагеря, тюрьмы. Для непокорных — могила в противотанковом рву»³⁵.

Вершиной творчества Бориса Горбатова стала повесть «Непокоренные (Семья Тараса)». Идеи, характерные для его «Алексея Куликова», предстали в новой книге в художественном сплаве с реальными фактами. В феврале 1943 г., прибыв в освобожденный Ворошиловград, писатель узнавал от жителей подробности жизни под оккупацией, позволившие ему создать плотную реалистическую ткань произведения (характерными

чертами которого являются в то же время романтическая приподнятость и сознательная перекличка с «Тарасом Бульбой» Гоголя). Политическое руководство сразу же оценило мощнейший пропагандистский потенциал «Непокоренных». Первая их часть была опубликована в майских номерах «Правды» за 1943 г., вторая — в сентябрьских и октябрьских³⁶. В том же году книга вышла 500-тысячным тиражом в Гослитиздате. Между тем недвусмысленно выраженный в произведении взгляд писателя на соотношения русскости и «украинскости» находился в вопиющем противоречии со всеми довоенными идеологическими установками.

Как и в предыдущих случаях, ограничимся набором цитат, в которых выступают интересующие нас термины. Образ России появляется уже в первых строчках, где описывается летнее отступление Красной Армии в 1942 г.: «А обозы всё шли и шли — всё на восток, всё на восток — по пыльной горбатой дороге, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец, за Дон, за Волгу. (...) На одном берегу останутся Тарас с немощными бабами и внучатами, а *где-то на другом — Россия*, и сыны, которые в армии, и все, чем жил и для чего жил шестьдесят долгих лет он, Тарас»³⁷. Из текста совершенно ясно, что Россия «на другом берегу» вовсе не потому, что на этом берегу находится УССР, но потому, что на этом берегу скоро будут немцы.

Как и в Мариуполе, в родном городе старого заводского мастера Тараса Яценко (город не назван, но, как говорилось, основной материал был собран Горбатовым в Ворошиловграде) живут русские. «Немцы никак не могли понять, отчего *русские женщины* плачут, когда на экране так весело, совсем не как на войне, бьют пушки. Офицеры злились *на русских женщин*, а *русские женщины* плакали все громче и громче. Каждой казалось, что это в ее мужа, сына, брата бьет немецкая пушка»³⁸. Пленные красноармейцы тоже русские: «Застенком, где немецкие врачи *на русских раненых* пробовали свои яды, была больница»³⁹. Русским является и главный герой, и его язык, и даже его взгляд:

«Я черный рабочий! — опять повторил Тарас и встал, опираясь на палку.

Штейн тоже встал. Их взгляды скрестились. *Штейн был здешний немец. Он хорошо понимал не только русский язык, но и русский взгляд*.

Другие рабочие завода, которых оккупанты, как и Тараса, пытаются заставить трудиться на них, тоже русские:

«Немец-надсмотрщик злится: *русский* не умеет работать! Русский есть ленивый осел! Тарас усмехается: поглядел бы ты, немец, как *русский "лентяй"* шуркал здесь, когда сам себе был хозяином, как ворочал тяж-

ким молотом *Петр Лиходид*, какой азарт кипел здесь, какой пот был на рубахах»⁴⁰.

Русское все вокруг, в том числе донбасская природа:

«В последний раз шел он (идущий на расстрел вместе с другими евреями доктор Фишман. — В. К.) по городу, где родился и вырос. И был до горечи дорог ему этот *русский мокрый ветер* в черных тополях, и *запах земли*, покрытой жухлой листвой, и *русские заплаканные крыши*, и *русский осенний дождь*, падающий над городом»⁴¹.

Уничтоженным немцами евреям в этническом плане противопоставлены не украинцы и русские, а просто русские: «Евреев расстреляли где-то за городом. Чудом уцелевшие одиночки прятались в русских семьях. Русские люди охотно, не страшась, прятали мучеников: это был долг совести». Немцы в городе соприкасаются с русскими: «Русские люди раздражали их, особенно дети»⁴².

Автор показывает, как в специфических условиях оккупации может происходить отчуждение от русского народа, невольный отказ от собственной рускости. Вот Тарас разговаривает с внучкой.

«Дедушка, — спросила она однажды, — *а скоро русские придут?*

— *А ты кто же, не русская?* — рассердился Тарас.

— Нет. *Немецкие мы теперь.* Да?

— Нет! *Русская ты!* И земля эта русская. И город наш был и будет русский. Надо так, Марийка, говорить: *наши придут. Наши скоро придут!* Наши немца прогонят. — Он учил ее этим словам, как молитве. И она знала уже, что слова эти надо держать в душе, немец их слышать не должен»⁴³.

Лейтмотив повести — верность России. Именно здесь наиболее отчетливо выступает перекличка с Гоголем. Если старший сын Тараса Степан с самого начала находит себя в общей борьбе — он подпольщик, — то ситуация среднего сына, Андрея, несколько иная. Попав в плен, он, женатый человек, был вытащен из-за колючей проволоки доброй сельской женщиной, некоторое время жил у нее в «примаках», а потом вернулся в родной, оккупированный немцами город. Отец проявляет суровость к сыну, пытающемуся оправдать измену жене:

«Ничего! Ничего! — зло расхохотался Тарас. — Чего, брат, с женой стесняться! *России изменил*, так чего уж тут жена? Только вот что я тебе скажу, Андрей. Жена простит, она существо бессловесное, кроткое. *Простит ли Россия?*

— *А перед Россией моей вины нет...* — глухо пробурчал Андрей.

— Врешь! Врешь! — закричал на него Тарас. — *Всех ты обманул!* И Россию, и жену, и меня, старого дурака, и мое ожидание»⁴⁴.

Жесткость отца возымела действие — Андрей не пошел по пути Андрия из гоголевской повести, сумел перейти линию фронта и добраться до своих. «Тут ему дали оружие. Он взял винтовку. Она была совсем такая же, как и та, брошенная им в кукурузу, когда сдавался немцам, — *обыкновенная русская, трехлинейная*, с золотистой ложей и граненым штыком». Его цель — достойно вернуться домой с оружием в руках, туда, где ждут освобождения родители и жена: «Со смертной тоской ждут, может, об Андрее и не думают, — отец проклял, жена не простила. *Ждут штыка русского*»⁴⁵.

Вопрос о верности России поднят и на специфически «украинском» материале. Один из персонажей повести по имени Павел, друг дочери Тараса Насти, некоторое время проводит на Правобережье и по возвращении домой описывает разнообразные методы, применяемые для совращения людей коллаборационистами из числа сознательных украинцев.

«— Видишь, там за Днепром, журналы выходят. *По-русски и по-украински*. Брошюры. Газеты. В них расписывается всеми колерами райская жизнь в Германии. Германия называется Европой, а вы, мол, русские, — азиаты, и вы Европы не видели и не знаете. И не смеете судить. И каждый день в этих газетах оплевывалось самое святое, что было у нас с тобой... И я читал... Понимаешь?

Она молчала и внимательно смотрела на него.

— Я все читал. Одно за другим. Я глотал это, как яд, и говорил: попробуй, отрави мою душу! Ну? И, проглотив, отбрасывал прочь. Не яд — рвотное. Тошнит, — он сплюнул. — Но были и другие брошюрки. Похитрей. Они были написаны... как бы тебе объяснить?.. Шепотком. Понимаешь? Вкрадчивым таким шепотком, в самое ухо... Они и о социализме шептали. Очень туманно, чуть слышно, но все-таки! И больше всего о культуре. Заманчивое слово! Да? *Или об украинской нации*. Или о миссии молодежи. И в этих брошюрах нашему брату, русскому молодому человеку, даже льстили. И это я читал. И над этим сам один думал... Еще были журналы литературные. Там можно было тиснуть стихи и не на политическую тему. А так, ни о чем... Понимаешь?

— Нет, — сказала Насти.

Он засмеялся.

— И я не понимаю. Но, говорят, можно. Ну, о синем небе, о голубых глазах. Ни о чем. Некоторые писали. И кашали. А я голодал. (...) А со стен мне кричали плакаты: «Молодой человек! Тебя ждет Германия!» *А петлюровские клубы* распахивали двери: «Молодой человек! Иди веселись, танцуй и забудь, что у тебя душа в крови!» А желудок урчал: «Пиши стихи

в журналы, ну хоть ни о чем, и кушай!” (...) Я хочу только сказать, что надо было выбирать. И я выбирал. (...) И вдруг оказалось, что дорог всего две. Тропинок, тупиков много, а дорог; Настя, только две: немцы или Россия. И я, — сказал он тихо, — я выбрал... Но сперва ты вспомни: я был один. И вокруг меня волчья жизнь. И зверски голодал я. И душа и морда в крови. И шаги за спиной. И все, что я считал святым, оплевывалось каждый день. И где-то далеко-далеко Красная Армия, и даже неизвестно, есть ли она еще или нет... И я выбрал, — сказал он, не глядя на Настю, тихо и проникновенно: *Большевизм. Россию. Комсомол*⁴⁶.

Это, пожалуй, самый смелый и рискованный пассаж в повести Горбатова. Ведь если вынести за скобки «большевизм» и «комсомол», то дилемма, которая вырисовывалась перед Павликом, однозначна — с одной стороны немцы и идея «украинской нации», с другой — верность России. Интересно, что в книжных изданиях повести помещенное после слов о «двух дорогах» уточнение — «немцы или Россия» иногда снималось, хотя это мало что меняло по существу, поскольку «украинская нация» в любом случае оказывалась либо на немецкой стороне, либо становилась одним из «тупиков»⁴⁷.

Приведенные примеры вовсе не означают, что Украины в «Непокоренных» нет. Вопрос в другом — как мыслится эта Украина. Приведем еще несколько цитат. О местном художнике: «Чтобы не умереть с голоду, он писал пестрые акварельки, изображавшие *украинский пейзаж*, каким он никогда не был, но только это и покупали итальянские солдаты. Им нравились акварельки, намалеванные художником. Они посыпали их в Италию: *вот земля, которую завоевал ваш сын*⁴⁸. О девушках, увозимых в Германию: «Плач полонянок. Он стучится в его уши. Он стучится в его сердце. *Над всем Украиною звенит этот горестный девичий вопль*⁴⁹. О людях, скитающихся в поисках пропитания для своих семей: «Из Харькова, из Полтавы, из Донбасса, из Запорожья. Артемовцы с мешком соли на тачке, кременчугцы с краденым на фабрике табаком, рубежане с банками краски. Словно *все города Украины сбились* на этом поле... «*Украина ты моя! Украина!* — горько покачал головой Тарас. — Бедолаги мы с тобой!»⁵⁰ «Он шел дорогами и проселками истерзанной *Украины* и видел: запрягли немцы мужиков в ярмо и пашут на них». «А ты, Павлик, *всю Украину прошел и ни партизан, ни подпольщиков не встретил?*»⁵¹ Ни одно из этих высказываний не находится в противоречии с предыдущими примерами — упоминаяемая в них Украина является частью России, частью, полностью захваченной врагами и страдающей под оккупацией.

Есть, впрочем, два примера противопоставления России и Украины. Первый выглядит так: «На донских дорогах наши тачечники столкнулись с потоком из России. Появились люди из Курска, из Белгорода, из воронежских городов. *Россия встретилась с Украиной*, поставили рядом тачки, сели, закурили цигарки из прошлогодней сухой травы, растертой тут же на кровавых от тачки ладонях»⁵². Второй звучит очень похоже: «Это был самый северный угол его округи. Здесь *Украина встречалась с Россией*, границы не было видно ни в степных ковылях, одинаково серебристых по ту и по другую сторону, ни в людях...»⁵³ Строго говоря, иначе написать было нельзя. Великороссии более не существовало, официальный термин РСФСР звучал бы в романтическом произведении нелепо⁵⁴. Более того, автор сумел воспользоваться вынужденным противопоставлением для того, чтобы тут же снять его, подчеркнув отсутствие подлинной границы — границы «в людях».

Отказываясь от противопоставления «украинского» и «русского» как этнического и территориального, Горбатов противопоставляет «русскому» «петлюровское» и намекает на то, что принадлежность к «украинской нации» является формой отказа от своей нации, перехода в антирусский лагерь. Отступничество от России обусловлено пакостным расчетом, трусостью, шкурничеством. Для подобного противопоставления у автора имелись серьезные основания, связанные с политикой оккупантов и действиями коллаборационистов, в частности в Донбассе. Уже весной сорок второго года об этом писал Василий Гроссман:

«Система провокаций строится главным по национальному принципу — оккупанты стараются натравливать украинцев на русских, обещая им преимущества в получении патентов на открытие частных лавок и права крупного домовладения. В Горловке комендант пытался вербовать специально украинскую полицию, издал приказ: “Все мужчины украинской национальности от 18 до 40 лет включительно должны явиться в управление бургомистра на военную службу”»⁵⁵.

Нечто подобное происходило и за пределами УССР, найдя отражение, в частности, в таком неофициальном документе, как личные дневники уроженца Донбасса Хрисанфа Гавриловича Лашкевича (р. 1860), проживавшего во время оккупации в Крыму. Приводимые в них факты и оценки прекрасно корреспондируют с оценками Бориса Горбатова, отличаясь разве что большей решительностью (писалось не для печати). Так, Лашкевич с негодованием сообщал о том, как в Симферополе местных жителей в 1942 г. активно пытались заманить в украинцы⁵⁶. Старый русский

интеллигент, малорус по происхождению, Лашкевич подробно описал и проанализировал в своем дневнике тактику немецких властей и их пособников:

«Теперь мечта немцев как будто бы осуществилась, южная часть СССР отторгнута от страны, и остается только уничтожить на этой территории всякий намек на единение с остальной страной. И вот создается украинский комитет восстановления национальности.

Приглашаются все русские, считающие себя украинцами, предъявить свои паспорта для исправления в них наименования национальности “русский” на “украинец”. А чтобы успешнее провести это предательское дело — открыли украинский магазин и объявили, что украинцам будут выдавать муку и другие продукты. Украинцам! А русским — нет! Русские — обреченные люди, им не дадут муки, на земле русского народа в привилегированном положении оказываются украинцы, для которых откуда-то, очевидно от доброго дяди, достается мука.

Украинцы не желают делить судьбу русского народа. Русский народ должен погибать в одиночку: какое дело украинцам до русского народа! Вот какой смысл имеет создание украинского комитета и украинского магазина. Расчет на низкие инстинкты низменных душионок оказался верным: голодающее население понесло свои паспорта и за муку продавало свою национальность — по древнему сказанию о чечевичной похлебке.

В украинцы записывались люди, которые сами и отцы которых никогда не видели земель Украины и которым при других обстоятельствах и в голову бы не пришло обратиться в украинцев⁵⁷.

Из изложенного Лашкевичем ясно, что разделение на «русских» и «украинцев» в Симферополе определялось не «этнической» принадлежностью, а наличием или отсутствием совести. Это подкрепляется примером Некто Т.⁵⁸, «происходящем из центральной полосы РСФСР, никогда не бывавший на Украине, не знающий абсолютно ни одного украинского слова, всегда значившийся по паспорту, как и его отец и мать, русским, записался украинцем. Основанием для украинизации ему послужила фамилия». Противоположный пример — семья К. («типичные украинцы»), где «глава семьи, его жена и старший сын, подросток 17 лет категорически отказались» объявлять себя украинцами, «объясняя это тем, что такое действие будет предательством по отношению к русскому народу. К. говорит так: “Теперь нам, русским, нужно объединяться для спасения или всем вместе помирать. Чем наша семья лучше других?”» Лашкевич

восхищенно замечает: «Вот как говорит необразованный рабочий, семья которого находится в непрерывной нужде... К моему удовлетворению, таких лиц немало у нас».

Однако вернемся к Горбатову. Измена России имеет много аспектов. Не случайно заметное место в «Непокоренных» занимает тема сексуального коллаборационизма. Писатель целиком приводит довольно длинную народную песню под названием «Позор девушке, гуляющей с немцем» («Молодая девушка немцам улыбается»)⁵⁹. Статус немецкой шлюхи, как и статус «сознательного украинца», автоматически предполагает сознательный отказ от национальности, русскости:

«Он [Тарас] присматривался к Настиным подругам строго и придирчиво. Всякие были, хорошие и плохие. Но одну он люто невзлюбил, Лизку. Впрочем, она уже называла себя Луизой.

Когда Тарас впервые заметил и разглядел это взбалмошное существо, он от удивления даже рот раскрыл. И наряд на Луизе был какой-то пестрый, крикливый, и юбка выше колен, и прическа какая-то не русская — белобрысые локоны как-то смешно и нелепо скручены на лбу, — и все в ней было *и не русское, и не немецкое*, а какое-то обезьянье»⁶⁰.

В контексте повести поведение девиц, которые «немцам улыбаются», и деятельность ренегатов из числа «сознательных украинцев» суть явления одного порядка — мысль, в период войны совершенно очевидная для большинства жителей Одессы, Николаева, Херсона, Киева, Харькова, Донбасса или Крыма.

4.

Мощный акцент на «русском», исходивший сверху и одобрительно встречавшийся «в низах», был во многом обусловлен необходимостью предать забвению тот факт, что на протяжении полутора десятка лет русские, как уже отмечалось, находились на положении идеологически репрессированного народа. Многими, особенно на Юге, данное обстоятельство переживалось довольно остро. Представление могут дать все те же дневники Х. Г. Лашкевича. Шестого ноября, после прорыва Манштейна в Крым, он среди прочего сделал запись о встречах им бойцах отступившей под натиском немцев армии — то ли отбившихся от своей части, то ли попросту бросивших ее.

«Тroe молодых людей расспрашивали меня на улице: «Как попасть в крымские леса?» На мой полу вопрос, полуупрек их поведению они ответили мне: «Мы русские, но у нас не было даже нации, мы даже боялись

называть себя русскими, *русское национальное чувство мог унизить и оскорбить* всякий татарин, *всякий украинец*, и мы не имели даже права поддерживать наше достоинство. *На Украине нас насильно обращали в украинцев*, в Крыму по неизвестным причинам из нас составили крымскую Республику, из Грузии нас выгоняли, в Армении нас заставляли говорить по-армянски, и мы *везде были в подчиненном положении*». (Тем не менее молодые люди все равно идут в партизаны: «Мы собственными глазами видим, что несет нам немецкая власть»).

Потребность в преодолении подобных настроений, судя по всему, хорошо осознавалась властями. К борьбе с ними привлекались не только литературные силы, но и обладавший еще большей пропагандистской мощью кинематограф.

Характерным примером является фильм Ивана Пырьева «Секретарь райкома» (1942). Действие происходит в оккупированной республике, большинство персонажей носят малорусские имена (главный герой — Кочет, командиры партизанских отрядов — Глущенко и Тарас, среди повешенных немцами — Миронюк). Тем не менее в фильме постоянно звучат высказывания о *русском народе*. Они принадлежат не только коварному немецкому полковнику Макенау («Я очень люблю русский народ...»), но и положительным героям. «Нет такой силы на земле, чтобы русский народ закабалить!» «Всех не перевешаете, Россия большая!» «Она какая-то наша, русская» (о песне «Степь да степь кругом»). «Мы, русские, доверчивый и добродушный народ...» «Громче бей, чтобы звон в душу русскую врывался...» (сцена на колокольне). «Господи, спаси землю русскую»⁶¹.

Интересное свидетельство оставил в своем «романе-документе» Анатолий Кузнецов, человек далекий от всякого патриотизма — советского, общерусского, русского и даже украинского. Одна из сделанных им в эмиграции вставок посвящена настроениям в Киеве сорок третьего года. «Слухи с востока один обнадеживающее другого: Сталин изменил политику, советская власть теперь уже другая, религию признали, открывают церкви, в армии ввели погоны, офицерские чины, и страну уже называют не СССР, а как до революции — Россия... Взялись, наконец, за ум. Вот за такую разумную власть народ в огонь и воду пойдет и все грехи ей простит, потому что все-таки — своя, родная»⁶².

Будоражившие киевлян слухи не оправдались. Тем не менее, в некоторых официальных документах можно заметить тенденцию (разумеется, временную) к более корректному взгляду на Украину как на нечто, дале-

ко не полностью совпадающее с территорией УССР и не представляющее собою отдельной страны. Примечателен в этом отношении текст знаменитого приказа наркома обороны № 227, в преамбуле которого говорится: «После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик»⁶³. Легко заметить, что, с одной стороны, Донбасс здесь отделяется от Украины, с другой — Украина и Белоруссия в известном смысле уравниваются в статусе с Донбассом, приобретая ранг исторических областей (упоминаемые в приказе «другие области» явно не являются административными единицами — такой области, как Донбасс, не существовало, более того — он был разделен между двумя союзными республиками). Скорее всего, в приказе нашли отражение собственные взгляды Верховного Главнокомандующего на географию страны. Существенно отличаясь от официальных представлений, насаждавшихся в довоенный период, они более адекватно описывали реальность, и в трагическом сорок втором году это было более существенно, чем верность старым советским клише.

5.

Приведенные примеры, число которых можно множить до бесконечности, позволяют разглядеть то, что впоследствии старались замолчать. К концу тридцатых годов степень успешности и долговечности украинизации русского Юга по-прежнему оставалась неясной. В годы войны представления о едином русском народе сохранялись или пробуждались в самых разных слоях — в том числе среди людей, далеких как от официального, так и от природного патриотизма и озабоченных главным образом выживанием. Другое важное явление — это временное изменение отношения к общерусскому фактору со стороны властей. Если говорить о произведениях Горбатова, то не имеет принципиального значения, что именно в дискурсе писателя было обусловлено его личными предпочтениями (хотя сомневаться в них не приходится, ведь так, как он, писали не все), что — редакционной политикой, что — политикой вообще. В любом случае перед нами отражение устойчивой общественной тенденции, которая могла сосуществовать с другими тенденциями, но была живой и сильной. Фактически можно говорить о стихийной *деукраинизации Юга России*, на которую власти — где по собственному желанию, где вынужденно — смотрели сквозь пальцы. Именно эти волны стихийной деукраинизации, знаменовавшие собой очередные поражения украини-

заторов в борьбе за души людей, в литературе определенного направления принято называть «русификацией» — термином глубоко неверным, не позволяющим разглядеть, что движение шло не столько сверху, сколько снизу.

Не приходится удивляться и тому, что на фоне общенародной трагедии, гибели миллионов людей, но вместе с тем — в условиях подъема общерусского сознания, — на этом фоне и в этих условиях странными, неуместными и бес tactными воспринимались некоторые проявления местечкового сепаратизма отдельных деятелей «украинской национальной культуры». Острая реакция на них со стороны руководства страны⁶⁴ вполне соответствовала тому раздражению, что должны были вызвать (и нередко вызывали) подобные авторы у пережившего войну южнорусского населения, перед которым, помимо прочего, во всей красе предстал украинский национализм на немецкой службе.

В том же самом идеином контексте общерусского возрождения следует, вероятно, рассматривать и известный тост Сталина за русский народ как «руководящую силу Советского Союза среди всех народов нашей страны»⁶⁵. Речь шла, разумеется, не только о великорусском, но обо всем русском народе, в том числе и об украинцах. Так что если это и было проявлением шовинизма (что представляется неверным), то не великорусского, а общерусского⁶⁶.

Переворот в общественных настроениях, представлявший собой в глазах украинских деятелей безусловный регресс, зашел в сороковые годы так далеко, что первое издание БСЭ оказалось без статьи «Украинцы». В вышедшем в 1936 г. 56-м томе (Украинцев—Фаянс) было обещано опубликовать соответствующий материал позже: «Украинцы. См. УССР. Население»⁶⁷. Обещанная статья об УССР появилась лишь спустя одиннадцать лет, с сильно запоздавшим выходом в свет 55-го тома. Однако о населении УССР там говорилось более чем кратко, без описания этногенеза украинцев, их этнических особенностей и т. п. В огромной статье «Украинская Советская Социалистическая Республика» на «Население» пришлось менее столбца⁶⁸. В историческом же очерке статьи царила двойственность — с одной стороны шла речь о «русских князьях» в XV в. и «русских православных землевладельцах» на Волыни, с другой — об украинцах, существовавших с XIV столетия...⁶⁹

Конец неопределенности положила эпоха Хрущева⁷⁰. Произошла окончательная стандартизация терминологии, нашедшая, в частности, отражение во втором издании БСЭ, где было дано четкое определение того, кто такие украинцы («социалистическая нация, основное население

Украинской ССР»), когда они появились («как отдельная этническая общность украинцы выступают примерно с 14—15 вв.»), из каких этнографических групп состоят и т. д.⁷¹ Что же касается подъема общерусского сознания в период войны, то о нем постарались забыть, что в разгар разоблачений культа личности было не так уж сложно.

Однако не все, чем характеризовался перелом в сознании в период Отечественной войны, отошло в прошлое. Благодаря художественной литературе и кинематографу оформилось то зыбкое равновесие между «русским» и «украинским» с явным преобладанием русского, которое сохранялось на русском Юге вплоть до конца восьмидесятых годов.

П р и м е ч а н и я

¹ Большая советская энциклопедия. 1-е издание. М., 1927. Т. 5. Стб. 422—426.

² Там же. М., 1928. Т. 9. Стб. 790.

³ Там же. М., 1938. Т. 37. Стб. 791.

⁴ Там же. М., 1941. Т. 49. [Подписано к печати 27 марта 1941 г.].

⁵ Там же. Стб. 441—447.

⁶ Там же. Стб. 703—708.

⁷ Михалков С. В том краю, где ты живешь // Красная звезда. 1942, 1 апреля. По ходу войны стихотворение неоднократно дописывалось.

⁸ О непривычности и чрезмерной частоте употребления слова «русский» позднее с долей самоиронии напомнит в романе «Последнее лето» (1965—1970) Константин Симонов (курсив мой. — В. К.): «Вижу, ты уже собрался, — сказала Надя (...). — Но все-таки, как теперь любят говорить, мы с тобой русские люди. Давай выпьем посошок на дорогу. А то пути не будет» (Симонов К. Живые и мертвые. Кн. 3. Последнее лето. М., 1991).

⁹ «К тебе, великий свободолюбивый украинский народ, — пишут они, — к тебе, родная священная земля, обращаемся мы, твои сыновья, в дни смертельного боя с лютым фашистским зверем... Фашистский варвар поднял свою грязную лапу и на самую большую святыню Украины — на могилу Шевченко над Днепром, осквернив ее...» (Красная звезда. 1942, 2 апреля).

¹⁰ Правда. 1943, 10 мая.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Помимо цитируемых ниже статей в «Правде», в журнале «Славяне», издававшегося Всеславянским комитетом с июня 1942 г., появилась статья «Советская Украина и украинские националисты в Канаде» (1943, № 5) (См.: Досталь М. Ю.

Украинская славистика в канун и годы Великой Отечественной войны // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 353).

¹⁵ Правда. 1943, 13 мая.

¹⁶ Там же. 1943, 14 мая.

¹⁷ Там же. 1943, 24 сентября.

¹⁸ Там же. 1943, 3 октября.

¹⁹ Там же. 1943, 10 октября.

²⁰ Эренбург И. Строптивая Европа // Там же. 1943, 14 мая. Спустя годы эту характерную черту тогдашнего восприятия России как чего-то большего, чем РСФСР, показал в finale своего романа К. Симонов: «Освобождение России за-канчиваем. Дальше Европа, — сказал Бойко (...). Хотя сам был украинец и освобождал Белоруссию, но сказал обо всем, как о России, все разом вложив в это од-но понятие, как в ту пору делали и другие, воевавшие на всех фронтах русские и нерусские люди» (Симонов К. Указ. соч. С. 588). Впрочем, из данного фрагмента не вполне ясно, кем является для самого автора украинец Бойко — «русским» или «нерусским», — насколько корректным он считает использование названия Россия применительно к Украине и Белоруссии, а также отличается ли его понимание такого рода высказываний во время написания романа (окончен в 1970 г.) от понимания их им же в период войны.

²¹ Там же. 1943, 15 сентября.

²² Там же. 1943, 10 октября.

²³ Соловьев Л. Иван Никулин, русский матрос. М., 1943.

²⁴ Соловьев Л. Черноморцы. М., 1943 [Подписано к печати 9 сентября 1942 г.]

²⁵ Горбатов Б. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1988. Т. 1. С. 201—204, 156.

²⁶ Горбатов начал войну в редакции армейской газеты Южного фронта, закон-чил — корреспондентом «Правды».

²⁷ Горбатов Б. Л. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 5—12.

²⁸ Там же. С. 12—18.

²⁹ Там же. С. 45—47.

³⁰ Там же. С. 50. Данный эпизод существенен еще и в том отношении, что по-могает понять: Горбатов пишет именно об этническом, а не надэтническом рус-ском начале. В данном случае украинец и пензенец — русские не потому, что живут в одном государстве или вносят вклад в русскую культуру, а просто в силу то-го, что относятся к одному этносу, к которому не относятся татары или мордва.

³¹ Там же. С. 50, 58.

³² Там же. С. 63—64.

³³ Там же. С. 65—66.

³⁴ Там же. С. 72.

³⁵ Правда. 1943, 13 сентября.

³⁶ Правда. 1943, 17 мая — 23 мая: под заголовком «Семья Тараса»; 25 сентября — 11 октября: под заголовком «Непокоренные (Семья Тараса)».

³⁷ Там же. 1943, 17 мая.

³⁸ Там же. 1943, 18 мая.

³⁹ Там же. 1943, 23 мая. В отдельном издании — «запах русской земли». Воспроизведено в последующих изданиях, например: Горбатов Б. Л. Непокоренные: Избранные произведения. М.: Правда, 1985; Горбатов Б. Л. Непокоренные / Школьная библиотека. Л.: Лениздат, 1981. С. 40.

⁴⁰ Там же. 1943, 22 мая.

⁴¹ Там же. 1943, 23 мая. В отдельном издании — «запах русской земли». Воспроизведено в последующих изданиях, например: Горбатов Б. Л. Непокоренные: Избранные произведения. М.: Правда, 1985; Горбатов Б. Л. Непокоренные / Школьная библиотека. Л.: Лениздат, 1981. С. 40.

⁴² Правда. 1943, 23 мая.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. 1943, 25 сентября.

⁴⁵ Там же. 1943, 11 октября.

⁴⁶ Там же. 1943, 9 октября.

⁴⁷ Этого уточнения нет, например, в следующем издании: Горбатов Б. Л. Непокоренные: Избранные произведения. М.: Правда, 1985. Оно сохранено в: Горбатов Б. Л. Непокоренные / Школьная библиотека. Л.: Лениздат, 1981. С. 115.

⁴⁸ Правда. 1943, 29 мая.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. 1943, 30 сентября.

⁵¹ Там же. 1943, 25 сентября.

⁵² Там же. 1943, 2 октября.

⁵³ Там же. 1943, 6 октября.

⁵⁴ Подобное «поэтическое» противопоставление можно обнаружить, например, в «Полтаве» Пушкина: «Зато завидных женихов / Ей шлет Украина и Россия...»

⁵⁵ Гроссман В. (Юго-Западный фронт). Оккупанты в Донбассе // Красная звезда. 1942, 10 апреля.

⁵⁶ Это было связано с попыткой создания «украинской полиции», имевшей место в июле 1942 г., сразу же после взятия 11-й армией Севастополя. Уже 1 июля 1942 г. городской комендант Симферополя издал распоряжение, согласно которому «все украинцы... которые живут в городе... но которые почему-то зарегистрированы как русские... могут обратиться с прошением в комиссию при Главном управлении полиции Симферополя... Личности, украинская национальность которых будет доказана, получат новые паспорта с верно указанной национально-

стью» (Окупацийний режим в Криму. 1941—1944 pp. За матеріалами преси) окупацийних властей / Сост. В. М. Гуркович. Симферополь: Таврия, 1996. С. 34.

⁵⁷ Дневники Х. Г. Лашкевича опубликованы в: Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 5. (Спец. выпуск. Крым в Великой Отечественной войне: Дневники, воспоминания, исследования.) М., 2003.

⁵⁸ При публикации дневника Лашкевича некоторые фамилии были издателями сняты.

⁵⁹ Правда. 1943, 18 мая. Б. Горбатов упоминает об этой песне также в своем репортаже «Мариуполь»: «За популярную в Донбассе песню «Позор девушки, гуляющей с немцами» карали особо строго» (Правда. 1943, 13 сентября). Песня была популярна не только в Донбассе, но и в других оккупированных областях.

⁶⁰ Там же. Впрочем, «Луиза» в повести проходит определенную духовную эволюцию: «— Немцам продалась? — усмехнулся Павлик. — Нет, теперь она с итальянцами. Говорит, немцы — свиньи, а эти — ничего» (Там же. 7 октября).

⁶¹ В данном фильме концепт «русского народа» в известном смысле переходит этнические рамки — среди партизан и подпольщиков важную роль играют Исаи Беккер и Ротман, которые, будучи евреями, все равно принадлежат к тому же народу, что и прочие положительные персонажи.

⁶² Анатолий (Кузнецов А.). Бабий Яр. Роман-документ. Второе издание. Посев, 1973. С. 184. Роман впервые был издан в журнале «Юность» в 1966 г. и впоследствии, уже в эмиграции, сильно разбавлен (и заметно испорчен) многочисленными вставками антисоветского и умеренно русофобского характера. Тем более ценно приведенное выше известие, полностью расходящееся с основной концепцией автора и довольно неожиданное в его устах.

⁶³ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М., 1997. № 228. 28 июля 1942 г. О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций. № 227. С. 277.

⁶⁴ В условиях террористического режима она нередко была неадекватной, а иногда трагикомичной, как в случае со стихами Владимира Сосюры «Любить Украину». Появившиеся в 1944 г. и с тех пор неоднократно издававшиеся, они спустя несколько лет — после публикации в журнале «Звезда» — вдруг сделались объектом непомерно суровой критики в «Правде» (2 июля 1951 г.). Во исполнение постановления ЦК КП(б) от 7 августа 1951 г. злосчастное стихотворение было посредством «выдирки и вклейки» изъято из 10 поэтических сборников. В результате автор заурядного риторического упражнения на тему любви к родине был поставлен на одну доску с Ахматовой и Зощенко, обретя позднее ореол страшальца за национальную идею.

⁶⁵ Стенографическую запись, газетный отчет и пересказы в мемуарах см.: Невежин В. А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.—СПб., 2003. 1945 г., 24 мая. Прием в Кремле командующих войсками Красной Армии. С. 462—476.

⁶⁶ Разумеется, «общерусских» настроений И. В. Сталина переоценивать не следует. Он успешно — возможно, не только по конъюнктурным соображениям, но и в силу сложившейся привычки — пользовался и постбрестской этнополитической терминологией, порой умудряясь сочетать ее с «общерусской». «В каждой нации есть что-то, чего нет ни у русских, ни у украинцев, ни у других народов» (Речь на приеме в Кремле после подписания советско-венгерского договора, 20 февраля 1948 г. Цит. по: Невежин В. А. Указ. соч. С. 503). «Вот в свое время русские в XIII в. потеряли Закарпатскую Украину и с тех пор всегда мечтали ее вернуть. Благодаря нашей правильной политике, нам удалось вернуть все славянские — украинские и белорусские — земли и осуществить вековые мечты русского, украинского и белорусского народов» (Тост во время праздничного обеда на даче, 1 мая 1949 г. Цит. по: Там же. С. 510). Вполне соответствовали довоенному курсу форсированная украинизация карпатских русинов, фактически направленная на ликвидацию особой местной идентичности — не говоря уже об обеспечении представительства УССР и БССР в ООН.

⁶⁷ Большая советская энциклопедия. 1-е издание. Т. 56. М., 1936. Стб. 13.

⁶⁸ Там же. Т. 55. М., 1947. Стб. 797—798. Том был подписан к печати 25 апреля 1947 г., став последним по времени выхода. Вся этнографическая картина уместилась в следующих строчках: «Особенно пострадало еврейское население, которое фашистские изверги стремились полностью истребить. Большую часть населения Украины составляют украинцы, которые наиболее компактно заселяют правобережье Днепра, Полтавщину и западные районы Украины. В южных степных районах, Донбассе и на Харьковщине много русских».

⁶⁹ Там же. Стб. 861—864.

⁷⁰ Не прошел мимо данного явления никогда не бывавший на настоящей Украине И. Лысяк-Рудницкий. Со смешанным чувством изумления и частичного удовлетворения он определил произошедшие перемены как «новый Переяслав». Польский перевод статьи с таким названием появился в парижской «Культуре» в 1956 г. (См. русский перевод: Лысяк-Рудницкий И. Между историей и культурой. М., СПб., 2007. С. 553—578.)

⁷¹ Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Т. 44. М., 1956. С. 172—175.

В. И. Мироненко

Образ России в российско-украинских межгосударственных отношениях*

Привлекательный образ страны имеет значение не меньшее, чем промышленная мощь или военная сила. Примерно с середины прошлого века можно было наблюдать непрерывное возрастание роли мягких средств воздействия. В годы «холодной войны» традиционные, силовые методы — принуждение к уступкам в межгосударственных отношениях военным путем или посредством экономического давления — не утратили своего значения, но использовались реже и осторожнее. Они все более уступали место другим способам влияния, описанным, в частности, американским исследователем Джозефом Наэм в книге с символическим названием «Обреченные вести за собой», с использованием введенного им термина *«soft power»*. В отличие от «жесткой власти» (*«hard power»*), к которой он относит традиционную экономическую и военную мощь государства, под *«soft power»* Дж. Най предложил понимать все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто им обладает, усиливать свое влияние в мире¹.

В русском языке ближе всего к этому термину стоит, на наш взгляд, понятие «образ страны», заимствованное российской политологией из географической науки. Вооружившись этим понятием, мы можем попытаться ответить на вопрос, почему экономический рост и многократно возросшие финансовые возможности России не привели к усилению ее влияния на Украину.

* * *

Причины того, что межгосударственные отношения между Российской Федерацией и Украиной конфликтны и напряжены, коренятся, прежде всего, в объективной сложности разделения единого хозяйственного и общественно-политического пространства, в котором русские

* Исследование осуществляется при поддержке РГНФ. Грант РГНФ 06-01-02100а.

и украинцы сосуществовали, как минимум, с середины XVII в. Этот процесс еще не завершен. То, как он завершится и будет ли завершен вообще зависит от взаимных представлений россиян и украинцев друг о друге, от образа соседней страны и доверия к ней.

Разделение централизованного государства с одновременным радикальным изменением отношений собственности, само по себе является сложнейшей политической задачей. История не знала столь масштабных и глубоких изменений этих базовых отношений, осуществленных дважды за сравнительно короткий промежуток времени. Если добавить к этому делимитацию границ, раздел вооруженных сил, ядерного оружия, дипломатических представительств, активов и пассивов СССР за рубежом и т. д. и т. п., получим представление об исключительной сложности задач, вставших перед Российской Федерацией и Украиной. Но большинство из этих сложнейших задач к настоящему времени разрешены.

Удалось избежать развития событий по худшему из сценариев, как, например, в бывшей Югославии. С участием других ядерных держав, была решена самая сложная и потенциально опасная проблема контроля над советским ядерным потенциалом. Созданы, в целом, жизнеспособные национальные государства и правовая основа их отношений. Из старых проблем остались, пожалуй, делимитация и демаркация границ, а также проблема собственности СССР за рубежом, поскольку так называемый «нулевой вариант» украинским парламентом принят не был.

Однако, несмотря на все это, межгосударственные отношения Российской Федерации и Украины не стали ни дружескими, ни партнерскими, как это предполагалось в так называемом «Большом договоре» от 31 мая 1997 г. Иллюзии немедленной реинтеграции, если они и были, быстро развеялись². Многие надеялись на то, что общая для обеих стран задача — экономическая и политическая модернизация — обеспечит конструктивное сотрудничество. Этого не случилось. Чем это можно объяснить? Чаще всего называют экономические причины: конкуренцию за рынки при сходной промышленной номенклатуре и экспортном потенциале; зависимость Украины от поставок российских энергоносителей, а Российской Федерации от их надежной доставки в Центральную и Западную Европу; опасения экспансии российского капитала и т. п. Но, как представляется, не эти проблемы, при всей их объективной значимости и сложности, сдерживают развитие межгосударственных отношений. Скорее, наоборот, интеграционные процессы в экономике, взаимные инвестиции и товарооборот сдерживаются незавершенностью их формирования.

На пути экономического и политического сотрудничества России и Украины, являющегося *sine qua non* их модернизации, стоит нагромождение стереотипов общественного сознания, устарелых или просто ошибочных представлений друг о друге и питаемое ими взаимное недоверие. Именно недоверие чаще всего является главной причиной глубоких расхождений во взглядах на средства обеспечения национальной безопасности, предпочтительные направления экономической и политической интеграции.

Эти стереотипы формируют образ страны, который влияет не только на ее отношения с другими странами. Во внутренней политике этот образ может служить примером для подражания или, наоборот, причиной отторжения хозяйственного уклада, общественно-политической системы, духовных ценностей другого народа. Он является, одновременно, и фундаментом, на котором строятся международные отношения, и, наряду с национальными интересами, строительным материалом для них. Какой бы pragmatичной не была политика, формируют и формулируют ее люди. А они не свободны от суждений и оценок, сформировавшихся под влиянием образования, личного опыта, средств массовой информации и др. К тому же в демократическом государстве, каковым и Россия, и Украина хотели бы быть и отчасти уже являются, лица, принимающие политические решения, должны считаться с общественным мнением. Политические программы, предвыборные политические платформы формулируются с оглядкой на стереотипы общественного сознания, образного по самой своей природе.

В международных отношениях вообще трудно найти что-то менее определенное и в то же время осозаемое повседневно, чем образ страны, особенно близкой — географически, исторически и культурно. Большинству живущих сегодня людей в обеих странах он представляется чем-то трансцендентным. Людей, как это часто бывает, просто подводят память. Они не помнят всей цепочки событий в отношениях двух народов. Для большинства из них все выглядит так, будто образ другой страны, в данном случае России в Украине, сформировался сам собой, достался им по наследству. Отчасти это так, но только отчасти. Этот образ сформировался исторически, но он продолжает формироваться и сегодня. Он может быть изменен. Но даже в наш век, казалось бы, всемогущих информационных технологий образ страны меняется очень медленно, и его коррекция требует целенаправленных усилий и больших финансовых затрат.

***

Понятие «образ страны» и заимствованное из английского языка слово «имидж» замелькали в российских политологических и исторических научных статьях и монографиях. Сформировалась иерархия этих понятий — образ важнее сущности, имидж — важнее образа. Называется это почему-то политическим прагматизмом, реальной или эффективной политикой. В российской научной литературе «образ» и «имидж» — чаще всего синонимы. «Имидж государства, — пишет, например, Э. Галумов, — свидетельствует о его силе, богатстве и уровне развития культуры. Он является показателем его авторитета и успешности действий на международной арене»³.

Некоторые российские исследователи отмечают, что в имидже «главное не то, что есть в реальности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно, т. е. имидж должен соответствовать активным ожиданиям людей — активным стереотипам массового сознания»⁴. Образ — не сущность, а имидж — не образ. Образ страны — это некоторый объем относительно объективной информации, преломленной в субъективном коллективном мировосприятии и системе ценностей. Имидж — термин более «активный». Он предполагает коррекцию образа посредством ряда стандартных процедур. Имидж формируется на основе уже имеющегося образа, но не тождественен ему. Другими словами, мы имеем дело с тремя относительно самостоятельными объектами: поддающимися научной верификации знаниями о стране; ее образом и, наконец, имиджем, который она пытается создать.

Образ России в Украине, безусловно, заслуживает изучения, но дело в том, что в России его сегодня некому осуществить. Научная литература по концептуальным проблемам образа страны обширна и основательна. Но как только мы переходим к конкретному их преломлению, например, в российско-украинских отношениях, количество и качество работ резко снижается. Периодические всплески интереса к соседней стране, последний из которых был связан с «оранжевой революцией», слабо отражаются на общем состоянии российской актуальной украинистики. Она, как направление научных исследований пока не сформировалась и остается уделом узкого круга специалистов⁵.

Любое публичное высказывание о российско-украинских отношениях вызывает, как правило, резкую и болезненную реакцию. Поэтому сразу оговоримся — нашей целью не является оценка адекватности распространенных в Украине представлений о России, и наоборот. Наши намере-

ния ограничиваются пока общими соображениями относительно их значения, формирования и структуры.

Общего или хотя бы доминирующего образа России в Украине нам обнаружить не удалось. Политически активно эксплуатируются два, одинаково далеких от нынешнего состояния объекта восприятия образа: России—империи, с имманентно присущей ей агрессивностью, экспансионизмом, и России—СССР — стране «победившего социализма». Особый случай — Крым, Севастополь и, возможно, Одесса, мало затронутые украинизацией в 20-е гг. прошлого века и плохо поддающиеся ей сейчас. Крымский полуостров остался в культурном отношении русским, в то время как юго-восток Украины скорее советским.

И дело здесь не только в том, что в разных регионах Украины Россия воспринимается по-разному. У самих россиян мы не находим устойчивого, ясно очерченного образа России. «Ни в российском, ни в западном общественном мнении, — пишет М. Гамалеева, — не сложился четко очерченный и адекватный образ современной России, и все представления о нашей стране весьма фрагментарны, противоречивы и плохо оформлены»⁶. А Д. Замятин, например, приводит целую иерархию образов России:

- образ **остров Россия**, впервые выделенный и подробно описанный В. Л. Цымбурским⁷;
- образ **Россия—Евразия** в концепции евразийства⁸;
- образ **Россия—и—Европа, или Россия как Европа**⁹, рисующий Россию маргинальной, пограничной, фронтальной страной Европы;
- образ **Византия**, в рамках которого российскую цивилизацию можно также назвать и византийско-православной¹⁰. С этим образом тесно связаны такие образы России, как **Скандинавия** (Д. С. Лихачев) и **Славо-туркия** (Г. С. Лебедев). Образ—архетип здесь: мост, или страна—мост;
- образ **Восточная Европа**¹¹.

Даже из этого далеко не полного перечня видно, что образы России пересекаются, входят друг в друга, взаимно друг друга усиливают или ослабляют. Д. Замятин пишет также о том, что все ключевые geopolитические образы России включают в себя и образ Украины. Основания для этого Д. Замятин, наряду с некоторыми другими авторами¹², видит в тесно переплетающейся политической истории и политической географии России и Украины. «Трансляция» этого, равно как и совокупности всех перечисленных выше образов России в Украину, затруднена не только их множественностью, но и тем, что они практически не оставляют места для исторического или geopolитического образа самой Украины. Такое

самовосприятие Россией, прослеживающееся от старца Филофея до современных российских исследователей, оказалось и продолжает оказывать существенное влияние на образ России в украинской историографии.

Образ Московского царства, Российской империи, России в Украине, конечно, менялся. Однако в нем можно обнаружить нечто постоянное. И сегодня, после пятнадцати лет воспитания «национальной сознательности», у большинства украинцев нет устойчивого представления о том, что русские — это другая нация, другой этнос. Есть новая гражданско-государственная самоидентификация, есть понимание культурно-бытовых и лингвистических отличий русских и украинцев. Оно крепнет с продвижением на запад и ослабевает к востоку и югу. Но это осознание именно культурных особенностей, а не другого этноса, как это имеет место в отношении, например, немцев, французов или даже поляков. Сила притяжения общего этнического происхождения и общей истории очень велика.

Истории вообще принадлежит особая и не всегда благотворная роль в формировании образа соседней страны. «История, — писал в книге «Заметки о величии и упадке Европы» Поль Валери, — самый опасный из всех продуктов... Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она пробуждает у них ложные воспоминания, растревляет старые раны, лишает их покоя и ввергает их в манию величия или преследования»¹³.

По меньшей мере, со второй половины XVI в., в украинской истории образ России не просто присутствует, он буквально витает над ней. Мы видим это в самых разных исторических сочинениях — от «Истории Украины—Руси» отца украинской национальной историографии Михаила Грушевского до книги экс-президента Леонида Кучмы «Украина — не Россия». С образованием украинского государства возникла острая потребность в смене исторической парадигмы. Создание «новой истории» требовало сил и времени. Ни того, ни другого не было. Пришлось использовать то, что было. В наличии имелись две концепции истории Украины, которые условно можно назвать «советской» и «антисоветской». Отказавшись от первой, новое украинское государство было вынуждено принять вторую, которая вольном, политически мотивированном обращении с историческими фактами не многим ей уступала. «Смена одних флагов другими, — пишет украинский историк А. Портнов, — произошла чрезвычайно безболезненно, не коснувшись способа создания исторического текста, как и прежде идеологически окрашенного, с конфронтационным видением прошлого... с преобладанием политической истории и терминологической анархией»¹⁴.

В этой украинской историографии, как и в новых межгосударственных отношениях, образ России служил и служит одновременно и «лесами», и строительным материалом, и побочным продуктом украинского «державотворения»*.

Уже у первых украинских историков этот образ приобрел черты, которые на всех последующих этапах развития украинской идеи и становления украинского государства только усиливались. Украинская национальная историография зарождалась в то время, когда украинский этнос был разделен между двумя империями, которые стремились закрепить свое право на территории, населенные украинцами (русинами, малороссами). И в этом стремлении российское государство шло дальше, например, австрийского, а позже австро-венгерского. Оба отказывали возникающему новому социуму в праве на самостоятельное существование, вполне обоснованно опасаясь того, что раньше или позже будет поставлен вопрос о собственной государственности. Но в Австро-Венгерской империи украинцам (руsinам) хотя бы не отказывали в праве на этническую и конфессиональную самоидентификацию.

Самую раннюю в украинской историографии попытку представить миру украинцев и сопоставить этот народ с русским предпринял первый ректор Киевского университета М. А. Максимович (1804—1873). Эта традиция была продолжена Н. И. Костомаровым (1817—1885) — одним из основателей Кирилло-Мефодиевского братства. В автобиографии он писал: «Я видел, что государство было скорее случайным следствием завоеваний, чем необходимым следствием географических и этнографических особенностей народной жизни. Поэтому почти всегда государство состояло из одной народности: более сильная угнетала более слабых, стремилась их покорить или ассимилировать... позволяла себе насилие, а любые попытки самоопределения с их стороны (более слабых) считала преступлением... Русское государство состояло из частей, которые ранее жили собственной независимой жизнью, и после этой жизни части проявляли себя различными устремлениями в общем государственном устройстве. Найти и ухватить особенности этой народной жизни частей Русского государства, было целью моих занятий историей»¹⁵.

Эти идеи Н. И. Костомаров изложил в своих работах «Мысли о федеративном начале в древней Руси», «Две русские народности» и «Черты

* «Державотворение» — очень широкий термин, который можно перевести с украинского на русский как процесс строительства национального украинского государства. (Прим. автора).

южнорусской народности». Основные положения его исторической концепции были таковы: украинский народ, в отличие от русского, от бюрократической и крепостнической Москвы, долго сохранял древнеславянский, демократический (федеративный в своей основе) порядок. Оставленный своим высшим классом, перенявшим сначала польские, а потом московские обычаи, он хотя и сдался, но сохранил народный дух, не отрекся от своих идеалов. Будущее Костомаров видел в реставрации демократической славянской федерации.

Идеи Костомарова развивал В. Антонович (1834—1908). Его коллега по Киевскому университету М. Драгоманов (1841—1895) основывался в своих суждениях и выводах уже не на представлениях романтиков, а на политических воззрениях своего времени. Он полагал, что весь XVIII в. Украина, несмотря на запаздывание в развитии, представляла собой часть Западной Европы. Вместе с ней она проходила через все культурные эпохи, такие как Ренессанс и Реформация, только в иных формах. Историческое самосознание в Украине, получившее оформление в трудах этих и ряда других, не столь известных авторов, развивалось под сильнейшим влиянием европейской философской, исторической и политической мысли.

При этом, как уже отмечалось, концепции украинских ученых изначально противопоставлялись доктринаам их российских коллег. Взаимное отчуждение стало усиливаться в царствование Николая I, когда границы империи после восстания декабристов стали менее проницаемыми для либеральных западных идей. Чем менее восприимчивой становилась к ним Россия, тем плотнее они концентрировались и большее влияние приобретали на ее границах, в Галиции, ставшей в конце XIX — начале XX вв. «украинским Пьемонтом».

Еще одной особенностью украинской историографии было то, что в описании украинского сообщества ее основоположниками, оно предстает как относительно социально однородное. У них решительно преобладают этнические, культурно-исторические характеристики, социальные же отступают на второй план, что отвечало целям национально-освободительной борьбы. Создавая же образ России, они, наоборот, концентрировали свое внимание в первую очередь, а часто и исключительно на имперском политическом классе, переставая, поэтому, видеть русский народ, имевший с этим классом очень мало общего. Русская история на всегда осталась для них «историей государства российского» (Н. М. Карамзин) — или, что точнее, историей русского самодержавия, а затем «русского коммунизма».

На таком историософском фундаменте создавался первыми украинскими историками соответствующий образ России, который закрепляется в украинской историографии и историко-политической публицистике. На него и оперлась молодая украинская историческая и политическая мысль нового времени. На нем, в конечном счете, конструировался и образ современной России. Можно понять борьбу современных украинских обществоведов с теми течениями в российской науке, которые отрицают не только украинскую государственность, но и саму возможность украинской культурно-исторической самоидентификации. Однако, излишняя сосредоточенность на этой борьбе поставила их в положение генералов, которые, как известно, всегда воюют на прошлой войне. Она мешала творчески принимать, переосмысливать в новых исторических условиях наследие национальной историографии, видеть новую geopolитическую ситуацию, перемены, объективно происходящие в России, пользоваться, наконец, собственным политическим опытом, приобретенным уже суверенной Украиной.

Все отчетливее стала проявляться в последнее время и другая тенденция. В трактовке «украинской революции» и некоторых событий советского периода, в частности голода 1932—1933 гг., присоединения к СССР (УССР) Западной Галиции, Буковины и Закарпатья, событий последних лет второй мировой войны и первых послевоенных лет ощутимо стремление представить Украину безгласной жертвой русского абсолютизма и русского коммунизма. Безотносительно к научной состоятельности подобной трактовки, об этом можно и нужно спорить; настойчивость, с которой она внедряется, ведет к существенной деформации образа России в общественном сознании Украины и, как следствие, российско-украинских отношений.

***

Важно также понять, почему образ России играет такую большую роль в современной украинской жизни? Помимо уже отмеченных причин, есть и другие. Образ России в Украине является политико-образующим фактором. Можно спорить о том, насколько объективной и продуктивной является для Украины дилемма Россия или Европа, Восток или Запад. Но большинство актуальных для молодого украинского государства политических проблем рассматриваются в свете этой дилеммы. Вопрос о том на кого ориентироваться — Россию или Запад (США, ЕС, НАТО) неизменно был в центре политической дискуссии и на президент-

ских выборах 2004 г., и на парламентских выборах 2006 г., и во время летнего 2006 г. политического кризиса. И сегодня это главная линия противостояния основных политических сил — бывшего парламентского большинства и объединившихся в начале марта 2007 г. народных депутатов от Блока Юлии Тимошенко и Народного союза «Наша Украина».

«В моей Украине, — пишет западно-украинский автор, — есть Россия. Много России. Больше, чем всех других факторов, вместе взятых. Иногда такое впечатление, что в моей Украине больше России, чем собственно Украины»¹⁶.

На Востоке и Юге большинство, однако, судя по опросам и результатам голосования, считает, что России в Украине не много, а мало. 18 ноября 2005 г., например, Министерство юстиции Украины выдало свидетельство партии «Славянский народно-патриотический союз» о регистрации нового ее имени — «Партии политики Путина»¹⁷.

В целом, как нам представляется, украинский «политический класс» предпочтел выработке принимаемой большинством стратегии модернизации, простое и часто поверхностное противопоставление истории и современного состояния Украины и России, что требовало эксплуатации старых и новых, реальных и надуманных «темных сторон» ее образа. Попытки четче и позитивно обозначить политические ориентиры нового украинского государства были. Но даже выдвижение в качестве главной политической цели ускоренной евроинтеграции Украины и вступления ее в НАТО, в принципиальном плане ничего не изменило. Российский фактор, в том числе и в отношениях Украины с Западом, оставался значимым. Для Евросоюза и, может быть, чуть в меньшей степени, для НАТО позиция России имела и имеет значение. Так, специальный помощник президента США, директор российского отдела Совета национальной безопасности Томас Грэм писал: «Трудно вообразить возникновение прочных структур безопасности и стабильной экономики в российской периферии без активного вовлечения в это России»¹⁸.

В первые годы после обретения государственной независимости в новом политическом классе и среди интеллектуальной элиты Украины сложился своеобразный консенсус относительно образа России и использования его для государственного строительства. Постоянное обращение к отрицательным чертам образа свидетельствовало о пресловутой «меншеварствости» — низкой самооценки новой украинской элиты. То же самое можно сказать и о молодом украинском капитале. Новые собственники опасались, возможно, не без оснований, конкуренции со стороны российских финансово-промышленных групп. «Россия продолжает пытать-

ся получить контроль над стратегическими украинскими объектами, которые можно интегрировать в российские транснациональные компании, прежде всего, в энергетические, а также в оборонительный комплекс и машиностроение», — пишет советник Президента Украины, академик НАН Украины Владимир Горбулин¹⁹.

Излишняя сосредоточенность на образе другой страны характерна для еще не сложившегося общества, не до конца сформировавшего собственные представления о своих целях, окружающем мире и своем месте в нем. В этом состоит глубокое внутреннее противоречие современной украинской политической мысли. Она ставит во главу угла национальную государственность, но не может пока предложить обществу внятный национальный государственный проект, способный объединить молодую нацию. Пока целью была сама государственность, все обстояло более или менее благополучно. Когда же государственность была обретена, обнаружился дефицит идей и коллективных целей. Впрочем, то же можно сказать и о России.

Таким образом, эксплуатация негативного образа России, выборочная политическая актуализация некоторых мрачных страниц общей истории могли быть если не оправданы, то объяснены рационально на начальной стадии государственного строительства в Украине. В среднесрочной и долгосрочной политической перспективе такая тактика представлялась нам совершению контрпродуктивной.

* * *

С помощью каких средств и инструментов формируется в Украине образ России? На наш взгляд, это, прежде всего, система образования, средства массовой информации и личный опыт. В системе народного образования особая роль принадлежит истории. Обстоятельный анализ школьных учебников истории был предпринят уже упоминавшимся украинским исследователем А. Портновым. «Россия и образ России, — пишет он, — сыграли одну из наиболее существенных ролей, наряду с образом Польши, в формировании украинской культурной и политической идентичности. И роль образов этих двух стран — это, прежде всего, роль образцов, от которых следовало отталкиваться, каковым надо было противопоставить себя... Все это влияет на исторический образ России, которая на страницах украинских учебников в роли союзника появляется фактически один раз (в 1654 г.), ...а в основном выступает как сильный враг. Русские — это практически всегда войско, которое ведет себя на

Украине нагло и жестоко (от Андрея Боголюбского до большевистского команьдира Муравьева), имея в виду лишь одно — захват и уничтожение местных демократических традиций (каковые выступают фактически синонимом украинских). Большинство знаковых, обязательных для запоминания дат из истории Украины — это даты различных российско-украинских конфликтов или, точнее, событий, которые считаются таковыми (1169, 1654, 1659, 1667, 1709, 1775). При этом персонификация России в тексте учебников сведена к минимуму, что является скорее общей чертой постсоветской учебной литературы, в которой очень мало человека и слишком много абстрактного носителя политических принципов»²⁰.

А. Портнов справедливо отмечает, что авторы учебников игнорируют опосредованное влияние текста на сам способ мышления человека и его мировоззрение. Этот усвоенный в детские годы образ агрессивной или, как минимум, недружественной страны, становится той призмой, через которую предломляется новая информация, черпаемая, в основном из СМИ, и личный опыт знакомства с реалиями России.

В качестве типичного примера образа России в украинских СМИ можно привести цитату из статьи авторитетного и популярного в Украине журналиста Виталия Портникова, описывающего сегодняшние российские реалии как «государство номенклатурного своеволия». «На наших глазах, — пишет он, — построена система... достаточно эффективная, жесткая и самодостаточная — система кланового управления не только государственным организмом, не только экономикой, не только средствами массовой информации, но и самими душами людей»²¹.

Что касается российских СМИ, то они, вопреки явно завышенным оценкам их роли и влияния, оказывают слабое влияние на формирование образа России, поскольку малодоступны в Украине. «В промышленных русскоязычных городах (Одесса, Николаев, Херсон, Мариуполь), — пишут А. Беловицкий и И. Олейник, — программы ОРТ и РТР могут приниматься только по кабельному телевидению, а для жителей сел и малых городов вообще нет источников информации, из которых они могли составить из первых рук представление об идущих в России процессах»²².

Впрочем, если бы телевизионные программы НТВ, ОРТ, РТР, не говоря уже о ТВ Центр, были бы более доступны широкому зрителю в Украине, образ России в глазах украинцев был бы окончательно испорчен. То же относится и к печатным СМИ. Вот, например, что писал Д. Рогозин: «Почему русский народ не имеет права на воссоединение? Такое воссоединение является естественным, а потому неизбежным. Нет, я не

упрекаю Кремль за его вмешательство в украинские дела. Я не за это упрекаю Кремль. Я упрекаю его за то, что, вмешавшись, он проиграл... В исторической перспективе мы должны себя вести как немцы, которые тоже признавали существование ФРГ и Западного Берлина как раздельных государств, но никогда с этим внутренне не соглашались»²³.

Российский политолог С. Марков пишет: «СНГ, вообще постсоветское пространство — это наш задний двор. Никто не будет уважать наш суверенитет, если мы не в состоянии обеспечить лидерство на постсоветском пространстве»²⁴.

Некоторые российские политики построили свою политическую карьеру исключительно на противопоставлении России и Украины, постоянной эксплуатации старых фобий и раздувании реальных противоречий, неизбежных в процессе становления новых межгосударственных отношений. Даже наиболее ответственным из них политическая игра на противопоставлении России и Украины кажется чем-то совершенно безобидным. То, чего они ни при каких обстоятельствах не позволят себе в отношении других государств, даже небольших и малозначимых, считается допустимым, когда речь идет об Украине. Во-первых, потому что «куда они от нас денутся»; а во-вторых, потому что отношения России и Украины в их сознании так и не обрели характера межгосударственных.

К чему это приводит, видно из опросов общественного мнения в Украине. Более половины (51,5%) респондентов считают, что Россия стремится доминировать на постсоветском пространстве и включить в сферу своего влияния новые независимые государства. Примерно столько же опрошенных полагают, что в отношениях с этими странами Россия преследует исключительно собственные интересы, не считаясь с интересами других.

Оценки характера российской политики существенно разнятся по регионам. В Западном регионе 74% опрошенных придерживаются мнения, что Россия стремится доминировать на постсоветском пространстве, и только 9,1% считают, что она уважает суверенитет соседей. В Центральном — эти цифры, соответственно, 57,1% и 24,4%, в Южном — 37,5% и 49,8%, в Восточном — 39,3% и 38,5%.

В целом по Украине 33,6% респондентов полагают, что Россия сейчас идет по пути укрепления демократии и расширения гражданских свобод, 37,1% отмечают усиление авторитаризма. Среди первых преобладают жители южного и восточного регионов, среди вторых — западного и цент-

рального. Исследование показало прямую корреляцию этих оценок с тем, какое направление сотрудничества респондент считает приоритетным — российское или западное²⁵.

Не последнюю роль в формировании образа России играет личный опыт украинцев, выезжающих на заработки в Российскую Федерацию. Их свидетельствам доверяют куда больше, чем СМИ. Непоследовательная, подверженная политической конъюнктуре иммиграционная политика российских властей, условия, в которые попадают трудовые мигранты в нашей стране, — все это завершающие штрихи к тому образу России, который создают образование и СМИ. Стремление России перевести межгосударственные отношения в прагматическую плоскость: прекращение скрытого дотирования украинской экономики через цены на энергоносители и условия их поставки в Украину, введение в январе 2007 г. новых правил регистрации трудовых мигрантов и ограничения на трудоустройство в России — странным образом сочетаются со старой традицией непризнания этнических отличий русских и украинцев, отрицания украинской государственности как таковой. Это воспринимается в Украине в лучшем случае как государственный эгоизм, а в худшем, как подтверждение агрессивных намерений России по отношению к Украине.

Не удивительно, что украинцы все чаще поглядывают на Запад. И колебания значительной их части в вопросе выбора европейской или российской ориентации вызваны, скорее всего, не сомнениями в правильности западного варианта интеграции, а неопределенностью перспектив вхождения Украины в Европейский Союз.

* * *

Попробуем подвести некоторые итоги сказанного. Пятнадцать лет два новых социума — российский и украинский — и два государства цепко держатся друг за друга, не решаясь ни разойтись, ни остаться. Чувство этнического родства осталось, но под воздействием ряда объективных и субъективных факторов мнение русских и украинцев друг о друге за это время ухудшилось.

Пока что трудно говорить о существовании какого-либо целостного образа России в Украине. Он разный в разных регионах. Отличия эти обусловлены культурной традицией, географическим положением и глубиной экономических связей с Россией. Обусловлено это также и тем, что в самой России нет пока ясного представления, даже в научной среде,

о ее современном образе. Он множественен, неясен, обращен скорее в прошлое, чем в будущее и, что очень важно, он оставляет мало места для образа Украины, как отдельного и самостоятельного социума и государства.

Сформированный украинской историографией дореволюционной поры образ России, в основе своей оказался очень устойчивым. В советское время он был отчасти скорректирован в восточной и центральной Украине системой образования и процессом интеграции — формированием общего для всех республик политического, правового и хозяйственного пространства, образа жизни, высокой мобильностью населения.

«В 1990 г. исторический образ России стал, — как пишут С. Константинов и А. Ушаков, — стремительно обретать абсолютно отрицательные черты. Для большинства пока еще советских республик Россия становится историческим тираном, который веками эксплуатировал их природные богатства и человеческие ресурсы»²⁶.

Этот образ оказался очень удобным для большей части нового политического класса Украины и неизменно эксплуатировался им с разной степенью интенсивности. Образ России как главного врага украинской государственности и душителя украинской культуры, постепенно перекочевал со страниц прессы и из научных статей в школьные и вузовские учебники.

В 2000—2004 гг., решающую роль в эксплуатации негативного образа России стали играть такие факторы, как неспособность новой украинской элиты предложить обществу целостный проект новой Украины, боязнь конкуренции со стороны российского капитала. Раскол украинского политического класса, обозначившийся в период второго президентского срока Л. Кучмы, приобрел форму противостояния между сторонниками российской и западной ориентации. Поддержка Кремлем одной из сторон побудила другую сторону политически актуализировать образы России, заимствованные из дореволюционной интеллектуальной традиции и эмигрантской историографии периода «холодной войны».

Образ «имперской», «советской» России, использовавшийся на первом этапе становления украинской национальной государственности, заимствованный из украинской историософской традиции конца XIX — начала XX вв., а также из украинской эмигрантской и западной историографии и политологии, сегодня стал одним из главных препятствий на пути дальнейшего укрепления этой национальной государственности.

В начале статьи мы говорили о том, что речь в ней пойдет прежде всего об Украине. Но образ России, какое бы влияние на его формирование в Украине не оказывали историографическая традиция и политические процессы, зависит в первую очередь от нее самой. Ее элита в своем большинстве продолжает считать государственный суверенитет Украины историческим недоразумением, постсоветское пространство своей вотчиной, а выбранное ею направление политического развития единственно верным и возможным.

В России за пятнадцать лет раздельного существования так и не возникло желания лучше узнать украинское общество, не сформировалась украинистика как самостоятельное направление научных исследований. А без этого рассчитывать на какую-то продуманную и долгосрочную политику на украинском направлении трудно, равно как и на формирование позитивного образа России в Украине. В этих условиях любые проекты по созданию нового имиджа России в Украине, как бы щедро они не финансировались, скорее всего, будут малоэффективны.

«Если организация или личность стремится уйти от своего темного прошлого, — читаем в редакционной статье «Financial Times», — то сделать она это может только одним способом — действительно порвать с этим прошлым. А те консультанты, которые внушают своим клиентам, что любой проступок можно успешно «затереть», рискуют не только репутацией последних, но и своей собственной»²⁷.

П р и м е ч а н и я

¹ См., напр.: Joseph S. Nye. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York, 2004. Ему же принадлежит и авторство термина «soft power», который он использовал в своей более ранней работе «Bound to Lead: the Changing Nature of American Power» (1990) для обозначения несилового влияния США на международные отношения, в отличие от силового — «hard power», опирающегося на военную силу и экономическое могущество. А также: Трибрат В. Мягкая безопасность по Джозефу Найю. Текст доступен на интернет-сайте: <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>.

² Здесь мы, действительно, скорее всего, имеем дело с иллюзиями. В пылу борьбы с союзным центром формирующийся новый политический класс союзных республик не столько убедил общество (результаты референдума 1991 г. свидетельствуют об обратном), сколько самого себя в кончине СССР. Вполне можно допустить, что участники Беловежской встречи 7–8 декабря 1991 г. искренне считали, что достаточно признать это, и можно будет сразу приступить к созданию нового международного сообщества — СНГ. В последнее время появились

исследования, ставящие под сомнение не только факт естественной кончины СССР, но и расхожее утверждение о том, что он был не реформируем в принципе, что реформы М.С. Горбачева не удалось. См. например: Коэн Ст. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза. М.—СПб., 2007; Коэн Ст.. Можно ли было реформировать советскую систему? М., 2005; Шахназаров Г.Х. PASTSHOK или роковое расставание с прошлым. М., 2001.

³ Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003.

⁴ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 130—131.

⁵ См., например: Миллер А. И. Образ России и русских в западноукраинской прессе // Политические исследования. М., 1995. С. 114—121; Замятин Д. Н. Национальные интересы как система «упакованных» политики-географических образов // Политические исследования. М., 2000. № 1. С. 78—81; Никифоров А. Р. Геополитический смысл Украины (к постановке проблемы) // Русский геополитический сборник. М., 2000. № 4. С. 75—90 и др.

⁶ Гамалеева М. Формирование образа России как аспект публичной внешней политики. Текст доступен на интернет-сайте: <http://www.advertology.ru/index.php?name=News&file=article&sid=33457>.

⁷ Цымбурский В. Л. Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Политические исследования. 1993. № 5.

⁸ Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997; Вернадский Г. В. История России. Тверь—М., 1996—1997.

⁹ Зимин А. И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М., 2000.

¹⁰ Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

¹¹ Игрицкий Ю. И. Восточноевропейское цивилизационное пространство в XXI в. // Европа на пороге XXI в.: ренессанс или упадок? М., 1998.

¹² Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Политические исследования. 1998. № 3; Колесов В. А. Примордиализм и современное национально-государственное строительство // Политические исследования. 1998. № 3; Дергачев А. Украина в современных геополитических преобразованиях // Политические исследования. 1998. № 3; Мошес А. Геополитические искания Киева // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 2.

¹³ Цит. по: История Древнего Рима / Под. ред. А.В. Мишулина. М., 1946. С. 54.

¹⁴ Портнов А. Тетта hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 г. // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36).

¹⁵ Грушевский М. С. Костомаров и новейшая Украина // Україна. 1925. Кн. 3. С. 19.

¹⁶ Гаврилов Т. Фактор «Россия» на моей Украине // Львівська газета. 2006, 30 октября.

¹⁷ Всі новини з України // <http://uatoday.net/news?class=1&categ=1&date=1132324054&mat=37295&.phtml>.

¹⁸ Thomas G. Russia: Today, Tomorrow — and in 2008. Текст доступен на Интернет-сайте <http://www.aei.org/events/contentID.20051014074612626/default.asp>.

¹⁹ Горбулин В. Украинский фронт «Четвёртой мировой войны» // Зеркало недели. 2006, 29 июля.

²⁰ Портнов А. Указ. соч.

²¹ Портников В. Июль. Москва // Зеркало недели. 2006, 29 июля. С. 11.

²² Беловицкий А., Олейник И. Россия: нечего на зеркало пенять. Текст доступен на Интернет-сайте http://users.comintern.ru/oleynik/2000_03иср.html.

²³ Независимая газета. 2006, 4 сентября.

²⁴ «Як українці оцінюють зовнішню політику Росії (соцопитування)». Текст доступен на Интернет-сайте <http://www.unian.net/ukr/news/news-174696.html>.

²⁵ Там же.

²⁶ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999.

²⁷ Financial Times. 2007, January 18.

О

Украина и Россия: общее и особенности цивилизационных процессов в исторической ретроспективе

inlav

А. П. Моця

«Русь» — «путешествие» названия в послемонгольский период

Ни у кого из серьезных исследователей не вызывает сомнений тезис о важности процессов, которые происходили в эпоху Киевской Руси и в более поздние периоды средневековой истории восточных славян, в эволюционном формировании современных украинского и русского народов. Следует напомнить, что «Киевская Русь» — это кабинетный термин (как и более поздние «Владимирская Русь», «Московская Русь» и другие). Ведь население тех времен называло свой край «Русь» или «Руська земля». Но взгляды на начальную территорию, где возникло это понятие, разделились и часто являются диаметрально противоположными. На сегодняшний день существует около двух десятков теорий относительно региона появления обоих вышеназванных идентичных названий¹.

Историко-географические изыскания показали, что в домонгольский период использование термина «Русь» в его южном варианте приблизительно в два раза превышало случаи его использования для наименования всего восточнославянского мира. Если взять в качестве территориальных границ в конце I — начале II тыс. н. э. бассейны отдельных речек, то «руськи» границы выглядят следующим образом. На западе страны населенные пункты находились в верховьях Сяна и среднего течения Западного Буга, на севере — на левобережье Припяти и в среднем течении Десны, на востоке — в верховьях Сейма, а на юге — в верховьях Южного Буга и в Поросье. Ведь, за исключением десятка летописных городов, все другие известные по письменным и археологическим источникам крупные населенные центры находились на современной украинской территории.

Еще несколько городов — Галич, Смоленск и Торопец, Козельск — лишь в определенных конкретных исторических ситуациях были связаны с южной «Русской землей». С достоверностью можно сказать, что на юго-востоке к ним относились Донец и Лтава на Северском Донце и Ворскле. А на северо-западе и севере от основной рассматриваемой территории находились такие «контрольные» пункты, как Дорогачин в бассейне

Западного Буга, Стародуб и Трубецк в междуречье Сожа и Десны. Южнее их, где-то до линии Берестий — Новгород-Северский, и начиналась собственно Русь в ее южном толковании как историко-географической зоны.

На северо-востоке таким пограничным пунктом в XII в. стала Москва, а весь поволжский регион в домонгольское время не имел обобщающего названия. Конкретные районы именовались по названиям отдельных земель — княжеств (Суздальского, Владимирского, Рязанского). А на севере восточнославянской ойкумены стабильно использовалось название «вся Новгородская область». «Русь», как объединяющее для всех восточных славян название, наиболее часто использовалась в неконкретизированном значении: «митрополит всяя Руси», «было уныние/радость великая по всей Руськой земле» и т. п. А на юг, собственно в Русь, ходили с этих земель князья, послы, церковнослужители, купцы и другие люди.

Ситуация существенно изменилась после нашествия орд Батыя в первой половине XIII в. Тогда, ближе к середине XIII в., при дворе на то время уже умершего князя Ярослава Всеволодовича, в Переяславле Залесском, чернец — книжник с Южной Руси (вероятно, из Галича), создает «Слово о погибели Русской земли». В этом литературном произведении средневекового времени границы «Руськой земли» обозначаются от Карпат до Волги, от Среднего Поднепровья до северных морей².

Это произведение во многих исторических трудах приводится как аксиоматическое подтверждение тезиса о стабильных пространственных границах и этническом единстве восточных славян на протяжении долгого периода времени — в первые столетия II тыс. н. э. — на большей части Восточной Европы. Но, на самом деле, упомянутое «Слово» появляется уже в послемонгольский период. Одновременно и закономерно возникает вопрос: а действительно ли «Руською землею» или Русью постоянно и неоспоримо именовалась вся указанная зона евроазиатского материка? С нашей точки зрения — нет.

Для выяснения ситуации в послемонгольский период используем информацию Ипатьевской (ИЛ), Лаврентьевской (ЛЛ) и Радзивилловской (РЛ) летописей, в которых наиболее точно отражены события на южнорусских территориях, а дополнит их сведения Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ) — то есть также будет проведен своеобразный «взгляд со стороны» на южную территориальную ситуацию в восточнославянской ойкумене во второй половине XIII в. и в более позднее время.

Из зарубежных источников в этом отношении (также «взгляд со стороны») наиболее целесообразно использовать сведения де Плано Карпини, который в 1246 г. побывал в ставке монгольского хана, а направляясь к ней как раз и проехал через южнорусские земли. В страну «Руссия» он включил Киев (называя его столицей) с Черниговом, Волынь (владимиро-волынский правитель Василько именовался князем «в Руссии»), Галицкую землю (князь Данило назван «королем руським»), а также Владимиро-Сузальскую землю («вернулись в землю Сузальскую в Руссии»). А о великом князе владимирском Ярославе говорилось как о князе «в определенной части Руссии, которая называется Сузаль» или же как о «руськом князе Ярославе из Суздаля»³.

Возвращаясь к вышеуказанным древнерусским летописям, следует отметить, что Поволжье, как Русь в географическом понимании, упоминается впервые только в 1238 г., то есть после разгрома местных князей восточными завоевателями, захвата и опустошения их владений: «...а иным же княземъ бѣ повелѣ жити члколюбиемъ своимъ в Рускои землѣ хрстыянскаго ради языка». Согласной той же НЛ, после поездки в 1243 г. к Батыю великого князя Ярослава, хан принял его и сопровождающих мужей приветливо и, провожая, провозгласил свой вердикт: «Ярославе бути ты старѣи всем князем в Руском языце. Ярослав же вѣзвратися в свою землю с великою честью». Он так и остался править в Полволжье, а в Киеве его посадником стал боярин Дмитрий Ейкович. В этом сюжете информация летописца совпадает с вышеприведенным свидетельством де Плано Карпини.

А уже в НПЛ младшего извода под 1245 г. говорится о смерти в Орде Михаила Черниговского и его воеводы Федора. Князь до этого удерживал Киев, куда и пришли послы от Батыя: «Бысть нахождение поганых татарь на землю Русскую».

В следующем 1246 г. в ставку к завоевателям приходит и Даниил Галицкий, где проявляет свои дипломатические способности на таком высоком уровне, что Батый признает его как своего. Но летописец делает вывод: «О злѣ зла честь Татарская Данилови Романовичю князю бывшоу великоу обладавшоу Рускою землею Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ. со братомъ си инѣми странами нынѣ сѣдить. на колѣно и холопомъ называется... егож отць бѣ царь в Роускои земли иже покори Половецькою землю и воева на иные страны все». Тут Галицкая земля четко определяется в географическом отношении как часть Русской, что в более раннее время в большинстве случаев не прослеживается.

Как особые территории, Поволжье и Поднепровье рассматриваются в 1249 г., когда из ставки монголо-татар приехали князья Александр и Андрей, где им было наказано, чтобы первый из них ехал в Киев и владел всей «Руською землею», в другой сел во Владимире. О Руси в целом говорится в новгородском упоминании под 1251 г., когда, оповещая о смерти Александра Невского, местный летописец отмечает, что князь много сил положил за Новгород Великий, Псков и всю «землю Русскую». Это повторяется и под 1263 г. Но автор абстрагируется от южного региона в 1257 г. в упоминании, что с Руси пришла тревожная весть о желании татар наложить дань и на Новгород.

О южном регионе речь идет в ИЛ под 1259 г., когда описывается строительство Холма — новой столицы Даниила Галицкого: летописец отмечает, что, когда Батый захватил всю «Русскую землю», его монголотатары взять не смогли.

Расширение названия «Русь» в восточном направлении прослеживается в ЛЛ под 1284 г.: «...не осталъ еси в Руси избывъ в Воронежъских лѣсъхъ того дѣля что розбити». Тут следует указать на то, что под последним названием подразумевается территория в верховьях р. Воронеж — левого притока Дона. А в 1293 г., по той же летописи, Поволжье и район Оки уже четко относятся к Руси: «Татаровѣ же взяша Володимерь Переяславль Москву Волокъ. и всѣх градов...и много зла створиша в Руской земли».

Москва и другие северо-восточные территории еще отчетливей начинают фигурировать как часть Руси в первой половине XIV в. Под 1316 г.: «...того же лѣта поиде князь Михаило изъ Орды в Русь, веды с собою Татары... Услышавше же новгородцы съ княземъ Афанасьевъ, изидоша к Торжку»; под 1326 г.: «...преставися митрополитъ Петръ всея Руси на Москвѣ»; под 1327 г.: «...тое же зимы прииде изо Орды рать на Русь... и пг҃бъни градъ Твѣрь и всеи земли много зла створися»; под 1335 г.: «Того же лѣта, по грѣхомъ нашимъ, бысть пожар в Руси і погоре городъ Москва, Вологда, Витебьско; и Юрьевъ нѣмечкыи всъ погорѣ».

Цитирование можно было бы продолжить, но в контексте поднятого в данном случае вопроса следует лишь констатировать, что расширение ареала использования этого названия в восточном и северном направления (в историко-географическом отношении) продолжались и далее, о чем однозначно свидетельствуют материалы как используемых здесь, так и других летописей.

Да и другие исследователи пришли к аналогичным выводам. Так, Б. Н. Флоря отмечает, что после 1240 г. понятие «Русь» в узком понимании термина сходит со сцены, а области, которые находились за границами Среднего Поднепровья, намного последовательнее стали отождествлять себя с «Русью». И. Шевченко этот рубеж переносит еще дальше. Он подчеркивает, что северные и поволжские земли не относились к «Русской земле»: «“Русью” они называют земли Среднего Поднепровья, с центром в Киеве. Суздальские князья начали называться руськими князьями лишь с 1270-х годов»⁴. Но вышеупомянутые свидетельства де Плано Карпини все же позволяют говорить о второй половине 1240-х годов. Окончательное же отождествление Руси с Москвой относится уже к XVII в., когда тогдашние книжники-историографы в полной мере оформили эту концепцию⁵.

Втягивание галицкого территориального центра в сферу «русской зоны», все же не привело к однозначному пересению туда основного политического центра. Помимо традиционной столицы на Среднем Днепре, которая не превратилась в ординарный «границный городок», и самого Галича, на юге формировался еще один центр государственности. Речь идет о Черниговском княжестве, властители которого выступали против экспансионистских планов владимиро-суздальских и смоленских князей установить свою гегемонию⁶.

Но на территории подкарпатского региона на все было таким стабильным, как представляется ряду исследователей. В частности, слабый уровень символического наполнения в древнерусском летописании образа Галича как стольного и царственного града Юго-Западной Руси было связано со степенью его претензий на преемственность по отношению к Киеву, который в тогдашней книжности декларировался как «Второй Иерусалим».

Между тем, формула «Галич — второй Киев», которую так и не удалось четко сформулировать средневековым галицким книжникам, приобрела завершенные формы лишь в середине XX в. А в тридцатые годы XIII в. в данном районе начинает формироваться новый столичный центр — Холм, в котором Даниил Галицкий усматривал новую царственную столицу Руси. О высоком социальном статусе и будущем предназначении этого города свидетельствуют также слова галицко-волынского книжника о том, что Холм «бысть созданъ Божиим веленьемъ». В целом возможно и то, что амбиции Даниила Романовича были направлены как раз на превращение его последней столицы во второй Киев, а не только в основную оборонную крепость в Забужье⁷.

Между Карпатами и Днепром все интенсивнее становились миграционные процессы, которые способствовали расширению «русского» названия в западном направлении. Но до сих пор важными были импульсы с юга на северо-восток — в Поволжье. «Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич, — все это южно-русские названия, которые мелькают чуть ли не на каждой странице старой киевской летописи в рассказе о событиях в южной Руси; одних Звенигородов было несколько в земле Киевской и Галицкой. Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире на Клязьме, в Нижнем Новгороде. Известна речка Ирпень в Киевской земле, приток Днепра... Ирпеню называется и приток Клязьмы во Владимирском уезде. Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле: село Киево на Киевском овраге знают старинные акты XVI столетия в Московском уезде, село Киевцы близ Алексина в Тульской губернии. Но всего любопытнее в истории передвижения географических названий кочеванье одной группы имен. В древней Руси известны были три Переяславья: Южный, или Русский (ныне уездный город Полтавской губернии), Переяславль Рязанский (нынешняя Рязань) и Переяславль Залесский (уездный город Владимирской губернии). Каждый из этих трех одноименных городов стоит на реке Трубеже. Это перенесение южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальский Север было делом переселенцев, приходивших сюда с киевского юга»⁸.

Как раз выходцы из старой, южной Руси, может быть, и стали важным генератором расширения «русской» территориальной идеи в поволжском регионе, что было зафиксировано уже в текстах второй половины XIII—XIV вв.

А на давней «русской» территории, то есть в южнорусском регионе восточнославянского мира, постепенно начинает выкристаллизовываться новое название, которое значительно позднее становится основой для обозначения этих земель — «Украина». В древнерусское время она зафиксирована лишь в ИЛ.

Впервые это отражено под 1187 г., когда в походе тяжко захворал Владимир Глебович, правивший тогда в Переяславле Русском (в этом городе он и был похоронен). Он был «...князь добръ и крѣпокъ на рати. и моужество мъ крѣпкомъ показаяся. и всякими добродѣтелми наполненъ. о нем же Оукраина много постона» (то есть жалела. — А. М.).

Следующие два упоминания относятся уже к западному региону южнорусских земель. Под 1189 г. — по отношению к Галичине, когда местные мужи запросили на княжение Ростислава Берладничича, но он был смертельно ранен под стенами столицы своей земли — княжества. До этого он быстро двигался из Смоленска: «...и приѣхавши же емоу ко Оукраинѣ Галичъкои. и взя два города Галичъкыи. и оттолѣ поиде к Галичу». А во второй раз в домонгольский период это название зафиксировано в регионе под 1213 г. при описании активных действий Даниила Романовича и его брата Василька на Волыни, в частности в бассейне Западного Буга: «Данилоу же возвратившося к домови. и ща с братомъ. и прия Берестии. и Оугровескъ. и Верещинъ. и Столпъ Комовъ. и всю Оукраиноу».

Употребление терминов «Украина», «Оукраина», «Крайна» в течение второй половины XIII—XVII в. в летописях и актовых документах неопровергимо подтверждают их географически-ориентированный характер. Ими в то время обозначались окраинные (пограничные) территории, которые пребывали под политическим протекторатом (или целиком в административно-политическом подчинении) Польши, Литвы, России, Турции. Невзирая на то, что в ряде случаев слова эти написаны с большой буквы, они еще не были собственно географическими названиями. Не случайно почти всегда они находятся в словосочетаниях, имеют пояснительные слова: «Литовская Украина», «Смоленская Украина», «Малороссийская Украина», «государеви Украинские города» и т. д.

Но одна из них постепенно приобретала конкретный географический смысл, становилась центром формирования казацкой государственности. Речь идет о землях прежних Киевского и Черниговского княжеств, что лежали на обоих берегах Днепра. И уже в документах Богдана Хмельницкого и его преемников термин «Украина» постоянно фигурирует в значении конкретной земли⁹.

И, одновременно, имеющиеся летописные упоминания не только свидетельствуют о сохранении давнего исторического названия «Русь» за южнорусским регионом, но, по сути, очерчивают и границы старой позднесредневековой Руси. На западе она включала земли Львовщины, на востоке — Киевщины и Черниговщины. В многочисленных летописных статьях перечисленные выше земли упоминаются под собирательным названием «вся Руська земля», которое является не просто географическим понятием, но и, в определенной степени, этнополитической структурой составной части «Великого княжества Литовского и Руського»¹⁰.

Итак, можем констатировать: понятия «Руська земля»/«Русь» от Карпат до Волги, от северных морей до Среднего Поднепровья, которое было зафиксировано в «Слове о погибели Русской земли», не следует использовать как безапелляционное доказательство постоянной стабильной ситуации в географическом отношении для многих десятилетий или нескольких столетий древнерусской истории. Процесс становления территориальных границ между современными восточнославянскими государствами, даже в период Средневековья, был намного сложнее.

Тенденция расширения старого названия «Русь» в восточном и северном направлениях, одновременно с окончательным включением в южно-русский ареал ее юго-западного микрорегиона около Галича, совпала с постепенным утверждением нового «украинского» названия на юге восточнославянской ойкумены. Эти процессы географического характера совпадали между собой в хронологическом отношении. Без сомнения, монголо-татарское нашествие сыграло не последнюю роль в проведении таких глобальных изменений. Но оно все же не являлось единственной причиной такой миграции рассматриваемого названия. Этот процесс имел более глубокие исторические корни.

«Киевская Русь умерла, на оставил завещания и не приведя в порядок дела. Умерла, когда дела были в наихудшем положении, а имущество как раз описывали для конфискации. Добрые люди растаскали то, что осталось, и зажили себе, без печали проматывая остатки бывшего немаленького достояния. Наследники появились позднее, с сомнительными бумагами и с не внушающей доверия степенью родства с покойником. Но, как всегда бывает в подобных случаях, выяснение прав превратилось в долгую тяжбу между претендентами. Не было недостатка во взаимных обвинениях в самозванстве, апелляций к крови, земле, особой любви к умершему. Пока длился процесс, имущество превратилось в руины...

Украина унаследовала физические остатки имущества, Россия — документы на владение ими. С конца XIX в. между двумя историографиями длится спор, чьи претензии на «киево-русское» наследство более весомы, какое право наследства избрать — «землю» или «кровь»¹¹.

Как бы то ни было, но «земельный» аспект является существенным фактором в дальнейшем изучении этой сложной и фундаментальной темы украино-российских отношений. Предложенное видение поднятой проблемы в историко-географическом плане имеет непосредственное отношение к формированию украинского и русского этносов в средневековый период. Позднее эти процессы эволюционировали во времени и пространстве, что сказалось на взаимоотношениях обоих народов в начале III тыс. н. э.

Примечания

¹ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. К., 1985. С. 117—124; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 22—45; Брайчевський М. Ю. Походження Русі. К., 1968; Котляр М. Ф. «Руська земля» в літописах XI—XIII ст. // Український історичний журнал. 1967. № 11. С. 96—107; Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 295—332; Прицак О. Походження Русі. К., 1997. Т. 1; Толочко П. П. Древнерусская народность. СПб., 2005. С. 82—98 и др.

² Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.—Л., 1965. С. 132—160.

³ Плано Карпини И. де. История монголов. СПб, 1911. С. 9, 25, 44, 45, 50, 54, 57, 61.

⁴ Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 64; Шевченко І. Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття. Львів, 2001. С. 64.

⁵ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб, 1995. С. 55.

⁶ Коваленко В. Чернігово-Сіверська і Галицько-Волинські землі у XII—XIII ст. (До питання про перші осередки давньоруської державності) // Другий міжнародний конгрес україністів (Львів, 22—28 серпня 1993 р.). Доповіді і повідомлення. Історія. Львів, 1994. Ч. 1. С. 20.

⁷ Ричка В. «Київ — другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005. С. 227—229.

⁸ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. С. 292.

⁹ Толочко П. П. Назва «Україна» в південно-руських літописах і актових документах // Київська старовина. 1994. № 3. С. 5—7.

¹⁰ Толочко П. П. Русь — Мала Русь — руський народ у другій половині XIII—XVIII ст. // Київська старовина. 1993. № 3. С. 4.

¹¹ Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Україна і Росія в історичній ретроспективі: українські проекти в Російській імперії. К., 2004. С. 250.

М. В. Дмитриев

От Брестской унии к Переяславской раде: религиозные факторы сближения Украины и России в начале XVII века

Необходимость обсуждения различий и сходств в историческом пути Украины и России более чем очевидна. При этом ясно, что в разные периоды одиннадцативекового отрезка времени те пространства и общества, которые мы называем теперь Украиной и Россией, взаимодействовали совершенно по-разному, и само содержание понятий «Украина» и «Россия» в разные эпохи оказывается разным. Что мы имеем в виду под Россией, например, XIX в.? Россию без Украины? Одну лишь Великороссию? А говоря об Украине этого времени, имеем ли мы в виду Украину с Крымом, Новороссией, Слобожанщиной, но без Галиции? Таких затруднений при данной постановке вопроса очень много, и все они напоминают о простой вещи: и Россия, и Украина суть понятия и продукты культуры, а не некие естественные, по «природе вещей» существующие объекты и субъекты, чье существование можно было бы признать базой развития соответствующих «украинских» и «русских» традиций. Кроме того, если мы возьмем само содержание исторического процесса на «Украине» и в «России», окажется, что потребность адекватно и сравнительно описать структуры и процессы политического, экономического, социального и культурного развития очень плохо совмещается с нашей вредной привычкой резать историю на «национальные» делянки, например, — на «русскую» и «украинскую».

Имея в виду все эти ограничения, сосредоточимся лишь на первой половине XVII в. В это время реально присутствующие на карте Европы единицы — это не «Россия» и «Украина», а Московское государство (Московская Русь) и Рутения (восточнославянские земли Речи Посполитой, или Западная и Юго-Западная Русь, или Литовско-Польская Русь). Следует еще раз заметить, что эти вполне осозаемые исторические реальности мало соответствуют нашим представлениям, встающим сегодня за словами «Украина» и «Россия», но зато вполне соответствуют тому, что «было на самом деле», используя хрестоматийное выражение Леопольда фон Ранке.

Среди возможных аспектов взаимодействия Московской Руси и Рутении в статье рассмотрен лишь тот, который касается религиозно-общественной истории украинско-белорусских земель в ее переплетении с русско-украинскими отношениями в начале XVII в. Релевантна ли именно эта сторона дела? В нашей академической культуре и в культуре вообще, по ряду причин, сохраняется инстинкт непризнания важности религиозных измерений истории русско-украинских связей, и этот интеллектуально губительный инстинкт порождает глубокое непонимание (в лучшем случае — недопонимание) роли конфессиональных факторов в истории Восточной Европы в раннее новое время. На самом же деле, в определении судеб России и Украины в XVI—XVII вв. они сыграли много большую роль, чем принято думать. В чем именно? К этому вопросу и обращена настоящая статья.

* * *

Можно легко представить себе, насколько невероятным в начале XVII в. (например, в 1612 г., в момент освобождения Москвы) выглядело бы допущение, что через полвека российское владычество установится в Приднепровье, а Речь Посполитая станет превращаться во второстепенного игрока на восточноевропейской арене. Еще невероятной была бы картина не только захвата Россией Киева, но и более или менее успешной интеграции части украинских земель в российский политический, социальный и культурный организм. Почему второе допущение было бы безумнее первого?

Потому что, взглянув на Рутению и Россию начала XVII в., мы сразу увидим, что политический строй, организация городской жизни, социальные институты (привилегии дворян, статус духовенства и горожан, даже крестьянская община), культурные ориентиры, международные связи Украины и России были кардинально разными. Даже в церковно-административном и церковно-институциональном плане Киевская митрополия жила иной жизнью, чем Московский патриархат. Иными словами, во всем (кроме православной культуры как таковой) — обособление и особость пока преобладали над связями и сходством. Даже историческая память двух обществ была общей лишь в потенции, а пока среди монашествующих книжников и светских элит имели хождение очень разные представления о прошлом восточного славянства. Общую историю Украины и России, как историю одного пространства, одной государственности, одной культуры и одного «народа», еще только предстояло

«вспомнить» и сочинить, хотя пробуждение—формирование общей памяти и самосознания уже началось, с двух сторон, во второй половине XVI в. усилиями таких людей, как Иван Федоров, Андрей Михайлович Курбский, Герасим Смотрицкий и «дидаскалов» Львовского и Виленского церковных братств.

К середине XVII в. мы имеем уже совершенно иную картину в области идеологии, то есть мифов и «теорий», предложенных книжниками, проповедниками, теми же «дидасклами» читающей и слушающей части общества, и в этой новой идеологии отчетливо присутствует представление о том, что «православное христианство» Рутении и России составляет единую общность (единый «народ»?), которой нужно бы иметь и непременно православного общего царя. Без этой идеологической подкладки (как любили выражаться русские историки конца XIX в.) немыслимы ни все более и более частые украинско-белорусские посольства в Москву, ни Переяславская рада, ни общая война с «ляхами», ни включение Левобережной Украины в Россию в 1667 г. и стремительное сближение двух культур и обществ накануне петровских преобразований. Что же произошло между 1612 и 1654 гг.?

Собственно, будучи вставленным в такие хронологические рамки вопрос оказывается некорректным, так как в истории «украинско-русских» отношений и связей именно 1612 г. мало что значит. Многое более значимым оказалось 1596 г. — тот год, когда в Бресте была провозглашена уния Киевской митрополии и Католической церкви. О России, разумеется, речь вовсе не шла. Более того, пока не найдено ни одного источника, который подтвердил бы широко бытующий и очень привлекательный своей априорной логичностью стереотип, будто православные иерархи мстнулись в сторону Рима в ответ на создание Московского патриархата в 1589 г. Тем не менее именно 1596 г. нужно считать цезурой в русско-украинско-белорусских связях — цезурой скрытой до поры до времени и приобретшей облик радикального рубежа лишь постфактум, — тогда, когда в Польско-Литовской Руси начались фактически «религиозные войны» (ничем не уступавшие французским) православных, униатов и католиков. И дело тут никак ни в политических, военно-политических или «национальных» обстоятельствах, а в коренном изменении конфессиональной ситуации в восточных землях Речи Посполитой после 1596 г.

До этого года отношения православного населения и католических властей Речи Посполитой могли вызвать зависть в охваченной вероисповедными конфликтами Европе. Если это и не была идиллия (так как иногда острые конфликты случались, например, после попыток польско-

го правительства принудить православных следовать григорианскому календарю в 1580-е гг.), то говорить о мирном сосуществовании и даже добрососедстве православных и католиков есть все основания. Все переменилось после 1596 г., хотя не сразу, а по мере того как обнаруживалось, что переход в унию непременно предполагал фактическую католицизацию верований и обрядов и непременное подчинение церковной власти, сосредоточенной именно в Риме. Неприятным сюрпризом для многих стало острое различие между тем, как уния была задумана ее православными инициаторами, и тем, во что она на самом деле вылилась. В этих условиях православное самосознание противников унии не могло не активизироваться и укрепиться. Так оно и случилось. И, как следствие, заработал механизм конфессиональной солидарности, по аналогии с католическим и протестантским лагерями Запада.

Однако дело не сводилось к идее, что православная Россия может помочь единоверцам в Польше и Литве. Судя по всему, заработала укорененная в византийской традиции логика: в мире не может быть двух православных царств, православия нет там, где нет христианской империи, *Imperium Christianum*, а подлинной империи нет там, где нет православия. Когда-то эта идея была великолепно выражена в послании константинопольского патриарха Антония к московскому князю Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского. Патриарх писал из столицы почти что сокрушенной Византийской империи: «С огорчением слышу еще, что твоим благородием сказаны некоторые слова и о высочайшем и святом самодержце—царе. Говорят, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя в диптихах, то есть хочешь дела совершенно невозможного, и говоришь: “мы-де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим”. Это нехорошо. Святой царь занимает высокое место в церкви; он не то, что другие, поместные князья и государи. Цари в начале упростили и утвердили благочестие во всей вселенной; цари собирали вселенские соборы; они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догматах и о благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей; наконец, цари, вместе с соборами, своими постановлениями определили порядок архиерейских кафедр и установили границы митрополичьих округов и епископских епархий. За это все они имеют великую честь и занимают высокое место в церкви. И если, по Божию попущению, язычники окружили владения и землю царя, все же до настоящего дня царь получает то же самое поставление от церкви, по тому чину, и с теми же молитвами помазуется великим миром и поставляется царем и самодержцем».

Ромеев, то есть всех христиан. На всяком месте, где только именуются христиане, имя царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имеет никто из прочих князей или местных властителей... И если язычники окружили землю царя, то христианам не следует презирать его за это; напротив, это самое да послужит для них уроком смирения и заставит их подумать, что если великий царь, господин и начальник вселенной, облеченный такою силою, поставлен в столь стеснительное положение, то что могут потерпеть разные другие местные властители и мелкие князья». И ниже та же мысль приобретает характер строгой формулы: «Итак, нет ничего хорошего, сын мой, если ты говоришь: "мы имеем церковь, а не царя". Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя»¹.

У нас нет никаких доказательств, что украинско-белорусские православные книжники конца XVI в. были знакомы с посланием патриарха Антония. Но они не могли не быть знакомы с византийскими представлениями о *симфонии* государства и церкви. Такая симфония, по определению, была недостижима в Речи Посполитой, между королем—католиком и его подданными—православными. *Православный* монархизм в этой стране был исключен. И рост именно православного самосознания неизбежно ставил вопрос о, так сказать, противоестественности положения православных под властью католического монарха. Совершенно закономерным (хотя и очень неожиданным) в этих условиях оказывается зарождение среди православных низов в 1620-е гг. мифа о православном королевиче-избавителе — Владиславе, сыне короля Сигизмунда III, принявшем втайне, якобы, православие. Как показал Б. Н. Флоря, согласно распространившимся среди православного населения иллюзиям, королевич Владислав был... защитником православия! «Массовое сознание» ожидало, что Владислав, взойдя на престол, при помощи казаков вооруженным путем сломит сопротивление «ляхов», крестится в православие и, может быть, даже сделает православие государственной религией Речи Посполитой²!

Но это было уже через четверть века после Брестской унии. А сложившаяся после 1596 г. ситуация предлагала многое более простое и в каком-то смысле реалистическое решение — перейти под власть московского православного царя вместо короля—католика, который воспринимался как властитель, пожелавший лишить своих православных подданных шансов на спасение, даруемое только чадам истинно православной церкви. Разумеется, сказанное — не более как реконструкция в двух—трех словах той логики, которую мы можем пока лишь предположить за по-

верхностью текстов, оставленных бурной эпохой конфессиональных споров в Рутении... Однако у нас есть, по крайней мере, один документ, который делает такую реконструкцию приемлемой. Это несколько датированных 1592 г. посланий Львовского братства и находившегося при нем тырновского митрополита Дионисия в Москву, царю Федору Иоанновичу, царице Ирине, Борису Годунову и дьяку Щелкалову³. Стоит вчитаться в то, как именно представлен московский царь в открывающем первое послание обращении: «Богоправительный, державнейший, в благочестии по вселенней светлосияющий православный царю Феодоре Иоанновичу, великий княже самодержавный господарю северская страны великоименитаго рода Росийска и многоплеменитых язык крепкий властителю, варваров добropобедный прогонителю, церкви похвала и удобрение, стена и прибежище християном, Богом соблюдаемо скипетро христоименитаго царства, истине ревнителю и изрядный поборниче апостолским и отеческим преданием, православныя веры опасный блюстителю!»

Что значит — «самодержавный господарь... великоименитаго рода Росийска», «варваров добropобедный прогонитель», «стена и прибежище християном»? А дальше — больше: «тебе во многороднем племене Росийском царя неподвижна от прародителей постави, и тебе многоразличных родов племена под нозе покори». А из последующего становится совершенно ясно, что и православные жители есть одно из племен российского рода (или один из родов российского племени), ибо как море не вбирает в себя воду рек, а, напротив, своей водой наполняет впадающие в него реки, так и «твое величество, царю, ничтоже от кого требуйай, но всем по вселенней иже во благочестии и православии живущим прохлаждение еси и утешение, и окормление, паче же везде обретающимся от многоплеменитаго рода Росийского; от них же и мы, обретаемии во граде Львове духовнии, священници, дидаскалие, род Росийский и Греческий...» Далее авторы послания просят московское правительство помочь в восстановлении сгоревшей Успенской церкви, и царь ставится в параллель с киевским князем Владимиром, «просветившем весь род Росийский святым крещением» («Да уподобишися, всесветлый царю, памяти святей честного ти царства прародителю великому Владимиру, просветившему весь род Росийский святым крещением и честными храмы святолепне землю Русскую даже дозде освятившему»). Восстанавливаемый храм превратится, соответственно, «во прибежище и спасение расточенного стада братий наших Руска рода». С незначительными модификациями тот же мотив повторяется во втором послании, подписанном уже одним митрополитом Дионисием.

Пока у исследователей нет возможности с достоверностью сказать, что именно стояло за посланием Львовского братства в Москву. Соответствующие источники, обстоятельства, контексты еще только предстоит изучить. Тем не менее, мы знаем наверняка, что после 1596 г. идеи, высказанные авторами послания 1592 г., оказались более чем кстати. Уже давно известно и никем не оспаривается, что Брестская уния подтолкнула православное население Украины в сторону России. И главную роль в этом сыграли не общие славянские корни, о которых даже эрудированные книжники имели очень смутное представление, не память об общем киевском прошлом, которую еще только предстояло реанимировать, не общие политические интересы, которые пока оставались кардинально различными, а именно конфессиональная ситуация, возникшая в украинско-белорусских землях после 1596 г.

Напомним, что состоявшийся в октябре 1596 г. в Бресте церковный собор, провозгласив подчинение Киевской митрополии Риму, столкнулся с ожесточенной оппозицией, которая была представлена заметно более многочисленным «контр-собором», созванном в том же самом Бресте, в те же самые дни противниками унии во главе со знаменитым князем Острожским и представителем константинопольского патриарха Никифором. Два собора предали друг друга проклятию и отлучили друг друга от церкви — униаты православных, а православные униатов. Начались религиозные конфликты, и, как сказано выше, ничто не мешает назвать эти конфликты «религиозными войнами», по аналогии с французскими религиозными войнами второй половины XVI в.

Постоянный мотив антиуниатской борьбы — это защита религиозных свобод «русского народа» Речи Посполитой. Характерным примером отношения к унии православной шляхты можно посчитать инструкцию Новогрудского сеймика от 25 сентября 1596 г. Съехавшаяся шляхта delegировала двух представителей на Брестский собор, предписав им не принимать никаких перемен в положении православной церкви и подать соответствующий протест, если права православной церкви и «русского народа» будут нарушены⁴. Таких документов у нас много, и в них постоянно речь идет о попранных правах «русского народа». Это, казалось бы, прекрасный подарок нашим российским «этнонационалистам», прежним и сегодняшним, которым дорога идея «большой русской нации», спаянной верностью православию. Однако не все так просто. Во-первых, ни один ответственный историк не рискнет сказать, что «русский народ» наших документов — это часть того же «русского народа», который про-

живал под скипетром московских государей. Во-вторых, все непросто и с «верностью православию». Дело в том, что из наших источников видно, что собиравшаяся в эти месяцы на сеймики шляхта еще не разоблачилась, о чем именно шла речь при заключении унии с Римской церковью, и, например, решение Новогрудского сеймика не содержит протеста против самой идеи унии, которая как таковая оставалась вполне привлекательной для многих. Вся драма в том, что привезенная из Рима уния была очень мало похожа на унионный проект начала 1590-х гг. — проект мира и единения в «христианской республике», который был по сердцу очень многим⁵. Приведем характерный пример: в последний день Брестского православного собора было решено послать двух делегатов — волынских шляхтичей М. Малинского и Л. Древинского — к Сигизмунду III с обращением, в котором говорилось, что православные, как и прежде, стремятся к унии. Но для ее заключения нужен общий собор православных и католиков, который обсудил бы все спорные вопросы и принял бы адекватное решение. Поэтому участники православного собора просили сместить епископов—униатов и разрешить выбрать вместо них новых владык⁶.

Сказанное выше — не более, как несколько иллюстраций большой темы, которая отразилась во множестве ситуаций и источников, и сам по себе она очень многогранна. Одна из ее граней — рождение (или воскрешение) в ходе борьбы за права «русского народа» Речи Посполитой представления, что русские России и «русские» Речи Посполитой суть одно «многородное племя». Еще одна грань — в том, что украинско-белорусской культуре того времени совсем не чужда была идея примирения, сближения и даже объединения Православной и Католической церквей. Однако практические действия по осуществлению этого сближения показали с неожиданной ясностью, что с православной и католической стороны выдвигались две совершенно разные концепции церковного единения, за которыми стояли две очень разные христианские ментальности — особенно в том, что касается экклезиологических представлений. Как писал Е. Ф. Шмурло, внимательно изучив соответствующие источники из ватиканских архивов: «Но беда в том, что мосты для перехода на латинский берег каждый строил на свой лад. С Востока шли на встречу к Западу, и сделали много шагов на пути к Риму; но с той стороны не сдвинулись с места. Почему — другой вопрос; но самое отсутствие сдвига уничтожало возможность соглашения»⁷.

***

Уже к лету 1597 г. относятся первые попытки православных привлечь Москву на свою защиту. По сообщению О. Халецкого, в неопубликованных документах ватиканского архива сохранились сведения о некоем «нотариусе» из Вильно, который был избран «схизматическими рутенами» послом в Москву, чтобы сообщить там, что «король препятствует им в отправлении их религии и насильственно отнимает у них их церкви»⁸.

Сеймы и сеймики конца XVI — первых десятилетий XVII в. стали ареной конфронтации противников и сторонников унии⁹. На сейме 1598 г. волынская шляхта выступила с требованием низложить униатскую иерархию. Шляхта виленского воеводства в инструкции, данной послам на вальный сейм 20 января 1598 г., заявляла о необходимости сохранять шляхетские вольности, в том числе и религиозные свободы, гарантированные Варшавской конфедерацией. И в связи с этим заявлялось о недопустимости покушения на религиозные традиции православной церкви. Галицкий сеймик высказался против унии. Однако, и из этого, и из других документов видно, что в обществе первоначально не очень-то понимали, что именно подразумевала заключенная уния, к каким переменам она обязывала.

Согласно распространенному мнению, в эти годы протесты православной шляхты были оркестрированы Константином Острожским и Львовским братством. Трудно, конечно, определить меру активности и ангажированности в протестах против унии и установить, насколько они были спонтанными, а насколько появлялись по инициативе отдельных шляхетских лидеров. Можно согласиться, что большинство шляхты (как православной, так и католической) не отличалось горячим религиозным рвением, тем более что дворянскому сословию свобода вероисповедания была гарантирована законом и традициями. Бесспорным фактом остается, однако, то, что значительная часть дворянства (если не большинство) не приняла унии. У унии нашлись и горячие противники, и активные сторонники. Определить же, в какой пропорции находились те и другие, и какую часть составляли инертные члены того и другого лагеря, и сколько среди них было людей религиозно индифферентных, никогда не удастся. Да и вряд ли понадобится. Это не мешает констатации главного факта: уния не получила поддержки ни всего православного дворянства, ни основной его массы. Она породила религиозный раскол не только среди духовенства, но среди шляхты и стимулировала религиозно-культурную дезинтеграцию украинско-белорусского дворянства.

В последующие годы раскол украинско-белорусского общества продолжал углубляться. На сеймах православные и протестанты (в том числе антитринитарии—ариане) выступали вместе. На очень многих сеймиках начала XVII в. (в том числе и вне украинско-белорусских земель) по инициативе протестантов были приняты инструкции с требованием гарантировать права православия. На самих сеймах был предложен проект специальной конституции по делам «греческой религии». В 1604 г. Константин Острожский обратился в Москву, к патриарху Иову, за поддержкой в борьбе против унии¹⁰.

В 1606 г. фактически был поставлен вопрос о кассации Брестской унии. Главную роль в сеймовых дебатах, затрагивавших и «греческую религию», играли протестанты. Папский нунций Рангони вынужден был созвать срочное тайное совещание католических епископов с приглашением униатского митрополита Ипатия Потия. Последний несколько позже писал папе, что никогда еще уния не подвергалась столь опасным атакам «еретиков и схизматиков». Но принятие окончательных решений на сейме 1606 г., как и на предыдущем, было сорвано. Поэтому в юридическом статусе православных и униатов никаких существенных перемен не произошло. Однако в 1607 г. действия православных в сейме, в конце концов, увенчались успехом. На сейме, в условиях острого политического кризиса, король подписал универсал, подтвердивший прежние права православной церкви.

А с 1610 г. в религиозно-политическую борьбу вокруг унии в качестве относительно самостоятельной силы вступили казаки. Их «протестацию» в 1610 г., М. С. Грушевский расценил как первую «декларацию» о «полной солидарности казаков» с православным духовенством в борьбе против унии¹¹. В 1615 г. «Войско запорожское» в полном составе записалось в Киевское православное братство, и уже в том же году казаки отказались поддержать польскую армию во время войны с Турцией и Крымом, ссылаясь на преследования «русской веры» в Речи Посполитой¹².

В 1620 г. в конфессионально-политической борьбе в Речи Посполитой произошел радикальный поворот. Совместными действиями патриарха Феофана, украинско-белорусского православного духовенства и казачества в Речи Посполитой была восстановлена православная иерархия. Казаки, сыграв решающую роль в очень тяжелой войне против турок, стали весомой политической силой и мощной опорой движения против унии.

Прибывший весной 1620 г. из России в Речь Посполитую иерусалимский патриарх Феофан первоначально был осторожен в своих действиях в отношении православных. Остается неясным, входило ли восстановление иерархии в первоначальные планы патриарха Феофана или это реше-

ние было принято под давлением казаков и православного духовенства Украины и Белоруссии. Источники, повествующие об этих событиях, были созданы несколько позже, в уже изменившейся обстановке.

13 августа 1620 г. патриарх Феофан издал грамоту, которую М. С. Грушевский рассматривал как окружное послание всему православному населению Польши и Литвы, а К. Ходыницкий считал первым несмелым призывом восстанавливать иерархию¹³. Именно эта грамота позволяет предполагать, что решение о восстановлении иерархии было принято патриархом Феофаном прежде состоявшегося в Киеве 15 августа православного съезда—собора. В ней говорится буквально следующее: «Възлаголем же второе совет благ, яко да изберете себе епископа, апостолом и правила узаконенного, ему же престол и наследие... Повелений же и запрещений мира не боящеся, якоже и некогда родители Моисеевы не боящеся повеления фараонова»¹⁴.

15 августа 1620 г. в Киеве фактически состоялся съезд или собор православных, хотя и не имевший формального статуса собора. В начале октября 1620 г. православные пошли еще дальше: патриарх Феофан официально-канонически восстановил православную иерархию в Речи Посполитой.

На сейме 1620 г. с яркой речью в защиту православия выступил известный лидер православной шляхты Лаврентий Древинский. Выступление Древинского было поддержано и другими послами из православных земель Речи Посполитой. С аналогичными просьбами выступило и Виленское православное братство. Требования православных были поддержаны протестантами.

Какова была реакция польского сейма и двора на тайное восстановление православной иерархии? Король не хотел уступать. Согласно более позднему свидетельству католического епископа Кояловича, он будто бы воскликнул: «Я скорее откажусь от короны, чем допущу ущерб для церкви и унии!»¹⁵ Соответствующий универсал короля был издан 1 февраля 1621 г. Поставление Борецкого и Смотрицкого объявлялось незаконным, патриарх Феофан был представлен как обманщик и турецкий шпион¹⁶. 15 марта был издан аналогичный универсал, касавшийся еще одного новопоставленного епископа — Курцевича.

Восстановление православной иерархии подбросило масла в огонь. Восстания в Киеве и Витебске, казацкий бунт середины 1620-х г. — достаточно хорошо известные события. В целом, наши источники не оставляют сомнения в том, что и православная шляхта, и духовенство, и городское сословие оказались вовлечены в острые вероисповедные конфликты. Начиная с 1620-х гг. все большую роль в них стало играть казачество. И уже в 1620-е гг. они, вместе с новопоставленным митропо-

литом Иовом Борецким, сообщали в Москву, что готовы поднять бунт против польского правительства, чтобы перейти под высокую руку русского царя¹⁷. Какие именно мотивы стояли за их выступлениями? Теперь становится возможным ответить на этот вопрос — главным образом благодаря архивным находкам Б. Н. Флори¹⁸, который показал (на основе донесений из украинско-белорусских земель в московский Разрядный приказ), что в 1620-е гг. «массовое сознание» (по крайней мере, в Восточной Украине и Восточной Белоруссии) воспринимало унию как результат действия внешних по отношению к украинско-белорусскому православному обществу сил и только вооруженное сопротивление способно защитить «русский народ» и «русскую веру». Согласно полученным Б. Н. Флори данным, после того, как в 1632 г. сын Сигизмунда III Владислав, видевшийся прежде народному воображению как православный «царевич—избавитель», был избран польским королем, и положение православной церкви переменилось, в общественном сознании белорусского мещанства надежды стали снова возлагаться на сеймовую деятельность казацких и городских представителей. Украинское казачество, однако, и после 1632—1634 гг. ориентировалось на военное решение спора. В новой ситуации будущая война мыслилась как война в защиту Владислава от «ляхов», которые хотят его сместить с трона и продолжают ущемлять права казачества. Как считает Б. Н. Флоря, все действия, дискриминировавшие казаков, воспринимались как действия против «русской веры», и поэтому социальный конфликт приобрел в глазах казачества характер конфликта между «латинством» и православием.

В целом, сегодня достаточно хорошо видно, что религиозные мотивы в самом деле играли важную роль в конфликтах, последовавших за Брестской унией, и у нас есть основания говорить о «религиозных войнах» в Речи Посполитой первой половины и середины XVII в.¹⁹ Добавьте к этому постепенное возрастание в украинско-белорусском обществе убеждения в том, что единственным надежным правителем «русской веры» может быть только православный монарх и церковную пропаганду концепции «многоплеменного российского рода», высказанной впервые в 1592 г., и станет более или менее ясно, что сама логика ситуации, созданной Брестской унией 1596 г., работала на сближение Украины—Белоруссии и Московской Руси. Кажется, что именно в этом, а не славянской крови, общей памяти и мифологизированной нами «православной солидарности» мы находим ключи к удивительному дрейфу казацкой Украины к российским берегам — задолго до драматических событий 1648—1654 гг. и без какой бы то ни было специальной русской политики в отношении украинско-белорусских земель.

П р и м е ч а н и я

¹ Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу (1393 г.) // Русская историческая библиотека. М., 1908. Т. 6. Стб. 273—274, 276.

² Флоря Б. Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев М. В., Зaborовский Л. В., Турилов А. А., Флоря Б. Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Часть II. Брестская уния 1596 г. Исторические последствия событий. М., 1999. С. 160—162.

³ Челобитная Львовского братства Федору Иоанновичу; три послания Тырновского митрополита Дионисия: царю Федору, супруге его Ирине, и царскому боярину Борису Годунова; послания того же братства думному дьяку Андрею Шелкалову, Ирине и Борису Годунову (15 июня 1592 г.) // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссию / Изд. И. Григорович. СПб., 1851. Т. IV. 1588—1632. № 34. С. 47—51.

⁴ Archiwum Główne akt dawnych. Archiwum Radziwiłłow. Т. II. № 350 (копия инструкции от 25 сентября 1596 г.). Благодарю Б. Н. Флорю, который любезно указал на существование этого документа.

⁵ Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг. М., 2003. С. 212—269 (глава «Церковная уния: взгляд православных и взгляд католиков»). См. также: Dmitriev M. V. L'Union de Brest (1595—1596), les Catholiques, les Orthodoxes: un malentendu? // Stosunki międzywyznaniowe w Europie Środkowej i Wschodniej w XIV—XVII wieku / Pod red. M. Dyo, S. Gawłasa, H. Grali. Warszawa, 2002. P. 39—60.

⁶ Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе / Изд. Н. Иванишев. Киев, 1859. Ч. 1. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Т. 1. С. 510—517.

⁷ Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 годах. Ч. I—II. Прага, 1928.

⁸ Halecki O. From Florence to Brest (1439—1596). Hamden, 1968. P. 413—414.

⁹ См.: Жукович П. Н. Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах. СПб., 1897; Жукович П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901; Жукович П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Вып. 6. СПб., 1903—1912; Грушевський М. С. Історія України—Русі. Київ—Львів, 1909 (репрінт: Київ, 1995). Т. VII. Козацькі часи — до року 1625; Грушевський М. С. Історія України—Русі. Київ, 1995. Т. VIII. Роки 1626—1650; Chodnicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370—1632. Warszawa, 1934.

¹⁰ Турилов А. А. К истории проектов ликвидации Брестской унии (неизвестное послание князя К. К. Острожского патриарху Иову) // Католицизм и православие в средние века. М., 1991 (Славяне и их соседи. Вып. 3.). С. 128—140.

¹¹ Грушевський М. С. Історія України—Руси... Т. VII. С. 399.

¹² Документи російських архівів з історії України. Львів, 1998. Том 1. Документи до історії запорозького козацтва. 1613—1620 рр./ Упор. Л. Войтович та ін. № 29. С. 90.

¹³ Грушевський М. С. Історія України—Руси... Т. VII. С. 435—436; Chodynicki K. Op. cit. S. 426.

¹⁴ Голубев С. Т. Материалы для истории Западно-русской церкви // Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. К., 1883. Т. I. Приложение. № 37. С. 257.

¹⁵ Chodynicki K. Op. cit. S. 433.

¹⁶ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 1. № 138—141.

¹⁷ Флоря Б. Н. Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII в. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С. 33.

¹⁸ Флоря Б. Н. Брестская уния 1596 года и некоторые вопросы конфессиональных отношений в первой половине XVII в. // Славяноведение. 1996. № 2. С. 22—32; *Он же*. Киевская митрополия, Россия и казацкое восстание 1625 года // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVII века. М., 1999. С. 143—151; *Он же*: Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в першій половині XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті / Ред. Б. Гудзяк, співредактор О. Турій. Львів, 1997. С. 124—134 (дискуссия — С. 134—147); *Он же*. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев М. В., Зaborовский Л. В., Турилов А. А., Флоря Б. Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Часть II. Брестская уния 1596 г. Исторические последствия событий. М., 1999. С. 151—174 (перевод на французский: Florja B. N. Les conflits religieux entre adversaires et partisans de l'Union dans la «conscience de masse» du peuple en Ukraine et en Biélorussie (première moitié du XVIIeme siècle) // XVIIeme siècle. 2003. q. 3. (Juillet—Septembre 2003, 55eme année). Numéro spécial. La frontière entre les chrétientés grecque et latine au XVIIeme siècle. De la Lithuanie à l'Ukraine subcarpathique. P. 431—448); Florja B. Nowe materiały do dziejów powstania Kozackiego 1625 roku // Przegląd Wschodni. T. 5 (1998). Z. 1. S. 27—42; *idem*. Konflikt między zwolennikami unii i prawosławia w Rzeczypospolitej (w świetle źródeł rosyjskich) // Barok. N. III/2 (6), 1996. S. 23—52; *idem*. Kozaczyzna wobec przemian religijnych na ziemiach ruskich Rzeczypospolitej w latach trzydziestych XVII w. // Mówią wieki. 1995. Nr. 12. S. 3—9.

¹⁹ Эта точка зрения развита мною в другой публикации: Дмитриев М. В. Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года // Славянские и балканские исследования / Под ред. А. И. Филюшкина. СПб., 2007 (в печати) Т. 1.

М. Э. Клопова

Украинское национальное движение: галицийский опыт

В современном сознании Западная Украина предстает очагом украинского национализма. Исследователи говорят о ее существенном влиянии и на украинское движение первых, предреволюционных десятилетий XX в., и на советский процесс украинизации, и на национальные процессы современной Украины. Каким же опытом могли поделиться галицкие украинцы в начале XX в. со своими российскими единомышленниками?

Прежде всего, стоит еще раз напомнить, что значительная часть современной Западной Украины после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. оказалась в составе Австро-Венгерской монархии. Под властью Габсбургов находилось три провинции, значительную часть населения которых составляло восточнославянское («русское») население — Королевство Галиции и Лодомерии (Галиция), Буковина и Угорская Русь, входившая в состав Венгерского королевства.

Осознание и утверждение своей общности с русским народом, или же утверждение принадлежности «русского» населения монархии к самостоятельному украинскому народу, то есть приверженность пророссийскому, получившему название русофильского или москофильского, или же украинскому направлению было основным содержанием национальной жизни восточнославянского населения Габсбургской монархии во второй половине XIX — начале XX вв. При этом, важно отметить, что ни в одной из этих провинций «русское» население не занимало доминирующего положения. Так, в Галиции власть находилась в руках польской, а в Угорской Руси — венгерской элит, отношения с которыми у «русского» населения складывались непросто. Долгое время украинское и русофильское направления развивались параллельно, антагонизма между сторонниками пророссийской и украинской ориентации в середине XIX в. еще не существовало, и, как отмечает Н. М. Пашаева, «перед галицкими будителями стоял только вопрос — они принадлежат к русскому или польскому народу — и ответ был однозначный»¹.

Во второй половине XIX в. Восточная Галиция и ее столица Львов приобрели особое значение для развития украинского движения, став фактически его центром. Этому в немалой степени способствовали преобразования в самой Габсбургской монархии, ставшей в 1867 г. дуалистической Австро-Венгрией и предоставившей своим провинциям значительную автономию, что способствовало подъему в них национальных движений, в том числе и усилению противоречий между ними. Немаловажным фактором также стала и негативная политика официального Петербурга по отношению к украинскому движению внутри Российской империи², что привело к значительному оттоку активистов национального движения из России. В результате, именно в Галиции, имевшей к тому времени уже достаточный опыт национальной борьбы, сформировались наиболее благоприятные условия для развития украинского движения. Постепенно, как в среде надднепрянских украинцев, так и среди галичан, стало складываться представление о Галиции как о своего рода лаборатории для приобретения опыта, который в дальнейшем может быть использован и в российской части Украины.

Начав с работы культурно-просветительской, украинцы стали переходить к политической деятельности. В 1885 г. была образована первая политическая организация — Народная рада под руководством Ю. Романчука и А. Барвинского. Задачей Рады было развитие «русского» (украинского) народа как отдельного от русского и польского, борьба за признание его конституционных свобод и политических, экономических, культурных прав. Позднее, в 1890 г. была образована Русско-украинская радикальная партия (РУРП), в основе идеологии которой лежали идеи М. Драгоманова³.

Существенным элементом политики народовцев (активистов Народной рады) была подготовка соглашения с галицкой краевой администрацией, иными словами, с польской элитой. С конца 1880-х гг, когда наместником Галиции стал энергичный граф К. Бадени, в этом направлении наметились сдвиги. В значительной степени они определялись позицией Вены, которая все активнее поддерживала украинских народовцев в противовес русофилам⁴.

В 1890 г. представители Народной рады и наместник Галиции пришли к соглашению, открывшему «новую эру» польско-русинских отношений. Одним из требований народовцев было создание в Львовском университете кафедры украинской истории. Ее открыли в 1892 г., а двумя годами позднее кафедру занял М. Грушевский, выбор на которого пал не случайно. Несмотря на свою молодость, он был не только многообещающим

историком, чьи работы привлекали внимание научной общественности, но и активным участником кружка киевских украинофилов⁵. С подачи своего учителя В. Антоновича Грушевский установил первые контакты с галицкими украинцами, прежде всего с представителями научных кругов. Когда на повестке дня встал вопрос о том, кто займет должность профессора новой кафедры, предложенная Антоновичем кандидатура Грушевского была поддержана как киевлянами, для которых важно было, чтобы вакансия была занята человеком из их среды, так и галицкими народовцами, прежде всего их лидером А. Барвинским. Кандидатура Грушевского также получила одобрение австрийских властей: министерство вероисповедания и просвещения дало Грушевскому положительную характеристику, отмечая высокий уровень его научных работ. Его политические взгляды были охарактеризованы следующим образом: «Он принадлежит к младорусинским националистам, так называемого украинского политического направления, в то же время, он не является сторонником ни панславистских, ни крайне националистический идей»⁶. Так М. С. Грушевский занял свое место в среде галицких украинцев.

За первые несколько лет политики «новой эры» украинским движением были достигнуты немалые успехи. Расширилось преподавание на «русском» (украинском) языке в средней школе и университете, активизировалась работа Научного общества им. Шевченко (Науковое товарищество им. Шевченко, НТШ), увеличилось издание национальных газет и журналов. Тем не менее, среди галичан «сознательных украинцев» было не так уж и много. Преобладающая их масса оставалась еще «рутенской», обладала весьма слабым национальным сознанием. Как пишет современный украинский исследователь, «лишь небольшая часть народовцев могла назвать себя украинцами, остальные же идти дальше украинофильства не отваживались. Приблизительно тоже можно сказать про московофилов: русскими считали себя единицы, остальные были только «московофилами»⁷. Основная работа по устройству всеукраинского центра, который «создавал бы духовную культуру для всей соборной Украины», была еще впереди.

Новый этап в развитии и украинского, и русофильского национальных движений начался с середины 1890-х годов. Перед ними встало дilemma: объединение всех русинских направлений в единое целое перед лицом угрозы полонизации или же размежевание по политическим, национальным, социальным признакам и создание самостоятельных политических объединений. Процесс этот занял несколько лет и сопро-

вождался острыми политическими коллизиями. Важно подчеркнуть, что глубокие политические процессы шли также и в польском национальном движении Галиции, что, безусловно, оказывало глубокое влияние и на восточнославянское национальное движение⁸.

Несмотря на значительные успехи украинского движения в период действия польско-украинского соглашения, заключенного в 1890 г., оно все же не принесло желаемых результатов. Прежде всего, не удалось существенно увеличить количество украинских гимназий и провести более демократичный закон о выборах в Сейм и Рейхсрят. Иначе стали относиться к соглашению с народовцами и поляки, ожидания которых также не оправдались. По их мнению, удовлетворив часть своих требований, народовцы должны были отказаться от дальнейшей борьбы за национальные, образовательные, политические права. Когда же этого не произошло, польские консерваторы начали постепенный отход от политики «новой эры». Наместник Бадени уже в 1894 г. заявил о том, что была лишь частной инициативой, и правительство будет дальше проводить свою политику — с украинцами или же без них⁹. Фактически с этого момента начался распад Народной рады. На состоявшемся в мае 1894 г. съезде произошел раскол между группой сторонников продолжения политики соглашения, возглавляемой А. Барвинским и А. Вахняниным, и так называемыми оппозиционными народовцами во главе с Ю. Романчуком, которые считали политику «угоды» исчерпавшей себя и настаивали на ее прекращении и заключении нового союза с русофилами. В феврале 1894 г. по инициативе ряда украинских депутатов Сейма состоялся межпартийный съезд, в котором приняли участие представители народовцев, части радикалов и русофилов. На съезде Ю. Романчук выступил с инициативой принятия «Проекта общей основы для консолидации русинов в Галичине», который носил, однако, весьма общий характер и не смог стать базой для объединения всех представителей «русского» населения.

Новое оживление интереса к идее консолидации было связано с началом избирательной кампании в Сейм в 1895 г. и с подготовкой к выборам в парламент в 1897 г. Однако, несмотря на то, что идея совместного выступления «русских» представителей находила поддержку не только среди политических деятелей, но и среди духовенства, обе попытки компромисса закончились провалом, а результаты выборов для русинов оказались крайне неудачными. Фактически, они окончательно утратили и без того недостаточное политическое влияние, как в Сейме, так и в Рейхсряте. Подобное положение вещей не могло устроить ни украинцев, ни ру-

софилов. Для них стало очевидным, что старые, во многом еще «рутенские» принципы нуждаются в пересмотре. Прежние, достаточно аморфные, лишенные четкой программы и идеологии политические организации уже не справлялись с новыми вызовами времени.

Новый этап в развитии национальных движений «русского» населения Австро-Венгрии, прежде всего Галиции, начался в 1898 г. К этому времени как среди украинцев, так и среди русофилов созрело понимание необходимости выхода этих движений на новый уровень развития, прежде всего, политического. Первенство в этом процессе принадлежало украинским активистам, среди которых необходимо выделить М. Грушевского, который до сих пор сторонился политической деятельности. Однако, уже к 1898 г. Грушевский вплотную подошел к идее создания украинской политической партии, которая могла бы не только достойно выступать от имени украинцев в центральных имперских и краевых представительных органах, но и быть своего рода «политической школой» для всего украинского движения как в Австро-Венгрии, так и в Российской империи. При этом Грушевский также хорошо осознавал необходимость существования подготовленного общественного мнения, которое могло бы поддержать новую партию.

Подходящий момент настал в 1898 г., который не случайно был назван «юбилейным», поскольку в этом году украинцы отмечали 100-летие выхода «Энеиды» Котляревского, 250-летие войны под руководством Богдана Хмельницкого, праздновалось также, причем не только украинцами, но также и русофилами, 50-летие отмены крепостного права в Галиции. Эти торжества проходили с большим размахом, в обстановке национального подъема. Украинские активисты стремились использовать ситуацию для того, чтобы вывести свое движение на новый уровень. В немалой степени росту национального подъема среди приверженцев украинской ориентации способствовали успехи украинских научных учреждений, прежде всего Научного общества им. Шевченко. Общество, возникшее в 1873 г. как литературное, статус научного получило незадолго до приезда М. Грушевского во Львов. Последний приложил немало усилий для того, чтобы поднять деятельность общества на достаточно высокий научный уровень. Фактически сразу по приезде Грушевский встал во главе Историко-филологической секции общества и в 1895 г. занял пост главного редактора «Записок НТШ». Параллельно с «Записками» под его руководством выходил еще ряд специальных изданий НТШ. Особое внимание Грушевский уделял тому, чтобы в работе НТШ участвовали не только старые его члены, но и привлекались новые участники, в том

числе и студенты. К работе общества Грушевский привлек Ивана Франко, видного украинского литератора и общественного деятеля, чьи взгляды на развитие украинского движения были в тот момент во многом близки взглядам самого Грушевского¹⁰. Стремясь к расширению библиотеки НТШ, Грушевский призывал к обмену литературой научные общества Австро-Венгрии, России и других стран. Однако эта работа эта шла неслегко, поскольку, как вспоминал с горечью Грушевский, «надежды на участие украинских ученых из России... оказались напрасны: одни обещали и не давали ничего, другие ограничивались разными отговорками»¹¹. Осознав всю важность экономической самостоятельности НТШ, Грушевский в 1898 г. приступил к созданию «Украинско-русского издательского союза» («Українсько-руської відавничої спілки»), предприятия, сумевшего сделать украинское книгоиздательство не только самоокупаемым, но и прибыльным делом. В целом, за достаточно короткий срок обществу удалось занять заметное место в научном сообществе, его научные достижения признавались и российскими, и европейскими исследователями.

Явный рост активности представителей украинского направления, их стремление к созданию новой политической силы вызывало недовольство со стороны русофилов, сохранивших приверженность идее консолидации всех общественных объединений русинов с целью противостояния польскому давлению. С их точки зрения, политизация украинского движения, его контакты с представителями венской и краевой администрации, а также радикальные, даже социалистические элементы украинской программы были несовместимы с традициями «русского» национального движения. Почва для окончательного разрыва была подготовлена.

В конце декабря 1899 г. состоялся съезд представителей «оппозиционных народовцев», в котором приняли участие также часть представителей Русско-украинской радикальной партии (РУРП) и некоторые социал-демократы. Съезд стал учредительным съездом новой — Национально-демократической — партии (УНДП), возглавил которую Ю. Романчук. Съезд принял политическую декларацию — «Народну (национальную. — М. К.) программу», в которой были заявлены основные политические принципы новой партии. В первой части программы позиционировались стратегические задачи новой партии и всего украинского движения в целом: «Мы, галицкие Русины, часть украинско-русского народа, имевшего некогда свое самостоятельное государство, веками боровшегося за свои политические и государственные права, который не отрекся и не отречется от прав независимого народа, заявляем, что конечной

целью наших борьбы является достижение всем украинско-русским народом культурной, экономической и политической самостоятельности и объединился бы со временем в единый национальный организм»¹².

Далее в программе говорилось о тех задачах, которые стоят перед украинским движением в Австро-Венгрии: «В границах Австрии, в политических вопросах мы требуем того, чтобы в австрийском государстве территории, заселенные Русинами, составили бы одну провинцию с как можно более широкой законодательной и административной автономией. Тем самым требуем отмены современных краевых статутов для Галичины и Буковины, раздела Галичины на две части, русскую и польскую, так же как и разделения Буковины на русскую и румынскую части, создания из русских частей Галиции и Буковины единой национальной провинции с отдельной администрацией и сеймом»¹³.

Важным элементом политики новой партии должно было стать взаимодействие с представителями российской Украины. Основным вдохновителем этой идеи был М. Грушевский. Глобальной задачей новой партии он считал не борьбу за политические интересы австрийских украинцев, а объединение национальных сил по обе стороны русско-австрийской границы. Уже с первых дней работы над созданием новой партии он пытался заручиться поддержкой надднепрянских украинцев. Историк и его единомышленники предприняли несколько поездок в Киев с просьбой об оказании идейной и материальной помощи галичанам¹⁴. Эти контакты не получили того развития, о котором мечтал Грушевский, однако в «Народной программе» была особо подчеркнута необходимость консолидации украинских национальных сил в России и Австро-Венгрии: «Будем поддерживать, развивать и усиливать чувство национального единства с российскими украинцами, будем стремиться к достижению вместе с ними культурного единства; будем поддерживать среди российских тесные связи, которые стремятся к преобразованию российского государства из абсолютистского и централистского в конституционно-федеративное»¹⁵. В «Народной программе» содержались и другие требования: реформа избирательного права, выкуп земли у помещиков и передача в руки малоземельных и безземельных крестьян, налоговая реформа, сокращение сроков военной службы, изучение в школах украинского языка, создание украинского университета в Львове.

5 января 1900 г. УНДП выпустила обращение к украинскому народу, которое разъясняло основную задачу новой партии, принципы ее работы. В обращении говорилось, что «идеалом национальной должна стать независимая Русь—Украина, в которой все части нашей нации объединились бы в од-

но современное культурное государство... в современных условиях в границах австрийского государства задача добиваться создания отдельной национальной провинции с самостоятельной администрацией и Сеймом»¹⁶.

Партия декларировала решение о ведении самостоятельной политики в Рейхсратае, одновременно заявляла решительный отказ от возможного соглашения с поляками до тех пор, пока существует преобладание последних в краевых органах власти. Было решено бороться со всеми польскими партиями, которые противодействуют украинским стремлениям. Осуждались всякие проявления расизма и антисемитизма, в то же время решено было бороться с евреями, которые «эксплуатируют» украинский народ или поддерживают их национальных или социальных противников. Партия заявляла о своем принципиальном отказе от возможных союзов с русофилами, в этот период также переживавшим период создания новой политической партии.

Практически сразу же новая партия стала ведущей силой в украинском политическом лагере. Конкуренцию ей не могли составить ни ослабленная расколом Русско-украинская радикальная партия (РУРП), ни малочисленные сторонники А. Барвинского. Одной из сильных сторон УНДП была развитая система организаций на местах. В течение полугода партия сумела создать 21 местное отделение в избирательных округах Восточной Галиции. При такой организации партийная агитация охватывала практически все слои населения провинции¹⁷. Именно столь развитая организация и помогла новой партии с самого начала играть заметную роль в политической жизни провинции. Главными своими задачами украинцы считали борьбу за избирательную реформу, развитие национальной высшей школы, удовлетворение крестьянских требований. Активисты УНДП принимали участие в борьбе студентов-украинцев за расширение преподавания на украинском языке в Львовском университете, поддерживала требования крестьян в ходе массовой стачки в 1902 г. Представители УНДП баллотировались на выборах в галицийский сейм и австрийский парламент. В целом и борьба за украинский университет, и крестьянское движение 1902 г. имели огромное значение для украинского движения. Народные выступления позволили ему выйти на новый уровень развития и стать массовым движением, объединившим вокруг национальной идеи и интеллигенцию, и народ.

Но, несмотря на значительные успехи УНДП, практически через несколько месяцев после ее создания наметился первый внутрипартийный кризис. Его инициатором стал М. Грушевский. Из-за разногласий с товарищами по партии, прежде всего по вопросам тактики, а также вслед-

ствие личных конфликтов, профессор вышел из ее Народного комитета. По его словам, он «убедился, что реформа не увела народовцев от их старых черт»¹⁸, под которыми Грушевский подразумевал консерватизм, склонность к компромиссу с польскими правящими кругами и с австрийскими властями, а также излишнюю «мелочность», то есть сосредоточенность только на сугубо галицийских вопросах в ущерб общеукраинской идее. В своей «Автобиографии» Грушевский писал, что «не раз выступал против их политики, будучи вместе с доктором Франком представителем более левого направления, которое занял основанный в 1898 г. журнал «Литературно-научный вестник» (Літературно-науковий вісник, ЛНВ)¹⁹. Одновременно из партии вышел И. Франко, которого не устраивало преобладание явно националистических идей в концепции новой партии в ущерб идеям радикально-демократическим. Национально-демократическая партия, тем не менее, сохранила свое положение наиболее динамично развивающейся политической силы украинского направления.

Однако работа по формированию украинского национального самосознания не ограничивалась созданием партии, и ограничиваться не могла. Одним из важнейших шагов на пути формирования сознательного украинского общественного мнения стало развитие украинской печати. На этом направлении впервые столкнулись интересы собственно галицийских украинцев и приверженцев идеи соборности в понимании Грушевского, по мнению которого необходимо было появление нового журнала «по типу европейского ревю»²⁰, чьей основной задачей, становилась интеграционная работа по созданию единого литературного украинского языка и формированию национального украинского сознания.

Таким изданием стал «Литературно-научный вестник». Занимавший кресло главного редактора, Грушевский в первые годы особое значение придавал распространению журнала на украинских землях по обе стороны границы. Привлекая «возможно более широкие круги литературных сил Украины»²¹, Грушевский всячески стремился придать ему общеукраинский характер. Однако это стремление быстро натолкнулось на противодействие российских властей. В 1901 г. журнал был запрещен к распространению на территории Российской империи. Интересно отметить при этом тот факт, что к собственно галицийским изданиям Грушевский относился значительно хуже. Примером может послужить конфликт 1896 г. вокруг газеты «Діло», ведущего органа галицийских украинцев. Грушевский категорически выступал против издания этой газеты в типографии Научного общества им. Шевченко. И хотя конфликт был улажен, разно-

гласия между лидерами галицийских украинцев и сторонниками М. Грушевского стали постоянным фоном общественной жизни Галиции.

Новый этап развития национальных движений «руського» населения Австро-Венгрии был связан с началом так называемой «конституционной эры»: принятый в 1906 г. новый избирательный закон открывал им путь на общеавстрийскую политическую арену. Участие в избирательной кампании, создание собственного парламентского клуба, возможность прямого участия в политической жизни государства — все это имело огромное значение для развития украинского и русофильского движений. Следует еще раз подчеркнуть, что в предыдущие годы русины практически не имели своего представительства в рейхсрете. Именно поэтому первый опыт участия в широкой избирательной кампании и парламентской деятельности был особенно ценен. Согласно новому закону, на долю русинов приходилась фактически треть места, предоставленных Галиции в Рейхсрете (32 из 106). Первоначально, украинские партии настаивали на создании самостоятельного украинского клуба, в состав которого вошли бы представители национально-демократической и радикальной партий. Возможность создания единой фракции с русофилами считалась нереальной из-за принципиальных расхождений последних с украинцами. Тем не менее, единый парламентский клуб был создан 17 июня 1907 г. В его состав вошли видные деятели как украинского, так и русофильского движения — Ю. Романчук, Е. Олесницкий и русофил В. Курилович, всего 30 депутатов «руськой» («малоруськой») национальности из Галиции и Буковины (социал-демократы С. Витык и М. Остапчук вступили в общеавстрийскую социал-демократическую фракцию). Клуб был назван «Русским (малоруським)» или же по-немецки «Ruthenen-klub». Члены клуба объявили своей задачей защиту интересов «малоруськой нации для ее самостоятельного развития, политического, экономического, общественного и культурного»²². Характерно, что название «малоруський» было принято как украинцами, так и русофилами, хотя они, очевидно, вкладывали разное содержание в это понятие. Таким образом, уже с самого начала работы клуба возникли принципиальные противоречия, которые неминуемо должны были привести к его распаду. Действительно, попытки консолидации оказались неудачными, и уже в июне 1907 г. «Русский клуб» распался. Основная часть его украинских членов заняла открыто националистическую позицию, заявив, что «основным стремлением украинского народа является стремление к полной государственной независимости без оглядки на интересы держав, которые теперь господствуют над украинским народом. Одним из этапов достижения этой цели

является национально-территориальная автономия украинского народа в Австрии»²³. В целом украинские избранники воспринимались как законные представители угнетенного русинского населения, приверженцы демократических и даже социалистических взглядов, как и большинство депутатов рейхсрата.

В то же время, несмотря на явное укрепление положения украинского движения, среди украинских деятелей Австро-Венгрии не было единства во взглядах относительно будущего ни самого движения, ни украинского народа в целом. Притом, что основной, конечной целью было провозглашено единство украинского народа и создание культурно-национальной автономии, а в перспективе — и достижение национальной независимости, конкретный путь к этой цели оставался пока невыясненным. В результате, отсутствие единства во взглядах на целый ряд принципиальных вопросов привело к тому, что единство (соборность) украинского народа, о которой так много говорили и к которой так стремились в начале XX в. украинские активисты, оставалась недостижимой, и интересы представителей российской и австрийской частей Украины практически не совпадали. Это, в частности, стало причиной острого конфликта одного из основных идеологов украинской «соборности» М. Грушевского с галицкими украинцами.

Конфликт назревал давно. Еще в 1907 г. Грушевский с горечью констатировал, что надежды на помошь со стороны Галиции, которая привыкла, что «украинцы интересуются ее культурной и общественной жизнью... и считала себя передовой частью украинского народа, которая далеко опередила бедную российскую Украину» так же нереальны как помошь «богатой людьми и капиталами Украины бедной несчастливой Галичине». Грушевский отмечал усиливающийся разлад между двумя частями Украины Он предостерегал: «До сих пор Галичина шла, а Украина стояла или шла вместе с Галичиной..., то теперь Украина пойдет своей дорогой и ее отдаление от Галичины будет усиливаться с каждым шагом»²⁴.

Первоначально, основную ответственность Грушевский возлагал на тех активистов украинского движения в России, которые не только не стремились к объединению украинского движения, но, напротив, все чаще говорили о необходимости избавления от галицкого влияния. Но с течением времени усиливалось его недовольство и действиями украинских политиков в Австро-Венгрии. В результате, это стало причиной последнего и самого крупного конфликта Грушевского с галичанами.

Прежде всего, этот конфликт проявился в окончательном разрыве Грушевского с НТШ в 1911 г. Его причинами были как межличностные

отношения, так и принципиальное несогласие Грушевского с тем курсом, который был избран украинскими политиками в австрийском Рейхсрате и краевом Сейме²⁵. Непосредственным поводом для разрыва Грушевского с галицийскими украинцами стал выход его брошюры «Наша политика»²⁶. В ней Грушевский жестко критиковал беспринципность украинских политиков, их постоянную готовность к компромиссу с властями — имперскими и провинциальными. Более того, именно украинских лидеров Грушевский обвинял в том, что в Галиции теперь «все мертвое» и царит «мерзость запустения» там, где несколькими годами ранее «перед удивленными глазами наших врагов встало могучей силой армия украинского народа... с которой можно было добиться многого»²⁷. Выступление Грушевского вызвало гневную отповедь со стороны галицийских украинцев. В газете «Діло» был опубликован анонимный фельетон «Гльоссы (отзыв. — М. К.) до брошюры проф. Грушевского», авторство которого впоследствии признал один из учеников Грушевского С. Томашевский. В фельетоне Грушевский был обвинен в антипатриотизме²⁸. Последовали взаимные обвинения, в том числе в финансовой нечистоплотности, и результатом этого конфликта стал практически полный разрыв Грушевского не только с НТШ, но и со всей галицкой украинской элитой. Конфликт, связанный с Грушевским, а также сохранение во внутренней политике Российской империи антиукраинского курса, заметно ограничивавшего развитие украинского движения, привели если не к ослаблению контактов между деятелями украинского движения обеих частей Украины, то к заметной их формализации.

Украинское движение внутри Австро-Венгрии не было и достаточно консолидированным. Три его группы — народовцы, радикалы и украинские депутаты от Буковины зачастую выступали самостоятельно как в общеавстрийском парламенте, так и в Сейме (народовцы и радикалы). И хотя их позиции по принципиальным вопросам совпадали, консолидация украинского движения на уровне парламентского представительства шла трудно. Тем не менее, 16 июля 1911 г. в Вене состоялось собрание всех украинских депутатов, на котором К. Левицкий выступил с предложением объединить в едином союзе представителей украинских партийных групп. С этим предложением согласился лидер буковинских украинцев Н. Василько и, после некоторых колебаний, представитель радикалов В. Лагодинский. Таким образом, был создан единый украинский парламентский союз, объединивший народовцев, радикалов и буковинских украинцев. При открытии первой сессии нового парламента вновь созданный клуб выступил с декларацией, в которой заявлял, что он явля-

ется представителем самостоятельного украинского народа, задачей которого является создание национально-культурной автономии в составе австрийской державы²⁹. Это решение способствовало тому, что в Рейхсрате украинцы выступали солидарно и могли оказывать серьезное влияние на работу парламента. При этом следует отметить, что Украинский парламентский клуб заявлял о своей оппозиции правительству и активно прибегал к обструкции — блокированию работы парламента.

В 1913 г. был создан единый Украинский клуб в галицийском Сейме, что способствовало консолидации украинского общества в Галиции вообще и, в частности, преодолению давних противоречий между УНДП и РУРП. Таким образом, украинское движение в Галиции стремилось к объединению, и, в значительной мере, достижению этой цели способствовала политическая борьба, которую вели украинские активисты. Двумя основными, принципиально важными моментами в этой борьбе стали требования об изменении избирательного закона в Сейм и о создании самостоятельного украинского университета.

Важно подчеркнуть, что оба эти требования выдвигались представителями украинского движения еще в начале политического этапа его развития и носили принципиально важный характер. Однако если реформа галицийского Сейма была необходима, прежде всего, русинам Галиции, то создание украинского университета имело огромное значение для всего украинского движения.

Уже в начале XX в. выступления студентов-украинцев стали одним из первых акций, проведенных под руководством УНДП. При этом надо отметить, что речь шла, прежде всего, о создании в стенах Львовского университета ряда украинских факультетов, что вызывало резкую неприязнь польской общественности. Не было ни одной польской партии, готовой пойти на уступки в этом вопросе. Когда в 1903 г. на съезде польских политиков, проведенном по инициативе польской Национально-демократической партии, основной задачей была провозглашена борьба против «украинизма» и «германизма», а на проведенном в ответ украинском съезде было заявлено о необходимости вести массовую работу для защиты национальных прав, Львовский университет оказался в эпицентре национальной борьбы³⁰. При этом борьба эта носила драматический, а порой и кровопролитный характер. Неоднократно отмечались столкновения между студентами обеих национальностей³¹.

При этом если для польского общества сохранение польского характера Львовского университета имело принципиальный характер и было важной составляющей в борьбе за сохранение «польскости» Галиции, то

и для украинских активистов этот вопрос имел не менее важное значение. В концепции М. Грушевского создание полной системы национального образования, включающего начальную и среднюю школу и высшие учебные заведения, имело первоочередное значение. Грушевский много писал о необходимости образования на родном языке, об открытии украинских школ в Российской империи, о необходимости создания национальных кафедр в российских университетах. Однако первым реальным шагом могло бы стать открытие украинского университета в австрийской части Украины, и поэтому Грушевский придавал этому вопросу особое значение.

При этом на протяжении практически всего первого десятилетия XX в. борьба за университет была делом студентов-украинцев, и поэтому носила характер молодежного движения, нередко принимая экстремистские формы. Тот же Грушевский писал, что «украинский университетский вопрос... идет от одного конфликта до другого, от одной катастрофы к другой»³². «Когда в крае воцарялось спокойствие, в университете происходила какая-нибудь авантюра», — писал другой непосредственный свидетель и участник происходившего М. Бобжинский³³. Даже убийство наместника А. Потоцкого многие наблюдатели сочли результатом чрезмерной радикализации студенческого движения.

Новый виток борьбы вокруг университетского вопроса начался в 1910 г., когда в результате очередных столкновений между польскими и украинскими студентами был убит студент-украинец А. Коцко. После этого университетский вопрос вышел за рамки местного конфликта и стал предметом переговоров не только польских и украинских политиков, но и переговоров последних с центральными властями. Необходимо отметить, что украинская сторона на протяжении достаточно длительного периода не увязывала решение университетского вопроса с ходом переговоров об изменении избирательного закона в Сейм, считая создание университета вопросом не регионального, а общенационального значения. В ходе длительных и сложных переговоров между представителями конфликтующих сторон и венской администрацией было достигнуто соглашение о том, что украинский университет будет через несколько лет учрежден указом императора. Острую дискуссию вызвало и месторасположение будущего высшего учебного заведения, поскольку поляки категорически отказывались признать местом создания будущего университета Львов, на чем в свою очередь настаивали украинцы. Украинские политики отмечали, что именно удовлетворение справедливых требований украинского народа (при этом неоднократно подчеркивалось, что в пределах Австро-

Венгрии проживает именно украинский народ, обладающий развитым самосознанием) сделает его неуязвимым для русофильской агитации³⁴. При этом украинцы практически отказались от своего прежнего намерения не связывать решение университетского вопроса с подготовкой избирательной реформы, и все чаще говорили об одновременном решении этих важнейших для украинского движения вопросов.

Новый импульс процессу его создания был придан уже в начале 1914 г., когда митрополит А. Шептицкий, приняв участие в переговорах об избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Успешное окончание переговоров об избирательной реформе сделало возможным и компромисс по университетскому вопросу. Польская сторона выразила согласие на возобновление переговоров, более того, была готова смягчить свою позицию³⁵. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война вынудила отложить создание украинского университета на второй план.

Несмотря на явный прогресс украинского движения в области высшего образования и организации национальной науки, далеко не везде украинским активистам удавалось достичь успехов. Примером может послужить борьба за внедрение преподавание на украинском языке в школах. Галицийскими украинцами неоднократно делались попытки увеличить число гимназий с преподаванием на украинском языке, однако, поскольку в Галиции вопросы среднего образования находились в ведении краевых властей, эти попытки наталкивались на резко негативное отношение галицийского правительства и краевого Школьного совета. Более того, постоянно сокращалось преподавание на «русском» языке в гимназиях со смешанным составом учащихся, что, несомненно, также объяснялось антиукраинским настроем галицийской администрации.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность украинских активистов не ограничивалась перечисленными выше аспектами. Большое внимание ими уделялось распространению национального самосознания среди широких слоев населения Галиции. Для выполнения этой задачи создавались просветительские общества, такие как «Просвіта», «Сільський господар», имевшие большое количество отделений на местах. Для работы с молодежью, как и в других провинциях империи, были созданы пожарно-гимнастические общества «Сокіл» и «Січ»³⁶. Постоянно возрастало значение украинских экономических организаций, среди которых можно

выделить страховое общество «Дністер», «Краевой кредитный союз» и целый ряд других, активная деятельность которых позволяла украинскому движению сохранять экономическую самостоятельность и в меньшей степени зависеть от краевых и центральных властей³⁷.

Таким образом, в Галиции украинским движением был наработан богатый опыт формирования национального самосознания. Его деятельность охватывала практически все стороны общественной жизни — просвещение, науку, хозяйствование. Особое значение для развития украинского движения, как внутри Галиции, так и за ее пределами, имел политический опыт, полученный в ходе создания партий, избирательных кампаний, работы в законодательных органах. Фактически была выстроена схема украинизации, основными составляющими которой были распространение национальной идеи среди широких слоев населения и, одновременно, создание дееспособных политических структур. В том или ином виде подобная схема применялась и на территории Российской Украины в период после первой русской революции, и позднее, в ходе советской украинизации, именно поэтому мы и можем говорить о ценности «галицийского» опыта украинского движения.

П р и м е ч а н и я

¹ Пашаева И. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2001. С. 24.

² См.: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. С.-Пб., 2000.

³ Кравец М. М. До питтання про Русько-українську радикальну партію у Східній Галичині в 90-х роках XIX ст. // З історії західноукраїнських земель. Київ, 1957. Вип. 2. С. 124—141.

⁴ Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888—1908. Toruń, 1996. S. 47—50.

⁵ Грушевский М. С. Автобіографія. 1906 // Великий українець: матеріали з життя та діяльності М. С. Грушевського. Київ, 1992. С. 200.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Чорновол І. М. Грушевський и проблема галицько-руського tertium // Михайло Грушевський і Західна Україна. Львів, 1995. С. 21—23.

⁸ Аркуша О. Галицький сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 22—23.

⁹ Partacz Cz. Op. sit. S. 58.

¹⁰ Prymak Th. Mychailo Grushevsky: the politics of national culture. Toronto, 1987. S. 43.

¹¹ Грушевський М. С. Автобіографія... С. 202.

¹² Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Київ, 1997. Ч. 1. С. 326—327.

¹³ Там же.

¹⁴ Кухар В. Грушевский і створення національно-демократичної партії // Михайло Грушевський и Західна Україна. Львів, 1995. С. 277—280.

¹⁵ Національні процеси в Україні. Ч. 1. С. 326—327.

¹⁶ Там же. С.331.

¹⁷ Левицький К. *Історія політичної думки галицьких українців. 1848—1914.* На підставі спомінків. Львів, 1926. С. 337.

¹⁸ Грушевський М. С. Автобіография... С. 401.

¹⁹ Там же. С. 402.

²⁰ Там же. С. 203.

²¹ Там же. С. 403.

²² Лозинський М. З австрійської України // Літературно-науковий вісник (ЛНВ). 1907. Т. 39. Кн. 7. С. 149.

²³ Лозинський М. З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 8—9. С. 392—414.

²⁴ Грушевський М. С. З біжучої хвилі. Київ, 1907. С. 126.

²⁵ Горинь В. Останній конфлікт Грушевского в НТШ // Михайло Грушевский и Західна Україна. Львів, 1995. С. 35—40.

²⁶ Грушевський М. Наша політика. Львів, 1911.

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Шаповал Ю., Верба І. Михайло Грушевський. Київ, 2005. С. 122.

²⁹ Левицький К. Указ. соч. С.581.

³⁰ Зашильняк Л., Крикун М. Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002. С. 418.

³¹ Щеголев С. П. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 368.

³² Грушевський М. Над свіжою могилою // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157—159.

³³ Bobrzynski M. Z moich pamiętników. Wrocław—Kraków, 1957. S. 302.

³⁴ Левицький Л. Указ. соч. С. 678

³⁵ Там же. С. 686.

³⁶ Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX—XX століття. Київ, 2000. С. 79.

³⁷ Там же.

О. А. Рафальский

Украина в составе Российской империи в начале XX века

Частичная либерализация общественно-политической жизни в ходе революционных событий 1905 г. в России рассматривается в современной историографии как реакция царизма на возрастающее национально-освободительное движение, одним из видов которого стало создание Украинской думской громады в I и II Государственных Думах, ее требования относительно предоставления автономии Украине, введения украинского языка в школах, судах и местных административных органах. На основании статьи М. Грушевского «Наши требования», в которой речь шла о национально-территориальной децентрализации Российской империи, была разработана Декларация об автономии Украины. И хотя текст этого документа до сих пор не найден, на основании других источников можно утверждать, что Декларация призывала к четкому размежеванию полномочий центральных и местных органов, предполагала обеспечение в Украине прав национальных меньшинств на основе специального закона. Но досрочный роспуск Думы помешал реализовать идеи Декларации.

В качестве своей опоры в проведении великодержавной политики на окраинах царизм рассматривал прежде всего русских. Со второй половины XVII в. заметно стала расти миграция русских на Украину, особенно на Левобережье, Причерноморье и в Крым, обусловленная двумя фактами: увеличением воинских отрядов после Мартовских статей 1654 г. и стихийным бегством староверов, преследуемых так называемыми реформами Никона. После опустошения Запорожской Сечи и ликвидации Гетманщины русская экспансия приобрела политический характер, хотя по названным выше причинам была малоэффективной. В конце XIX — в начале XX вв. русские составляли свыше 8% населения Украины. Большинство из них проживали в городах Юга и Слобожанщины. Их численность росла в связи с развитием промышленности и транспорта, строительством металлургических предприятий, угольных шахт, железных дорог и т. п. Царизм целенаправленно поддерживал и защищал интересы русских, давал им разнообразные привилегии, особенно дворянам, поме-

щикам, военным и чиновникам, рассматривая их в качестве своей опоры в проведении русификации и ассимиляции украинцев и представителей других этносов.

Распространена точка зрения, что власть в значительной степени искусственно сдерживала экономическое развитие украинских губерний, рассматривая их как сырьевой призрак империи и рынок сбыта русских товаров. Но справедливости ради следует отметить и позитивные тенденции в экономическом отношении. Это, в первую очередь, относится к сельскохозяйственному производству и связано с аграрной реформой П. Столыпина.

Дело в том, что украинское село имело ряд особенностей, отличающих его от русского. В Украине индивидуальное крестьянское землевладение преобладало над общинным. Сельские общины были слабыми и не играли тут такой роли, как в русском селе. Общинная форма землевладения в Украине не прижилась, а там, где ее принудительно насаждали, возникало активное сопротивление населения.

Ни реформы, ни развитие капиталистических отношений не смогли существенно изменить социальную структуру в Украине. Даже на рубеже XIX—XX вв. 93% украинцев оставались крестьянами, что существенным образом влияло на общественное сознание, культуру, быт, систему моральных ценностей украинского народа.

П. Столыпин в течение 1905—1910 гг. стал проводить новую аграрную реформу, главной целью которой было создание на селе значительного слоя зажиточных крестьян для повышения продуктивности сельскохозяйственного производства. Рассчитанная на 20 лет, реформа предусматривала закрепление в частную собственность по всей империи всех наделов общинной земли, которыми пользовались крестьяне.

В результате этой реформы сельская община была лишена права выступать единственной неоспоримой распорядительницей в деле перераспределения пахотных земель и пастбищ. Каждый крестьянин получал право продажи своего земельного надела либо покупки земли. Выходя из общины, зажиточные крестьяне могли требовать объединения принадлежащих им в разных местах земельных угодий в одно равноценное, которое называлось «отрубом», и вообще селиться за пределами деревни и создавать свое отдельное хуторское хозяйство. Новообразованный Крестьянский банк выделял «отрубникам» и «хуторянам» денежные кредиты для хозяйственного обзаведения.

Столыпинская аграрная реформа на украинских землях, где вообще было немало зажиточных крестьян (больше всего — на Правобережье и Юге Украины), имела в целом позитивные последствия. До 1917 г. 65% земли уже пребывало в собственности крестьян. Реформа способствовала развитию рыночных отношений, более широкому применению машин и удобрений, что обуславливало рост товарности сельского хозяйства. Но значительное число бедняцких хозяйств было малопродуктивными и малотоварными, что обуславливалось невысокой средней урожайностью зерновых. В то же время реформа не затрагивала помещичьего землевладения.

Одним из важнейших ее элементов была миграционная политика правительства, о которой уже говорилось выше. Но четверть переселенцев возвращалась назад. Непривычные природно-климатические условия, отсутствие реальной помощи со стороны чиновников не позволяли им закрепиться на осваиваемых землях. Поэтому полного успеха меры по переселению крестьян не имели¹.

Накануне Первой мировой войны в Государственной думе России проходила острые дискуссии об отношении к украинскому национально-му движению. Депутат-черносотенец А. Савенко обвинял его активистов в том, что они будто бы пропагандируют идею отрыва от России Малороссии от Волги до Кавказа и вхождения ее в состав Австро-Венгрии на федеративных основах, как автономной единицы. Ему отвечал известный деятель кадетской партии П. Милюков.

На заседании думы 19 февраля 1914 г., когда обсуждался вопрос о разрешении проведения Шевченковского праздника на Украине, он, в частности, сказал:

«Украинское движение, без сомнения, существует, и остановить его невозможно. Вопрос в том — кого вы хотите видеть в этом движении — друга или врага?

Сепаратистского движения еще нет на Украине. Если и есть зародыши его, то очень слабые. Но сепаратизм можно воспитать. И настоящие сепаратисты — это те, кто действительно работают в пользу Австрии, это — Савенко и его политические друзья.

У меня в руках книга Стеда, бывшего корреспондента “Таймс” в Вене, о Габсбургской монархии. В этой работе, далекой от нынешней темы нашего спора, Стед говорил по поводу вопроса об украинском университете: “Австрийское правительство не обращало никакого внимания на требования украинцев, пока ему не пришло в голову, что университет мог бы служить мощным центром притяжения для 25 миллионов малороссов

России, мог бы распространять среди российских малороссов австрийское влияние. Если австрийское правительство поняло большое значение украинского культурного центра в пределах Австрии, то сам император повлиял в известном направлении на хозяев этого края — поляков". Велись долгие переговоры между поляками и украинцами и наконец состоялось польско-украинское соглашение, следствием которого может быть соглашение такое, что украинцы будут иметь львовский национальный университет. Но когда? Стед говорит: "Когда отношения между Россией и Австрией улучшатся, украинцам долго придется ждать своего университета. Разве что, — прибавляет он, — Россия повернет это оружие против Австрии, открыв украинский университет в Киеве". Иностранец стоит на твердом, справедливом пути. Нам не нужно гадать о будущем, потому что в прошлом мы имеем весь необходимый материал для проверки его выводов. Когда началось украинское движение в Галиции, враждебное России? Это были 60-е годы. Когда Валуев категорично заявил, что малороссийского языка не было, нет и не будет, сразу началась создаваться украинский литературный и научный язык за рубежом.

Англичанин Стед справедливо указывает, якобы австрийцы поняли, что украинский университет во Львове — это сильная мера к расширению австрийского влияния на российской Украине. Но вы не только об украинском университете — вы и слушать не хотите об украинской школе. Вспомните, что как только в 1906 году разрешили украинские журналы, газеты и книги, так интерес к львовским изданиям исчез. Теперь, когда украинцы начинают во всеуслышание говорить, что всякая надежда на Россию — это утопия, им приходится искать спасения в сепаратизме. Мы возвращаемся к обычаям дореформенного времени. Мы отнимаем у украинцев последнюю надежду на то, что их положение в границах России будет лучше. Если вы будете и дальше проводить нынешнюю политику, то настоящих сепаратистов придется считать тысячами и миллионами»².

Как видим, даже далекие от симпатий к украинскому движению, но просвещенные и разумные российские деятели понимали: цивилизационный процесс нельзя остановить запретами и репрессиями. Громадный украинский этнос, столетиями законсервированный в разных имперских структурах, с ослаблением последних неминуемо должен продвигаться по пути к национальному возрождению со всеми его атрибутами: языком, культурными традициями, собственными органами местного самоуправления. Только поддерживая этот процесс, Россия имела шансы

удержать Украину в имперской обойме. Но, как мы уже указывали, Российская империя была построена на иных цивилизационных основах, препятствовавших каким-либо прогрессивным сдвигам. И, таким образом, противоречия между русским и украинским национализмами оставались и дальше непримирами.

Последний период существования Российской империи — время Первой мировой войны, когда Россия планировала силой оружия отвоевать западные восточнославянские территории (в первую очередь Восточную Галицию, Северную Буковину и Закарпатье), а Австро-Венгрия и Германия стремились присоединить к себе новые восточные земли. Вследствие своего географического расположения Украина, как и предыдущие столетия, снова попала в водоворот событий, а элита украинства разделилась на несколько лагерей.

Интеллигенция, которая оставалась в границах Российской империи, ожидала, что война создаст условия для подъема национального движения и будет способствовать демократическому разрешению украинского вопроса. Так, редактор журнала «Украинская жизнь» С. Петлюра в своей статье «Война и украинцы» отмечал, что среди украинцев нет австрийской ориентации, и они полны стремлений исполнить свой гражданский долг перед Россией. Одновременно он высказывал надежду, что после завершения войны отношение российского правительства к украинцам изменится в лучшую сторону и украинский вопрос будет поставлен в распорядок дня³.

На это Главная украинская рада во Львове отвечала: «Исторический враг Украины не может спокойно смотреть на то, что не вся Украина в его руках, что не весь украинский народ становится порабощенный под его владычеством, что существует частица украинской земле, где украинский народ... может жить своей национальной жизнью... Победа России могла бы принести украинскому народу австро-венгерской монархии то самое ярмо, в каком стонут 30 миллионов украинского народа в Российской империи. Текущая минута зовет украинский народ единодушно стать против царской империи, возле той державы, в которой украинская национальная жизнь нашла свободу развития. Победа Австро-Венгерской монархии будет нашей победой. И чем большим будет поражение России, тем быстрее пробьет час освобождения Украины»⁴.

Были и те, кто выступали с лозунгами типа «Прочь войну!» и просто придерживались нейтралитета.

Для народов Европы это было тяжелое время. По отношению к Правобережной Украине тяжелые последствия военных операций усиливались еще и тем, что территории переходили из рук в руки, а в результате в первую очередь страдали массы простого народа. Для всей Российской империи это была катастрофой: она проиграла войну и прекратила существование.

Что касается украинского движения, то оно перешло в новую фазу практических действий в деле завоевания с помощью оружия права на возрождения национальной государственности. При этом вся предыдущая деятельность участников украинского движения — дипломатическая, военно-политическая, культурно-просветительная — не прошла даром.

В сложных условиях безгосударственности, разнообразных посягательств со стороны шовинистических кругов соседних народов беспрестанно кристаллизовалось национальное самосознание широких масс украинского общества. Засвидетельствованная многочисленными интерpellациями к мировой общественности и правительствам иностранных государств, воля украинцев к самоопределению имела как противников, так и сторонников. Усилиями нескольких поколений борцов в XIX — начале XX вв. «украинский вопрос превратился в актуальную проблему международной жизни, а украинский народ — из объекта в субъект международного права»⁵.

П р и м е ч а н и я

¹ Історія України. К., 2002. С. 160—161.

² Цит. по: Чикаленко Є. Щоденник. К., 2004. Т. I. С. 318.

³ Петлюра С. Статті, листи, документи. Нью-Йорк, 1956. Т. I. С. 184—187.

⁴ Левицький К. Історія визвольних змагань Галицьких українців з часу світової війни 1914—1918. Львів, 1929. Т. II. С. 489.

⁵ Реснат О. Україна в імперську добу (XIX — початок ХХ ст.). К., 2003. С. 104.

Е. Ю. Борисенок

Большевистская украинизация 1920–1930-х годов и ее место в социалистическом национальном строительстве

Октябрь 1917 г. стал переломным этапом в жизни народов, населявших бывшую Российскую империю. Придя к власти, большевики приступили к реализации своих программных положений. Однако сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация внесла в стратегические установки петроградского правительства существенные корректировки. Так, в провозглашенной Украинской Социалистической Советской Республике большевики, с их интернационалистическими лозунгами и верой в мировую революцию, пошли на уступки «националистическим мелкобуржуазным настроениям» и стали вводить украинский язык в школах и учреждениях. Широко продекларированный большевиками принцип самоопределения наций требовал конкретных практических мер по реализации, и большевики вынуждены были придавать государственным образованиям, национальным по форме, соответствующее содержание. Разрешить нелегкую для большевистского руководства ситуацию должен был так называемый коренизационный курс, провозглашенный Сталиным на XII съезде партии в 1923 г. Большевистское руководство говорило о необходимости «укоренить» советскую власть в национальных республиках, чтобы местное население ощутило ее своей, родной, понятной, а в школах и учреждениях заговорили на понятном для местного населения языке — украинском, белорусском, татарском и т. д.

Коренизация в УССР обычно именовалась украинизацией и приобрела достаточно широкий размах. В современной украинской историографии проблема украинизации разрабатывается весьма активно, однако в первую и единственную очередь рассматриваются культурные и языковые аспекты большевистской политики (развитие языка, культуры, науки, просвещения и т. п.). Между тем это не верно. Если рассматривать украинизацию в качестве региональной формы коренизации, необходимо подчеркнуть, что она не ограничивалась культурной сферой, а затронула также социальную и экономическую жизнь республики. XII съезд

РКП(б) обратил внимание на фактическое экономическое и культурное неравенство национальностей в СССР. В связи с этим вставала необходимость экономического развития национальных республик, создания национальных отрядов рабочего класса, укрепления партийных и государственных органов национальными кадрами, развития национальных языков и культуры¹. Намечая пути решения этих проблем, в решениях большевистских партийных форумов (XII съезда, а затем и IV национального совещания ЦК РКП(б)) говорилось о создании в республиках «очагов промышленности», придании республикам широких финансовых и бюджетных прав, привлечении трудовых элементов местного населения к партийному и советскому строительству, развитии национальной школы и введению делопроизводства на национальном языке².

Очевидно, что направления украинизации, обозначенные как XII съездом РКП(б), так и последующей политикой партии в УССР, отражали четыре основных признака сталинского определения нации: общность территории, общность языка, общность экономической жизни и общность психического склада, проявлявшаяся в общности специфических особенностей национальной культуры.

Что касается территории, то границы украинской государственности были определены еще до XII съезда и известной речи Сталина. Как известно, западная граница УССР была определена по итогам советско-польской войны. Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., граница между Украиной и Польшей устанавливалась по реке Збруч. Вопрос же о границах Украины с другими советскими республиками обговаривался в 1919 г. 10 марта украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой». По этому договору государственными фактически признавались административные границы 9 губерний Российской империи (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Таврическая). В следующем году в состав Украины вошел также так называемый Донецкий округ.

Позже, уже после официального принятия коренизационного курса, границы УССР были скорректированы в ходе особого территориального урегулирования 1924—1926 гг., когда были изменена граница УССР с Белоруссией и Россией. Инициатором пересмотра границ союзных республик выступили украинские партийные власти. Следуя национальному принципу в территориальном устройстве государства, союзное ру-

ководство сочло возможным урегулировать территориальный спор и максимально, насколько это было возможно, «подогнать» границы УССР, очерченные в 1919–1921 гг., к национально-этническим границам. Однако намерения Украины встретило серьезное сопротивление со стороны российских губернских властей.

В середине 1920-х гг. вокруг проблемы границ УССР развернулась упорная борьба партийного начальства двух республик. В Харькове ссылались на решения XII съезда партии по национальному вопросу и указывали на несовпадение этнографических границ Украины с границами девяти губерний, составивших УССР³. В Брянске, Воронеже и Курсе партийные чиновники отмечали «этнографическую чересполосность», затрудняющую разрешение вопроса о границах с точки зрения национального состава населения спорной территории. Одновременно обращалось внимание на то, что отторжение территории может нанести ущерб экономике российских губерний, в частности, сахарной промышленности, а также изучению Курской магнитной аномалии⁴.

После долгих согласований и утверждений вопрос о границах был урегулирован следующим образом. Белоруссии отходила небольшая часть Волынской губернии, РСФСР — часть территории Донецкой губернии, УССР — небольшая часть Мозырского округа БССР, часть Гомельской, Брянской, Воронежской и Курской губерний⁵. Решение было компромиссным: ни украинская, ни российская сторона не получали желаемого в полном объеме. Большевистское руководство, вынужденное считаться с провозглашенными национальными лозунгами, в том числе и курсом на коренизацию, одновременно исходило из принципа экономической целесообразности в «распределении» спорных территорий.

Второй аспект украинизации связан с изменением статуса украинского языка. Был принят ряд директивных решений, самым известным среди которых является постановление от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка». Исходя из сложившейся ситуации, высшие республиканские органы власти — ЦИК и СНК — признали недостаточным формальное равенство между украинским и русским языками. «Вследствие относительно слабого развития украинской школы и украинской культуры вообще, вследствие отсутствия необходимых учебных пособий, отсутствия достаточно подготовленного персонала, жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»⁶, — отмечалось в документе.

Было решено «избрать в качестве преимущественного для официальных сношений — украинский язык»⁷, хотя по-прежнему наиболее распространенными на Украине считались оба языка — украинский и русский. Согласно этому постановлению вновь поступающие на государственную службу должны в течение 6 месяцев изучить украинский язык (для других — «тех, кто уже находится на службе» — был определен срок в 1 год), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т. п.⁸

Украинизация создавала условия для развития украинского языка: и для образования единого украинского литературного языка, и для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком. Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркome работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. В 1927 г. была проведена т. н. Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР). На украинском проводилась ликвидация неграмотности, была создана система обучения на украинском языке, причем снизу доверху, от начальной школы до высшей. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось украинских начальных школ — 14430 (русских всего 1504)⁹. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925/1926 г. профшколы по языку обучения были на 51,9% украинскими и только на 27,6% — русскими¹⁰. Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 российских и 23 — двуязычных¹¹.

На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, выросло количество и тираж периодических изданий. К 1928 г. на украинском языке выходило 58 газет, что составляло 68,8% от их общего количества в УССР¹². Быстро росло количество книжной продукции на украинском языке. Если в 1927 г. она составляла 53,9%, то в 1931 — уже 76,9%¹³. Интенсивно шёл процесс становления украинской литературы и искусства. Об этих процессах много написано в современной украинской историографии и вряд ли есть нужда останавливаться на них более подробно.

Как известно, политика украинизации велась и в Красной Армии. В 1923 г. армия перешла на национально-войсковой принцип строительства. Были украинизовано несколько дивизий (сначала четыре, а потом планировалось еще две). Национальный подход предусматривал комплектацию украинским красноармейским и командно-политическим составом, введение украинского языка в командование, политработу, украинизацию военных школ. Однако украинизация в Красной Армии проходила с большим трудом, темпы ее были ниже запланированных. Это объяснялось не столько позицией местного руководства, сколько влиянием центра. Большинство центрального партийного руководства во главе со Сталиным относились к идее создания национальных войсковых центров и армий негативно: они опасались, что такие армии подпадут под влияние сепаратистов и соглашались только на организацию национальных частей.

Среди основных аспектов украинизации следует отметить и еще два, тесно связанных между собой — экономический и социальный. Составной частью политики коренизации стала политика выравнивания экономического уровня республик, развитие промышленности, строительство заводов и фабрик. Решалась эта задача путем индустриализации и создания «национальных отрядов рабочего класса». Если к выравниванию культурного уровня республик приступили (или должны были приступить) уже после XII съезда, то экономический аспект коренизации стал реализовываться фактически после разработки стратегии форсированной индустриализации, сформулированной Сталиным в речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. Из 35 промышленных объектов первых пятилеток 12 приходилось на Украину. Были построены три крупнейших металлургических завода (Запорожсталь, Криворожсталь, Азовсталь), Днепрогэс, Днепровский алюминиевый комбинат, Краматорский завод тяжелого машиностроения, Харьковский тракторный завод. Был реконструирован Луганский паровозостроительный завод и четыре металлургических завода (в Макеевке, Днепродзержинске, Днепропетровске, Коммунарске). Помимо Днепрогэса было построено множество электростанций: Штеровская, Зуевская, Криворожская, Северскодонецкая, Киевская, Харьковская Днепродзержинская ГРЭС, Краснозаводская ТЭЦ в Харькове, Киевская ТЭЦ. Основное внимание уделялось Донецко-Днепровскому угольно-металлургическому комплексу, имевшему первостепенное значение для промышленности всего Союза: в начале 1930-х годов там производилось 70% угля, железной руды и чугуна и 63% стали

всего СССР. Темпы экономического роста на Украине были весьма высокими, к 1940 г. промышленное производство выросло в 7,3 раза по сравнению с показателями 1913 г.¹⁴

Предусмотренная коренизационным курсом политика выравнивания экономического уровня республик принесла свои плоды. Бурное экономическое развитие, ставшее возможным благодаря большевистской индустриализации, приводило к изменению национального облика рабочего класса и городского населения Украины. Если перепись населения 1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11%), то к концу 1930-х гг. положение изменилось. Уже в 1932 г. на украинцев приходилась половина численности всех шахтеров в УССР — 50%, кроме того, 53% всех металлургов, 58% тружеников химической промышленности, 77% работников в железнорудной промышленности, столько же — железнодорожников¹⁵. К 1939 г. численность украинцев среди рабочих достигала 66,1%, служащих — 56%¹⁶.

С другой стороны, повысился спрос на высококвалифицированные кадры, что, в условиях коренизации способствовало росту украинской интеллигенции. Украинизация, по замыслу ее творцов, должна была способствовать росту национального, но при этом непременно советского образованного слоя. Чтобы восполнить нехватку людей интеллектуального труда, владеющих украинским языком, первоначально предполагалось использовать старые кадры, доказавшие свое лояльное отношение к новой власти, и к активному участию в культурной жизни Советской Украины была привлечена западноукраинская интеллигенция. Одновременно большевики прикладывали немалые усилия к воспитанию нового поколения украинской интеллигенции, воспитанной в советском духе, которое должно было стать опорой большевиков в украинском обществе. Осуществлялось это путем регулирования социального и национального состава студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения приема евреев и русских. К 1928 г. число украинцев среди студентов вузов достигло 54%, техникумов — 63%¹⁷. А к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше — 62,8%, в 1930 — свыше 70%¹⁸. Еще одним полем украинизации стала наука. Здесь также возросло число научных сотрудников-украинцев (с 28% в 1925 г. до 45,9% в 1929 г.)¹⁹.

Еще одним важным направлением украинизации было создание украинской номенклатуры. Первые шаги в этом направлении были сделаны на VII конференции КП(б)У в апреле 1923 г. Украинский партийный форум поручил местному Наркомпросу разработать план украинизации государственного и хозяйственного аппарата. В последующие годы был принят ряд директивных решений, определявших сроки перевода дело-производства в учреждениях на украинский язык и ответственность служащих, не овладевших языком «титульной нации» в установленные сроки. Сроки эти постоянно корректировались, что, впрочем, было совсем не удивительно: русскоязычные чиновники сопротивлялись украинизации, не желали учить язык, даже шли на всяческие ухищрения. Например, была распространена практика использования в учреждениях переводчиков украинского языка для ведения соответствующей документации. И хотя ответственность за неисполнение принятых постановлений и сроков изучения украинского языка провозглашалась весьма жесткая (вплоть до увольнения), республиканское руководство вынуждено было идти на уступки под угрозой увольнения одновременно из различных ведомств большого количества квалифицированных сотрудников.

Однако украинизация подразумевала усиление национальных моментов в партийном и государственном строительстве, для чего были предприняты меры к выдвижению местных национальных кадров на руководящую работу. Если накануне официального принятия курса на коренизацию доля украинцев среди служащих составляла лишь 35%, а государственный аппарат функционировал исключительно по-русски, то в 1925 г. уже 50% государственных служащих были украинцами, в 1926 г. — уже 54%²⁰. В партийной системе ситуация складывалась лучше, нежели государственной. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1%, то в 1927 г. — уже 52%, в 1933 г. — 60%, а в 1940 г. украинцы составляли уже 63% членов КП(б)У²¹. При этом в 1925 г. численность украинцев в Центральном Комитете украинской компартии достигла всего 25%²².

Национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Формировалась национал-бюрократия, фактически монополизировавшая право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления. Как справедливо замечают украинские специалисты, в результате украинизации изменилась мотивация использования украинского языка: если раньше она носила в основном культурный характер, то теперь присутствовал и политический аспект²³. Действительно, национальная принадлежность стала одним из условий

успешной карьеры. Чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать украинский язык, а еще лучше, быть украинцем по происхождению. Все это приводило к тому, что формирующаяся бюрократия, фактически монополизировавшая право на формирование нижнего и среднего звена республиканского аппарата управления, приобрела национальный характер. Интересы именно этой нарождающейся национал-бюрократии и пытался выразить в конце 1920-х гг. молодой экономист М. С. Волобуев, отстаивавший приоритет украинских государственных и хозяйственных органов в управлении республикой.

Изменение отношения к украинскому языку и украинцам вообще, существенная материальная поддержка украинской культуры поднимали престиж украинской интеллигенции. Украинские писатели, художники, артисты активно участвовали в общественной жизни и составляли едва ли не самую активную в национальном плане часть общества. Н. Хвылевой верно отразил господствовавшие в этой части общества настроения, их «самостийную» ориентацию, еще усиливавшуюся вследствие присутствия на Большой Украине множества галицкой интеллигенции. В конечном счете, украинизация заложила основы для формирования этнической республиканской элиты, включавшей, помимо партийных функционеров и управленицев, представителей научной и творческой интеллигенции.

Таким образом, советская украинизация 1920—1930-х гг. явила собой опыт большевистского нациостроительства, существенным образом изменивший облик Украины и в социальном, и в культурном, и в экономическом планах. Если советское национальное строительство в целом имело своим результатом пространственно очерченные этнанизированные нации, составившие ядро союзных республик, то коренизация придала этим республикам необходимый внешний и внутренний (национальный) облик. Если говорить о важнейших периодах в жизни различных наций, то для украинцев таким периодом стали 1920—1930-е гг., период проведения украинизации, существенно повлиявший на последующее этнополитическое развитие Украинской ССР.

П р и м е ч а н и я

¹ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 486.

² Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 32—37.

³ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 18. Ед. хр. 11 Л. 2.

⁴ Там же. Ед. хр. 4 Лл. 7—14, 91, 99.

⁵ См. Боечко В. Д., Ганжа О. Й., Захарчук Б. Й. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994; Борисенок Е. Ю. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е гг. // Родина. 1998. № 8. С. 111—115; Её же. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 205—237.

⁶ Національні процеси в Україні... С. 42—43.

⁷ Далее цит. по: Хвыля А. Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926. С. 116. (В приложении приведен текст декрета.)

⁸ Там же. С. 109.

⁹ «Українізація» 1920—30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 140.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997. С. 154—155.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Там же. С. 173.

¹⁷ «Українізація» 1920—30-х років... С. 94, 96.

¹⁸ Там же. С. 102.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Кравченко Б. Указ. соч. С. 141—142.

²¹ Там же. С. 135, 195.

²² Там же. С. 135.

²³ «Українізація» 1920—30-х років... С. 184.

Н. Е. Горелов

Украинская и российская цивилизации: противоборство или взаимодействие?

Основная проблема современной теории цивилизации и истории украинской цивилизации состоит в том, что в условиях плюралистической познавательной традиции практически невозможно создать единую, не-противоречивую концепцию формирования и взаимодействия цивилизаций. Поэтому необходимо искать компромиссы, консенсус на основе научной толерантности и взвешенности. По отношению к цивилизациям и культурам необходимо соединить или хотя бы согласовать две истины: экзогенную (обусловленную внешними причинами) и эндогенную (результат внутренних факторов). Оценки же народов, цивилизаций и их культур изнутри и извне (с точки зрения внешнего мира) совпадают не часто. Особенно важно гомогенизировать субъективную самооценку цивилизации и ее объективные параметры: тут срабатывает чрезвычайно большая группа факторов, поэтому достичь совпадения как внешних, так и внутренних оценок и установок чрезвычайно сложно.

Впрочем, это положение не следует чрезмерно драматизировать: со-прикосновение разных концепций, теорий, гипотез и подходов стимулирует эвристично благоприятную атмосферу научного поиска и диалога цивилизаций. Это означает, что переход во второй половине XX в. от классических концепций истории человечества (например, позитivistской и марксистской), которые создавали единую картину мира на основе категорично-унифицированного критерия, к неоклассическим (модернистским и постмодернистским), которые отвергают возможность создания единой картины мира, содержит значительный креативно-эвристический потенциал. Мир начинает пониматься как единство многообразия, где ни одна цивилизация не имеет неопровергимых преимуществ, а является лишь конкурирующим сегментом мирового процесса развития.

Отметим, что наступающую унификацию всемирной цивилизации предрекал еще А. И. Герцен. Как говорил в 1905 г. в своем эссе «Грядущий хам» Д. С. Мережковский, в будущем человечество должно выработать некие средние критерии поведения, пригодные для большинства,

и привести в конце концов весь мир к единому знаменателю. «Мещанство победит и должно победить, — пишет Герцен в 1864 г. в статье «Концы и начала». — Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство — окончательная форма западной цивилизации». Начав этой цитатой свое эссе, Д. С. Мережковский продолжает: «Трудно заподозрить Герцена в нелюбви к Европе. Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, “две родины: наша Русь и Европа”. Может быть, он и сам не знал, кого любит больше Россию или Европу. Подобно своему другу Бакунину, он был убежден, что последнее освобождение есть дело не какого-либо одного народа, а всех народов вместе, всего человечества, и что народ может освободиться окончательно, только отрекаясь от своей национальной обособленности и входя в круг всечеловеческой жизни»¹.

Проблема специфики, характерных черт украинской региональной цивилизации, которая иногда обозначается неологизмом «украинская политическая нация», в значительной степени остается *tabula rasa* социального познания. Кое-кто может возразить этому тезису на том основании, что украинская региональная цивилизация имеет чрезвычайно много составляющих: и анамнез (воспоминания о героическом и славном прошлом), и чувство второсортности (синдром «младшего брата» России), и стойкую толерантную компоненту традиционного сознания, и амбиалентное отношение к Востоку и Западу, и нежелание с научных позиций обозначить geopolитическое и геоэкономическое положение Украины, и мечтательно-химерные размышления об уникальности Украины.

Общественные науки в современной Украине — порождение европейской истории и науки в целом. В них господствует европоцентричный подход, ими часто игнорируется специфика локальных цивилизаций и местная историческая реальность, в том числе и украинская. Для нас ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что сначала Российская империя, а потом большевизм в течение длительного времени фальсифицировали украинскую историю. Отечественная же история и реальность не тождественны ни западноевропейской, ни российской истории и социальной реальности в целом. В этом — специфика и большая проблема Украины как «моста» между Западом и Востоком, «санитарного кордона» между НАТО и Россией, «межцивилизационного пространства» между европейской и евразийской культурами. Цивилизационная реальность Украины гетерогенна: в ней химерно соединены известные элементы модернизационной проективности Запада и традиционной сте-

реотипичности Востока. Поэтому не удивительно, что в большинстве случаев мировоззренческо-аксиологичный формат Украины употребляется в контексте категорий—символов: Запад/Восток, Европа/Азия, цивилизация/дикость (варварство).

В конечном результате функционирование обществ зависит от способности его членов сберечь потенциал соответствия своих возможностей возрастающей сложности внешних и внутренних проблем, способности отвечать на реальные и потенциальные угрозы. Одновременно, жизнеспособность обществ в современную эпоху во многом зависит от способности воспринимать позитивные, креативные инновации, устанавливать связи с другими странами на уровне требований времени.

Разница между закрытыми и открытыми цивилизациями имеет немало аспектов. Выявляется она и на уровне личности. В частности, в тоталитарных и закрытых обществах личность полностью подчинена целому, поскольку система ценностей таких обществ требует придушиения инноваций, отрицания свободы мышления и действий выше установленного властью либо традицией уровня (срезать все, что выше определенного уровня — своеобразная модификация «закона газонокосилки»). Открытая же цивилизация ориентирует личность и социальные группы на развитие способностей к инновациям, на свободу мышления, действий, слова, прав и обязанностей. Если в первом случае функции личности жестко подчинены государственной или традиционной структуре, то во втором государство стремится обеспечить простор развитию личности и человеческих сообществ в формате демократического развития.

Пока еще трудно однозначно утверждать, к какой цивилизации принадлежит ныне Украина. Это обусловлено существованием тоталитарной и либеральной культуры мышления и действий, конфронтацией и расколом ориентаций на системы ценностей. Более того: характерной чертой не только украинской общественной жизни, но и культуры и способа жизни каждого человека остается традиционализм, тоталитаризм и либерализм, переплетенные в настолько химерных сочетаниях, что иногда кажется, будто и общество, и отдельная личность зависли в своеобразном периоде безвременья, в вакууме межцивилизационного пространства.

Самоидентификации украинской политической нации как локальной цивилизации, а также «политического украинца» как гражданина Украины мешают некоторые исторические и цивилизационные факторы. Например, исторически сложилось так, что судьба Украины определялась нашими соседями — Россией, Польшей, Австро-Венгрией. Без сомнения

ния, это наложило определенный отпечаток на способ мышления и поведения, на оценку места Украины в истории. В то же время, не следует преувеличивать: особенности Украины не являются доказательством ее исключительности, уникальности или мессианизма украинской цивилизации — на самом деле самобытность Украины не больше самобытности Португалии, Греции, Шотландии или Норвегии.

Цивилизационная ценность Украины также пока еще не беспрекословна. Следует помнить, что существуют протестный настрой части населения против «украинизации» (которая *de facto* отсутствует); кроме того, сохранение социокультурного разнообразия как духовного богатства страны не всегда является преимуществом украинского государствообразующего процесса. Цивилизационная целостность Украины возможна лишь через суперэтнический (политическая нация), суперкультурный цивилизационный характер форм национального сознания и самосознания. Вопрос стоит очень остро, нежели просто абстрактные рефлексии на тему будущего Украины: смогут ли органы власти и этнические граждане страны найти новые подходы к межкультурному соединению, к обмену символами и нормами разных культур без взаимоуничтожения, с сохранением ценностного содержания?

Вывод о том, что Украина идет путем общеевропейского развития, весьма уязвим, если мы не обратим внимания на неопровергимый факт: украинской локальной цивилизации присуще много черт цивилизации пограничной. К таким цивилизациям относят те, что обозначаются неоднозначным, часто конфликтным переплетением характеристик базовой национальной культуры и двух больших типов цивилизационного развития человечества, между которыми локальная цивилизация пребывает. В Европе к странам пограничной цивилизации можно отнести постсоветские государства, большинство стран Балкано-Дунайского региона, прежде даже Испанию и Португалию, которые заимствовали немало культурных черт своих колоний.

Страны—цивилизации пограничного типа отличаются от других специфическим способом развязывания контраверсийных проблем бытия, более разнообразной, синтетической культурой. С одной стороны, это заключает в себе значительный позитивный потенциал, с другой же — в определенные периоды исторического развития пограничность может выявиться существенным негативом, усложняя механизмы сосуществования культур, религий и языков. Кроме того, доминирование разнообразия может приобретать дестабилизирующие для единства общества и государства признаки.

Если классическим цивилизациям присуща некая целостная основа — например, духовно-религиозный фундамент цивилизации, то в пограничных цивилизациях такая основа неоднородная и шаткая, а потому и возникающие проблемы разрешаются значительно сложнее. Например, Великобритания приобрела черты пограничности тогда, когда на проблемы межнациональных отношений наложились еще и проблемы религиозного раскола (речь идет о противостоянии католической и англиканской церквей).

Для классических цивилизаций более характерен синтез, а для пограничных — сложное взаимодействие симбиотических и синтетических составляющих. Если в случае пограничных цивилизаций перевешивает синтетическая составляющая, то такая цивилизация направляется к классическим цивилизационным формам (или цивилизациям — государствам); если же перевешивает симбиотический фактор (Австро-Венгрия, Россия, Югославия и т. д.), то цивилизация — государство обречено на распад. Поэтому в Украине важно всеми возможными цивилизованными способами поддерживать синтетические процессы социокультурного и политического развития: взаимообогащение культур, религиозную и вообще национальную толерантность, недопущение расового и межэтнического противостояния.

В зависимости от конкретно-исторических обстоятельств в формуле цивилизационного синтеза могут доминировать разные составляющие. Отсюда — гибкое коррелятивное соотношение между экономической, политической, культурно-духовной составляющей цивилизационной системы. Выход на первый план той или иной составляющей определяет меру динамики иteleологическое акцентирование цивилизационного процесса. Например, культурная составляющая действует более свободно, а потому более глобально. А политическая и экономическая составляющие подталкивают динамику цивилизационного процесса, однако они более чувствительны к влияниям внешнего характера (войны, мировые кризисы и т. п.), а также значительно чаще являются причинами социальных конфликтов.

Все пограничные цивилизации характеризуются незавершенностью исторического формата. Современная украинская цивилизация также пребывает в процессе становления. Основные ее черты еще не структурировались окончательно; в ней еще живут остатки субцивилизаций (российской, австро-венгерской и др.), в которые входили разные части Украины. Западноевропейское влияние в украинской цивилизации хотя и присутствует, но не имеет определяющего значения. В социокультур-

ном и генетическом коде нашей цивилизации он заложен приблизительно в одинаковой пропорции с другими геополитическими и цивилизационными влияниями. Поэтому, пока еще траектория исторического движения украинского общества остается телеологично и аксиологично невыраженной и противоречивой. Возникает вопрос: превратится ли Украина в составную часть западноевропейской цивилизации, не усваивая при этом западные ценности как доминантные? Какой-либо ответ на сформулированный вопрос пока еще является верификационно небезупречным и аргументационно уязвимым.

Цивилизационная идентификация Украины интересна и с точки зрения формирования сознания и самосознания социальных групп. Можно встретить как аргументированные позитивные оценки западной и восточной цивилизаций, так и жесткую критику курса Украины на сближение с Западной Европой и Евразией. Также существует мнение, которое вообще отвергает украинский проект вхождения в мировую цивилизацию, ставит под сомнение реальность строительства демократичного, социально-правового государства. Логика мысли такова: во-первых, Украина настолько отстала от стран—лидеров мирового развития, что никогда не сможет их догнать; во-вторых, способ жизни в Украине складывался как евразийский, аутсайдеровский, изоляционистский, как следствие многовекового владычества России, и такой способ жизни, к сожалению, подавляющим большинством признается нормой; в-третьих, украинская элита ориентирована на ограбление собственного народа, а народ привык к этому и спокойно позволяет издеваться над собой.

На рубеже тысячелетий требуется переосмысление самого идеала гуманизма. За предыдущие полстолетия мир настолько изменился, что некоторые социально-культурные, политические, эстетические, правовые, экономические идеалы вообще, и гуманизма в частности, необходимо рассматривать и уточнять — особенно в связи с общей перестройкой мировых экономических, политических, военных, информационных отношений. Необходимость цивилизационной идентификации Украины, создания в ней полноценного открытого общества предписывают как можно более быстрое их усвоение сначала общественной элитой, а потом и массовым сознанием.

Это — само требование времени, на которое Украина или сформулирует убедительный ответ и тем подтвердит статус локальной цивилизации, или не сможет предложить креативную концептуалистику, признав необоснованность цивилизационных претензий².

Тенденция к «европеизации» появилась в независимой Украине как ответ на запрос определенных политических кругов России, которые в середине 90-х годов прошлого столетия начали активно разрабатывать идею посткоммунистической неоимперской соборности под лозунгами цивилизационного противостояния Востоку и Западу. Обосновывая «необходимость» нового объединения, российские ученые утверждали, что единственный путь к преодолению кризисных явлений в постсоветских государствах с преимущественно славянским населением «путь реинтеграции большей части бывшего СССР в форме новой России. Я думаю, первыми на этот путь будут вставать хлебнувшие самостийного лиха наши братья из Казахстана, белорусы, украинцы. Они сами, я надеюсь, избавятся от своих местечковых политиков и начнут давить на московский центр, требуя объединения»³.

Для аргументации своей позиции апологеты «объединения» использовали и выводы популярных историков: «Весь XVIII в. соседние народы..., — писал в свое время Л. Н. Гумилев, — воспринимали Россию как страну национальной терпимости... И потому все хотели попасть “под руку” московского царя, жить спокойно... То, что приобрела в XVII в. Украина, не пожалевшая крови ради присоединения к России, безо всяких усилий получили и казахи, и буряты, и грузины, страдавшие от набегов соседей. Так старая московская традиция привлекла целый ряд этносов, органично вошедших в единый российский суперэтнос, раскинувшийся от Карпат до Охотского моря»⁴.

Такое понимание проблемы в Украине вызывало идеи противоположного типа: «Угроза украинскому государству и украинской нации со стороны России будет существовать до того времени, пока существует московское мессианство. Дело в том, что... мессианство московское ограничено во всех отношениях (и генетически, и структурно, и функционально) связано с московским имперским экспансионизмом и московским гегемонизмом»⁵. И далее: «“Третий Рим” стал, собственно, предельным сужением, а не углублением православного сознания. Москва, именуя себя “третьим Римом”, стремилась не к утверждению и углублению Христианства, а только к самоутверждению. Сама идея “третьего Рима” никак, ясное дело, не отвечала реальной значимости Москвы, зато создала некий ореол значимости в собственных глазах. Уже в то время на уровне обыденного сознания укоренялся автостереотип собственного величия»⁶.

Во взаимоотношениях между Украиной и Россией сложилась ситуация, которая не может не вызвать беспокойства демократической общественности обоих стран. Так, академик НАН Украины И. Дзюба отмечал:

ет, что «пока официальная Россия рассматривает Украину как сферу своего влияния и фактически своего сателлита (несмотря на всю риторику о стратегическом партнерстве), а в России «неофициальной» (среди широкого спектра политических сил, от коммунистов до нацистов, за исключением узкой демократической прослойки) господствует мотив возвращения Украины в «исконное лоно»... до тех пор в Украине будут жить недоверие и тревога относительно намерений могучего соседа, а то и страх перед ним»⁷.

Для Европейского Союза (ЕС) интеграция в него Украины будет иметь следующие положительные последствия: во-первых, объединенная Европа будет иметь значительно больший экономический простор для развития, нежели теперь. Объект модернизации — народное хозяйство Украины — настолько велик, что даст возможность создать большое число рабочих мест не только для Украины, а и для ЕС, причем и для ученых, и для проектировщиков, и для специалистов других профессий. Украинское экономическое пространство может стать плацдармом экономического сотрудничества с Евразией и странами Кавказа, где украинские товары конкурентоспособны. Во-вторых, политический вес ЕС значительно укрепится. Тут имеют значение географический, человеческий, интеллектуальный, ресурсный и другие факторы. В-третьих, существенно возрастет военный потенциал Европейского Союза. НАТО в Европе сможет опираться исключительно на европейские вооруженные силы. Что касается США, то они получат возможность убрать свои войска из Европы и значительно снизить военный бюджет в пользу гражданских (прежде всего социальных) программ.

Можно спорить, удастся ли Западу создать гомогенный и контролируемый как политически, так и экономически мир, тем не менее, так сформулировано задание. Впрочем, идея создания нового миропорядка совсем не оригинальна. Она обозначена, хотя и в новой интерпретации, в социалистической системе и у коммунистов, которые также выдвигали тезис о создании гомогенной коммунистической цивилизации.

Новая стратегия Запада пока еще не провозглашается открыто. Она маскируется лозунгами «ответственности» Запада за мир на Земле, за триумф демократии, за утверждение прав человека, программами борьбы с мировым терроризмом, тоталитаризмом и т. д. В определенной степени эти лозунги и программы имеют гуманистический смысл, а частично являются идеологическими и политическими прикрытиями новой стратегии Запада, и, прежде всего, США.

Изложив некоторые аргументы в пользу тесного сотрудничества ЕС с Украиной, а также и приема Украины в Союз, необходимо подчеркнуть то, что ни власти, ни элите, ни народу не следует делать трагедии из невозможности вступить в НАТО и ЕС в ближайшее время. Необходимо обеспечить повышение жизненного уровня населения, демократизацию и обеспечение прав человека, развивать охрану здоровья, науку, просвещение и др. При таких условиях вступление Украины в ЕС превратится в сугубо технический вопрос⁸.

Вышесказанное не означает, что ради интеграции с Западной цивилизацией Украина должна дистанцироваться от России. По этому поводу хотелось бы обратиться к творческому наследию выдающегося отечественного политического мыслителя В. Липинского.

Соотношение «нация—государство» рассматривалось им весьма усердно. В. Липинский считал, что «без своей собственной суверенной государственной ориентации не может быть нации. Собственное государство — это синоним власти собственной аристократии, и как не может быть нации без собственной национальной аристократии, так и не может быть национальной аристократии, а значит и нации, без своего собственного государства. Только в собственном государстве моральные организационные формы данной нации могут идти параллельно и ритмично с развитием ее материальной техники и культуры. Только собственным государством может данная нация защитить свою собственную материальную и духовную культуру от уничтожения ее чужими нациями, без разницы, хотят ли эти нации ее уничтожить силой какого либо национального или «интернационального» государства, иными словами, хотят ли они оторвать данную национальную аристократию от ее пассивных масс, от тела ее нации, лозунгами инонациональными и денационализацией, или лозунгами интернациональными и интернационализацией. И, поэтому, противоестественное разделение понятий нация и государства — теоретический поиск формулы практически невозможного мирного сосуществования нескольких наций в одном государстве... — все это современная схоластика, порожденная теми самыми причинами, что и схоластика средневековая... Таким образом, отбрасывая схоластическое отделение нации от государства — начало нации рассматриваем как начало собственной отдельной государственной организации активных элементов среди данной пассивной массы на данной, занятой этой массой, территории»⁹.

Размышляя о будущем суверенной Украины, В. Липинский постоянно обращал внимание на ее отношения с Россией и Белоруссией. Он отстаивал тезис о том, что «политический союз с Белоруссией и Великороссией — это категорический императив внешней политики нашего будущего государства, нашей будущей правящей аристократии. Только при помощи активной политики в делах «Русского Востока» Украина может обеспечить себе — добытое ее внутренними силами — независимое государственно-национальное существование. Пассивное отношение приведет нас неминуемо к гибели, к новому порабощению активными в этом отношении нациями. Такая политика может быть тройкой:

1. Или как авангард демократического Запада в разрушенный «Русский» Восток.
2. Или как авангард охлократичного Востока в разрушенный Запад.
3. Или, наконец, как авангард в органичном классократичном возрождении Русского Востока в его обороне как перед западной демократией, так и перед азиатской охлократией.

Первая политика уже монополизирована Польшей, вторая монополизирована Москвой и, став на первый или второй путь, мы можем быть только пассивными приспешниками Польши или Москвы, пушечным мясом в их борьбе между собой. Только третий путь является нашим старым традиционным национальным путем, со времен державы Галицко-Владимирской, Литовско-Русской и казацкой, во времена ее могущества, великого Богдана. Как политика традиционно национальная — она может быть политикой всех нас, украинских консерваторов — классократов. Украина, как отдельное независимое государство, должна или погибнуть, или стать во главе великого будущего движения — органичного и национального возрождения всех трех Русей»¹⁰.

Так же продуктивен и тезис Липинского об исторической роли Украины на Востоке Европы. «Имея в своей нации и Восток, и Запад, — писал он, — мы должны, если хотим быть нацией, эти два направления под лозунгом единства и индивидуальности нашей национальной в себе все время гармонизировать. Без такой гармонизации мы сгинем как нация: подпадем — не завоеванные никаким чужим государством, а прежде всего собственным внутренним расколом — под влияние или восточной Москвы, или западной Польши. Сгинем, наказанные за невыполнение того задания, которое дано только нам, ибо эти две наши, захватывающие нас во время слабости души нашей, соседки — одна по своей восточно-православной, другая — по своей западно-католической исключительности — его исполнять не в силах»¹¹.

Поясняя эти идеи, украинский историк И. Мирчук писал, что, по Липинскому, перед Украиной «стоит великая задача синтеза двух культур, двух цивилизаций, объединение Востока и Запада. Чтобы даже поляки и русские по происхождению служили верой этому государству, на территории которого они живут, это государство должно обладать моральными ценностями, некоей притягательной силой. И эту притягательную силу дал украинской нации Липинский в форме мессианской идеи. Совершенный синтез Востока с Западом — эта короткая формула, в которой он выражает украинскую мессианскую идею»¹².

Трудно сказать, выполнит ли Украина эту миссию. Также проблематично увидеть ее во главе будущего союза «трех Русей». Тем более что и сам этот союз, с нашей точки зрения, дело достаточно отдаленной перспективы, ведь сейчас политические системы наших стран очень разнятся между собой. Но в перспективе глобального развития человечества, если западная цивилизация будет в силах продвинуться на Восток, идея Липинского имеет все шансы на практическую реализацию. В рамках ЕС мы видим примеры того, как близкие по своей исторической судьбе страны создают между собой субъединения, которые только улучшают общий климат объединенной Европы. Очевидно, что Украина войдет в Евросоюз первой и укажет дорогу России и Белоруссии. Без сомнения, — писал в посмертных воспоминаниях об ученом О. Назарук, — что Липинский является наибольшим из политических мыслителей нашей земли и что придет еще очередь для его понимания. Еще осуществляются величавые его замыслы»¹³. Убеждены, что так будет и с будущим союзом «трех Русей».

В то же время, по мысли известного политолога Зб. Бжезинского, Киев и Москва не обязаны синхронизировать свои шаги в евроинтеграционном процессе. Влиятельные политические круги до сих пор считают Украину потенциальной составляющей новой империи. Современная Россия проявляет тенденции к превращению в националистическое государство, стремясь к расширению своего влияния от Польши до Китая. При таких условиях, если Украина останется в сфере влияния «старшего брата», надежд на то, что ЕС захочет иметь в своей структуре геополитического монстра, нет. Поэтому в Европу они должны входить поодиночке. Ежели Украина войдет в ЕС раньше России, она избавит последнюю от имперских амбиций и будет побуждать ее к участию в сотрудничестве в ранге равноправного партнера. Американский эксперт считает, что такая позиция Украины приведет Россию в Европу. От нашего государства зависит то, будет ли Европа в 2050 г. простираться не только до Урала, а от Карбо да Рока (Португалия. — Н. Г.) до Камчатки. «Украине суждено

сыграть историческую роль в революционном возрождении России», — резюмирует Бжезинский¹⁴.

Таким образом, украинская цивилизация имеет все шансы интегрироваться, наконец, с цивилизацией европейской, не порывая связей с российской, став тем локомотивом, который должен вывезти восточных славян из многовекового цивилизационного заповедника.

П р и м е ч а н и я

¹ Мережковский Д. С. Грядущий хам. М., 1991. С. 5.

² Михальченко М., Самчук З. Українська цивілізація: логіка, закономірності та курйози становлення // Актуальні проблеми внутрішньої політики. 2004. № 4. С. 32—40.

³ Бородай Ю. М. Эротика—смерть—табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 320.

⁴ Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 1992. С. 291.

⁵ Кісі Роман. Фінал третього Риму. Львів, 1998. С. 83.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Дзеркало тижня. 2003, 4 жовтня.

⁸ Михальченко М. Взаємини України та ЄС: ми прагнемо, нас ігнорують? // Актуальні проблеми внутрішньої політики. 2004. № 3. С. 108—115.

⁹ Липинський В. Листи до братів—хліборобів. Віденъ, 1926. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 329.

¹¹ Липинський В. Релігія і Церква в історії України. Філадельфія, 1925. С. 54—55.

¹² Мірчук І. Месіянізм Липинського. Ужгород, 1931. С. 43.

¹³ Цит. по: Лисяк-Рудницький Іван. Історичні есе. К., 1994. Т. 2. С. 237.

¹⁴ Київські ведомості. 2005, 5 грудня.

В. В. Резник

Плюсы и минусы украинской идеи В. Липинского

В первой половине XX в. украинская идея обрела свою классократическую версию. Ее автором стал выдающийся мыслитель Вячеслав Липинский.

Если все были федералистами, социалистами и националистами, то Липинский — самостийником и монархистом. Его политические идеи и убеждения противоречили духу времени, создавали образ романтика-утописта, политика-изгоя, защищающего монархию. Если «прогрессисты» выступали за демократию и республику, то он оживлял такие понятия, как рыцарская честь и достоинство, если на слуху у всех были целесообразность и утилитаризм, если всюду велись разговоры о свободе и равенстве, то он отстаивал иерархическую структуру общества.

Такая позиция «рыцаря от политики» приводила к тому, что Липинский часто оказывался в политической изоляции, не находя общего языка с социалистами, националистами или коммунистами. Он остро переживал несоответствие своего мировоззрения модным в то время идеям политического истеблишмента, «потусторонность» и «нереалистичность» своих идеалов, идентифицируя себя с Дон Кихотом в политике.

Понятие территории — центральное в учении Липинского о нации. До него господствовала идея, восходящая еще к Геродоту, о нации как определенной языковой группе; национализм воспринимался как лингвистическое политическое движение. Липинский, напротив, считал, что осознание собственной территории и стремление иметь на ней собственное государство является фактором, направляющим национальное движение. Национализм и социализм — это не идеология территории, а идеология общества, это ощущение людей одного класса, одной веры, даже если они живут на другой территории. Такая экстерриториальная идеология разрушительна для нации, создающей новую государственность, поскольку она приводит к противостоянию и борьбе разных этнических групп и классов, населяющих эту территорию.

В «Письмах к братьям-хлеборобам» В. Липинский анализировал причины, приведшие к уничтожению украинской государственности в форме УНР и гетманщины. Особое внимание при этом уделялось освещению роли украинской интеллигенции как в государствообразующих, так и разрушительных процессах этого времени, а, прежде всего, — оценке различных форм государственного устройства, практиковавшихся в тогдашней Украине. Он подчеркивал: «Украинская демократическая интеллигенция, составлявшая главные кадры так называемого сознательного украинства в предвоенное время и принадлежавшая ко всяким так называемым свободным русским профессиям, себя в роли строителя украинского государства, созданного какими-либо другими украинскими классами, абсолютно представить не могла и потому своя идея была ей если не враждебна, то в лучшем случае абсолютно чужда. Вместо этого она хотела использовать исключительно для себя единственную роль, к которой она по природе своей чувствовала себя пригодной, — роль посредника между российским государством и украинскими народными массами, первыми проявлениями национального сознания коих она пыталась с этой целью всеми силами овладеть»¹.

Политик с исторической скорбью констатирует: «Побили мы себя сами. Идеи, вера, легенды об одной-единой, всех Украинцев объединяющей свободной и независимой Украине проводники нации не создали, за эту идею не боролись и потому, разумеется, такая Украина воплотиться, обрести реальные живые формы не смогла»². В 1920 г. он поразительно точно обрисовал общую социально-психологическую атмосферу, которая сопровождала кризис украинской государственности периода национально-освободительной борьбы в 1917—1918 годах: «Социальная пролетарская революция для строительства нового социального порядка, либо всенациональная-всеклассовая революция для создания общего и всем классам необходимого государства и нации, — справедливо указывал он. — Все, что посередине, это политично или экономично: грабеж, а идеологично: фарисейство и деморализация. Только на идеально и морально чистых основаниях может родиться новая творческая украинская идея»³.

Какие же рецепты для преодоления перманентного для Украины кризиса государственности оставил нам В. Липинский? Прежде всего, он советовал сменить методы государственного строительства: «История наша уже сотни раз нас учила, что наша демократия, все эти канцеляристы и писари по специальности... на одно были только годны: разрушить собственную украинскую государствообразующую аристократию, а с ней и украинское государство... Но создать что либо новое, свое на этом

пустом месте украинская демократия никогда не могла. Не потому, разумеется, что среди нее не было людей, которые по своей индивидуальной ценности не смогли бы занять место старой вырезанной аристократии, а потому, что дух среди нее господствовал разрушительный, завидущий, злобный, и вместе с тем льстивый, брехливый и рабский. Потому, что все они, по одиночке иногда и хорошие, способные и честные люди, все вместе создавали разрушительное тело, имя которому — демократия⁴.

Тут мы имеем дело с эмоциями последовательного державника в отношении разрушительной деятельности доморощенных демократов. И В. Липинский, и его единомышленники предпринимали безуспешные попытки сотрудничества с Центральной радой, помогая ей создавать новую Украину. Больше того, В. Липинский считал наилучшим для нашего народа использовать в этом строительстве цивилизационный опыт действительно демократической страны — США. Предостерегая от культивирования социалистических и националистических настроений в обществе, в тех же «Письмах» он указывал: «В качестве политического цемента, сплачивающего местных украинских людей в борьбе за собственное государство, мы хотим видеть патриотизм — любовь к общей Родине, а не Ваш социализм — ненависть местных «Украинцев» к местным «не-Украинцам»... Только тогда, когда украинские державники всех местных классов и всех местных наций одолеют агентов, которых метрополии имеют на Украине во всех местных классах и во всех местных нациях (также в «нации украинской!» — В. Р.) — сможет восстать Украинское Государство. И только в Украинском Государстве — только в процессе совместной жизни населения Украины на отмежеванной государственно территории — может образоваться из них Украинская Нация. Так, например, подымается на наших глазах Американская Нация из процесса совместной жизни разных наций и разных классов на территории Соединенных Штатов»⁵.

Естественно, что с этих самых позиций он оценивал деятельность социалистов и националистов, нередко ставя между ними знак равенства. Но ни первые, ни вторые, считал Липинский, никогда не смогут создать суверенную Украину. Обосновывал он это утверждение таким образом: «Вы — социалисты и националисты — создавать Украину хотите... горизонтальным делением. Вы хотите отделить «чужие» верхи от «украинских» низов и истребить верхи низами. При чем Вы не разнитесь между собою ни психикой, ни методом, ни темпераментом, а только словесным, показным лозунгом. Социалисты хотят уничтожить на Украине верхи низами под лозунгом социальным: «бей панов, они буржуи», а Вы —

националисты — хотите сделать то же самое, только под лозунгом племенно-национальным: «бей панов, они не Украинцы». И цель та же: власть на Украине при помощи «социалистического» или «националистического» народа захватить в свои, интеллигентские руки. Потому-то так легко Вы становитесь из социалистов националистами и из националистов — «сменовеховцами». И потому-то — и одни и другие — Вы осуждены как Украинцы на гибель. Придумать что-нибудь такое, чтобы поднять массу и на ее спине выплыть наверх — вот на что направлены все Ваши потуги. И потому-то Вас бьют, и всегда будут бить. Поэтому не видеть Вам независимой Вашу социалистическую или националистическую Украину. Ее не завоюет Ваш социализм или национализм, а дисциплина, организация, и главное, ублажение Вас самих и глашатаев⁶.

В этой перспективе В. Липинский проанализировал роль украинских внешнеполитических ориентаций и их соотношения с внутренней политикой. «Ориентацией среди политиков на Украине, — писал он, — (без оглядки на их национальную принадлежность) называется способ найти себе за границами Украины союзника, уверить его в своей безграничной преданности и, получив таким путем его любезную помощь, захватить с этой помощью власть над своими земляками»⁷.

Липинский подчеркивал приоритет внутренней политики над внешней, приоритет, такой обычный для западных цивилизаций и такой непонятный в Украине: «От объединения и организации украинского хлеборобского класса зависит объединение и организация целой Украинской Нации»⁸. Этот тезис В. Липинского имело солидное основание в тогдашней действительности. Все другие социальные слои Украины не имели достаточно сил, чтобы выполнить объединяющую миссию. Автор «Писем» точно обозначил и одну из главных препятствий, которые могли задержать подобный ход событий: «Только уничтожение частной собственности на землю может развалить хлеборобский класс, вынув из хлеборобства его душу, устранив момент творчества из работы хлебороба, который этим своим индивидуальным трудом преображает, культивирует свой собственный участок земли. Только социализация земли может уничтожить наше теперешнее классовое сознание...»⁹ Не трудно представить, что большевики потянули за этот конец веревки. Однако главными угрозами украинской государственности В. Липинский считал такие формы общественного устройства, как охлократия и демократия.

Решающее значение в жизни каждого государства, по В. Липинскому, принадлежало деятельности руководящего слоя — национальной аристократии. Он пояснял, что использует «слово аристократия для обозначе-

ния фактически правящего в данный момент и в данной нации слоя, безразлично — будет ли это английский лорд, или российский совнарком, или какая-нибудь «избранные народом» демократы»¹⁰. С этой позиции он толкует и охлократию, и демократию, опираясь при этом в значительной мере на Платона.

Охлократия, по В. Липинскому, — «это метод организации такой нации, которая в процессе своего примитивного материального и расового развития, или под влиянием предшествующего материального и расового расклада, еще не образовала мощных, образованных по способу своей материальной продукции и своему расовому родству классов, и которая делится только на политически бесформенную, экономически и расово недифференцированную толпой (охлос, отсюда: охлократия) и тех, что правят этой бесклассовой толпой при помощи своей вооруженной и внутренне плотно спаянной организации. Набирается эта правящая охлократическая аристократия путем выучки, или из пришедших извне кочевников, или из местных деклассированных и материально непроизводительных, расово и экономически неоднородных элементов»¹¹.

Наконец, демократия для него «означает метод организации аристократии такой нации, которая под влиянием неорганического и хаотического материального развития и под влиянием своей или чужой колониальной экспансии, классово и расово настолько уже перемешалась, что природные объединения трудящихся людей, коими являются физически, духовно и материально породненные классы, уже среди нее распались; где выбился наверх, не сложившийся расово и психически неуравновешенный тип жителя — метиса, и, вместо раздела на органически соединенные классы, появился хаотичный конгломерат демократически «равных» индивидуумов-единиц, взаимно себе совсем чужих, взаимно себя ненавидящих, и связанных в одно национальное целое, теми остатками национальной и государственной организации, что была создана под господством бывшей, разложившейся демократии, классократично или охлократично аристократии»¹².

Наиболее оптимальной Липинский считал «классократичную» форму государственного устройства, по которому институт власти формируется из лучших представителей каждого класса на основе избирательно-профессиональных союзов. Все отношения между государством и обществом регулируются законом. Под ним учёный понимал общие «обязывающие понятия об общественной правде и неправде, про общественное добро и зло... В основе закона лежит взаимное ограничение права... тех, кто правит, правом тех, кем правят, и наоборот»¹³. Предложенная им система

допускает такие существенные элементы демократии, как свобода экономической, культурной, политической самодеятельности, свобода критики и оппозиции. Однако, как справедливо отмечают исследователи творчества В. Липинского, форма политического режима, который он считал оптимальным, с современной точки зрения можно охарактеризовать как «авторитаризм». Эту форму ученый считал универсальной для любых стран переходного типа. И потому — актуальнейшей для Украины¹⁴.

Бессспорно, обобщения автора «Писем» касались, прежде всего, Украины. Он первым отважно высказался против модных национал-патриотических легенд об «исконности украинской нации», доказывая, что для ее становления просто небезопасно кичиться своей «древностью», ничего не делая для создания привлекательных — для производительных слоев общества — нации и государства. Историческая миссия Украины, по В. Липинскому, состоит в том, чтобы стать синтезатором западных европейских и восточных эллинистическо-византийских культур. Реализацией этого чрезвычайного сложного задания украинское государство начала бы новую историческую эпоху на востоке Европы и обеспечило счастливую жизнь не только для себя самой, но и для всех соседних народов. Этую идею автор «Писем» называл «украинским мессианизмом»¹⁵.

Примечания

¹ Липинський . Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. Писані 1919—1926 рр. Відень, 1926. С. 36.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 16—17.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 66—67.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Там же. С. 188.

¹² Там же. С. 191—192.

¹³ Там же. С. 385.

¹⁴ Приходько С. Модель політичної системи В.Липинського // В'ячеслав Липинський в історії України. К., 2002. С. 162—163.

¹⁵ Липинський В. Указ. соч. С.192.

Ю. И. Шаповал

Иван Дзюба: интернационализм или русификация? (К истории вопроса)

Ивана Михайловича Дзюбу я знаю не так уж и близко и не так давно (лет четырнадцать). Но почему-то мне кажется, что я нашел ключ к пониманию этого человека. Прежде всего, это ни с чем не сравнимая наивность. Действительно, нужно быть наивным человеком, чтобы в мрачное время (когда брежневская антидемократическая «стабилизация» пришла на смену хрущевской — пусть ограниченной, но все-таки — либерализации) захотеть переубедить партийно-государственных властителей, что «сегодня украинец, преданный делу коммунистического строительства, имеет все основания беспокоиться о судьбе своей национальности, — а раз так — никто на свете не в силах запретить ему об этом говорить»¹.

Наивность состояла и в том, чтобы давать друзьям и знакомым (в условиях тотального доносительства) читать черновые варианты своей работы. Еще большая наивность была в том, чтобы отослать памфlet после его завершения одновременно по адресу нескольких властных инстанций — первому секретарю ЦК Компартии Украины, «амбивалентному» Петру Шелесту, главе Совета министров УССР, консервативному (без кавычек!) Владимиру Щербицкому, еще и в ЦК КПСС в Москву. Правда, один экземпляр был отослан и Александру Твардовскому, главному редактору журнала «Новый мир» (это издание в это время оставалось оплотом либеральной интеллигенции).

Минуют годы, и в январе 1972 г., тогда еще не арестованный, но уже допрашиваемый, Дзюба написал пространное «Пояснение», адресованное КГБ при Совете министров УССР. Он вспоминал, что «переломным моментом» в его биографии стал 1965 г., когда начались аресты тех, кто выступал за интересы украинской культуры. «Среди арестованных тогда, — говорилось в «Пояснении», было несколько моих знакомых и друзей, и это дало, возможно, острый эмоциональный порыв к написанию письма². Поясняя, что аресты не могут быть методом решения наболевших проблем в вопросах украинской культуры, языковой ситуации, Дзюба был убежден в том, что «ощущалась общая потребность какого-то «разъ-

яснения», какого-то выступления по этому делу. Официальные круги молчали. Среди тех, кто много в чем не соглашался с официальной национальной политикой, не нашлось³ кому выступить открыто, принципиально и по всей широте вопроса. Тогда довелось взяться за это дело мне»³.

То, как Дзюба взялся за дело, на первый взгляд, выглядело также наивно. Молодой, но уже в то время популярный литературный критик-нон-конформист сделал своими союзниками не кого-нибудь, а «классиков марксизма-ленинизма». Он свободно оперировал их высказываниями, ссылался на работы, а также довольно профессионально использовал другие источники — стенограммы партийных съездов периода «коренизации»/«украинизации» (кстати, на то время самих этих понятий не было в общественно-политическом лексиконе), постановления партсъездов и правительства, работы тогдашних руководителей и партийных лидеров, статистику, публистику, литературные произведения. И все это выглядело убедительно.

Теперь вернемся к уже цитированному пояснению Дзюбы, датированному январем 1972 г. Иван Михайлович признавал, что в подготовленной им рукописи «много эмоционального, непродуманного, может, и поверхностного или торопливого, потому что писалось это под острым впечатлением и поспешно. Я никогда не считал эту вещь не только безупречной, но и удовлетворительной для себя в смысле уровня исполнения. Однако основных ее принципов я придерживаюсь и сегодня»⁴. Главное, утверждал Дзюба, состоит в констатации «неудовлетворительного и ненормального положения» по многим вопросам, касающимся украинского языка и культуры, понимания, что «все ненормальное в национальной сфере исходит не из принципов социализма и ленинской национальной политики, а из нарушений и искривлений этих принципов...»⁵

С самого начала автор «Интернационализма...» ведет разговор на солидном теоретическом уровне, касаясь значения так называемого национального вопроса, таких понятий, как «национальное чувство», «национальное сознание», «национальный долг», «украинский буржуазный национализм», «русский шовинизм» и т. д. Он подчеркивает, что национальное дело — это дело всего народа и каждого гражданина, а раз так, никто не имеет права молчать, когда творится «что-то неподобающее»⁶.

Это «неподобающее» Дзюба выводил, прежде всего, из нарушений заповетов «классиков», а также искривлений, как уже было сказано, принципов национальной политики времен Ленина. Сейчас можно иронизировать (как некоторые и делают) над таким подходом: мол, нет оснований

говорить о «нереализованной альтернативе» или жестко противопоставлять ленинский и сталинский варианты строительства многонационального государства.

Все это так, но не будем спешить. Ленина интересовал широкий геополитический контекст того, что творилось в Советской России, он все еще не расстался с идеей мировой революции, но ее он теперь все чаще связывал не с Западом, а с Востоком. А многонациональный и сложный Восток требовал осторожности и гибкости как раз в национальном вопросе. Очевидно, что для Ленина и Сталина не было сомнений в ключевом вопросе — в сохранении могучей и многонациональной России. Речь шла лишь о том, какими методами реализовать этот общий для обоих лидеров политico-государственный императив. Если для Ленина, пребывавшего в Горках, не подходил сталинский проект «автономизации», он сначала не критиковал его по сути, а только замечал, что Stalin имеет стремление «торопиться».

Однако вскоре ленинская позиция испытала определенные корректировки. Вот почему следует помнить не только о сходстве, но и об определенных отличиях ленинского и сталинского подходов. И, настаивая на этом, еще тогда, в середине 60-х годов, Дзюба не ошибался. Он смог убедительно показать, что Stalin, который, как известно, критиковал ленинский «либерализм» в национальной политике и который ловко устранил большого Ленина с тогдашнего политического «Олимпа», последовательно претворял в жизнь русификаторско-централизаторскую политику.

Иван Михайлович, работая над своим памфлетом, не мог знать многое из того, что известно об этом сегодня. Примеров тут немало. В частности, сохранился одно чрезвычайно важное сталинское письмо, датированное 22 сентября 1922 г. Несмотря на его экстраординарное значение для правильного понимания многих событий (а может, именно потому), оно пролежало в архиве до 1989 г. и только тогда было опубликовано в журнале «Известия ЦК КПСС».

Stalin писал: «Тов. Ленин! Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, то есть отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию так называемое единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе. Одно из двух: либо действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой НКИД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке пере-

говоров равного с равным, по соглашении, а постановления ВЦИК, СНК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик; либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, то есть замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, внудел, земледелия и прочее...»⁷

Не менее интересным в письме было сталинское пояснение этой позиции: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы... Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, корда молодое поколение коммунистов на окраинах *игру в независимость* (курсив мой. — Ю. Ш.) отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и равно как упрямо требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик»⁸.

Наконец, Сталин высказывал собственный прогноз на будущее. По его мнению, если не заменить «формальную (фиктивную) независимость формально же (и вместе с тем реальнюю) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик. Сейчас речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе»⁹.

Хотя Ленин, как известно, провозгласил «войну великорусскому шовинизму», однако и по его проекту коммунистическая партия для всех республик должна была оставаться единой, то есть «национализация» республик оставалась в руках московского ЦК, а не в руках «националов». Партией фактически руководил Сталин. Он и его сторонники создали союз республик по своей собственной формуле при очевидной гегемонии России.

Тем не менее, понятия «независимая», «суверенная» и тому подобные использовались на официальном уровне. Это создавало у участников процесса «национально-культурного строительства» иллюзию, что речь

идет о действительно договорных отношениях. Дзюба в своем памфлете касается и этих вопросов, делая вывод о формальном характере декларированного суверенитета УССР. Ссылаясь на полемику на X и XII съездах РКП(б), на материалы более позднего периода, он подчеркивает, что на самом деле не велось борьбы с русским государственным шовинизмом, а после сталинского тоста, провозглашенного в июне 1945 года, «За великий русский народ!» началась настоящая оргия «русского приоритета», последствия которой были глобальными для всех народов СССР.

Наконец, свои оценки и выводы Дзюба подкреплял множеством примеров из экономической, управленческой, социальной и культурно-языковой сфер. Читателям становилась понятным: в таких условиях все разговоры об интернационализме — просто «художественный свист», они мало что значат, поскольку на самом деле речь идет о целенаправленной русификаторской политике, которая к тому же противоречит «марксистско-ленинским принципам».

Sapienti sat — умный поймет! Сколько бы Иван Михайлович не клялся в своем памфлете в уважении к извращенным и проигнорированным «первоисточникам», разумный читатель сразу ставил перед собой простенький вопрос: что это за «источники» такие, которыми можно манипулировать (и Сталин, и Хрущев, и Брежnev всегда расписывались в неизменном уважении к Ленину) и как они привели к таким негативным последствиям?

Таким образом, «паинность» Дзюбы не была такой уж простой. Тем более, что в finale своего изыскания он делал вывод о том, что «процесс денационализации и русификации является колоссальным минусом для дела социалистического демократизма и объективно имеет реакционное значение»¹⁰.

Теперь перейдем к тому, как «сделан» был текст «Интернационализа...». По словам самого Ивана Михайловича, его работа имела тройкое назначение. Во-первых, она была написана для партийно-государственного руководства СССР и УССР, которым посыпался message о нарушениях и отступлениях от ленинского наследия. Во-вторых, Дзюба апеллировал к части русского и русифицированного населения в Украине, прежде всего из числа интеллигенции, которая не знала о действительном положении дел в национальной сфере в Украине и служила режиму в осуществлении русификаторской политики. (Недаром в работе много внимания уделено тезису «Кто этим украинцам запрещает говорить по-украински?!»). В-третьих, памфлет адресовался собственно украинцам, тем, кто хотел разобраться, что делается с Украиной, молодежи, ко-

торая была в растерянности. «Я, — вспоминал Дзюба, — тогда считал, что нам нужно так открыто, честно, смело, мужественно сказать, что мы требуем того и того, на это мы имеем право по конституции и на этом мы обязаны стоять»¹¹.

Дзюба «попал» по всем трем адресатам. Его работы читало высшее руководство. Например, младший сын Петра Шелеста, Виталий, вспоминал: «Интересная ситуация с книгой Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?» Она была у отца почти настольной. Он ее читал, плевался, говорил, что так невозможно, я отвечал, что есть факты, их нужно осмыслить. Его позиция в отношении Дзюбы в наших разговорах много раз прокручивалась и постепенно формировалась»¹².

Разумеется, работу Дзюбы прочел не только Шелест, ее сокращенный вариант был разослан в обкомы партии для ознакомления. «Интернационализм...» прочитали в высших руководящих инстанциях в Москве. Ее читала русскоязычная интеллигенция и участники движения за права человека в СССР. Наконец, в Украине работа пошла «в народ», ее перепечатывали, распространяли, передавали из рук в руки, она была популярна, особенно среди студентов. В полной мере это выяснилось, когда в начале 1972 г. начались аресты в Украине, сопровождавшиеся неизменным изъятием работы Дзюбы.

Работники КГБ постоянно и целенаправленно интересовались тем, каков эффект памфлета, какое впечатление он производит на тех, кто его читал. Вот, например, отрывок одного из показаний: «После того, как я прочитал документ И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?», кроме того, я переписал его, он усилил мои националистические взгляды, которые я имел в то время. Я стал активно вести разговоры среди своего окружения, доказывая, что будто Украина пребывает в зависимом положении от России, является ее экономическим придатком, что на Украине проводится русификация. В своих разговорах клеветнического характера я использовал данные из документа «Интернационализм или русификация?»¹³

Или вот такое признание: «С сочинением Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?» я познакомился, прочитав ее в рукописи, а также прослушав передачи зарубежных радиостанций. На то время, когда я познакомился с этим произведением, я разделял взгляды, которые в нем высказывал автор. Под влиянием этого сочинения у меня сформировались некоторые взгляды на нашу советскую действительность, которые, как я понял после беседы со мной прокурора Каменко-Бузского района в марте 1972 г., были неверны...»¹⁴

Я лично не ставлю под сомнение такого рода свидетельства, хотя они и давались в определенных условиях. Текст «Интернационализма...» на самом деле производит впечатление. После нарративного адахио, после неторопливого рассказа автора, его тезисов, анализа, выводов час от часу возникает своеобразное политico-идеологическое «крешендо», берущее читателя в плен:

«Наивысшая обязанность человека — принадлежать человечеству. Но принадлежать человечеству можно только через нацию, через свой народ»¹⁵.

«...У нас уже в течение нескольких десятилетий не только не ведется никакой борьбы с русским шовинизмом и великодержавничеством, но и сами эти понятия выведены из употребления, вместо него главным врагом провозглашен «местный» национализм, под который часто подводились невиннейшие, элементарнейшие проявления национального достоинства и честности и национальной жизни. Борьба с этим «национализмом» велась методами террора»¹⁶.

«...Русское мещанство чувствует себя не дружеским гостем и не добрым приятелем народов, среди которых живет, а хозяином положения и высшим элементом»¹⁷.

«...Не все то интернационализм, что на интернационализм похоже, что зовет себя интернационализмом, хочет себя интернационализмом рекомендовать. И не все то национализм, что противная сторона провозглашает национализмом или сепаратизмом. Не все то братство, что на братство претендует. Не все то любовь, что себя саму любовью называет»¹⁸.

«Почти вся украинская культура объявилаась «контрреволюционной» (как в более позднее время — нерентабельно). А потому уничтожены всемирно известные ученые и писатели, и сотни талантов во всех областях культуры, а рядовые интеллигенты — тысячами и тысячами. Заодно и несколько миллионов крестьян искусственным голодом в 1933 году. Учтем: это было задолго до «тридцать седьмого»¹⁹.

«...Русификаторскому насилию я предлагаю противопоставить одно: свободу публичного и честного обсуждения национального дела, свободу национального выбора, свободу национального самопознания, самоосознания и самосозидания...

Тогда не нужно будет следить за каждым украинским словом, каждой украинской душой, не нужно будет тратить колоссальные суммы и средства на наблюдение, «пресечения», «искоренения»...

И не надо будет запаковывать в кагебистские «изоляторы» людей, вся «вины» которых в том, что они любят Украину сыновней любовью и тревожатся за ее судьбу...»²⁰

Власть очень быстро поняла, что имеет дело с текстом, способным поразить, мобилизовать и воспитать, а главное, будто бы написанным на «железобетонных» марксистско-ленинских принципах. С этим нужно было что-то делать, тем более что «Интернационализм...» попал за границу (отдельный разговор о том, почему и как это было) и его начали переиздавать на разных языках. Особенно раздражало советских руководителей то, что издания осуществлялись, как правило, под эгидой компартий разных стран, то есть «своих» же, «братьев» по движению.

Стало понятным, что наилучший способ дискредитировать текст — это очернить в глазах общества репутацию его автора. И эта работа началась в различных публикациях, целью которых было доказать, что у автора «Интернационализма...» совсем не было тех благородных намерений, которые он декларировал, что он антисоветчик и, ясное дело, националист. Например, в мае 1969 г. в газете «Вісті з України» появилась статья Джона Вира «Вымыслы и действительность», посвященная расцвету украинского языка и культуры, а также упоминавшая Дзюбу, который «гуляет улицами Киева, а мыслями витает в облаках мистического национализма ...»²¹

В 1969 г. Товарищество культурных связей с украинцами за границей в Киеве издало книжку Богдана Стенчука «Что и как отстаивает Иван Дзюба?» На самом деле такого автора не существовало. Это было издание, подготовленное группой лиц, специально приглашенных аппаратчиками ЦК Компартии Украины и «правильно сориентированных». Однако аргументы «Стенчука» выглядели настолько жалко, что немедленно были подвергнуты нешадной критике неангажированными комментаторами.

В частности, в марте 1970 г. на появление «стенчукового» опуса отреагировал Вячеслав Черновол, подготовивший рукопись «Как и что отстаивает Б. Стенчук (66 вопросов и замечаний «интернационалиста»)». В деле Дзюбы, хранящемся в Государственном архиве Службы безопасности Украины, есть рецензия на рукопись Черновола, в которой тот защищает написанное Дзюбой. Эту рецензию готовили также специально приглашенные три кандидата наук и один журналист.

Рецензенты подчеркивали, что «анализ рукописи В. Черновола позволяет сделать вывод о том, что она написана в духе наихудших образцов антикоммунистических, антисоветских пасквилей, которые распространяются за рубежом буржуазной пропагандой, разные ячейками украинских буржуазных националистов, сионистов и т. п.»²².

Как видим, и в данном случае речь шла не о серьезном анализе выступления в защиту Дзюбы, а о дискредитации человека, выступившего в роли его защитника. Тем временем усилилось наступление на Ивана Михайловича. Осенью 1969 г. Киевское отделение Союза писателей Украины исключило его из своих рядов. Правда, Президиум СПУ это решение не утвердил, но предложил Дзюбе написать заявление об отмежевании от «забугорных» публикаций «Интернационализма...» (которые, кстати, были сделаны без его ведома и разрешения) и от тех, кто нагнетает «националистический» ажиотаж вокруг текста и его автора. И Дзюба «сдался»: заявление было написано и 6 января 1970 г. опубликовано в «Літературній Україні».

Я намеренно написан «сдался» в кавычках, поскольку и тут все было не просто. Он понимал, что текст уже живет своей жизнью, да и цена «покаяния» в СССР еще со сталинских времен была известной. Однако адепты системы, которую решился критиковать Дзюба, были не глупее его: текст «работал» сам по себе, однако сам текст делал из его автора символ тех сил, что считали систему недемократичной и отстаивали права украинского народа. С текстом уже ничего нельзя было сделать (разве что комментировать и изымать), а вот сделать автора символом не просто оппозиционности, а опасности для целого общественно-правового порядка можно. И это задание выступило на первый план. Тем более что Дзюба и после «покаяния» упрямо выступал в защиту несправедливо арестованных, подписывал письма протеста и т. д. К тому же очередной тур разоблачения «националистов» в Украине вписывался в кремлевский стратегический замысел устранения Петра Шелеста (как того, кто занимался «местничеством» и своевременно не разглядел «националистической» угрозы) с должности первого секретаря ЦК КПУ. Это устраивало всех — и Москву, и интриговавшего Щербицкого, уже видевшего себя на партийном «троне».

Одним словом, 13 января 1972 г. Дзюбу с полным портфелем «самиздатовской» продукции задержали на квартире Ивана Светличного. Начались допросы, а 18 апреля Дзюбу арестовали, инсценировав перед этим его исключение из Союза писателей Украины. В характеристике «литературно-критической деятельности и общественного поведения Дзюбы И. М.», которая была подписана главою Правления СПУ Юрием Смоличем и секретарем парткома Василем Козаченко, значилось: «Особый вред нашей стране принесла написанная Дзюбой и потом напечатанная за рубежом брошюра «Интернационализм или русификация?»²³ В этом документе подчеркивалось также, что «все усилия Союза, связанные с тем, чтобы

вернуть Дзюбу на путь советского писателя, не дали никаких результатов. И. Дзюба не считал свое поведение противоречащим званию советского писателя и не осуждал его»²⁴.

В феврале 1972 г. специальная комиссия под руководством тогдашнего директора Института истории Академии наук УССР, академика Андрея Скабы по просьбе КГБ при Совете Министров УССР проанализировала работу Дзюбы. В «Заключении», датированном 15 февраля, подчеркивалось: «...Комиссия сделала вывод, что подготовленной Дзюбой материал «Интернационализм или русификация?» с начала и до конца является пасквилем на советскую действительность, на национальную политику КПСС и практику коммунистического строительства СССР»²⁵.

Чем же, прежде всего, не понравилось исследование Дзюбы авторам заключения? Аргументы максимально конкретны: «Дзюба пытается доказать, будто украинский народ под влиянием русификаторской политики КПСС утрачивает свои черты как нации (стр. 31), всячески навязывает читателю мысль о национальном кризисе на Украине (стр. 32), обвиняет партию в том, что проведена «беспощадная ревизия ленинской национальной политики», «взяли верх антиленинские, антikоммунистические тенденции в национальном вопросе» (стр. 62), что практика в национальном вопросе «далеко не всегда» отвечает теории (стр. 47). Приписывая партии несуществующие формы и методы разрешения национального вопроса, он утверждает, что решение национального вопроса в СССР на современном этапе по сути «льет воду на мельницу наших врагов» (стр. 47).

Такой подход является поклоном на нашу партийную и государственную политику в национальном вопросе, направленным на то, чтобы вызвать недовольство и недоверие к партии и правительству, посеять сомнения в их способности правильно решить национальный вопрос»²⁶.

Авторы заключения также утверждали, что Дзюба стоит «по сути на враждебных, антисоветских позициях», прибегает «к шарлатанским приемам использования высказываний классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу, искажению и извращению их произведений, подтасовыванию партийных документов»²⁷.

Что же, с «Интернационализмом...» как будто бы все было ясным. Теперь преемники «железного Феликса» начали делать его олицетворением той самой государственной опасности, о которой уже шла речь, целого «национал-коммунистического» направления. 22 февраля 1972 г. было принято постановление ЦК КПУ «О заключении по письму И. Дзюбы и приложенный к нему материал, присланный в ЦК КП Украины

ны». В основу решения лег вывод комиссии, которая была создана в ЦК КПСС и которая констатировала «явно выраженный антисоветский, антикоммунистический характер» произведения Дзюбы. Однако обратим особое внимание на последний пункт постановления: «(Протокольно) Комитету государственной безопасности при Совете Министров УССР (т. Федорчуку) усилить оперативную работу по выявлению, пресечению деятельности и привлечению к ответственности авторов материалов антисоветского и националистического характера («Программа украинской национальной коммунистической партии», «Украинский вестник» и др.) и лиц, распространяющих и пропагандирующих эти материалы»²⁸.

И Ивана Михайловича начали превращать в теоретика «Укоммунистов», то есть «Украинской национальной коммунистической партии». А это уже означало совсем иную статью и совсем иные последствия для него. Была проведена подробная лексико-стилистическая экспертиза «Интернационализма...» и некоторых других работ Дзюбы и документа под названием «Программа укоммунистов». Этот документ объемом 69 машинописных страниц был изъят во время обыска 12 января 1972 г. у Евгения Сверстюка. В состав комиссии вошли специалисты из Киевского педагогического института имени Горького, Института языкоznания АН УССР. Комиссия установила, что автором «Программы укоммунистов» являлся Дзюба²⁹.

Дзюба понимал, что решается его судьба, и он должен бороться. Он опротестовал выводы комиссии, которая, с его точки зрения, в частности, не приняла во внимание «не одинаковой, а во многих моментах прямо противоположной идеейной направленности «Программы...» и моих документов, в частности, «Интернационализма или русификации?», хотя эта разница отражалась во всей лексико-фразеологической ткани сравниваемых произведений»³⁰. Сверх того, на 312(!) листах Иван Михайлович сделал собственные заметки, чтобы засвидетельствовать предвзятость экспертизы.

И чекистам пришлось назначить повторную экспертизу. За это взялись два специалиста: А. Ковтуненко с А. Неподкупным из Института языкоznания АН УССР. И эта экспертиза сделала вывод, что Дзюба «не является автором анонимной «Программы укоммунистов»³¹.

Итак, эту смертельную атаку против себя Дзюба отбил, но время пребывания во внутренней тюрьме КГБ сделало свое дело: 10 января 1973 г. на допросе, проведенном старшим следователем, майором Н. Кольчиком (он был одним из тех, кто постоянно «работал» с Иваном Михайловичем) и помощником прокурора УССР Макаренко Дзюба частично признал

себя виновным в предъявленном обвинении. И в центре его признания оказалась как раз работа «Интернационализм...»

Вот что зафиксировано в протоколе: «...Признаю себя виновным в том, что действительно в сентябре—декабре 1965 года я написал документ под названием «Интернационализм или русификация?», в котором односторонне, искаженно показал советскую действительность и национальную политику КПСС, тенденциозно осветил положение экономики Украины и отношения ее в Союзе ССР, дана неправильная, тенденциозная квалификация распространению русского языка как насильственной русификации, допущены разные безосновательные и острые нападки на политику КПСС в национальном вопросе, особенно в области просвещения, культуры, языка и т. д.

Объективно это сочинение приобрело антисоветское значение и используется в антисоветской пропаганде»³².

Дзюба, наконец, произнес то, что от него хотели услышать, хотя и в добавлениях к своим показаниям (дописанных его собственной рукой) он настаивал, что такой характер его работы «был обусловлен моей тогдашней политической незрелостью и безответственностью, ошибочным пониманием национального вопроса и поверхностным знакомством с ним, — но не намерением подорвать или ослабить советский социалистический строй: такого намерения я никогда не имел»³³.

Однако и после этого майор Кольчик продолжал «контент-анализ» работы Дзюбы, подводя к признанию того, что его целью были «подрыв и ослабление» советской власти³⁴.

12 января 1973 г. Дзюбу оповестили об окончании следствия. 18 января он был ознакомлен со всеми материалами своего дела. Он лично прочитал все материалы в кабинете следователя и заявил, что никаких ходатайств о дополнительном следствии не имеет. Собственно, в этот самый день дело было закрыто и было вынесено обвинительное заключение. Этот довольно объемный документ подписал Н. Кольчик, а согласован он был с начальником следственного отдела КГБ при СМ УССР Туркиным и главою КГБ при СМ УССР В.В. Федорчуком. Дело и заключение отослали прокурору УССР, а из прокуратуры они пошли в Киевский областной суд. 12—16 марта 1973 г. состоялось судебное заседание, на котором было рассмотрено дело Дзюбы по обвинению его по статье 62 части 1 УК УССР. Ивана Михайловича осудили на 5 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии, да еще взяли с него 300 рублей судебных затрат «в доход государства».

После этого, 27 марта 1973 г., Дзюба подал в Верховный Суд УССР кассационную жалобу, настаивая на том, что он не имел целью ослабление и подрыв советской власти: «На самом деле я такой цели не имел и не мог иметь, и суд, на мой взгляд, ее не доказал»³⁵. Дзюба просил пересмотреть квалификацию дела или уменьшить меру наказания. 26 апреля 1973 г. судебная коллегия по криминальным делам Верховного Суда УССР рассмотрела жалобу и не удовлетворила ее.

Дзюбу осудили, но из Киева, с Владимирской, 33, вывозить не спешили. Организаторам его преследования не удалось сделать из него автора программы несуществующей «Украинской национальной коммунистической партии», но теперь они снова добивались его раскаяния. Добивались — не значит, прямолинейно давили. У Дзюбы был «добрый» следователь (его роль играл упомянутый Н. Кольчик), а был еще «злой» (его имя не упоминаем). Кроме того, был и еще один фактор. Заключенный в полную изоляцию во внутренней тюрьме КГБ, больной и истощенный Дзюба, как отметили организаторы его дела, сам переживал сложные чувства, многое переоценивая, эволюционируя.

В одном из 18-ти томов дела Дзюбы я нашел рукописный документ, который в значительной степени поясняет психологическое состояние его автора. Тут не место подробно анализировать весь текст. Коротко говоря, Дзюба обосновал необходимость «преодоления своих ошибок, разрыва со своим прошлым — многолетним уходом в общественное и творческое небытие». Более того, речь шла о том, чтобы опровергнуть «Интернационализм...» В конце рукописи есть план будущей публикации из 5-ти разделов. Необходимость такого «опровержения» бывшей собственной позиции обосновывалась так: «Это необходимо и мне самому — для того, чтобы оголить корни своих ошибок, ... чтобы духовно оздоровиться и вдохнуть новый воздух. Это необходимо и для того, чтобы предостеречь других людей от таких ошибок, особенно тех, кто сбился под влиянием «Интернационализма или русификации?» — их я прошу с доверием отнестись к моей самокритике...» Дзюба объявил: «Я уверен, что пройдет лишь несколько лет, и мое имя будет ассоциироваться не с «Интернационализмом или русификацией?», а с новыми литературными произведениями».

Тут снова надо сказать о наивности. Все эти предположения Дзюбы опровергнуть самого себя напоминали, скажем, то, как Николай Хвылевой критиковал «хвылевизм» или как водворенные на скамью подсудимых, пламенные в прошлом адепты троцкизма, не менее пассионарно

критиковали троцкізм. Систему Дзюба не обманул. Ему не разрешили написать «опровержение» самого себя.

Он написал работу «Границы кристалла», которая была издана на английском, украинском и русском языках и которую по указанию из Москвы широко распространяли за границей. В ней, как отмечалось в одном из закрытых партийных документов, «с марксистско-ленинских позиций оцениваются развитие и расцвет украинской советской культуры, ее взаимодействие с другими братскими советскими культурами...» Далее цитировать нет необходимости — вы поняли, о чем идет речь.

В 1973 г. Дзюбу помиловали, что до сих пор вызывает дискуссии. Говорят, не «оправдал надежду», «сломался» и т. п. Я убежден, что это не тот дискурс, в котором следует вести разговор. Безусловно, Дзюба — не Стус, и не Черновол. Последний, кстати, сказал как-то, что произведения Дзюбы представляют «филологический национализм», а не национализм как таковой. Знаю, что Ивану Михайловичу не совсем соответствует такое определение, но что-то в этом есть.

Но как бы там ни было, сейчас, с высоты прошедших 40 лет, есть основание утверждать: за эти десятилетия Дзюбе не удалось «расстаться со своим прошлым», а его имя навсегда ассоциируется с памфлетом «Интернационализм или русификация?»...

П р и м е ч а н и я

¹ Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація? К., 1998. С. 26.

² Государственный архив Службы безопасности Украины (далее ГА СБУ). Киев. Д. 69260 ФП. Т. 1. Л. 204.

³ Там же. Л. 205.

⁴ Там же. Л. 206.

⁵ Там же. Л. 207.

⁶ Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація?.. С. 37.

⁷ Письмо И.В.Сталина В.И.Ленину. 22 сентября 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198—199.

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же.

¹⁰ Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація?.. С. 187.

¹¹ Насправді було так. Інтерв'ю Юрія Зайцева з Іваном Дзюбою. Львів, 2001. С. 67.

¹² Там же.

¹³ ГА СБУ. Киев. Д. 69260 ФП. Т. 7. Л. 106, 106 об.

¹⁴ Там же. Т. 18. Л. 34.

¹⁵ Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація?.. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 102.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 202, 203.

²¹ ГА СБУ. Киев. Д. 69260 ФП. Т. 14. Л. 254 об.

²² Там же. Т. 1. Л. 140.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 104.

²⁶ Там же. Л. 105.

²⁷ Там же. Л. 110.

²⁸ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 16. Д. 161. Л. 39—40.

²⁹ ГА СБУ. Киев. Д. 69260 ФП. Т. 9. Л. 248.

³⁰ Там же. Т. 10. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 305.

³² Там же. Т. 2. Л. 432-433.

³³ Там же. Л. 462.

³⁴ Там же. Л. 471.

³⁵ Там же. Т. 18. Л. 300.

О. Б. Неменский

Проблемы исторической номинации Западной Руси

Каждый раз, при написании текста или чтении доклада, российский специалист по истории земель современных Украины и Белоруссии испытывает массу проблем с тем, «как же все это назвать, чтобы и историю не перевратить, и никого при этом не обидеть». Не имея возможности принять ответы на этот вопрос современной украинской историографии (которая чаще всего требует от самого историка изменить свою самоидентификацию), российские историки до сих пор не выработали собственного языка описания. Думается всё же, что долго такое положение тянуться тоже не может.

Язык описания исторических реалий Западной Руси, которым оперирует современная российская украинистика, сформирован в советские годы и прямо обусловлен принципами национальной политики, разработанными Лениным и Сталиным, в том числе известной доктриной «сдерживания старшего брата». Сложившаяся за эти десятилетия традиция принципиально отличается от мейнстрима русской дореволюционной историографии, развивая, скорее, принципы, разработанные ранней украинофильской школой конца XIX — первой трети XX вв. Однако и последнее можно утверждать только говоря об усечённых их формах. Если для русской школы было свойственно утверждение о «русских», состоящих из «малороссов, белорусов и великороссов», то советская традиция, восприняв свойственное украинской школе переведение акцента на нижний троистственный уровень и отрицание общего названия для восточных славян уже с XIV в., тем не менее, сохранила русский этноним конкретно для одного из «восточнославянских народов» — старых «великороссов». Последнее ломало схему украинской школы, отрицающую существование чего-либо русского в XX в. (да и значительно раньше), сохраняя, вместе с тем, как бы отголосок отвергнутой старой общерусской школы.

Много раз декларированный отказ от советских идеологических догм в историографии 1990-х гг. фактически не затронул вопросов этнономинации истории земель Руси. Подавляющее большинство российских

историков следует прежней схеме, есть, однако, и попытки вернуться к схеме общерусской. Вяло идущих спорах на эту тему основным и наиболее часто повторяемым аргументом первых является недопустимость словоупотребления, которое может затронуть чувства национальной гордости украинских коллег.

Проблема состоит в том, что как советская схема, так и общерусская, к настоящему времени уже вошли в ощутимое противоречие с современной украинской историографией и национальной идеологией. Противоречий, главным образом, два. Это, во-первых, тезис о существовании в прошлом единого древнерусского этноса, который впоследствии претерпел распад. Во-вторых, признание русского имени именно за великороссами. Оба этих положения украинской официальной историографией отрицаются. Не было единого древнерусского этноса, и последнее время для доказательства этого активно привлекаются археологические и филологические источники. Нет и никакого «русского» народа, есть «россияне», присвоившие себе имя древних украинцев. Таким образом, попытка обоснования советской традиции от политкорректности проваливается.

Не значительно улучшает ситуацию и возвращение к дореволюционной общерусской схеме, в рамках которой не укладываются события XX в. и современности, когда мы видим несомненное существование украинского народа со своим особым нерусским самосознанием и украинской идентичностью. Не спасает положение и активное употребление слова «восточнославянский». Во-первых, современная украинская историография всё более отходит от представления об этнической общности восточных славян, просматривая огромные различия в бытовой культуре у предков россиян, украинцев и белорусов еще в археологических культурах I тысячелетия и устанавливая связь между этими культурами и возникшими потом этносами¹. В некоторых работах историки само обозначение «восточных славян» оставляют вообще только для россиян, составляя для древних украинцев и белорусов иные обозначения («юго-западные», «северные» и т. д.). Кроме того, употребление слова «восточнославянский» применительно к населению земель Руси в эпоху после Владимира Святого представляется странной с точки зрения еще одного участника рассматриваемого историко-номинологического спора — польской историографии. Я, например, имел довольно продолжительный спор на эту тему с известным польским историком проф. Войцехом Кригзайзеном, который довольно резко осудил попытку обозначить православное и униатское население Речи Посполитой в XVII в. как «восточ-

нославянское». Проблема тут даже не только в поляках — понятие о «восточнославянском» воспринимается как относящееся к догосударственной стадии развития и на Западе. Впрочем, польский вариант решения проблемы, то есть обозначение этого населения «ruskim», но в принципиальном отличии от «rosjan»—московитов, вряд ли может быть воспринят российской историографией, так как опять же отрицает русское происхождение государствообразующего народа РФ, да еще и ограничивает сферу применения этонима «русский» только предками украинцев и белорусов.

Несомненно, что проблема нахождения адекватного истории языка будет становиться все актуальнее и настоятельнее. Ради того, чтобы спор на эту тему перекинулся из частных разговоров на страницы печатных текстов, я попробую представить здесь один из взглядов на этот вопрос и надеюсь на начало открытой дискуссии. Представляется, что по ходу попыток найти собственно российский историографический язык этонимов прошлого следует исходить не из соображений политкорректности — ее вариантов довольно много, и в результате все сводится лишь к выбору политической лояльности историка (российской, украинской, польской или, допустим, литовской). В то же время, несомненно, что стремление не задевать национальные чувства наших коллег из ближнего зарубежья так же заслуживает уважения.

Стоит обратить внимание на тот факт, что современная этнология (я имею в виду послевоенный период ее развития) как на Западе, так и в нашей стране, пришла к выводам, которые могли бы значительно облегчить наши поиски адекватного языка описания. Здесь для нас актуален в первую очередь тезис, согласно которому в констатации наличия той или иной этничности важнейшим фактором признается наличие самосознания, закрепленного в самоназвании (этониме). Хочу заметить, что этот тезис является важнейшим не только для западной этнологической мысли, в которой явно преобладает конструктивистская школа, но к нему пришла и отечественная примордиалистская этнология ещё в советское время. Вот, например, ведущий отечественный этнолог Ю. В. Бромлей в своей книге, изданной в 1983 г., определяя этнос через «общие относительно стабильные особенности языка и культуры», главным в его определении считает признак устойчивости этонима, а абсолютно необходимым этническим признаком признаёт этническое самосознание, выраженное в самоназвании². Возможно, если встать на позиции такого подхода и констатировать ту или иную этничность насе-

ления земель Руси в ту или иную эпоху исходя из употреблявшихся этим населением самоназваний, а не исходя из часто меняющихся систем политкорректности современного нам времени, мы и получим желаемый нам независимый от политики и политиканства язык номинаций, имеющий прочные научные критерии обоснования в нашей источниковой базе.

Какие тогда перед нами встают проблемы?

Во-первых, это подчас сильное несоответствие имен больших социальных групп прошлого с употреблением и восприятием этих же имен в наши дни. Не вызывает сомнения повсеместное господство русского самосознания в культурных центрах восточных славян начиная по крайней мере с конца XIII в.³ Однако, если мы примем тезис, что говорить о русских в прошлых столетиях можно только тогда, когда называвшие себя так подразумевали под этим самоназванием то же, что и мы сейчас — нам придётся начинать историю современного русского народа даже не с XIX-го, а, наверное, со второй половины XX в.

То, что этническая самоидентификация в разных столетиях имела разные свойства и разную смысловую нагрузку — вряд ли повод, чтобы заниматься переименованием всех тех, кто осознавал себя тогда сохранившимся по сей день этнонимами, или же выявлением цепочек различных «русских народов», существовавших в разные эпохи. Представление о том, что значит «я русский», может меняться и у одного человека на протяжении его жизни, причем во многом эти изменения будут культурно и социально обусловлены. Так же вряд ли аргументом в пользу таких переименований могут быть пространственные различия в понимании собственной этническости. Это порождает совершенно бессмысленные споры о том, кто был «настоящим русским» в каком-нибудь XV столетии — жители Львова, Киева, Полоцка или Москвы. Хотя, конечно, нам должно быть важно различение этнонимов и, например, политонимов, ведь если этот житель Львова называл себя «русским» только потому, что являлся жителем Русского воеводства — вряд ли такую самоидентификацию можно признать этнической. Так же вряд ли осмысленно выделять различные русские (или какие-либо еще) народы по социальному признаку: ясно, что крестьянин, называя себя «русским», мог подразумевать под этим не совсем то, что придворный великого князя. Популярная у советских историков концепция «двух культур» — элитной и народной — в данном случае может привести к весьма странным результатам.

Все подобные споры — кого называть «русским» в XVII в. — считавшего себя таковым киевлянина или новгородца, или тогда уже не было

«русских» вообще — имеют явную модернизационную основу и связаны со стремлением «национализировать» прошлое. Отсюда же и стремление отказаться от фактора самоидентификации вообще, выделяя «объективно сформировавшиеся этносы». Самосознание тогда предстает чем-то дополнительным и необязательным. В украинской историографии на этой основе возникла теория «дремлющего украинского самосознания», когда русская самоидентификация прежних жителей территории Украины объясняется просто тем, что украинское самосознание еще «не проснулось». Такая формулировка попала даже в наиболее официальную версию украинской истории, представленную в книге тогда еще президента Украины Л. Кучмы «Украина — не Россия»: «Украинцы, о которых я говорю, не были отступниками, не будем обвинять их напрасно. Они считали себя русскими из Малороссии. В их время украинское сознание еще не пробудилось настолько, чтобы они подчеркнуто считали себя украинцами в России»⁴. Однако и путь выявления «объективных» характеристик этноса на деле оказывается еще более спорным и проблематичным, чем ориентация на самоопределения, приводя к множеству вариантов выделения и различия «объективных характеристик». Многие из них носят почти расистский характер.

Главной причиной подобных проблем представляется свойственные нашему еще во многом нововременному сознанию националистические структуры мысли. У нас есть подсознательная потребность видеть современные народы если не в каменном веке, то, по крайней мере, уже в средних веках — это служит важным психологическим дополнением к нашему национальному самосознанию. Но, опять же, стоит ли этой «национализацией прошлого» заниматься профессиональному историку?

Думается, что споры о том, кем были люди с русской самоидентификацией в прошлых веках, вообще можно оставить в стороне от затронутой нами проблемы. Вопрос о том, как их называть — это не вопрос о том, кем они были «на самом деле». Были ли киевлянин и москвич, считавшие себя «русскими» в том или ином веке, представителями одного народа, или же разных, лишь совпадая в самоидентификации, — тема иных дискуссий. Речь идет о языке описания. Называя русскими всех, кто называл сам себя так, мы не теряем возможности постановки вопроса «а были ли эти русские одним народом или нет?». Однако мы и не грешим против факта общей русской этничности (этно-самоидентификации). Она действительно была общая, и не по звуанию, а по происхождению — с этим никто из профессиональных историков особенно и не спорит.

Говоря о языке историописания, очень важно различать два вида терминов: исторические и историографические. Исторические — которые мы берем из текстов наших источников и надеемся, что употребляем их примерно в том же значении. Историографические — специально изобретаемые нами и вводимые в исторические тексты как уже результат нашей осмысленной интерпретации прошлого. Важно, чтобы эти термины соотносились обусловлено.

Современная украинская историография употребляет слово «украинцы» для обозначения современных и живших в ХХ в. людей с определенной украинской идентичностью (термин исторический), и, одновременно, для наименования людей прошлого, украинского самосознания не имевших, но являющихся, на взгляд таких историков, все же украинцами (термин историографический). Наличие одновременно одинаково звучащих исторического и историографического термина «украинцы» создает, особенно у неподготовленного читателя, ощущение тождественности. К тому же, слишком уж зыбка граница между двумя терминами и границы употребления второго очень спорны. По сути, такая ситуация просто смешивает два различных по типу понятия по принципу созвучия, что можно признать просто историографической ошибкой, если бы не ее политическая основа. Термины историографические просто не должны повторять реально существовавшие (или существующие) имена и понятия прошлого, так как не гарантируют понимания читателем их различного характера и — фактически — фальсифицируют историю.

Потребность различения русских, живших в Западной Руси, и русских, живших в Руси Восточной, несомненно, есть. Но так как сама историческая ткань не дает нам материала для их различения, стоило бы ввести его на уровне понятий, имеющих откровенно историографическое происхождение. Например, почему бы не употреблять для их различия слова «западные» и «восточные»? Ведь такое различие проводилось в русской досоветской историографии. Как различаются в историографии остготы и вестготы, несмотря на то, что и бытовая, и духовная культура, и ареалы расселения, как и, наверное, историческая память у этих народов со временем стала сильно разниться. Вряд ли осмысленные споры, кто из них был «настоящими готами», и такое словоупотребление вряд ли кого из историков или читателей их текстов может натолкнуть на мысль, что сами готы той эпохи осознавали себя «восточными» или «западными». Равно как и споры, кто из русских XVI в. был «настоящим», а кого надо называть как-то иначе.

Среди различных иных предложений наиболее часто встречается употребление относительно западнорусского населения имени «руський» в украинском написании. Основано оно на идеях венских историков конца XIX — начала XX вв. различать галичан и русских, живущих в Российской империи, с помощью различного количества букв «с». Однако такие предложения могли иметь место в период выработки литературных норм языка, но вряд ли могут быть приняты в наши дни. Грамматика русского языка просто не позволяет образовать от слова «Русь» форму прилагательного с одним «с» (второе «с» неминуемо появится в суффиксе). Не утвердилась эта традиция и в украинском языке — здесь фонетическая грамматика не позволяет образовать форму уже с двумя «с».

Не менее странным представляется и проект наименования западнорусского населения «рутенами». Во-первых, если мы решаем употреблять чисто историографический термин «рутены» к жителям Западной Руси, на каких основаниях, кроме политических, мы оставляем историческое имя жителям Руси Восточной? Если же полностью отойти от «русского» имени в описании прошлого, и обозначать одних — латиноязычным «рутены», а других — грекоязычным «россы» (уж, наверное, не «россияне»); то такую границу разумнее проводить между русскими, ориентированными на греческую культуру, и русскими, ориентированными на латинство (то есть, по сути, между православными и униатами), что опять же создает ложное впечатление об их различной этничности⁵.

Ориентация на этнические самоназвания с четким различением между вводимыми историографическими понятиями и собственно историческими мне представляется наиболее разумным выходом из имеющейся проблемы. Впрочем, я отнюдь не ожидаю скорого принятия всеми такого подхода. Задача настоящей статьи — пробить стенку ложного политкорректного молчания и вывести дискуссию на эту тему из сферы частных бесед в открытый диспут. По прошествии 15 лет после распада СССР становится все более ясным, что сохранение в российской историографии весьма неопределенного положения шаткой политкорректности в этом вопросе является тупиковым путем. Тем более, что политкорректность истории всегда будет зависеть от очередных кульбитов официальной идеологии, по крайней мере, России, Украины и Белоруссии, а также от потенциальных дальнейших изменений на нашей политической карте. Ныне мы имеем реальную возможность свободной профессиональной дискуссии, а формирование российской исторической школы изучения Западной Руси — дело довольно близкого будущего. Но начало ее форми-

рования — выработка собственного языка. Он может быть принят «по указке сверху», а может — в результате продолжительной и открытой дискуссии в профессиональном сообществе. Давайте выберем второе.

П р и м е ч а н и я

¹ См., например, схему, представленную в школьном учебнике: Исторія України / Під ред. акад. В. А. Смолія. Київ, 2002. С. 23.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 45—49, 57.

³ См., например, обзорные статьи на эту тему: Б. Н. Флори: Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995; Он же. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — Раннего Нового времени // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

⁴ Кучма Л. Украина — не Россия. М., 2003. С.159.

⁵ См. об этом, напр.: Неменский О. Б. «Русская» идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемической литературы) // Этно-конфессиональные конфликты и протонациональные дискурсы во Франции и Восточной Европе в позднее средневековье и раннее новое время. М., 2007.

Авторы сборника

Бевз Татьяна Анатольевна, д. и. н., Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Борисенок Елена Юрьевна, к. и. н., Институт славяноведения РАН

Гладысь Юстина, Институт славяноведения РАН

Горелов Николай Евгеньевич, к. и. н., Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Дмитриев Михаил Владимирович, д. и. н., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Клюпова Мария Эдуардовна, Институт славяноведения РАН

Ковалев Виталий Николаевич, к. и. н., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Кривошея Владимир Владимирович, д. и. н., Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Левкиевская Елена Евгеньевна, д. ф. н., Институт славяноведения РАН

Лескичен Мария Войттовна, к. и. н., Институт славяноведения РАН

Лукашова Светлана Станиславовна, к. и. н., Институт славяноведения РАН

Мироненко Виктор Иванович, к. и. н., Институт Европы РАН

Михальченко Николай Иванович, чл.-корр. НАНУ, д. ф. н., профессор, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Моця Александр Петрович, д. и. н., профессор, чл.-корр. НАНУ, Институт археологии НАНУ

Неменский Олег Борисович, Институт славяноведения РАН

Рафальский Олег Алексеевич, д. и. н., профессор, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Резник Виктор Витальевич, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Рудяков Павел Николаевич, д. ф. н., профессор, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

Солдатенко Валерий Федорович, д. и. н., профессор, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Хорев Виктор Александрович, д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Хорошкевич Анна Леонидовна, д. и. н., Институт славяноведения РАН

Шаповал Юрий Иванович, д. и. н., профессор, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса

Оглавление

От редактора	3
Формирование этнических и национальных представлений и этнонациональной идентичности в русских и украинских землях в IX—XVIII веках	
Н. И. Михальченко	
Киевская Русь и посткиевские славянские государства: былое и настоящее	7
О. Б. Неменский	
Восприятие Московского государства и его жителей на Западной Руси в конце XVI — первой половине XVII века (по материалам православно-униатской полемической литературы)	12
В. В. Кривошея	
Взгляды казацкой старшины на «московитов»: дифференциация, эволюция	28
С. С. Лукашова	
Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII века	37
Русско-украинские отношения в XIX — начале XX веков	
В. Д. Яремчук	
Украинский вопрос в контексте исторической судьбы Российской империи (взгляд с украинской стороны)	55
М. В. Лескинен	
Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX века. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа	67
Т. А. Бевз	
Традиции народнического движения и его влияния на формирование неонароднических политических партий	95

М. Э. Клопова	
Украинское движение в Австро-Венгрии глазами российских наблюдателей.....	108
П. Н. Рудяков	
«Австрийский» украинец Ф. Василевский о прошлом и настоящем Сербии, Турции, России, Украины.....	123
В. Ф. Солдатенко	
В поисках «нового Переяслава»: попытки разрешить старые проблемы в революционную эпоху (1917—1920 годы).....	134
Е. Е. Левкиевская	
Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании.....	154
Эволюция этнокультурных и языковых стереотипов в русском и украинском обществе в XX веке	
А. Л. Хорошкевич	
Г. П. Федотов об украинской культуре и ее роли для России	179
Ю. Гладысь	
Образ украинца и русского в избранных текстах польской литературы о «кресах» (20-е годы XX — начала XXI века).....	201
Е. Ю. Борисенок	
Николай Хвылевой (1893—1933)	215
В. А. Хорев	
Польские писатели в украинском Львове (осень 1939 — лето 1941 года) ..	239
В. Н. Ковалев	
«Огненное лицо» Украины и «запах русской земли». Общерусские и украинские акценты в советской пропаганде периода отечественной войны	252
В. И. Мироненко	
Образ России в российско-украинских межгосударственных отношениях..	279
Украина и Россия: общее и особенности цивилизационных процессов в исторической ретроспективе	
А. П. Моця	
«Русь»—«путешествие» названия в послемонгольский период.....	299

М. В. Дмитриев	
От Брестской унии к Переяславской раде: религиозные факторы сближения Украины и России в начале XVII века	308
М. Э. Клопова	
Украинское национальное движение: галицкий опыт.....	322
О. А. Рафальский	
Украина в составе Российской империи в начале XX века.....	339
Е. Ю. Борисенок	
Большевистская украинизация 1920–1930-х годов и ее место в социалистическом национальном строительстве	345
Н. Е. Горелов	
Украинская и российская цивилизации: противоборство или взаимодействие?	354
В. В. Резник	
Плюсы и минусы украинской идеи В. Липинского	366
Ю. И. Шаповал	
Иван Дзюба: интернационализм или русификация? (К истории вопроса)	372
О. Б. Неменский	
Проблемы исторической номинации Западной Руси.....	387
Авторы сборника.....	395

Научное издание

**Украина и украинцы:
образы, представления. стереотипы.**

**Русские и украинцы
во взаимном общении и восприятии**

Сборник статей

Редакционная коллегия:

**Е. Ю. Борисенок,
С. С. Лукашова**

**Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН**

**Подписано в печать 09.09.2008. Печ. л. 25,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.**

УКРАИНА И УКРАИНЦЫ: ОБРАЗЫ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, СТЕРЕОТИПЫ